

Министерство образования и науки РФ
Алтайский государственный университет

СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, ТВОРЧЕСТВО

СБОРНИК СТАТЕЙ

Выпуск 6

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2014

УДК 316 (082)
ББК 60.5я43
С 693

Рецензент:

кафедра общей социологии
Алтайского государственного университета

Ответственные редакторы:

профессор, декан факультета социологии *О. Н. Колесникова*;
профессор, зав. кафедрой общей социологии *Е. А. Попов*

С 693 **Социология в современном мире: наука, образование, творчество** [Текст] : сборник статей. — Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. — 462 с.

Рассматриваются материалы по широкому кругу социальных проблем, исследуемых авторами сквозь призму современного социологического знания и на уровне междисциплинарных научных связей социологии с философией, историей, антропологией, психологией и другими теоретическими и прикладными сферами. Особое внимание уделяется потенциалу социологической науки в развитии социально мыслящего человека, проблемам социологического образования и другим актуальным вопросам.

Издание предназначено для широкого круга специалистов в области социогуманитарного знания — ученых, педагогов, аспирантов и студентов.

УДК 316 (082)
ББК 60.5я43

© Оформление. Издательство
Алтайского государственного
университета, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ПОТЕНЦИАЛ СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНО МЫСЛЯЩЕГО ЧЕЛОВЕКА

<i>Коростелева О. Т.</i> Возможности современной социологии в изучении человека	10
<i>Сытых О. Л.</i> Размышление о генезисе человеческого познания	13
<i>Колесникова О. Н., Чуканова Т. В.</i> Социальное самочувствие, благополучие и безопасность человека: основные элементы взаимодействия.....	20
<i>Попов Е. А.</i> Культуроцентричный подход в современных исследованиях Основного закона государства.....	26
<i>Гиенко Л. Н.</i> Развитие гражданственности в процессе формирования социальной компетентности личности	36
<i>Сагитова Л. В.</i> Социология в исследовании культур: перспективы междисциплинарного подхода	40
<i>Чугуенко В. М., Михайлова В. Л.</i> Потенциал социологии в развитии правосознания студентов на Украине	45
<i>Воронина С. А.</i> Личность в информационном обществе	49
<i>Циркунова Ю. П.</i> К проблеме понимания профессии социолога и социологии в Сибири	56
<i>Кинелев С. В.</i> Протосоциология О. Конта: дерзкая оценка Д. И. Писарева	57
<i>Нагайцев В. В.</i> Феномен негативной мобилизации.....	60
<i>Оболянский Г. В.</i> Отношение к прошлому и настоящему в массовом сознании россиян.....	66
<i>Дирин Д. А., Гончарова Н. П.</i> Роль социологии в изучении этнокультурных ландшафтов	74
<i>Воронина С. А.</i> Информационно-коммуникативные технологии как новая парадигма социологического образования: постановка проблемы.....	79
<i>Шихова О. Н.</i> Исследовательский потенциал учебной дисциплины «Социология»	83
<i>Пустовалова Е. В.</i> Реализация методов контекстного обучения в компетентностной образовательной парадигме.....	88

<i>Абашина А. Д.</i> От теории социологии к пониманию «инвалидности»..94	
<i>Ноянзина О. Е.</i> Социальная безопасность приграничных регионов России: оценка социальной роли дифференцированных по возрасту групп населения в стареющем обществе98	98
<i>Замятина О. Н.</i> Теоретические аспекты определения эффективности рекламы 103	103
<i>Калинина Ю. А.</i> Социальное облуживание как явление общественной жизни 107	107
<i>Калуцкий А. А.</i> Социокультурный анализ мировоззренческих оснований традиционной культуры Индии..... 114	114
<i>Махныткина О. В.</i> Моделирование индивидуальной траектории обучения студента 119	119
<i>Омельченко Д. А., Ноянзина О. Е.</i> Прокреативные установки населения в структуре социальной безопасности региональных социумов 123	123

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ СОВРЕМЕННОГО БЫТИЯ

<i>Колесникова О. Н.</i> Некоторые результаты и перспективы исследования социального самочувствия населения Алтайского края..... 130	130
<i>Попов Е. А.</i> Культуроцентричность как фактор преодоления «матричности» современного права 136	136
<i>Воронина С. А.</i> Межцивилизационный подход как перспектива анализа системно-структурной организации информационного общества 147	147
<i>Нагайцев В. В.</i> Основные элементы социального конфликта..... 156	156
<i>Миронова С. В.</i> Самостоятельная работа студентов как фактор реализации компетентностного подхода (на примере освоения курса «Демография» студентами факультета социологии) 160	160
<i>Чуканова Т. В.</i> Профилактика социального неадаптированного поведения как условие оптимального социального самочувствия подростков 163	163
<i>Артюхина В. А.</i> Основные источники социальной напряженности в Алтайском крае, отраженные в региональных СМИ 169	169
<i>Сергиенко А. М.</i> Доходы как фактор формирования и преодоления сельской бедности: структурные изменения с начала 2000-х гг.... 172	172

<i>Сиротина Т. В., Чередниченко А. А. Трудоустройство молодежи с инвалидностью в муниципальном социуме: основные механизмы содействия.....</i>	<i>177</i>
<i>Гражданкина О. А., Лыкасова Д. А. Результаты социологического опроса по определению ценностных ориентаций студентов Алтайского государственного университета.....</i>	<i>190</i>
<i>Кайгородов Е. В., Петунина Е. В., Мишина В. Л. Информационная безопасность детей и подростков в Алтайском крае</i>	<i>194</i>
<i>Гончарова Н. П. Отражение миграционной тематики в СМИ в условиях эскалации межэтнических конфликтов.....</i>	<i>197</i>
<i>Добрыднев С. И. Динамика численности возрастных групп населения России за 1990–2010 гг.</i>	<i>202</i>
<i>Абашина А. Д., Зилинских И. А., Юрченко К. Н. Пожилой человек как объект исследований в социологии и социальной работе ..</i>	<i>207</i>
<i>Вараксина Н. В. Социальная адаптация людей пожилого возраста в стареющем обществе</i>	<i>212</i>
<i>Максимова С. Г., Авдеева Г. С. Воспроизводство рискованных форм сексуального поведения в контексте анализа социальной безопасности</i>	<i>220</i>
<i>Чудова С. Г. Проблема насилия над детьми в общественном сознании.....</i>	<i>234</i>
<i>Каргин А. Д. Позитивные и негативные факторы территориальной идентичности молодежи Кольского Севера</i>	<i>236</i>
<i>Пустовалова Е. В. Организация коммуникативного пространства в процессе конфликторазрешения</i>	<i>240</i>
<i>Панченко В. Ю. Конфликтность и случайность как характеристики правовых ситуаций: опыт применения ситуационного подхода к правовой жизни.....</i>	<i>244</i>
<i>Лысикова О. В. Социологическая теория туризма: от социальных практик к концепции мобильностей</i>	<i>249</i>
<i>Стерлядева Н. А. Социально-психологические закономерности употребления наркотиков в подростковом возрасте</i>	<i>254</i>
<i>Антонович И. В. Новые арт-терапевтические техники в социальной работе: фототерапия</i>	<i>258</i>
<i>Меженин Я. Э. Риски дисфункциональности института обращений к органам власти в современной России.....</i>	<i>262</i>

<i>Черепанова М. И.</i> Социологические представления о социальных механизмах суицидального поведения	266
<i>Цылев В. Р., Шарова Е. Н.</i> Отношение молодежи Мурманской области к жизни на Севере (по результатам онлайн опроса)	270
<i>Чудова С. Г.</i> Гейкипинг, или Организация эффективной системы профилактики социального сиротства	275
<i>Дронова Е. Н.</i> Социальная профилактика суицидального поведения несовершеннолетних	281
<i>Рыкова А. В.</i> Информационная открытость как принцип управленческой деятельности некомерческих организаций	286
<i>Мазайлова Т. А.</i> Трудности организации паллиативной помощи в России	291
<i>Стерлядева Н. А.</i> Роль семьи в профилактике наркозависимого поведения подростков	296
<i>Гражданкина О. А., Шапошникова С. В.</i> Жизнь в кредит как причина закредитованности населения России	300
<i>Цылев В. Р.</i> Практики выживания жителей отдаленных поселков Севера в современных условиях (на примере села Краснощелье Мурманской области)	304
<i>Анисимов К. Г., Анисимова Е. А., Турдыев В. А.</i> Прогнозирование развития компьютерной техники на основе законов развития систем	309
<i>Сиротина Т. В., Тавлетчина И. С.</i> Синдром профессионального эмоционального сгорания среди специалистов по социальной работе	314

РАЗДЕЛ III. СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

<i>Руденко О. Ю.</i> Современный социолог: кто он?	324
<i>Намруева Э. В.</i> Коммуникация как средство достижения согласия	325
<i>Ахмедова Н. Г.</i> Роль женщины в современном российском обществе	329
<i>Кабакова Я. С.</i> Социокультурный портрет современного молодежного политического лидера	332

<i>Бобина Г. С.</i> Конституция России как ценность современной российской действительности	336
<i>Иванова О. А.</i> Состояние и динамика профессионально-трудовых характеристик социального положения сельской молодежи Алтайского края с начала 2000-х гг.....	339
<i>Щеглова Д. К.</i> Социальные механизмы формирования гражданского общества в России	343
<i>Семьянов С. А.</i> Формирование патриотизма как приоритетное направление государственной молодежной политики.....	347
<i>Щеголева Н. Е.</i> Сельский туризм как объект социологического анализа	351
<i>Мякиш Е. Г.</i> Представления студенчества о характере межконфессиональных отношений в современной России (на примере г. Барнаула)	354
<i>Рожкова А. И.</i> Правовая культура современной российской молодежи	359
<i>Кушакова Т. С.</i> Социокультурные характеристики многоуровневой системы образования	363
<i>Лопина Ю. А.</i> Репродуктивные установки молодого населения Алтайского края.....	368
<i>Чирченко Я. А.</i> Место социальной работы в системе оказания паллиативной помощи инкурабельным больным	371
<i>Качур А. С.</i> Образование детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями как фактор их социальной интеграции.....	376
<i>Цапенко А. А.</i> Молодежь в современном обществе: ценности и деструктивные установки (на примере исследования в Алтайском крае)	378
<i>Чеховских Ю. И.</i> Проблема формирования и развития предпринимательства на селе	382
<i>Ильиных Е. С.</i> Законодательство Российской Федерации в аспекте противодействия незаконной трудовой миграции	386
<i>Шепелева С. В.</i> Социальное самочувствие: междисциплинарный подход.....	391
<i>Копейкина А. А.</i> Влияние социальных сетей на формирование гражданского общества	395

<i>Жмакина М. О.</i> Социальное иждивенчество как результат политики социального государства современном российском обществе	399
<i>Баранова Е. П.</i> Организация досуга как форма профилактики протестного поведения подростков	403
<i>Антипенко Ю. Н.</i> Новый общеобразовательный государственный стандарт в оценках участников образовательного процесса (на примере Баевского района Алтайского края)	407
<i>Вольшмидт Е. В.</i> Методологические подходы к изучению социально-экономической адаптации мигрантов	409
<i>Панченко К. С.</i> Развитие малого бизнеса в представлениях предпринимателей Барнаула	415
<i>Бандурина К. А.</i> Российский потребитель глазами социолога (по материалам социологического исследования в Барнауле)	418
<i>Артемьева Т. В.</i> Взгляд социологии на дифференциацию наемных работников	420
<i>Брысина О. П.</i> Подростковый суицид в оценках специалистов системы профилактики	424
<i>Цыбизова М. А.</i> Высшее образование людей с ограниченными возможностями как одна из основных проблем современного социума	427
<i>Грошева Д. Н.</i> Оценка эффективности социально значимых проектов некоммерческих организаций	432
<i>Белоус М. П.</i> Социальная поддержка молодой семьи (из опыта проектной деятельности)	435
<i>Москвичева А. А.</i> Социальная поддержка семьи в Алтайском крае: формы и направления (анализ интернет-ресурсов)	439
<i>Милюшина А. А.</i> Функции социологии в современном мире	441
<i>Медведева И. В.</i> Философия социальной работы в практике паллиативного ухода	443
<i>Митькина В. В.</i> Социологические методы в изучении здоровья наемных работников	447
<i>Цапенко А. А.</i> Особенности молодежного рынка труда в Алтайском крае	451

Раздел I

**ПОТЕНЦИАЛ
СОЦИОГУМАНИТАРНОГО
ЗНАНИЯ В РАЗВИТИИ
СОЦИАЛЬНО МЫСЛЯЩЕГО
ЧЕЛОВЕКА**

О. Т. Коростелева (Барнаул)

ВОЗМОЖНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

Человек как универсальное существо неизбежно становится в современной науке объектом не только междисциплинарного, но и межатраслевого исследования, объединяя усилия представителей естественно-научного, социогуманитарного и технического знания. При этом отдельные научные дисциплины все более активно обращаются к проблеме человека, стремясь расширить сферу своих полномочий в его целостном исследовании. Как подчеркивают авторы коллективной монографии, «современный этап истории гуманитарных наук разворачивается под знаком так называемого антропологического поворота, суть которого состоит в том, что во всех гуманитарных исследованиях исходной предпосылкой и горизонтом становится человек как действующий субъект во всей полноте его характеристик» [1, с. 21].

Что же касается социологии, то ее поворот к человеку, казалось бы, не нуждается в дополнительном обосновании. Во-первых, несмотря на то, что термин «социология» переводится как «наука об обществе», возникновение этой науки в 30–40-е гг. XIX в. (в период зарождения в Европе основ гражданского общества) тесно связано с осознанием зависимости не только человека от состояния социальной системы, но и самой этой социальной системы от свободного волеизъявления и деятельности отдельных людей. Во-вторых, особое внимание к человеку демонстрируют современные неклассические и постнеклассические парадигмы, приходящие на смену социологизму XIX в. По словам А. И. Субетто, «центральным звеном в системе тотальной неклассичности выступает новый человекоцентризм бытия, в котором человек начинает нести ответственность за динамику социоприродной гармонии, берет на себя ответственность за управление этой динамикой» [2, с. 177].

Проблема, однако, заключается в том, что человек в социологии традиционно рассматривается преимущественно как *личность* (субъект и объект общественных отношений). В этом, конечно, нет ничего странного или неправильного, но среди элементов в структуре самой личности авторы нередко сосредоточивают внимание на социальных статусах и ролях, которые по праву можно считать «социально социальными» характеристиками человека. Если такая познавательная установка проводится последовательно и абсолютизируется, возникает реальная опасность сведения личности и всего че-

ловека к его абстрактной статусно-ролевой модели, которую Р. Дарендорф обозначил как *Homo sociologicus*: «В обоих понятиях — статуса и роли — избегается регресс к личности в качестве психологической системы. Хотя они и возводимы к личности, они не выходят за рамки социологического анализа, а трактуются как специфические для социологической теории элементарные частицы. Следовательно, все дальнейшие социологические гипотезы будут высказываниями не о лицах, а о статусах и ролях, причем статус постоянно обозначает позицию, а роль — ее эквивалент в поведении личностей. В той мере, в какой в социологическом анализе рассматривается отдельная личность, она постоянно понимается в качестве обладательницы статусов и ролей» [3, с. 316].

Теоретико-методологическая недостаточность данной позиции становится сегодня все более очевидной, все чаще подвергается критике (см., например: [4]).

На наш взгляд, преодоление данной тенденции «социологического редукционизма» предполагает активное и органичное включение в предметное поле социологии человека не только как личности, но и во всех остальных «ипостасях» его бытия: как индивида, индивидуальности и целостного универсального существа. Остановимся на этих возможностях социологической науки более подробно.

Индивид как отдельный, относительно обособленный представитель определенного вида (социальной группы, общности) неизбежно включается в контекст подавляющего большинства конкретных социологических исследований, так как именно к отдельному, эмпирически наблюдаемому респонденту непосредственно апеллирует социолог. Этот очевидный факт дополнительно актуализируется в концепциях социологического номинализма, признающего онтологическую первичность и подлинную реальность единичного бытия. Правда, методология современной социологической науки не принимает позиции крайнего номинализма (который привел бы к абсурдному отрицанию реальности социальных систем), но пристальное внимание к индивидам, из которых, собственно, и состоят социальные общности и социальные группы, выполняет, по выражению Б. Г. Кузнецова, «очень отчетливую гносеологическую функцию: оно защищает конечное, сенсуально постижимое, индивидуальное от поглощения бесконечным абстрактным множеством» [5, с. 105]. Применительно же к описанию результатов социологических исследований это означает выбор таких его форм, которые обеспечивают переход от абстрактно-всеобщего к конкретно-всеобщему знанию, воплощающему в себе «богатство особенного, индивидуального, отдельного» [6, с. 90].

Человека как *индивидуальность*, т.е. совокупность уникальных, неповторимых черт, присущих именно данному конкретному индивиду, делают центром социологического изучения представители «методологического индивидуализма», наиболее радикальным из которых считается Р. Будон. С точки зрения Р. Будона, «для объяснения любого социального феномена — относится ли он к демографии, политической науке, социологии или любой другой социальной науке — необходимо воспроизвести мотивации индивидов, связанные с изучаемым феноменом, и понять этот феномен как результат агрегации индивидуального поведения, определяемого этими мотивациями» (цит. по: [7, с. 172]). Однако пожалуй, еще важнее отметить в этом плане формирование и развитие такой относительно новой отрасли социологической науки, как социология индивидуальности. Социальная актуальность и значимость данной проблематики в современном обществе, на наш взгляд, исключительно велики. Социология может и должна рассматривать сегодня человеческую индивидуальность как важнейшую социальную и личностную ценность. Большой интерес представляют, в частности, социологические исследования условий, факторов и механизмов, способствующих либо препятствующих раскрытию и реализации индивидуальности живущих в обществе людей. Так, в результате детального анализа обнаруживается амбивалентность эффектов социализации, которая может приводить, с одной стороны, к индивидуализации, с другой — к стандартизации и унификации человеческого бытия.

Самое же главное в осуществлении «антропологического поворота» в социологии — постоянно помнить и учитывать, что в обществе живет и действует целостный и универсальный *человек*, которого философы называют микрокосмом и моделью мира, а антропологи характеризуют как космопсихобиосоциальное существо. Механизмы и формы взаимодействия, взаимовлияния и взаимопроникновения этих сторон, аспектов, граней человеческого бытия (социального и биологического, сознательного и бессознательного, рационального и иррационального) в той или иной степени включаются и в контекст общесоциологических концепций, и в предметную сферу целого ряда отраслевых социологий. В качестве примера приведем такие содержательно близкие отрасли социологической науки, как медицинская социология, социология здравоохранения и социология здоровья. При этом, если социология здравоохранения может работать в рамках традиционного институционального подхода, а социология медицины сосредоточивается на анализе определенного вида профессиональной деятельности, то социология здоровья непосредственно изучает характер

влияния социальных условий и факторов, а также личностных установок и ценностных ориентаций на морфофункциональное и психоэмоциональное благополучие человека. С другой стороны, учитывается огромное значение биологических и психологических характеристик человека для его личностной самореализации, достижения им различных социальных статусов и исполнения социальных ролей.

В заключение отметим, что приведенная выше градация форм обращения социологии к изучению человека (как индивида, индивидуальности, личности и целостного существа) является весьма условной; эти аспекты анализа предполагают друг друга и способствуют в своей совокупности превращению современной социологии в науку «с человеческим лицом».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Социальная антропология права современного общества: монография / И. Л. Честнов, Н. В. Разуваев, Л. А. Харитонов, А. Э. Чернооков ; под ред. И. Л. Честнова. СПб., 2006.
2. Субетто А. И. Неклассическая социология: концептуальная новизна, объективная необходимость // Социология на пороге XXI века. М., 1998.
3. Дарендорф Р. Тропы из утопии. М., 2002.
4. Попов Е. А. Человек и его духовная деятельность в центре внимания социологии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 4. Барнаул, 2012.
5. Кузнецов Б. Г. Этюды о меганауке. М., 1982.
6. Ленин В. И. Философские тетради // Полн. собр. соч. Т. 29.
7. Желтов В. В. Структуралистский конструктивизм как важное направление французской социологии // Перспективные направления развития теоретической социологии в России рубежа XX–XXI веков. М. ; Барнаул, 2003.

О. Л. Сытых (Барнаул)

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ГЕНЕЗИСЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

В конце XX — начале XXI в. познание рассматривается в разных аспектах, но все чаще как социокультурный феномен, включающий в себя различные способы постижения мира, человека, бога. Наряду с наукой рассматриваются такие формы познавательной дея-

тельности, как религия, мифология, медиативное, обыденное познание. Подчеркивая равнозначность различных способов познания мира, некоторые философы современного периода развития науки называют временем «постнауки», временем отхода от сциентистских идеалов.

И сегодня, осмысливая историю, по-прежнему часто подчеркивают победоносное шествие науки. При этом отмечают, что в последнее время (в начале XXI в.) научное знание достигло таких огромных успехов, что очень актуальным стал вопрос об «адаптации» этого знания к нуждам практики, обучению, сфере управления. Это одна сторона. Другая сторона развития науки хорошо замечена и отражена теми, кто уже отходит от сциентизма. Так, Д. Хорган на основе анализа последних достижений в различных областях знания показывает, что наука достигла такого уровня развития, что проверка ее наиболее значимых теоретических конструкций становится невозможной [1]. Ученые принимают новые открытия, начинают на них опираться в дальнейших исследованиях, осознавая их вероятностный характер. И это показывает близость науки и других форм познавательной деятельности, опирающихся на веру и различные допущения. А это заставляет обратиться к истокам человеческого познания.

Появление знания относят ко времени возникновения человечества. Известный вопрос — «Что было вначале — слово или дело?» можно конкретизировать — «Знал ли первобытный человек, что он создает, оббивая камень и делая ручное рубило?» Претендовать на однозначность ответа очень сложно. Однако думается, что на ранней стадии формирования человеческого сознания слово и дело были неразделимы. Это значит, создание ручного рубила и понятие о его применении были неразрывны и слиты в памяти руки, державший когда-то такой удобный камень. Из этого следует и то, что первые знания, важные для жизнедеятельности и своего существования, человек получал в обыденной предметно-практической деятельности. Можно представить и вообразить, что орудия ощущались человеком как важные части его тела, которые могут быть изменены или при определенных обстоятельствах отделены от него.

Отметим то, что представления ученых: философов, антропологов, социологов, историков, археологов, психологов по поводу возникновения и развития человека в древности часто не совсем стыкуются между собой. Одни исследователи считают, что на ранней стадии развития человека мы можем говорить только о коллективном, а не индивидуальном сознании, другие подчеркивают слитность человека и природы в представлениях древних. Однако следует при-

знать, что создание любого орудия, самого примитивного, требует отделения себя (человека) от того, что создается.

Особую, весьма значимую роль в развитии общества играло овладение «стихиями», и прежде всего ветром, водой, огнем. Стихии представлялись древнему человеку особыми силами, влияющими на жизнь людей, силами, с которыми человек сосуществует, вместе с которыми живет общество, а может быть, среди которых оно существует. Они могли принести в жизнь людей доброе и злое начало. И именно эта непредсказуемость, долгое время полная непредсказуемость, делает стихии предметом страха и поклонения. Водой и огнем овладели древние люди, — и они стали им более понятны. Вот как описывают использование огня первыми людьми Б. Уайт и Д. Бранун, опираясь на исследование антропологов и археологические находки: «Благодаря огню расширился ассортимент орудия и оружия. Человек заметил, что кости и олени рога в жару костра становятся тверже, а сырое дерево не сгорает, но только затвердевает, и начал использовать огонь для изготовления орудий» [2, с. 21]. В это же время (750 тыс. лет назад) человек использует огонь для приготовления пищи и отпугивания зверей от своего пещерного жилища [2, с. 20]. Оставив без ответа вопрос о том, умел ли в это время человек добывать огонь, можно констатировать с определенностью, что древний человек научился определенному использованию «стихий» себе на пользу. Огонь, дающей человеку дополнительную силу, становится еще и знаком, приобретающим различные смыслы, в соответствии с контекстом он и охрана человека от диких зверей в пещере, он и «помощник» при изготовлении орудий и оружия, и «участник» процесса приготовления пищи и т.д.

Итак, человечество постепенно развивалось. Люди познавали мир вокруг себя: явления и предметы природы приспособлялись к человеку, и он приспособлялся к ним. И все это происходило при отсутствии науки и научного знания. И тысячелетняя история Древнего Востока, включающая в себя многие достижения, которые позволяют называть восточные страны древними цивилизациями, также не включает в себя развитие науки, или, чтобы быть совсем точным, Восток развивается не благодаря развитию научного знания.

Однако Вавилон и Египет были величайшими цивилизациями при отсутствии в них науки и научного знания. Как же это могло быть? Думается, что эти вопросы уже заставляют задуматься над «всемогущей» ролью науки и поставить эту роль под сомнение. Знания, которыми владели люди этих цивилизаций, преимущественно жрецы, сегодня часто называют эзотерическим. Планирование «по звездам»

удачных военных кампаний, времени посева и уборки урожая, предсказанные судьбы повелителей-фараонов остаются для нас загадкой. Человечество сегодня не имеет однозначного представления об истинных познаниях людей Древнего Востока в области математики, медицины и других отраслей знания. Но мы можем констатировать, что так называемое эзотерическое знание Древнего Востока не было судьбоносным для большей части населения этих древних цивилизаций. Люди растили и воспитывали детей, строили свои хижинки, пасли скот, занимались земледелием так, как было принято в их семьях испокон веков, так как их учили их предки, постепенно внося нечто новое в уже известные и переданные им приемы постройки хижин, приручения животных, посева и уборки зерновых. Опирались они в своей жизни и деятельности на сложившиеся в их семьях отношения, существовавшие тогда народные приметы, на пример старших сородичей и на собственные выработанные навыки. Новшества, которые вносились в традиционные виды деятельности, возникали, как нам представляется, из наблюдательности отдельных представителей древних цивилизаций, из свободы их ассоциаций и способности рисковать, отходя от традиций. Конечно, загадок, касающихся жизни древних цивилизаций, весьма много. Но, представляется, все же именно обыденное знание играло в жизни людей этих древневосточных цивилизаций основную и наиболее значимую роль.

Античный мир известен лучше, чем Древний Восток, и не только благодаря многим хорошо сохранившимся предметам архитектуры, живописи, скульптуры, но и в значительной степени дошедшим до нас сочинениям философов и историков Древней Греции и Рима, описавшим обычаи и нравы жителей античных цивилизаций.

Познание и регулирование стихий — важный опыт, приобретенный людьми из наблюдений за природой и природными процессами. Вода-опасность и вода-благо — эта истина, усвоенная в древности, приобретает новое звучание в каждом новом периоде человеческой истории. Вода могла превращать плодородные земли в болота, и, обратив на это внимание, люди начали осушать заболоченные земли. И первые попытки регулирования стока воды, относящиеся ко второй половине II тысячелетия до н.э. (в окрестностях городов Орхомен в Беотии), представляли собой самое обычное очищение от ила естественных каналов, а затем уже и строительство искусственных [3, с. 24], т.е. в своем познании и в практике люди шли от наблюдений за природой к воссозданию чего-либо по существующему природному образцу, шли от нужд через наблюдение над природой к практике и творили для практической пользы. Подобные работы продол-

жались как бы по традиции и в классический период Древней Греции (V–IV вв. до н.э.), и в период Эллинизма. Греки умели строить запруды, прокладывать каналы, применяя дренажные трубы, в Коринфе обнаружено сооружение, представляющее собой систему водосборников, от которой шел главный канал, а от большого канала вода распределялась по малым каналам. Так люди овладевали одной из стихий — водой. Она превращается в объект их исследования, ее начинают все шире использовать для общественных и личных нужд. Воду применяют при ведении хозяйства, для лечения больных. Для этого греки оборудуют гроты, копают колодцы, выдалбливают каменные шахты и желоба. Уже в классическую эпоху появляется колодезный журавль. И возникает этот способ доставания воды, пришедший на смену кувшину и веревке, конечно же, из наблюдений за природой. Но все это далеко от укрощения стихии воды. В Античности по-прежнему сохранялось рассмотрение воды как того, чем владеет Бог, и посягательство на нее все еще считалось опасным [3, с. 25]. Так, в свое время поступок персидского царя Ксеркса, перебросившего в военных целях мост через Геллеспонт, вызвал тревогу как дерзостное посягательство на весь установленный свыше миропорядок [3, с. 25].

Такое же отношение было у древних и к огню. Об этом мы узнаем из трагедии Эсхилла. Прометей, согласно Эсхилу, многому научил людей: строить дома из кирпичей, плотнику делу, но именно «дар огня» вызвал гнев богов, и Прометей был наказан. Эти мифы, дошедшие до нас, являются яркой иллюстрацией того, что овладение «божественными стихиями» — это вмешательство в божественные дела. Так считали древние. Отметим здесь, что в реальности покорение сил природы, так со временем стали называть использование стихий, значительно расширяло возможности людей, темпы развития сразу становились более ощутимыми.

Как же реально люди Античности использовали огонь? Сначала у них были открытые очаги, подобно тем, которые были у их первобытных предков. Затем они стали пользоваться очагом стационарным из камня и глины, по соседству с домом. А место рядом уже было прообразом кухни. И вот уже новое достижение Античности — создание переносных печек, жаровен, согревавших дом изнутри. Вначале это был сосуд, напоминавший горшок с двумя ручками. Постепенно очаг совершенствовался [3, с. 34].

А как же обстоит дело в Древней Греции с научными знаниями? Они, как принято считать, возникают и развиваются в философских школах. Наиболее известными из них были Милетская, Элейская, Пифагорейская, Академия Платона, лицей Аристотеля. Философов Ан-

тичности интересовали проблемы космогонии, космологии, общие проблемы бытия вещей, единство мира, первоначало и другие, подобные этим мировоззренческие вопросы.

Обратимся к такой важной философской проблеме, как проблема первоначала мира. Гераклит видел это первоначало в огне, Фалес — воде, Анаксимандр — апейроне, Анаксимен — воздухе, а наиболее прозорливый Демокрит усматривал его в атомах. Итак, мы вновь сталкиваемся со стихиями. Философы Греции берут их за основу мира, за начало вещей и за первокирпичики, из которых все состоит. При широком использовании природных сил (огня, воды) в жизни греков определение их в качестве основы, первокирпичиков мироздания представляется довольно логичным.

Подводя итог тому, что такое «стихии» для людей античного мира, отметим, что практически параллельно существуют три процесса в познавательном осмыслении действительности, точнее, места и роли стихий в жизни человека и космоса. Первый процесс — практическое покорение стихий, использование их самим человеком. Конечно же, прежде всего во благо. Второй процесс, имеющий свои истоки в мифологическом сознании, но существующий в период существования античной цивилизации — обожествление стихий. И, наконец, третий процесс — объяснение устройства мира на основе стихии-первоначала (вода, воздух, огонь).

С одной стороны, рассуждения философов о стихиях-первоначалах близки мифологическим поклонениям древних, а с другой стороны, можно предположить, что подобные представления возникают из обобщения и конкретных наблюдений над тем, какую роль играют вода, воздух, огонь в жизни человека. Столь значимыми они представляются древним грекам, что именно их и называют философы в качестве первоначал мира.

Это одна сторона вопроса. Другая же заключается в том, что большинству греков, наверное, было безразлично, кто и почему объявляет что-либо первоначалом. Они трудились, пытаясь прокормить свои семьи, а может быть, и улучшить свою жизнь. Поэтому и дошла до нас в пересказе Аристотеля (Аристотель «Политика») легенда о представителе древнегреческой милетской философской школы Фалесе, как он, пытаясь доказать, что наука имеет определенную пользу, предвзято возможно большой урожай оливок, дешево законтрактовал маслобойни. А когда начался сбор оливок и появился спрос на маслобойни, он стал отдавать их на откуп за ту цену, которую сам устанавливал. В результате он получил прекрасный доход, доказав, что и философия (наука) может приносить практическую пользу, но не в этом

ее суть. Только вот вопрос: на основе каких знаний он сумел обогатиться: обыденных или научных, остается открытым. Часто, пересказывая эту легенду, пишут «на основе астрономических» [4, с. 41]. Вопросы же устройства мироздания, взаимопревращения и круговорота вещей были для большинства населения Греции и Рима — «не самыми популярными» в тот период. Представляется, что именно поэтому многие граждане Греции, думающие о «хлебе насущном», часто весьма иронично относились к философам.

Итак, вопрос о первоначале, тесно связанный с вопросом о единстве и многообразии мира, был важным философским вопросом, но не вопросом жизненным. И как размышления об этих вопросах можно назвать иначе, если не «любовью к мудрости»? В целом, следует отметить, что истинно гениальные догадки были сделаны древними мыслителями при решении каждого из философских вопросов. Впоследствии эти догадки получили свое развитие, стали основой построения теорий или вошли в теоретические обобщения в разные периоды человеческой истории. Но в Древней Греции и Риме значительная часть знаний была получена в процессе обыденной, повседневной практической деятельности и передавалась в рамках семейного уклада жизни, хотя уже существовало определенное обучение детей. А как же конкретно шло развитие познания? Например, что можно сказать о медицине древности?

Искусство врачевани, безусловно, было важной стороной жизни античного общества. Развитие медицины осуществлялось как в школах (например, наиболее известная школа Гиппократов на Косе), так и в народной среде, в повседневной жизни человека. В то время как Гиппократ пишет сочинение «О воздухе, водах и почвах», обосновывая значение климатических условий обитания человека, показывая влияние природной среды на него и прокладывая дорогу клинической медицине, многие греки (а, скорее всего, большинство) за основу по-прежнему берут траволечение, знахарство и т.д. Более того, развивается и традиционная народная медицина. В частности, укрепляется вера в то, что вода некоторых священных источников (например, источник в Патрах, у святилища Деметры) обладает целебной силой, появляется традиция культового очищения. «Начало таким культовым очищениям в священных источниках, — отмечает Л. Винничук, — положил, вероятно, обычай, омывать свое тело от грязи и пыли, прежде чем войти в святилище» [3, с. 241].

Так осуществлялось в древности постепенное познание мира природы и человека. Как видим, научное знание не является основным способом познания мира. И сегодня появляется все больше исследовате-

лей, изначально ориентирующихся на осмысление знания как явления субъективного, отходящих от негативного смысла понятия «субъективность» и утверждающих позитивный характер субъективности как творческого человеческого начала. Обыденное познание рассматривается ими как основа, с которой начинается общество. Лишенное строго предписанных канонов и правил, направленное на гармонизацию жизни человека, оно открывало и продолжает открывать большие возможности для творчества, а значит, и для развития цивилизации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Хорган Д. Конец науки. СПб., 2001.
2. Уайт Б., Браун Д. Первые люди. М., 1978.
3. Винничук Л. Люди, нравы, обычаи Древней Греции и Рима. М., 1988.
4. Рассел Б. История западной философии. Новосибирск, 1994. Кн. 1–2.

О. Н. Колесникова, Т. В. Чуканова (Барнаул)

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ, БЛАГОПОЛУЧИЕ И БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА: ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ*

В российской Концепции общественной безопасности (2013 г.) отмечено, что обеспечение общественной безопасности является одним из приоритетных направлений государственной политики в сфере национальной безопасности Российской Федерации. Под общественной безопасностью понимается состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [1]. В Концепции раскрыта долгосрочная перспектива совершенствования системы обеспечения общественной безопасности, а также политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер.

Ключевыми проблемами развития современного российского общества стали проблемы имущественного и социального неравенства,

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Мониторинг социального самочувствия и безопасность населения Алтайского края». 13-13-22005.

дифференциации различных социально-экономических групп, социального благополучия. Социально-экономические трансформации общества создают качественно новые экономические условия жизнедеятельности, формируют принципиально новые социальные отношения, отражающиеся в изменении организации жизнедеятельности, мировоззрения, влияют на состояние психологического здоровья и самочувствия населения. «Общественные отношения строятся на основе соперничества, разногласий, несовместимости принципов и жизненных позиций» [2, с. 395].

Для жизни человека становятся характерны ситуации потери работы, резко падающий уровень жизни, нарушающиеся родственные связи. Последствия вынужденных изменений жизнедеятельности проявляются в росте негативных психологических проявлениях, повышении уровня психоэмоционального напряжения, развитии и широком распространении таких неблагоприятных психических состояний, как тревога, неудовлетворенность жизнью, неуверенность в завтрашнем дне, агрессивность, депрессия [3].

Во многом благодаря своей практической значимости и актуальности проблема здоровья активно разрабатывается, хотя и представляется одной из самых сложных для изучения. Понятие «здоровье» не имеет общепринятого толкования, оно характеризуется многозначностью и неоднородностью состава [4]. Его рассматривают как идеальное состояние; сложный, многомерный феномен, отражающий стороны человеческой реальности: телесное существование, душевную жизнь и духовное бытие; сложный динамический процесс, включающий созревание и рост физиологических структур и работу организма, развитие и функционирование психической сферы, становление, самоопределение и позиционирование личности. Иногда здоровье рассматривается как культурно-историческое понятие. В разное время в разных культурах граница между здоровьем и нездоровьем определялась по-разному.

Для определения состояния здоровья человека необходимы, с одной стороны, эталонное основание, устойчивый образец самочувствия целостности, совершенства, с другой — описание закономерностей возникновения и течения болезни. В этом качестве выступают научные представления о норме и патологии. Наряду с проблемами психического здоровья, рассматривающегося преимущественно в рамках медицинской науки, активно обсуждаются вопросы психологического здоровья и выделения его показателей.

Понятие «здоровье» теснейшим образом связано с понятием «благополучие». Не случайно в определении здоровья ВОЗ отмечается не-

обходимость состояния полного физического, психического и социального благополучия, а не только отсутствие каких-либо болезней и дефектов. В социокультурном аспекте здоровье рассматривается в тесной связи с понятиями удовлетворенности жизни, социального самочувствия и благополучия [5].

Важнейшим показателем социального самочувствия человека считается здоровье и некоторые его составляющие — психологическое здоровье, психологическое благополучие. Поскольку специфика здоровья не может быть ограничена отдельными — биологическими, социальными и духовными аспектами бытия, оно становится предметом междисциплинарного исследования. Обобщая наиболее распространенные научные взгляды на проблему здоровья как составляющую благополучия, выделяют несколько альтернативных подходов к исследованию этого феномена [5, с. 16].

Нормоцентрический подход, в рамках которого здоровье рассматривается как совокупность среднестатистических норм восприятия, мышления, эмоционального реагирования и поведения, в сочетании с нормальными показателями соматического состояния индивида. Речь идет о некоем оптимальном уровне функционирования организма и психики.

Феноменологический подход предполагает трактовку проблем здоровья и болезни как фундаментальных аспектов или вариации индивидуального, неповторимого способа бытия человека, они включены в субъективную картину мира и могут быть постигнуты лишь в ее контексте (Ясперс, Бинсвангер, Лэнг). В этом случае формализованные процедуры исследования сменяются феноменологическими описаниями, основанными на глубинном понимании и эмпатии.

Холистический подход предполагает рассмотрение здоровья как обретаемую индивидом в процессе его становления целостность, предполагающую личностную зрелость (Г. Олпорт), интеграцию жизненного опыта (К. Роджерс) и примирение, синтез основанных противоречий человеческого существования (К. Т. Юнг) [5, с. 18]. Естественно-научные принципы анализа дополняются гуманитарными, что обеспечивает целостное видение проблемы.

В рамках кросс-культурного подхода здоровье рассматривается как социокультурная переменная. Его характеристики относительно и детерминированы специфическими социальными условиями, культурным контекстом, своеобразием национального образа жизни и образа мира.

Дискурсивный подход предлагает любое представление о здоровье исследовать в рамках определенного дискурса, который имеет

собственную внутреннюю логику конструирования или концептуализации социальной и психологической реальности.

В рамках аксиологического подхода здоровье выступает как универсальная человеческая ценность, соотносится с основными ценностными ориентациями личности и занимает определенное положение в иерархии. Доминирование тех или иных ценностей (или их переоценка) рассматриваются как факторы, определяющие здоровье индивида или негативно влияющие на него. А. Маслоу, исследуя психологическое здоровье и его нарушения в их ценностном аспекте в своей теории самоактуализации, рассматривал высшие ценности как своего рода детерминанты здорового и полноценного развития индивида. А. Кемпински интерпретировал различные формы психопатологии как нарушения нравственного порядка, или дисфункции ценностной системы личности. И, наконец, интегративный подход включает в себя любые объяснительные принципы, модели, концептуальные схемы, поэтому признается наиболее адекватным способом изучения здоровья на разных уровнях человеческого бытия.

Следует отметить, что более активно изучаются проблемы благополучия и здоровья человека в целом, но незаслуженно остаются в тени вопросы, связанные с его психологическим благополучием, хотя составные элементы (психическое и психологическое здоровье) также активно исследуются. В этой связи перспективен современный структурно-уровневый анализ психической реальности [6; 7]. Исследование уровней структур предлагает их анализ как «относительно инвариантных характеристик объекта, в которых выражается такое определенное отношение составляющих его элементов, благодаря которым объект существует и функционирует как целое по отношению к составляющим к его элементам и в то же время сам представляет элемент более сложного и доминирующего отношения» [6]. Существенной характеристикой многоуровневых систем выступает относительная автономия и определенная соподчиненность входящих в них уровней, что является условием их оперативности и эффективной саморегуляции. Успешной иллюстрацией применения уровня подхода служит выделение Б. С. Братусем нескольких уровней психического здоровья [8].

Абстрагируясь от множественных полемик о содержании терминов «психическое» и «психологическое» здоровье, мы будем считать понятие «психологическое здоровье личности» относящимся к целостной личности, в котором отражаются высшие проявления психики человека, его способность к саморегуляции, нахождению внутреннего смысла своего существования, его духовные качества. Пси-

психологическое здоровье делает личность самодостаточной, обладающей средствами самопонимания и саморазвития в контексте взаимодействия с окружающими ее людьми и в условиях культурных, социальных и экономических реальностей окружающего мира.

С позиции структурно-уровневого подхода можно предположить, что психологическое здоровье является одним из уровней психологического благополучия, который отражает внутреннюю целостность, определенность человека, его согласие с самим собой.

Психологическое благополучие представляет собой системное качество человека, обретаемое им в процессе жизнедеятельности, проявляющееся в переживании содержательной наполненности и ценности жизни в целом как средства достижения внутренних, социально ориентированных целей, которое является условием реализации его потенциальных возможностей и способностей [9].

Основываясь на работах К. Ясперса, В. Франкла, Ф. Перлза, Е. В. Бурмистровой, А. В. Ворониной, можно выделить несколько уровней пространства бытия человека [9]: биологическое; социально-педагогическое; социально-культурное; духовно-практическое. Эти уровни связываются с биологическим, «естественным» существованием человека, либо с освоением социальных норм и навыков, с ценностно-смысловым самоопределением человека в пределах осознаваемых культурных норм, либо с ориентацией на гуманистические ценности, познание им истины [10].

Исходя из этого возможно выделение основных уровней психологического благополучия, поскольку на разных уровнях пространства бытия в различных типах деятельности закладываются внутренние ресурсные установки человека. Так, биологическое пространство бытия формирует психосоматическое здоровье как отражение процесса взаимосвязи психической и соматической сфер. Социально-педагогическое пространство формирует социальную адаптированность как состояние уравновешенности с социальной средой. Социально-культурное пространство бытия определяет психическое здоровье. Духовно-практическое пространство бытия человека обуславливает уровень психологического здоровья как отражение способности к нахождению смысла своего существования в конечном итоге.

Очевидно, что выделенные уровни психологического благополучия человека взаимопроникаемы и поэтому лишь относительно автономны (особенно, если речь идет об уровнях психического и психологического здоровья, что является следствием терминологической неоднозначности и сложности самого объекта исследования).

При этом важной составляющей каждого из выделенных уровней является наличие субъективного компонента наряду с объективными показателями психического благополучия человека.

Выделение различных уровней психологического благополучия человека на основе структурно-уровневого подхода позволяет более детально рассматривать не только состояние психологического благополучия, но и выявлять критерии, условия и факторы его формирования, что в свою очередь способствует более полному изучению проблем взаимосвязи социального самочувствия, благополучия и безопасности человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154602.
2. Пустовалова Е. В. Междисциплинарный характер конфликтологического знания // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2011.
3. Стерлядева Н. А. Особенности агрессии как формы протестного поведения подростков // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.
4. Шувалов А. В. Гуманитарно-антропологические основы теории психологического здоровья // Вопросы психологии. 2004. № 4.
5. Авдеева Н. Н., Ашмарин И. Н., Степанова Г. Б. Здоровье как ценность и предмет научного знания // Мир психологии. 2000. № 1.
6. Роговин М. С. Структурно-уровневые теории в психологии : учебное пособие для студентов психологических факультетов. Ярославль, 1979.
7. Роговин М. С., Залевский Г. В. Теоретические основы психологического и психопатологического исследования. Томск, 1988.
8. Братусь Б. С. Аномалии личности. М., 1988.
9. Воронина А. В. Проблема психического здоровья и благополучия человека: Обзор концепций и опыт структурно-уровневого анализа // Сибирский психологический журнал. 2005. № 21.
10. Колесникова О. Н., Артюхина В. А. Безопасность и социальное самочувствие населения: региональный аспект // Вестник Алтайской науки. 2013. № 3.

Е. А. Попов (Барнаул)

КУЛЬТУРОЦЕНТРИЧНЫЙ ПОДХОД В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ОСНОВНОГО ЗАКОНА ГОСУДАРСТВА

Национальный дух и философия государства всегда подчеркивались не только определенным набором ценностей и беспримерными дискуссиями о менталитете, но и конституциями как основными законами государства. Именно в таком ключе — как Основной закон — любая конституция обретает свой путь в правовом пространстве, определяет судьбы стран и народов, устанавливает присущую им систему политических, экономических, социальных и прочих связей и отношений. Вместе с тем любая конституция проживает жизнь со своим народом, отражает его чаяния и стремления, заблуждения и разочарования, формирует некий социально-исторический фон, становящийся основой проведения судьбоносных для государства преобразований и трансформаций. Как правило, конституция страны — это совсем небольшая по объему книжица, но по своей онтологической силе и мощи правового воздействия способная противопоставить Злу Добро. Конституции мира всегда считались оплотом цивилизации, они становились мерой государственности, определяющей жизнеспособность страны, ее авторитет на международной арене, ее характеристики и свойства, которые запечатлевают образ страны в сознании ее граждан, порождают ассоциативные ряды, никак не разделяющие человека и государство, а напротив, сближающие их, высвечивающие слитность человека с душой и духом своего народа. За этими словами кроется, как нам кажется, вовсе не пафосная установка на, быть может, излишнее возвеличивание конституции, — в действительности только конституция способна примирить людей во враждующих лагерях и только конституция может открыть человеку самые важные истины государственной жизни — способно ли государство защитить человека и гарантировать ему свободу совести и убеждений, презумпцию невиновности, избирательное право, право на частную собственность и т.д.

Пожалуй, каждое государство берет свое начало именно с конституции. Поэтому для любого государства конституция — это своего рода книга цивилизаций; далее мы будем писать это слово только с заглавной буквы, тем самым признавая главенство основного закона не только в системе права, но и в системе ценностно-смысловой, порождающей культуру, влияющей на духовную жизнь чело-

века и общества. С этой точки зрения Конституция представляет собой феномен, который порождает множественность смыслов: очевидно, что Конституция, например, как метатекст апеллирует к традиционным устоям народа, связывает воедино символы повседневного бытия и социокультурной реальности. Так, например, Ульрих Шмид в своей статье «Конституция как прием» [1] рассматривает российскую Конституцию как источник нарратива, преломляющегося в сказочном, комедийном, трагическом или драматическом поведении персонажей истории — представителей различных социальных сословий: рабочих, крестьян, трудящихся, интеллигенции, а также деятелей государства, чиновников. Возвращаясь к Конституции РФ 1993 г., У. Шмид, в частности, замечает: «Литературное прочтение текста действующей российской Конституции высвечивает прежде всего ее хрупкость. Уже в преамбуле сочетаются взаимопротиворечивые утверждения, а цельность текста обеспечивается благодаря пафосу...» [1, с. 110]. Однако именно в преамбуле Конституция России обнаруживает важнейшие консолидирующие акценты в коллективной и индивидуальной жизнедеятельности людей — «общая судьба на своей земле», «гражданский мир и согласие», «общепризнанные принципы равноправия и самоопределения народов», почитание памяти предков и т.д.

Более традиционным, конечно, является рассмотрение Конституции с точки зрения ее юридического значения. Действительно, Конституция как нормативно-правовой акт имеет свою определенную структуру, отражает преломление различных правовых институтов и норм во всех общественных отношениях, а Конституция как исторический документ свидетельствует об определенных этапах ценностных исканий народа в довольно протяженном отрезке времени, нередко на протяжении более двух столетий. Как видим, Конституция — явление многогранное и требующее к себе соответствующего отношения: интерпретацией конституционного целого занимаются историки, и лингвисты, и социологи, и культурологи, помимо собственно правоведов, которым по долгу службы приходится иметь дело с Конституцией, но, правда, именно как специальным актом государства, имеющим прежде всего юридическую силу и ценность. Не всегда, конечно, интересы исследователей совпадают в пространстве изучаемого объекта — правоведы прежде всего обращают внимание на нормативно-правовой аспект конституционного строительства и развития конституционализма, для представителей же других областей социогуманитарного знания важное значение приобретают именно ценностно-смысловые ориентации содержания Конституции госу-

дарства. Но и среди юристов в последнее время все чаще объективируется интерес к онтологическим уровням бытования Конституции; это свидетельствует по меньшей мере о смене некоторых методологических приоритетов в исследовании конституционных значений. Как известно, для правоведения на протяжении десятилетий неизблемым оставался нормативный (или нормативистский) подход в изучении юридических феноменов, явлений и процессов, однако сегодня он явно не способен в достаточной степени раскрыть всю полноту и самоценность этого инструментария. Поэтому нередко появляются работы, в которых проблематика связи конституционных значений с мировоззренческими установками или социокультурными принципами человеческого коллективного и индивидуального бытия заявляет о себе со всей очевидностью. Так, например, Е. В. Сазонникова в диссертационном исследовании «Наука конституционного права России и концепт «культура»: вопросы теории и практики» [2], определяя в качестве цели работы создание научно обоснованной концепции формирования и развития в науке конституционного права России знания о культуре как целостности и о возможностях применения этого знания на практике для совершенствования конституционно-правового законодательства и образования, приходит, на наш взгляд, к важному заключению о том, что концепт «культура» должен рассматриваться как один из первичных элементов конституционно-правовой науки [2]. Приоритетность культурных смыслов для юридической науки в целом и различных ее отраслей в частности касается не только специфики приобщения человека к правовой культуре, что наиболее часто встречается в рамках правовых исследований различной направленности, но и самой основы права — его нормативных систем и принципов.

Как известно, в юридической науке двадцатого столетия и нового века интерес к исследованиям Конституции или конституций несколько не ослабевает. Хотя на первый взгляд давно уже складывается впечатление о том, что трудно придать научному поиску в этом отношении вектор новизны, и кажется, все более отчетливо звучит мнение об исчерпанности этой проблематики, однако почти метафизический и сакральный смысл *конституционного*, неизмеримости его ценностных доминант, онтологичности и непреложности включает ситуацию забвения данного исследовательского направления. В правовом дискурсе, который за последние десятилетия заметно обогатился правоприменительной практикой, связанной с нормами конституционного права, обнаружилось стремление связать развитие конституционализма с широким историко-правовым контек-

стом. Вместе с тем Конституция давно перестала быть только символом правовой целесообразности, необходимости, свидетельством человеческой рациональности и системе мировоззренческих координат претендует едва ли не на библейскую роль. Можно сказать с уверенностью о том, что Конституция, помимо того, что продолжает оставаться заданной программой гармонизации человеческих коллективных и индивидуальных взаимоотношений, обретает статус сакрального знания. Этот философский уровень значительно расширяет горизонт мнений о Конституции, ее роли в жизни человека, общества, государства. «При анализе такого явления, как духовность, — отмечают исследователи Г. В. Платонов и Е. Ю. Новикова, — необходимо... различать исторически устойчивые черты, составляющие национальный характер, и черты личности, которые формируются у индивида, у тех или иных слоев общества под влиянием конкретных условий исторического развития» [3, с. 294]. Связь Конституции с народом определенно указывает на те самые *исторически устойчивые черты*, которые во все времена связывали этнос в единое целое, консолидируя разрозненное население в гражданское общество. Как полагает, к примеру Б. С. Эбзеев, «в отечественной юриспруденции достигнуто согласие в том, что речь в данном случае (в условиях трактовки Конституции как «неотъемлемой части действующего права». — *Е. П.*) идет об интеграции конституционных установлений в социальную практику, т. е. конституционализации всех сфер государственной деятельности и всей системы общественных отношений» [4, с. 5]. Ситуация выглядит амбивалентной: Конституция априори должна обладать такой устойчивостью, стабильностью, интегратором общества и государства, но, как известно, концептуально оформляя веяния эпохи, традиции и ценности людей, в большей степени подвержена реформам вслед за меняющимся миром, за меняющимся веком. О трансформациях конституционных правовых норм свидетельствуют серьезные юридические исследования, а между тем в области изучения онтологических свойств Конституции и ее установлений вектор научного поиска, на наш взгляд, только намечается. Примечательно, что праведы все чаще обращают внимание на осмысление феномена и проявлений конституционализма не только в юридическом, но и в историческом, политическом, культурологическом и философском аспектах. Так, Е. В. Сазонникова, к примеру, высказывает мысль, согласно которой в культурологическом измерении конституционализм становится «источником новых явлений в культуре и предстает в качестве элемента культурного пространства, выполняющего специфическую функцию сохранения и обновления норма-

тивно-ценностного опыта конституционно-правовых взаимоотношений государства, различных социальных групп, личности» [5, с. 82]. К этому остается лишь добавить: принципы конституционализма в любом истолковании этого феномена — правовом или каком-либо ином — могут быть адекватно восприняты только через призму *культуроцентричности* отношений общества, государства, человека; и здесь имеется в виду не только культура правовая, определяющая эффективность таких отношений, но и в целом культура духовная, открытая человеку, обществу, государству, миру.

Нечасто можно встретить именно такое — *когнитивное* отношение к Основному закону в государстве. Оно, по-видимому, не имеет четкого выражения в правовой науке, но в философии и социологии права необходимость в оценках консолидирующего воздействия Конституции на мир, человека в мире многократно возрастает. Это связано с концептуальным пересмотром духовного наследия человечества, его преобладавшими в ушедшем двадцатом столетии постмодернистскими интерпретациями. По крайней мере, выход за рамки представлений о Конституции только как об Основном законе, содержащим исключительные в своей юридической иерархии нормы права, сам по себе является фактом примечательным. Кстати, такая тональность иногда прослеживается и в работах известных и авторитетных государствоведов или «конституционалистов». Так, Б. С. Эбзеев, например, пишет: «Будучи результатом творчества людей, Конституция призвана в упорядоченной форме выразить закономерности организации и функционирования социума и места человека в нем. Речь идет о рационализации форм социального бытия и их стабильного существования как главного условия эволюционного (а не революционного) развития» [5, с. 5–6]. Конечно, в любом случае доминирует уклон именно в рациональную сторону концептуализации норм Конституции, но это есть определяющая характеристика всякой системы права, поэтому соответствует реальному положению дел в полной мере. Но Конституция — это *прием*, связующий человека с социумом. Это супертекст, нуждающийся не только в юридическом прочтении, но и в риторическом, а иногда и в литературном. Правда, по словам Л. С. Мамута, «довольно многим членам общества мнится, будто сам *текст* (курсив наш. — Е. П.) Конституции способен источать из себя поток материальных и социальных благ для каждого. <...> У человека, который этими иллюзиями живет, спонтанно возникает недоверие к Конституции, появляется разочарование в ней. Усугубляет его «открытие» то, что Конституция как таковая — вовсе не «скатерть-самобранка», благодетель-

ствующая без разбора всех и сразу» [6, с. 54]. В такой резко эмоциональной оценке усматривается своеобразный призыв автора к защите Конституции от нападков со стороны тех, кому она чего-то в свое время недодала, чем-то, быть может, обделила, кто не осознал истинного предназначения этого текста. На самом деле текст Конституции таит множество интересных с точки зрения жанровой природы человеческого творчества таинств, ведь в действительности любая конституция и есть акт народного творчества. Но все же она в полной мере не исчерпывает и, по-видимому, не может исчерпать дополнительных коннотаций, придающих каждый раз новый ракурс в оценках конституционного целого. В то же время по-прежнему в современной юридической науке нередко в качестве генеральной идеи выдвигается положение о том, что «российское конституционное законодательство представляет собой *сложившееся явление* (курсив наш. — Е. П.), обладающее особой правовой природой и соответственно определенной совокупностью черт...» [7]. Предлагаемая в этом случае аргументация лежит в плоскости регулятивно-воздействия права, но при этом онтологические характеристики правовой системы практически в расчет не берутся. С учетом этого обстоятельства полагаем, что конституционное законодательство все же не однозначно может быть отнесено к «сложившимся явлениям», всякий раз получая все новые и новые интерпретации, заслуживающие внимания правовой науки.

Ценностно-смысловые характеристики позволяют выявить некоторые общие закономерности формирования и развития конституционного целого в Основных законах различных стран мира. Но очевидно, что некое главное направление в таких схождениях содержится во Всеобщей декларации прав человека, принятой в декабре 1948 г. В частности, этот международный документ постулирует такие ценности для любого общества, которые могут называться общечеловеческими и сомнения в пользе которых отменяются любым обществом, — речь идет о свободе, справедливости и всеобщем мире. Примечательно, что в отечественной культуре на первый план выходят ценности аскезы и отречения от мира, прежде всего согласуемые с православной культурной традицией (см., например: [8]). И если при этом Всеобщая декларация утверждает *всеобщий мир* в качестве духовно-консолидирующей силы государств и народов, любая культурная традиция способна пересмотреть этот постулат с учетом присущих только ей особенностей, — в данном случае, отречение от мира связывается с внутренней потребностью человека, поиском его alter ego, а не с целью противостояния всему миру.

Конституции государств мира нередко, и даже можно сказать, что довольно часто, используют конструкцию всеобщности, характеризуя самые различные стороны государственной жизни или социального бытия. Действительно, всеобщий — значит, единый для всех, касающийся любого, интегрирующий и объединяющий. Всеобщий характер ценностных установок очевиден — любое общество на протяжении всей истории своего развития формировало определенную систему таких ценностей и норм, которые бы согласовывались с традициями, обычаями, другими ценностно-нормативными феноменами и удовлетворяли интересам народа. Так, например, в преамбуле Конституции Соединенных Штатов Америки в качестве основного тезиса конституционализма и развития государственности приводится мысль о всеобщем благоденствии [9, с. 450]. В этой связи российская Конституция 1993 г. очень точно, на наш взгляд, но, с другой стороны, как-то с акцентом на некую безысходность и безликость приводит в преамбуле постулат о соединенности многонационального народа России *общей* судьбой на своей земле, а одной из основных задач развития государственности называет обеспечение благополучия и процветания России.

Здесь уместно добавить, что благополучие и процветание Отечества связывается в том числе и с закреплением за Российской Федерацией конституционной характеристики социального государства: «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (статья 7 Конституции России). Из большого числа конституционно-правовых категорий, пожалуй, именно две эти — достойная жизнь и свободное развитие человека — вызывают наибольшие дискуссии: человеческий и социальный смысл в них усматривается с очевидностью, а вот нормативно-правовое значение, по крайней мере, за скобками Конституции угадывается с трудом. Вместе с тем социальное самочувствие россиян выглядит, по исследованиям социологов, весьма посредственным, а восприятие будущего россиянами — далеким от предвидения достойной жизни и свободного развития человека (см., например: [10]). Некоторые исследователи приходят к выводу о том, что «индивидуалистический» подход в решении важных государственных и социальных задач связан с некоторым креном российского мировосприятия в сторону довлеющих над человеком, правом и культурой денежных отношений начала 90-х гг. — времени формирования конституционализма в России. Об этом, в частности, размышляет И. К. Пантин: «Ирония истории: утверждение индивидуальности, человеческого

достоинства, равно как и чувства ответственности, внутреннее раскрепощение личности стало миссией не социализма... а буржуазного развития России после 1991 г.» [11, с. 64]. Нужно, однако, добавить, что категории достоинства и свободного развития личности нашли свое место в статье 22 Всеобщей декларации прав человека и по аналогии были восприняты многими конституциями.

В конституциях российского государства, прошедших от начала до конца XX столетия, идея всеобщности находила свое воплощение по-разному, но в целом ее реализация выглядела довольно воинственно, с коннотациями агрессивности, с пафосной лексикой. Так, например, Конституция РСФСР 1918 г. в главе второй приводит в качестве основной задачи органов власти «уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, становление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах...» [12, с. 510]. Примечательно, что идея всеобщности связывается в указанной Конституции с финансовой политикой, которая «в настоящий переходный момент диктатуры трудящихся способствует основной цели экспроприации буржуазии и подготовки условий для всеобщей равенства граждан республики в области производства и распределения богатств» [12, с. 521].

В Конституции 1937 г. этот воинственный запал почти сходит на нет, но все же во второй статье его отголоски еще присутствуют: «Политическую основу РСФСР составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата» [12, с. 538]. Завоевательная риторика в значительной степени характерна для первых российских конституций, и она является продолжением тех политических противоречий, которыми была отмечена вся первая половина XX в. При этом выброшенный за борт истории человек никак не мог заявить о себе в полную силу по понятной причине — его права и свободы находились под залогом у государства.

Конституция РСФСР 1937 г. отвела основным правам и обязанностям граждан одну из своих последних глав — одиннадцатую. Такое местоположение норм о правовом статусе личности говорило открыто о том, что все человеческое государству чуждо, а одним из главенствующих прав человека становилось право на труд — в статье 122 видим: «Право на труд обеспечивается социалистической организацией народного хозяйства, устранением возможности хозяйственных кризисов и ликвидацией безработицы» [12, с. 552]. Несколько изменилась ситуация с принятием в 1978 г. следующей Конституции

РСФСР, в которой, как известно, второй раздел носил название «Государство и личность» по понятной причине с акцентом на интересах государства прежде всего. В то же время, к примеру, Конституция Королевства Испании, принятая в 1978 г., посвятила первый раздел основным правам и обязанностям и запротоколировала, что «достоинство личности, неотчуждаемость ее неотъемлемых прав, ее свободное развитие, уважение к закону и правам других являются основой политического порядка и социального мира» (цит. по: [9, с. 482]). Глава вторая в испанском Основном законе поделена на две секции — Секция 1 «Об основных правах и гражданских свободах» и Секция 2 «О правах и обязанностях граждан». Немного скованно представлены права и свободы человека и гражданина в Конституции Японии, вступившей в законную силу в 1947 г. Общеизвестно, что высокая степень традиционализма в восточных государствах делает нормы в их Основных законах слепками с социокультурной реальности. Не случайно Конституция Японии представляет права и свободы своих граждан в качестве нерушимых вечных прав, передаваемых от нынешнего поколения к будущему. А статья 15, например, устанавливает, что «все должностные лица органов публичной власти являются слугами всего общества...» (цит. по: [9, с. 478]). Сервильный подход, просматривающийся даже в установлениях правового статуса личности, в данном случае вызван как раз спецификой культурных отношений — служение народу обретает очень важную социокультурную черту в японской среде. При этом статья 12 устанавливает, что «свободы и права, гарантируемые народу настоящей Конституцией, должны поддерживаться постоянными усилиями народа».

Конституции занимают важнейшее место в системе ценностей цивилизаций не только потому, что они есть руководство к развитию государственности, налаживанию отношений между различными субъектами правоотношений, но и по той причине, что они способствуют универсализации ряда важнейших духовно-консолидирующих явлений для многих народов и континентов. Как отмечает И. И. Кравченко, «ценности объективны не потому, что они независимы от человека, разума, истории, действительности, а потому именно, что они порождаются этими универсальными началами, которые обладают собственной объективностью: человек объективен по отношению к другим людям, сообщество людей объективно по отношению к индивиду; история объективна по отношению к действительности и человеку, живущему в ней...» [13, с. 3]. Объективность ценностей, как видим, определяет их универсальный характер, значимость для культур и цивилизаций. Так, Основной закон Федератив-

ной Республики Германии (1949) определяет ценность ответственности государства перед будущими поколениями (ст. 20 — включена в Основной Закон в 1994 г. (цит. по: [9, с. 492]); подобная формулировка свойственна и Федеральной Конституции Швейцарской Конфедерации (1999), появляющаяся уже в преамбуле — «сознавая общие достижения и свою ответственность перед будущими поколениями» [9, с. 499], и характерна также для российской Конституции 1993 г., ее преамбулы — «... исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями...» Межпоколенческое взаимодействие, таким образом, становится непреложной ценностью для различных народов и культур; оно рассматривается и как определенный вектор дальнейшего развития государства, и как важнейший процесс, обеспечивающий неотвратимость ответственности субъектов права, но главное — оно задает определенную тональность конституционного строительства.

Итак, Конституции различных стран мира — это не только свидетельства соответствующего международным стандартам формирования и развития государственности, но это еще и важнейший фактор цивилизациогенеза; цивилизованный мир признает Конституции и их установления скорее как суперценность, а не только как собрание имеющих высшую юридическую силу норм и правил. В этом смысле Конституция представляет собой мощнейшую духовно-консолидирующую силу, выступающую на стороне народа и всеобщего мира и согласия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шмид У. Конституция как прием (риторические и жанровые особенности основных законов СССР и России) // Новое литературное обозрение. 2009. № 6.
2. Сазонникова Е. В. Наука конституционного права России и концепт «культура»: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук [Электронный ресурс]. URL: <http://vak.ed.gov.ru/ru/dissertation/index.php?id54=15260&from54=3/>
3. Платонов Г. В., Новикова Е. Ю. Духовность русского народа и наши реформы // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 6.
4. Эбзеев Б. С. Конституция Российской Федерации: прямое действие и условия реализации // Государство и право. 2008. № 7.
5. Сазонникова Е. В. Конституционное право и концепт «культура»: монография. Воронеж, 2011.
6. Мамут Л. С. Конституционные основы современной российской государственности // Общественные науки и современность. 2008. № 4.

7. Аничкин Е. С. «Преобразование» Конституции Российской Федерации и развитие конституционного законодательства в конце 20 — начале 21 вв. : автореф. дис. ... д-ра юр. наук // Сайт ВАК Минобрнауки РФ. Объявления о защите докторских диссертаций. Юридические науки.
8. Громов М. Н. Вечные ценности русской культуры: к интерпретации отечественной философии // Вопросы философии. 1994. № 1.
9. Мишин А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учебник. М., 2004.
10. Михайлова Л. И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования. 2010. № 3.
11. Пантин И. К. Ленин — большевизм — русская революция // Вопросы философии. 2005. № 4.
12. Конституционное право России : хрестоматия / сост. А. П. Угроватов. Новосибирск, 2000.
13. Кравченко И. И. Политические и другие социальные ценности // Вопросы философии. 2005. № 2.

Л. Н. Гиенко (Барнаул)

РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Нельзя быть настоящим гражданином своей страны, не будучи ее патриотом. Гражданственность неотделима от патриотизма — преданности Родине. Но гражданственность — не только любовь к родной земле, но и грамотное, цивилизованное и сознательное выполнение своих гражданских обязанностей и долга, постижение политической и правовой культуры, умелое использование своих прав и обязанностей.

Основная цель гражданского воспитания (Российская педагогическая энциклопедия) — «воспитание в человеке нравственных идеалов общества, чувства любви к Родине, стремления к миру, потребности в труде на благо общества». Сознание человека, с ответственностью выполняющего свой гражданский долг и понимающего, что от его действий зависит не только собственная жизнь, но и судьба ближайших людей, народа и государства, определяет его социальное

поведение и является существенным условием развития общества» данная трактовка сопоставима с пониманием «социальной компетентности» личности.

Гражданственность как интегративный показатель социальной компетентности показывает адаптационные возможности в стремительно меняющейся реальности и отражает опыт гражданско-правовой деятельности, которая включает в себя правовые знания, умения и ценностные отношения. Такой опыт позволяет социальному субъекту высказывать собственную точку зрения, выражать свое отношение к разным событиям в стране и мире и отстаивать свои мировоззренческие позиции. Формирование социальной компетентности является приоритетным направлением личностного развития.

Социальная компетентность объединяет: индивидуально-личностную, социально-психологическую и социокультурную компетенции. Индивидуально-личностная включает в себя навыки и умения, связанные с самоорганизацией и самоуправлением; социально-психологическая — с социальным взаимодействием, социокультурная — с общей культурой (Т. И. Самсонова). Особое внимание уделяется формированию социальных компетенций несовершеннолетних, в частности, с девиантным поведением. По мнению Е. Н. Дроновой, формирование социальных компетенций подростков должно выступать целевой установкой не только социально-педагогической деятельности, но и вектором в профессиональной подготовке субъектов системы профилактики [1, с. 17].

Обобщение опыта, накопленного отдельными образовательными учреждениями в сфере формирования социальной компетентности, позволило определить вектор использования личного социального опыта. Анализ работ отечественных и зарубежных исследователей (G. Spivac, M. B. Shure, П. А. Баранова, В. М. Басов, И. И. Лукьянова, Т. И. Самсонова и др.) дает возможность сделать вывод, что в теории и практике формирования социальной компетентности сложился ряд моделей. Одна из них базируется на идее, что определенные условия жизни, экстремальность ситуации ведут к виктимизации личности (А. В. Мудрик). В этом случае главным средством предупреждения негативных последствий для человека является повышение уровня его социальной компетентности в процессе обучения способами развития личностных ресурсов, самоконтроля, самопомощи и приобретения опыта социального поведения за счет ценностного ориентирования подростка.

Следовательно, можно констатировать, что в сложившихся в теории и практике моделях формирования социальной компетентности

сконцентрировано много продуктивных идей. Предлагаемая в статье модель формирования социальной компетентности подростков общеобразовательного учреждения состоит из взаимосвязанных компонентов: целевой, организационно-деятельностный, технологический, методический, результативный.

Состояние каждого компонента модели, их взаимодействие определяются процессом социально-педагогической работы и педагогическим управлением с учетом реализации функций специалистов. Основой формирования социальной компетентности подростков общеобразовательного учреждения является системный, компетентностный, личностно-ориентированный подходы. Применение данных подходов и вытекающих из них принципов способно обеспечить эффективность социально-педагогической работы. Технология представляет собой блоки, которые реализуются этапами, взаимодействием субъектов деятельности, через соответствующие формы, методы, средства работы.

Целевой компонент включает цель, задачи. Это создание условий для формирования социальной компетентности подростков. Перед нами стоят задачи: 1) изучить права и обязанности; 2) развить коммуникативные умения подростка; 3) воспитать качества личности: самостоятельность, ответственность, уверенность в себе, организованность; 4) пробудить интерес подростка к социальной жизни.

Организационно-деятельностный компонент рассматривается через создание определенных условий, способствующих формированию социальной компетентности подростков общеобразовательного учреждения: социальные условия (создание открытого образовательного пространства «школа — семья — социальная среда», интеграция функций социально-педагогической работы); индивидуально-психологические условия (учет проблемного поля подростков, опора на положительное в личности); организационно-педагогические условия (организация волонтерского движения), а также реализацией функций: аналитико-диагностической; прогностической; коммуникативной; социально-профилактической, реабилитационной; социально-педагогической поддержки и помощи.

Технологический компонент объединяет этапы: диагностический (диагностика социальной компетентности); теоретический (разработка технологии формирования социальной компетентности подростков); практический (внедрение технологии формирования социальной компетентности подростков в воспитательный процесс по блокам: «правовой», «коммуникативный», «досуговой», «семейный»). Реализация данного этапа обеспечивается воспитательны-

ми программами («Тренинговые занятия по развитию у подростков социально-коммуникативной компетентности», «Я и моя семья», «Забота»), которые ориентированы на расширение социальных знаний, умений подростков, обучение их навыкам конструктивного взаимодействия с окружающими в повседневности при разном стечении обстоятельств; оценочно-рефлексивный этап предусматривает анализ полученных результатов [2].

Результативный компонент. В процессе опытно-экспериментальной работы выделены критерии и показатели социальной компетентности подростков общеобразовательного учреждения, такие как: социализированность (социальная адаптированность, самостоятельность, социальная активность, нравственность), коммуникативность (общительность, уверенность в себе, организованность), правомерность (ответственность, правомерность поступков). В ходе реализации технологии используются модифицированные методики (А. М. Прихожан; Р. В. Овчарова; М. И. Рожков).

Апробация модели по формированию социальной компетентности подростков проходила в школах Барнаула. В исследовании приняли участие 226 подростков в возрасте от 12 до 14 лет. Анализ результатов позволил отметить положительную динамику по сферам социальной компетентности в экспериментальной группе: «Самостоятельность» (ДЭ 81,5% — ПЭ 84,4%), «Уверенность в себе» (ДЭ 82,9% — ПЭ 83,3%), «Отношение к своим обязанностям» (ДЭ 76,9% — ПЭ 85%), «Развитие общения» (ДЭ 76,4% — ПЭ 79,4%), «Организованность, развитие произвольности» (ДЭ 75,6% — ПЭ 76,7%), «Интерес к социальной жизни, наличие увлечений, владение современными технологиями» (ДЭ 73,8% — ПЭ 75,1%). Фактически по всем показателям социальной компетентности наблюдается положительная динамика.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что формирование гражданственности в контексте социальной компетентности личности содействует овладению подростками системой знаний по отношению к своим обязанностям, социальной действительности и к себе. Результативность деятельности обеспечивается взаимодействием всех субъектов социализации, способных влиять на духовную атмосферу в обществе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дронова Е. Н. Групповые формы психосоциальной работы с подростками асоциального поведения : рабочая программа дисциплины // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 5 (25).

2. Шептенко П. А., Гиенко Л. Н. Модель формирования социальной компетентности подростков общеобразовательного учреждения // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 3 (15).

Л. В. Сагитова (Барнаул)

СОЦИОЛОГИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ КУЛЬТУР: ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА

Сегодняшнее состояние отечественной этнографии, антропологии и этнологии можно назвать рубежным. Это период переосмысления как самого предмета, так и методологии в соотнесении не только с зарубежным исследовательским и теоретическим опытом, но и со сложными динамическими изменениями современного мира. Не случайно объемная рефлексия В. А. Тишкова с программным названием «Реквием по этносу» [1] стала одной из активно обсуждаемых работ. С методологической точки зрения перспективны его размышления об этнографическом методе и о связях политики и этнологического исследования.

Перспективность связана с возможностями междисциплинарного подхода: его призыв вернуться к этнографическому полю перекликается с последними тенденциями в социологии, а именно — усилившимся интересом к качественным исследованиям, основой которых и является (этнографический) метод включенного наблюдения. Хотя автор почти не говорит о социологии, его работа социологична не только по замыслу и воплощению, но и по содержанию раскрываемых тем. Так, автор проблематизирует как само содержание и специфику этнической культуры, так и этническую идентичность человека в современных условиях, влияние глобализационных процессов.

Одна из значимых исследовательская проблем — локальные культуры, или элементы сохранившихся традиций этнических культур в условиях глобализации. Сама рамка динамично меняющихся социокультурных координат стимулирует к поиску методологии, способной адекватно отразить суть происходящих перемен.

Глобализация связана с трансформацией, которая затрагивает всю систему общественной жизни. Эти структурные изменения действуют по принципу домино: изменения в одной сфере влекут за собой изменения в других. Глобализация переняла эстафету у эпохи индустриальной революции.

стриализации, усилив символическую значимость этнических культур. Но при этом привнесла значительные трансформации: она разрушила их целостность и самодостаточность. Если прежде этническая культура существовала в рамках определенной территории (она действовала в рамках защищающей себя локальной общины или национального государства), то сегодня глобализация нивелирует национальные границы. Ее воздействие на этническую культуру определяется тем, что в первую очередь нарушается эксклюзивизм локальных культур, а на смену приходит глобальный культурный гипертекст, в котором представлено все многообразие мировых культур. В этом случае культуры лишаются специфической «почвы», которая образуется действием совокупности локальных условий. Меняется функциональное содержание и смысловой континуум локальных культур: отчужденные от системы жизнеобеспечения, они существуют в символическом пространстве, а их выживаемость зависит во многом от внешних условий, таких, как социально-экономическая и политическая конъюнктура, процессы миграции, изменяющиеся технологии в сфере коммуникации.

Более подробно хотелось бы остановиться на последнем, поскольку роль коммуникации и средств, с помощью которых она осуществляется, влияет на глубинные структуры культур. Что же произошло вследствие утверждения новых технологий в сфере коммуникации?

1. Живая народная культура, рождавшаяся ранее из непосредственной человеческой коммуникации, доходит до человека опосредованно — через аудиозаписи, телепередачи, становясь при этом зачастую средством развлечения, к которому можно обратиться в любой момент. Вследствие этого исчезает привязка «народной» культуры к определенному месту, календарному периоду, событийному ряду.

2. Утверждается фрагментарность восприятия культурного явления, поскольку теперь оно не разворачивается в отшлифованной в ходе исторического развития логике действия, а подается средствами массовой коммуникации в виде коллажа, или мозаики, что выхлещивает смысловой континуум явления.

3. С другой стороны, этнические культуры приспособляются к новым технологиям. Так, распространение Интернета, грозившее, казалось бы, полной американизацией и господством английского языка, напротив, привело к появлению «национальных» доменов, в которых коммуникация осуществляется на родных языках (Рунет, Татнет и т.д.). Причем на сайтах этих доменов зачастую проводится идеология этнического ренессанса. Так, саамы, живущие в Норвегии, Финляндии, Швеции и не имеющие своей государственности, воспро-

изводят свою этническую идентичность, язык и элементы культуры посредством общения по Интернету [2].

Эти, возможно, не исчерпывающие наблюдения подводят к тому, что для этнографов и антропологов может стать перспективным обращение к отраслям социологии, изучающим формы и способы коммуникации. Даже обращение к идеям Г. Маклюэна, впервые применившего фокус коммуникации к изучению исторического развития человеческих цивилизаций, способно дать новый импульс к исследованию культур в новейших условиях. А исследования знаковой природы коммуникационных процессов Роланом Бартом и Жаном Бодрийаром с их тезисом о том, что не существует разделения между символическим отображением и реальностью в результате культурной деятельности, способны дать ключ к осмыслению современных культурных процессов, когда новые технологии микшируют элементы самых разнообразных культур и создают новые культурные пространства, которые, несмотря на их виртуальность, воспринимаются людьми как самая настоящая реальность.

Для адекватного понимания тех процессов, что происходят с традиционной культурой в современных условиях, было бы логично пересмотреть подходы к исследованию традиционных культур в контексте современности. Причем подобная рефлексия была бы полезной не только для этнографов и антропологов, но и для социологов. При проведении самых разных исследований часто используются категории идентичности с жесткой коннотацией (русский, татарин, якут и др.). Но что сегодня стоит за этой категорией? Под нею можно подразумевать и чисто номинальную категорию — обозначение группы по переписи населения. Но в нее можно вкладывать и культурный смысл — подразумевается, что это человек — в той или иной мере носитель комплекса ценностей на основе какой-либо этнической культуры (часто исследователями это принимается по умолчанию). Но самый большой вопрос — что такое этническая культура и «ее носители» сегодня?

Если традиционная методология рассматривала культуры и культурные комплексы как относительно статичные явления, то сегодня более продуктивен взгляд на культуру как на живой, постоянно меняющийся процесс, при котором элементы культуры изменяют свое функциональное назначение, модифицируются и приобретают новые смыслы. Даже такой термин, как «народная культура», может интерпретироваться совершенно по-разному. «Народная культура» может иметь два значения. Первое связано с исторически сконструированными в ходе научных этнографических изысканий культурными ком-

плексами, или этническими культурами, которые, в конечном счете, представляют собой память о том, что было давно, в период аграрных обществ; ту народную культуру, целесообразность и смыслы которой сегодня не подкреплены производственной деятельностью. Если мы будем говорить о «народной культуре» в традиционной парадигме типологии культур, это будет «дистиллированная» этническая культура с определенной системой материальных и духовных элементов, действующая в рамках определенной территории.

Если же говорить о современной «народной культуре», представленной в нашей повседневности (и это второе значение термина), то это будет совсем другая культура, со смешением (иногда парадоксальным) различных (не укладывающихся в идеальную схему) элементов. Такую культуру невозможно определить как этническую. Обобщающий взгляд на все поле культуры, представленной в самых разных сферах, будет свидетельствовать о его сложности и неоднозначности.

Что она собой представляет — это наиболее актуальная задача для исследователей современной культуры. Одна из удачных проблематизаций сложившейся ситуации в культуре была описана в работе венгерского ученого Яноша Матиаша Ковача [3]. На примере постсоветской Венгрии автор рассматривает культурное наследие советского прошлого, этническую традицию, глобальную культуру (причем последняя рассматривается во всей ее разнообразности). Все эти компоненты культурного гипертекста изучаются в интригующей драматургии отношений, представленных в режимах культурного прорыва, конкуренции, обмена, столкновения, конфликта и сотрудничества.

Анализируя современного человека в культурном контексте и используя для анализа привычную типологию культурных комплексов, мы зачастую конструируем идеальную культуру, или же ищем, но не можем найти и подвести под раз и навсегда установленную схему наш эмпирический материал.

Например, как сегодня определить «национальный характер», который по прежним научным конвенциям является ментальным выражением определенного (этнического) культурного комплекса? Отсюда проблема идентичности. Что такое сегодня «русский», «татарин» и др.? Что за этим стоит? В соответствии с прежними константными схемами это приверженность определенным ценностям, стереотипу поведения, соотносимыми с историческим прошлым, религиозными системами, материальной культурой...

Но как определить читателей, например, глянцевого журналов, таких как «Cosmopolitan», «Птюч», «Ом» и многих других, которые

к тому же едят гамбургеры, поют под караоке, а молодые девушки строят свои жизненные стратегии не в соответствии с «Домостроем», или «Татар Кануны», а по лекалу «Cosmopolitan», но при этом все перечисленное не мешает некоторым из них венчаться в церкви? В соответствии со вторым подходом — это «народная культура», и ее приверженцами являются и «русские», и «татары».

Представляется, что поиски адекватности этнологических и антропологических исследований могут быть связаны с такими подходами к изучению культуры как процесса, с одной стороны. А с другой стороны, интерпретации культуры как коммуникации. В этом случае любая форма идентичности, и этническая в том числе, будет пониматься как самопозиционирование индивида в условиях определенной коммуникации, культурного динамического взаимодействия. Тогда вырисовывается новый вектор изучения культурных процессов, который может стать универсальным и для традиционной культуры, и для современной.

Если соотнести размышления В. А. Тишкова о связи политики и этнологического исследования с работой И. Валлерстайна «Конец знакомого мира» [4], то можно получить еще одну перспективную рефлексию с совершенно иным фокусом на то, что происходит в мире и в науке.

Этот труд еще раз укрепляет уверенность в том, что новые перспективы как в отечественной, так и в зарубежной этнологии и антропологии помогут выстроить междисциплинарный подход в сочетании этих наук именно с социологией.

Наверное, не случайно размышления и наблюдения известнейшего социолога, попытавшегося в целом осмыслить и критически пересмотреть пройденный человечеством путь и последствия доминирования западной науки и капиталистической системы, заставляют по-новому взглянуть на культурное наследие народов мира, обширные знания о которых накоплены в ходе научных изысканий этнографами и антропологами.

И. Валлерстайн, говоря о системе научного знания, в качестве ключевой и основополагающей (в сложившейся интерпретации современного мира) выделяет проблему колоссальной разделенности «двух культур»: науки, с одной стороны, и философии и этики — с другой. Автор аргументированно показывает, как на протяжении веков наука, развиваясь в русле евроцентризма, отмежевывалась в своем стремлении к объективности и безоценочности (в поиске истины) от категорий нравственности, добра и совершенства. Это привело к кризису в общественных науках, которые, по словам Валлер-

стайна, сегодня не способны справиться с проблемами современного мира [4, с. 226–247].

Значимость этого вывода для этнологов и антропологов — в концептуальных, методологических (и методических) последствиях: ведь нравственность, мораль, представления о добре и совершенстве — смыслообразующие центры любой из этнических культур, которые, в свою очередь, выступают как формы адаптации людей к природной и социальной среде.

Поиск новых оснований анализа, где «две культуры» (по Валлерстайну) не разделены, а синтетичны, может и, наверное, должен осуществляться именно на поле этнологии и антропологии, а социология может дать необходимые теоретические подходы и инструментарий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Тишков В. А. Реквием по этносу. М., 2003.
2. Засурский Я. Н. Информационное общество и СМИ // Национальные цели информационного общества / отв. ред. и сост. Е. Л. Варганова ; науч. ред. Н. В. Ткачева. М., 2004.
3. Ковач Я. М. Конкурирующие соблазны и пассивное сопротивление» // Многополюсная глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Л. Бергера и С. П. Хантингтона. М., 2004.
4. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. М., 2004.

В. М. Чугуенко, В. Л. Михайлова (Тирасполь, Одесса)

ПОТЕНЦИАЛ СОЦИОЛОГИИ В РАЗВИТИИ ПРОВОСОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ НА УКРАИНЕ

Систематическое изучение условий и требований социальной реальности к выпускникам вузов и диагностика социологическими средствами ценностных ориентаций студенчества являются необходимыми предпосылками успешного образования, в том числе и правового воспитания.

Актуальностью этой проблемы объясняется исследовательский интерес к ней многих философов и социологов России, Украины и других стран СНГ, представленных в монографиях и статьях Б. С. Алексеева, О. В. Новиковой, О. В. Скорининой, Л. Г. Сокурянской, М. К. Горшкова, Ф. Э. Шереги, Ю. Ю. Калиновского, В. Т. Лисовского. Эти исследования были посвящены в основном анализу индивидуальных и со-

циальных ценностей студентов и в меньшей мере до сих пор изучалось их правосознание. Поэтому целью статьи является анализ состояния и развития правосознания как одного из аспектов социального мышления студенчества.

Студенчество представляет собой довольно многочисленную социально-демографическую группу молодых людей в возрасте 15–23 лет. В Украине обучается свыше 2 млн студентов, или 10 % трудоспособного населения (в возрасте от 15 до 64 лет). Несмотря на уменьшение общей численности населения Украины за 1986–2012 гг., количество студентов возросло на 750 тыс. чел., т.е. почти на 18 % [1, с. 30].

Уже сейчас в условиях спада и стагнации производства значительная часть выпускников не могут найти достойное применение своим знаниям и способностям. И хотя студентам согласно их возрасту присущ высокий уровень надежд на успех, по мере приближения к выпуску и в период поиска работы накапливается неудовлетворенность тем, как в действительности обеспечивается их конституционные право на труд, что не может не сказываться негативно на социальном мышлении и правосознании.

На основе анализа результатов опросов социологи приходят к выводу, что молодежи будущее представляется даже более неуверенным, чем старшим возрастным когортам [2, с. 373–379]. Не надо большого воображения, чтобы представить их разочарование в справедливости этого общества и возможности жить по закону.

Характерными качествами для современных студентов большинство из них считают личные достоинства: доброту, честность, жизнерадостность, ответственность, уверенность в себе, решительность, трудолюбие (первые 7 позиций из 31). Наличие же у них социальных качеств отмечают респондентами в меньшей степени: любовь к Родине, способность быть лидером — оказались, по данным опроса, на 17-м, профессионализм — на 21-м, высокая общая культура — на 22-м, высокая моральность — на 25-м месте) [3, с. 345–346].

Обобщая результаты социологических исследований, можно выделить четыре типа отношений студентов к базовым ценностям общества: 1) приверженность идеалам социализма (около 10% от общего числа студентов); 2) создание общественного устройства на основе частной собственности и рыночной экономики (примерно 60–70%); 3) пропаганда идей либерализма, свободного самоопределения человека в области социалистических и капиталистических ценностей; 4) радикальный нигилизм по отношению ко всем ценностям и особенно накопительству любых богатств в частных руках (их доля очень незначительна).

По относительной численности и ценностным ориентациям студенты различаются следующим образом: 1) «модернисты-индивидуалисты» (35 % от общего числа опрошенных, ориентирующиеся прежде всего на личные и семейные ценности); 2) «модернисты-коммуналисты» (40 %), сочетающие личные и семейные ценности со стремлением к сотрудничеству с окружающими; 3) «постмодернисты-прагматики» (10 %), которые отличаются ориентацией не только на личные и семейные ценности, но и стремлением к лидерству и предпринимательству, готовностью к риску; 4) «постмодернисты» (12 %) — идеалисты, стремящиеся к самореализации, к знаниям, взаимопониманию со старшим поколением; 5) «традиционалисты» (2,6 %): они ценят интересную работу, личную свободу, независимость в суждениях [4, с. 106–107].

Это дает основание предполагать, что социальное мышление студентов формируется под влиянием не только постмодернистских взглядов, но и более ранних коллективистских традиций, однако это не препятствует стремлению молодых людей адаптироваться в рыночных отношениях.

В то же время освоение «постмодернистских ценностей» в студенческой среде имеет и другую сторону: прагматизацию образования, ориентацию на получение знаний, в том числе и гуманитарных, юридических, экономических, преимущественно в узкокорыстных целях.

В мае-июне 2013 г. в контексте перепроверки гипотез о субъективных и объективных факторах формирования правосознания студентов нами в одесских вузах было проведено социологическое исследование, в котором были представлены 360 респондентов — будущие педагоги и инженеры первого-второго и четвертого-пятого курсов. Анализ результатов в основном подтвердил общие выводы о противоречивом состоянии правосознания студентов и динамике его развития. С одной стороны, в общественном мнении студентов господствует положительная оценка правовой стороны социальной реальности. На первое место выдвигается мнение о важной роли соблюдения законов в защите прав и свобод граждан. На второе место студенты поставили функцию законопослушности в обеспечении порядка и дисциплины. Анализ результатов опроса показал, что около половины опрошенных можно идентифицировать как законопослушных граждан: они верят, что всегда следует поступать согласно закону. Но лишь небольшая часть от общего числа опрошенных считает, что законы способствуют искоренению преступности в нашем обществе. А каждый шестой оценивает законодательную базу вообще как неэффективную. В целом же большинство студен-

тов понимают, что законы играют важную роль в жизни общества. Однако статистическая картина правосознания резко меняется, когда речь заходит о проблеме правоприменения: более 80 % выразили мнение о том, что в нашем обществе законы соблюдаются недостаточно. Более того, около половины студентов нарушение законов не осуждают, а считают, что их можно нарушать при определенных обстоятельствах, если это никому не причинит вреда, если к этому вынудит крайняя нужда или в том случае, когда нарушение закона сулит большую выгоду.

К сожалению, материалы опроса не дают основания говорить о существенном положительном влиянии воспитательной работы в вузах на социальное мышление студентов: старшекурсники продемонстрировали более высокую степень правового нигилизма, чем студенты младших курсов, оценивая ниже значение соблюдения законов в защите прав и свобод граждан, в искоренении преступности, а также общий уровень эффективности воздействия законов на жизнь общества. Поэтому около 30 % опрошенных заявили, что в случае нарушения их прав предпочтут обращаться не в милицию, а будут искать внеправовые средства защиты своих интересов, в том числе посредством предложения взятки или применения силы.

Более значительный период обучения в вузе у старшекласников практически не повлиял и на углубление интереса к правовой информации по сравнению со студентами первых-вторых курсов: у тех и других основными источниками информации являются радио, телевидение, Интернет, а читают студенты на старших курсах политической и юридической литературы даже меньше, чем на младших.

Выявленная ситуация требует разработки новых подходов к правовому воспитанию, которые бы обеспечивали, во-первых, реализацию основной стратегической цели — повышение гражданской субъектности выпускников на основе гармонизации личных и общественных интересов; во-вторых, переход от субъектно-объектного стиля в реализации учебно-воспитательного процесса к дискусивно-интерактивному правовому воспитанию с опорой на «идеальную коммуникацию», т. е. на такую его организацию, которая обеспечивается равноправными отношениями в коммуникации преподавателя и студента.

Учебно-воспитательный процесс становится все более эффективным по мере его приближения по существу и форме к идеальной модели демократического правового общества, в котором все участники получают, полное взаимное признание в качестве субъектов

не только правовых отношений (на формально-юридическом принципе равенства всех перед законом), но и на фактическом социальном уровне как носители разных, но в конце концов совместимых интересов. В этом случае модель равносубъектного дискурса в правовом воспитании становится обучающей и практически значимой моделью для выработки у студентов навыков демократической интеракции и intersubjectивного способа достижения консенсуса между государством и гражданским обществом и между партнерами в самом социуме.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Україна у цифрах у 2011 році: статистичний збірник. Київ, 2012.
2. Мартинюк І. Ставлення молоді до суспільних проблем і перспектив // Українське суспільство 1992–2010. Соціологічний моніторинг / за ред. В. Ворони, М. Шульги. Київ, 2010.
3. Студент XXI века: социальный портрет на фоне общественных трансформаций : монография / под общ. ред. В. А. Астахова. Харьков, 2012.
4. Сокурная Л. Г., Дейнеко О. О. Студент українського мегаполісу перед обличчям академічної еміграції: у пошуках ціннісного портрету // Соціологічні студії. № 1. Луцьк, 2012.

С. А. Воронина (Барнаул)

ЛИЧНОСТЬ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Коммуникативные процессы информационного общества влекут за собой кардинальные трансформации социально-психологической, культурной, ценностной сфер и, как следствие этого, возникают все более углубляющиеся противоречия между запросами личности и темпами развития коммуникативных систем. Теоретики постиндустриализма, рисуя общество «всеобщего благоденствия», полагались на взлет и «беспредельные» возможности научно-технического прогресса и эффективность коммуникативных систем в управлении социумом. Технологический прогресс долгое время набирал обороты, постепенно переводя общество в информационную стадию. Однако наряду с материальными, производственными и прочими достижениями, переход общества в новое состояние привел к появлению новых проблем личностного, социально-психологического и правового характера, так как информация, обретая (как это ни парадок-

сально) некое самостоятельное и, как кажется, неуправляемое существование, начинает активно проникать во внутреннюю, духовную жизнь человека и модифицировать ее. Характеризуя человека нового общества, следует отметить его противоречивость и неоднозначность. С одной стороны, информационное общество и его индивид наследовали всю специфику массового общества и массового сознания, порожденного обществом постиндустриальным. С другой стороны, информационное общество характеризуется все более возрастающей тенденцией к индивидуализации личности, отчуждения ее от всех социальных и культурных структур, что способствует формированию нового типа человека и новой социальности.

Информатизация социальной, политической и культурных сфер привела к значительной трансформации духовной сферы человека, а также к таким феноменам, как одномерность человеческой личности и всеобщее «омассовление». «Человек как существо социальное постоянно находится в состоянии коммуникативного взаимодействия» [1, с. 102]. Человек информационного общества становится все более и более зависим от достижений коммуникативных технологий, и на фоне этой зависимости происходит снижение самостоятельной деятельной активности, что приводит к тому, что в информационной цивилизации человек является не только «конструктором мира», но и сам становится объектом конструирования, порождая глобальное обострение моральных проблем, кризис человеческой нравственности.

Широкое распространение, даже экспансия, коммуникативных технологий и их проникновение в социальную и личную сферу жизни изменили роль масс в обществе, привели к разрушению религиозных, социальных и политических верований. На арене политической жизни все более ярко проявляется политический нигилизм, «на смелу Божественному праву королей пришло Божественное право масс, не очень-то склонных к рассуждениям» [2, с. 30], голос толпы становится преобладающим. Причем этот «голос» руководствуется не рациональными детерминантами, он абсолютно иррационален, даже разрушителен. Для человека информационного общества характерен бессознательный и эмоциональный характер поведения, которыми управляет закон «духовного единства толпы», приводящий к исчезновению в толпе сознательной личности, когда в душе исчезает индивидуальность как таковая, то, что отличает одного человека от другого, «разнородное утопает в однородном» [2]. Эти качества сформировались в индустриальном обществе, но получили свое развитие и в постиндустриализме, передавшем наследие в современное обще-

ство. Сегодняшний индивид характеризуется повышенной психической зависимостью, когда под воздействием коммуникативных технологий представители самых разнообразных культур, этносов действуют как один единственный механизм. И для этого совсем не обязательно, чтобы толпа была сосредоточена в одном конкретном месте, достаточно экрана телевизора или компьютера.

Современное информационное общество ставит перед человеком столь сложные задачи, а решение их столь запутано, что человек очень часто старается от этого уклониться. Принципы, лежащие в основе современной цивилизации, «оказались столь глубокими и плодотворными и смогли произвести на свет такой обильный и разнообразный урожай, что, объевшись его плодов, «нормальный» человек потерял к ним всякий интерес... Все прошлые цивилизации погибли по причине недостаточной обоснованности своих принципов, похоже, европейской цивилизации грозит противоположное... Теперь уже сам человек не успевает шагать в ногу с прогрессом, по пути которого неуклонно движется цивилизация» [3, с. 116–117].

В результате появляется феномен «*Homo informaticus*», который чувствует себя «как все» и не переживает из-за этого, что он посредственность и, что самое главное, «имеет нахальство утверждать и всем навязывать свое право на посредственность» [3, с. 102]. В основе общественного духа лежит отказ от своих желаний, амбиций, от того, чувствуем ли мы себя счастливыми или нет. Главное — быть как все, иметь общую судьбу. Человек перестает ощущать потребность в познании нового, замыкается в себе и обращается к одним и тем же идеям. «*Homo informaticus*» мыслит не понятиями, а образами. В его мышлении господствуют стереотипные ассоциации, архетипические установки, глубоко застрявшие в памяти и актуализируемые средствами массовой коммуникации. Интерес к этим проблемам обнаруживается в исследованиях социологов, считающих, что человек и его духовная деятельность находятся в центре внимания социального знания [4].

Сознание *Homo informaticus* имеет сложную структуру. Она включает в себя ценности и морально-этические нормы, традиции, систему материальных и духовных потребностей, стремления и ожидания, политические взгляды и общественные идеалы, реакцию на различные объективные ситуации.

Почвой сознания *Homo informaticus* уже не являются ни географическая среда, в которой существует данная социальная общность, ни ее историческое прошлое, ни условия трудовой деятельности, ни формы общественно-политической жизни. Доминирующим осно-

ванием являются уровень материальной жизни и характер потребления и, конечно, место в существующих социальных отношениях (как правило, в социальных сетях), культура и идеология окружающего общества [5, с. 292].

Систематизируя многочисленные составляющие, характеризующие Homo informaticus, можно выделить следующие основные его особенности. Во-первых, конкретно-ситуативные программы деятельности, неявное знание, непосредственно вплетенное в практику; во-вторых, обыденные житейские установки, суммирующие повседневный бытовой и профессиональный опыт в виде свода простых частных утверждений и рекомендаций; в-третьих, картина мира в целом, основанная на данных, выходящих за рамки непосредственного опыта и предоставленных господствующей в данной культуре системой ценностей, культурной традицией, а также различными специализированными областями знания (как нормативными для данного вида культуры, так и маргинальными).

Инструментом формирования Homo informaticus являются коммуникативные технологии, а также основанные на них общественные связи в форме образования, религии, массовой культуры, рекламы, политические партии, вся система производства и потребления. Точно выразил этот процесс Г. Маркузе: «аппарат производства и производимые им товары и услуги «продают» или навязывают социальную систему как целое. Транспортные средства и средства массовой коммуникации, предметы домашнего обихода, пища и одежда, неисчерпаемый выбор развлечений и информационная индустрия несут с собой предписываемые отношения и привычки, устойчивые интеллектуальные и эмоциональные реакции, которые привязывают потребителей к производителям и через этих последних — к целому. Продукты обладают внушающей и манипулирующей силой... и по мере того, как они становятся доступными для новых социальных классов, воздействие на сознание, которое они несут с собой, перестает быть просто рекламой; оно становится образом жизни. Как следствие, возникает модель одномерного мышления и поведения» [6, с. 14–15].

Сущностью души Homo informaticus оказываются эмоциональные связи, которые способствуют тому, что у индивида появляется тенденция не видеть разницы между реальным и ирреальным миром, принимать желаемое за действительное, жить в мире иллюзий (например, в сетевой игре). Такие особенности Homo informaticus, как ослабление интеллектуальной деятельности, исчезновение сознательной обособленной личности и ориентация мыслей и чувств в одина-

ковом с другими направлениями приводят к регрессу, к примитивной душевной деятельности, к первобытной орде, в которой поведение ее членов целиком детерминировано подсознательными инстинктами. Неслучайно У. Эко охарактеризовал этот процесс как возвращение в пещеру, из которой в свое время вышел человек. «Полный назад!», так называется сборник его выступлений и статей [7]. Благодаря коммуникативным технологиям теперь нет необходимости организовывать собрания людей, которые бы информировали друг друга. Эти средства проникают в каждый дом и превращают человека в члена новой массы. Оставаясь каждый у себя дома, интернет-пользователи, читатели газет, радиослушатели, телезрители и другие существуют все вместе как специфическая общность людей, как особая разновидность человеческой общности. Вместо того, чтобы действовать под влиянием состоящих с ним в межличностном контакте индивидов, Homo informaticus действует, откликаясь на тот объект, который предлагают ему коммуникации. Так как объект его интереса находится за пределами локальных культур и социальных групп и не объясняется в терминах их представлений, он может мыслиться как «отвлекающий внимание людей от их локальных культур и сфер жизни и обращающий его на более широкое пространство» [8]. В этом смысле Homo informaticus в целом есть «некто, состоящее из обособленных и отчужденных индивидов, обращенных лицом к тем объектам или областям жизни, которые интересны, но сбивают с толку и которые нелегко понять и упорядочить» [9, с. 554]. Далее, в силу разнородности, неорганизованности и физической разобщенности Homo informaticus вынужден действовать обособленно, каждый стремится решать собственные проблемы. Эти «индивидуальные деятельности» выступают в форме выборов (от выбора определенного продукта, моды, до выбора политических взглядов, религии, философии), которые являются откликом на неясные порывы и эмоции, побуждаемые объектом массового интереса. Таким образом, формы поведения Homo informaticus парадоксальным образом выстраиваются из индивидуальных линий деятельности, а не из согласованного действия.

С этой точки зрения расширение диапазона информации в массовом масштабе циркулирующей в информационном обществе, в том числе специально направляемой через многочисленные каналы средств массовой коммуникации, будет способствовать актуализации массовых мифов, стереотипов и дальнейшей стандартизации сознания Homo informaticus, что, несомненно, повлечет за собой углубление индивидуализации личности, отчуждения ее от всех социаль-

ных и культурных структур. Для «Homo informaticus» ни одно мнение не может быть принято как авторитетное, но и ни одно мнение не считается как не имеющее ценности.

Мир превращается в единую коммуникативную систему, он заполняется инновациями, для восприятия которых необходимо постоянное развитие познавательных способностей. В новом мире, считает О. Тоффлер, рациональных норм для организации общества и экономики уже недостаточно: «Новая технология ведет нас не к роботизированному, стандартизованному обществу, а к самым дифференцированным структурам, когда-либо наблюдавшимся в истории, каждая из которых продуцирует свою собственную подсистему ценностей... Перекрещиваясь, вступая в конфликт, а иногда и поддерживая друг друга, эти субкультуры создают громадные трудности выбора для корпораций, оказывают большое давление на интеграцию личностей...» [10, с. 101].

В информационном обществе происходит персонализация производственного процесса, задачи, стоящие перед человеком, становятся все более нешаблонными. Таким образом, антропосоциетальная характеристика современного общества, непосредственно связанная с информационной революцией, включает в себя такие факторы, как индивидуализация, так и «массовизация» общества. Появление новых технологий, с одной стороны, усиливает индивидуальный характер деятельности и предоставляет огромный объем информации для развития индивидуального сознания; с другой — способствует выработке единообразных, массовых реакций населения и дает новые возможности манипулирования сознанием Homo informaticus. Можно предположить, что дальнейшее развитие общества будет происходить в диалектическом взаимодействии процессов усиления индивидуального и массового начал в сознании человека.

Огромное значение в данном обществе будут играть интеллектуальные способности человека, его творческий потенциал, ценностные и моральные установки, которые дадут возможность, в конечном счете, преодолеть культурный кризис, связанный с духовными возможностями человечества. В связи с этим, перед исследователями стоит задача решения таких вопросов, как способов его взаимодействия «Homo informaticus» со средствами коммуникации и современными СМИ, самой исторической судьбы, ближайшего и удаленного будущего данного взаимодействия.

Кроме того, перед исследователями стоит задача определения роли Homo informaticus в истории и в дальнейшем развитии общества,

так как несомненным является то, что его сознание Homo informaticus представляет собой не только проявление стихийного потока разрушения, но и является определенной движущей силой общества. Высокому уровню развития Homo informaticus могут быть присущи высокие идеалы и принципы, самоотречение, преданность идее, целеустремленность и способность к духовному творчеству.

В качестве вывода нам хотелось бы привести цитату из работы французского социолога А. Турена «Возвращение человека действующего». Она достаточно обширная, но, как утверждает французский социолог, «приурочена в точности к этому моменту»: «В настоящее время наша культура уже сильно изменена. ... Только обращение к субъекту позволяет сегодня перейти от уже изменившейся культуры к созданию действующих лиц, способных оживить его своими верованиями и конфликтами» [11, с. 198].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Пустовалова Е. В. Коммуникативные отношения в социальных сетях человека // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.
2. Лебон Г. Психология масс // Психология масс: хрестоматия / сост. Д. Р. Райгородский. Самара, 2001.
3. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 1985.
4. Попов Е. А. Человек и его духовная деятельность в центре внимания социологии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 4. Барнаул, 2012.
5. Дилигенский Г. Г. В поисках смысла и цели. М., 1986.
6. Маркузе Г. Одномерный человек; исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 1994.
7. Эко У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ / пер. с итал. Е. Костюкевич. М., 2007.
8. Тард Г. Общественное мнение и толпа Личность и толпа. СПб., 1996.
9. Блумер Г. Коллективное поведение // Психология масс : хрестоматия. Самара, 2001.
10. Сидорина Т. Ю. Философия кризиса. М., 2003.
11. Турен А. Возвращение человека действующего: очерк социологии. М., 1998.

Ю. П. Циркунова (Иркутск)

К ПРОБЛЕМЕ ПОНИМАНИЯ ПРОФЕССИИ СОЦИОЛОГА И СОЦИОЛОГИИ В СИБИРИ

Как известно, социология — это наука, которая изучает закономерности, процессы и явления, протекающие в обществе. В 1964 г. в СССР появилась первая социологическая кафедра на философском факультете Московского государственного университета. Двадцать лет спустя отделения социологии открываются и в других городах Советского Союза. В 1988 г. было принято постановление ЦК КПСС, впервые признавшее необходимость высшего социологического образования в стране. В период с 1989 по 2003 г. открывается более ста социологических факультетов и кафедр. Уже более десяти лет курс социологии является обязательной общеобразовательной дисциплиной в вузах России.

Но, возможно, из-за относительно небольшого возраста социологии как учебной дисциплины и специальности далеко не каждый человек понимает сущность данной профессии. И это, безусловно, отражается на наборе новых студентов вузами России на данное направление подготовки. Основываясь на опыте работы в приемной комиссии Иркутского государственного университета, мы пришли к выводу, что сегодня объяснять, что такое социология и чем занимается социолог приходится не только абитуриентам, которые знают, что такое менеджмент, и не знают, кто такой социолог, но и их родителям. Мы наблюдаем, что не только молодое поколение не осведомлено о профессии, но и более старшие люди заблуждаются в своих представлениях о социологии.

На протяжении всей приемной кампании мы замечаем, как родители очень часто путают социолога с социальным работником, а абитуриенты, которые имеют хоть какую-либо информацию о профессии, полагают, что социолог — это человек, в обязанности которого входит лишь уличный опрос людей.

Более того, замечена тенденция, что на социологию поступают преимущественно девушки. Таким образом, социология превратилась в женскую специальность. А именно, взяв списки групп студентов-социологов нашего факультета с первого по пятый курс, мы обнаружили, что из 82 человек — всего четыре юноши. В то время как на менеджменте обучается в пятнадцать раз больше молодых людей. На наш взгляд, это существенным образом связано с непониманием смысла и содержания профессии. Изначально же профессия носи-

ла сугубо мужской характер, и ситуация складывалась с точностью до наоборот.

Но это только одна сторона повседневного представления жителей Сибири о социологии. Бытует мнение и о том, что социология продажна и построена на фальсификации данных, что тоже отталкивает от нее людей. И переубедить их очень сложно. Люди не берут во внимание такой фактор, как профессиональная репутация социолога, который играет самую важную роль в построении карьеры. Ведь хоть раз заметят плагиат или фальсификацию данных со стороны социолога, то ему навсегда перекроют дорогу в профессиональный мир.

Безусловно, с течением времени образы социологии и социолога меняются. Специальность только начинает укреплять свои позиции на рынке труда, ведь сегодня почти каждая фирма или компания нуждается в хорошем аналитике, которым и является социолог. Осознание важности, значимости и престижности профессии становится более явным. В скором времени это приведет к изменению спроса на данное направление, прежде всего со стороны представителей мужского пола.

С. В. Кинелев (Барнаул)

ПРОТОСОЦИОЛОГИЯ* ОГУСТА КОНТА: ДЕРЗКАЯ ОЦЕНКА Д. И. ПИСАРЕВА

Вторая половина XIX в. ознаменовалась поиском предмета будущего концептуально-теоретического и феноменологического основания социологии. Заметим, что в этот исторический период социальную мысль и публицистику Европы и России захватил широкой волной позитивизм. Как образно подметил А. Ф. Кони, «с легкой руки Огюста Конта... под влиянием внешней стройности... ненужный багаж устарелого умозрения с презрительным смехом был выброшен за борт» [1, с. 341]. На фоне других представителей позитивизма, всего философского сообщества Европы, России, идеи Огюста (Августа) Конта, несмотря на его острое психическое заболевание, оценивались весьма активно и неоднозначно.

Многие считали, что его взгляды, или, как их называли современники, «утопии», полны самых разнообразных курьезов, способных со-

* Термин «протосоциология Огюста Конта» ввел в научный оборот В. А. Ядов в своей фундаментальной работе «Стратегия социологического исследования» (М., 1998).

здавать только потешное настроение у читателей, особенно теория о трех фазах в умственном развитии человечества. Значительную критику вызвало и видимое противоречие в том, что он «...совмещал несовместимое — с одной стороны, утверждая, мы познаем только фактическую связь явлений, а с другой, что история управляется идеями» [2]. Вот почему популярной была обидная оценка идей Огюста Конта как некое «... умственное окошко, через которое мы видим один задний, или как французы говорят, нижний двор (la basse cour)» [3, с. 450]. Особенно это заметно на фоне оценки его современника Жан-Мари Гюйо, известного французского социолога, выпустившего книгу «Очерк учения о нравственности без обязательств и принуждения», которая содержала «... пленительные страницы» [1, с. 365].

Вместе с тем была известна и другая позиция, образно, например, высказанная Освальдом Шпенглером (правда, хронологически позже) в работе «Закат Европы», где он считал Огюста (Августа) Конта одним из оснований мирового мышления, с его формулой «*ordre et progress*» (порядок и прогресс) [4, с. 557].

В России принципиальное отношение к идеям Огюста Конта определял философ-фидеист В. Соловьев. В своей магистерской диссертации (1874 г.) он отрицательно относился к позитивизму в целом и взглядам Конта в частности. Однако через 24 года (1898 г.), не отрицая своего прежнего отношения, он все же его взгляды ставил выше всех других позитивистов. Вл. Соловьев поразил философскую общественность России, выделив основную парадигму Огюста (Августа) Конта о необходимости изучать только явления. В границах своей понятийной философии он оценил его идеи как «смысл для своего времени» [2, с. 102, 176].

Такой разброс оценок, по всей видимости, определялся тем, что шел интенсивный поиск методологических оснований для нового научного направления. Так, Огюст Конт привлекал аналогии из физики и считал свои взгляды социальной физикой, а Габриель Тард предполагал, что социология вырастает из политической экономии [5, с. 371–426].

В российской социальной мысли «мировоззренческий шок» вызвала статья молодого, но публицистически дерзкого Дмитрия Ивановича Писарева. Он прожил обидно мало, но оставил после своей смерти в неполных 28 лет (1840–1868), целых шесть томов публицистики с очевидным критическим запалом. Тем не менее в советской литературе его считали одним из предвестников социологической мысли в России. Суть его взглядов заключалась в анализе взаимодействий между «низами» и «верхами» общества [6, с. 274].

Однако известно, что современники имели другую точку зрения на взгляды Д. И. Писарева, сотрудника журнала «Русское слово». Так, известный писатель Иван Иванович Латечников (1792–1869) писал, что Писарев «...хлещет зря кого ни попало... вроде молодчика из богатых купчиков, бросающих бутылкою в картину знаменитого художника» [1, с. 142].

Как вел себя Д. И. Писарев (молодчик из богатых купчиков) в отношении взглядов Огюста Конта? Обратим внимание на его статью «Исторические идеи Огюста Конта» [7, с. 310]. Начало статьи довольно объективно и аргументированно характеризует идеи Конта как честный и самостоятельный анализ европейского общества в 30-е гг. XIX столетия. Автор соглашается с тем, что исходной точкой его исследований и умозрения представляется, что «... явления общественной жизни подлежат естественным законом, что они сложнее всех остальных явлений природы» [7, с. 314].

Но сразу же после такой спокойной оценки мысли Огюста Конта высказывается первая задиристая характеристика, что эта мысль не новая и ее уже повторили на разные лады [7, с. 314]. Затем наступила очередь теории трех фаз: теологической, метафизической и положительной. Писарев не стесняется в выражениях: «игра слов», «безалаберщина», «не сумев остановиться вовремя», «повредил своему собственному делу» и т.п. [7, с. 316–318].

После таких обвинений Писарев начинает собственное изложение человеческой истории строго в рамках его теории о постоянной борьбе «низов» и «верхов». Большая часть следующих разделов данного сочинения посвящена критике книги Конта «Положительная философия», где слабым местом, несостоятельной мыслью объявляется методология исследования исторического развития нравственности. В итоге взгляды Конта приравниваются к «... записным, неумолимым и неистовым мастерам диалектического дела, бесстрашным рыцарям рогатого силлогизма» [7, с. 430].

По сути дела, такая оценка протосоциологии Огюста Конта надолго определила отношение к ней российской социальной мысли, которая даже более чем через столетие после смерти Д. И. Писарева практически слово в слово воспроизводилось в официальной оценке Советского энциклопедического словаря [8, с. 629].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кони А. Ф. Собрание сочинений. М., 1969. Т. 7.
2. Лосев А. Ф. Владимир Соловьев. М., 1994.
3. Соловьев В. С. Соч. М., 1989. Т. 2.

4. Шпенглер О., Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993. Т. 1.
5. Тард Г. Социальная логика. СПб., 1996.
6. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
7. Писарев Д. И. Полное собрание сочинений въ шести томахъ. СПб., 1894. Т. 5.
8. Советский энциклопедический словарь. М., 1979.

В. В. Нагайцев (Барнаул)

ФЕНОМЕН НЕГАТИВНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

Анализ потенциала протеста населения является одним из наиболее важных аспектов изучения уровня социальной напряженности в современном российском обществе, рост которой представляет собой реальную угрозу социальной безопасности государства.

В социологическом понимании протест есть форма социального действия индивидов, противоположная конформизму, для которой характерно открытое неприятие ими сложившейся в социуме ситуации. В отличие от плюрализма в оценке протеста как социального феномена, присущего современной социологической науке, представители власти воспринимают социальный протест, как правило, только как нежелательную форму массовой активности населения, дестабилизирующую обстановку в регионе [1].

Социальный протест определяется нами как процесс взаимодействия социальных субъектов, имеющий цель изменить какую-либо существующую ситуацию в социуме, вызывающую недовольство данных субъектов, посредством проведения ими специальных индивидуальных и коллективных акций. Акции социального протеста обычно отличаются массовостью, широкой социальной базой, нестабильностью состава, нередко стихийностью и спонтанностью действий участников. К основным формам социального протеста относятся: забастовки, митинги, пикеты, демонстрации, шествия, марши; голодовки протеста; протестное голосование избирателей; блокирование шоссе, железных дорог; захват производственных зданий и помещений; акции гражданского неповиновения, стихийные бунты и более решительные незаконные действия. К репертуару протестных действий социальных субъектов с некоторой степенью уверенности в ряде случаев можно также отнести невыполнение работниками распоряжений руководителей организации, пьянство, суицид,

агрессию [2], расхитительство, саботаж, преднамеренные поджоги и даже отдельные виды уголовных преступлений.

С нашей точки зрения, любой протест характеризуется четырьмя основными социальными показателями:

- социальной базой;
- целью действий протестующих;
- степенью организованности акций протеста;
- идеологической направленностью действий протестующих.

Известно, что любое массовое движение может состояться только при наличии соответствующей социальной базы. Социальная база протеста — это социальные группы, общности, слои, классы и подобное, на которые опирается данное протестное действие и чьи интересы в долгосрочной перспективе выражает и защищает идеологическая доктрина протеста. Искусственно создать базу протеста без каких-либо социальных предпосылок очень сложно. Участники социального протеста могут вовлекаться в него стихийно или отбираться целенаправленно. В акции протеста важна не столько численность социальной группы, сколько ее активность. У конкретной акции протеста могут присутствовать или отсутствовать лидеры, иерархичная структура, специальная символика и т.п.

Социальная база современного социального протеста населения была заложена еще в середине 1990-х гг. произведенной в российском обществе приватизацией промышленных предприятий, радикальной либерализацией потребительских цен и разрушением социальной инфраструктуры государства. Значительная часть появившихся крупных собственников не была ориентирована на поддержание производства. Она в больших размерах вывозила капиталы за границу, подрывая и так ослабленный экономический потенциал страны. Рыночные преобразования 1990-х гг. привели к сильной дифференциации и поляризации населения по доходам, объемам собственности, уровню и качеству жизни. Готовность большинства населения к переменам в жизни в направлении экономической и политической свободы обернулась для многих личным разочарованием в их результатах. Все это породило действие таких долговременных факторов, как растущая безработица, сужение внутреннего рынка и вытеснение с него отечественного производителя, криминализация экономики и т.д., которые и привели к тяжелым социальным последствиям, создавая основу напряженности в обществе, и тем самым формируя социальную базу современного протеста [4].

Нынешние социально-экономические и политические инновации, процессы модернизации технологического развития России так-

же сопровождаются нарастанием социальной напряженности в обществе, проявляющейся прежде всего в новых протестных выступлениях граждан. Современный протест населения представляет собой крайне сложный и многоуровневый процесс. В феномене протеста можно заметить реальный и потенциальный уровни действий социальных субъектов. Потенциал протеста формирует та часть населения, которая не отвергает для себя возможности участия в акциях протеста в будущем, но не предпринимающая каких-либо подобных шагов в настоящее время. Формирование и развитие потенциала протеста предполагает две стадии. Первая — рост у населения настроений протеста, которые выражаются в общем недовольстве сложившейся ситуацией (распространенность таких настроений можно измерить с помощью массового анкетного опроса населения). Вторая стадия непосредственно предшествует реальным протестным действиям и начинается тогда, когда у значительного числа людей в социуме возникает желание как-то изменить ситуацию, в которой они оказались.

За последние годы протестный потенциал россиян был наиболее высок в начале 2005 г., когда в связи с монетизацией льгот половина респондентов допускала возможность своего участия в массовых выступлениях против падения уровня жизни в их населенном пункте. Затем протестный потенциал населения последовательно снижался. Его минимум пришелся на весну 2008 г., когда 26% опрошенных допускали всплеск массовых волнений, а большинство (67%) считало это маловероятным. Из данных опросов видно, что показатели потенциала протеста в стране вновь стали значительно расти с конца 2008 г.

Социальная база потенциала протеста населения в современных условиях продолжающегося мирового финансово-экономического кризиса в российском обществе, безусловно, есть, и она достаточно широкая и разнородная. Существуют многочисленные категории населения, которых кризис затронул напрямую: это и значительная часть занятых физическим трудом работников промышленных предприятий и строительной индустрии, и менеджеры разного звена, и предприниматели, и довольно широкий круг госбюджетной интеллигенции. Протестные настроения в разной степени выражают представители профсоюзных и общественных организаций. Еще один большой социальный контингент, который охотно выходит на улицу при массовых потрясениях в обществе — это молодежь.

Готовность человека к протесту во многом обусловлена его принадлежностью к определенным социальным группам и слоям. К уча-

стию в акциях протеста с большей вероятностью прибегнут социальные субъекты, которые имеют невысокий жизненный уровень и испытывают острые материальные трудности. Мужчины более, чем представительницы слабого пола, предрасположены к участию в протестах. Наибольшую готовность поддержать акции протеста демонстрируют сейчас прежде всего работники бюджетных организаций, пенсионеры и безработные. Выше средней она у студентов. Наиболее низка склонность к социальному протесту у работников правоохранительных органов, военнослужащих и рабочих. Возрастные пики потенциала протеста демонстрирует группа 45–50-летних. Лица старше 50 лет активнее, чем молодые респонденты, и настроены участвовать в митингах.

Существует определенная «поселенческая структура» настроений протеста. Главные выразители протестных настроений — жители малых аграрных городов края и рабочих поселков (Заринск, Яровое, Кулунда, Горняк, Змеиногорск), на их долю приходится большинство респондентов, заявляющих о готовности принять участие в массовых выступлениях. Высокий уровень потенциала протеста формируется также в крупных городах Алтайского края и их пригородах.

Нами зафиксировано, что большинство опрошенных не склонно принимать участие в любых акциях протеста вообще. Среди тех, кто намерен протестовать, предпочтение отдается «мягким» его формам — разрешенные митинги и забастовки. Экстремистские формы протеста, связанные с акциями гражданского неповиновения, с применением насилия и нарушением общественного порядка, даже в проецируемой ситуации уже начавшейся подобной акции получают совсем небольшой процент поддержки (3% опрошенных). Как показывает опыт некоторых стран СНГ (например Грузии, Киргизии, Молдовы), и такого количества людей хватает для масштабной дестабилизации социальной ситуации в обществе.

Главное основание потенциала протеста — низкий уровень жизни населения. Следует, однако, заметить, что недовольство граждан материальными условиями своей жизни является не единственным фактором, определяющим потенциал протеста в обществе. Влияние на возникновение акций протеста оказывают и политические факторы — существование оппозиционных политических партий в регионе, уровень политической активности и культуры населения и т.д. Люди, не доверяющие федеральным и региональным властям, низко оценивающие их деятельность в решении социальных проблем, потерявшие веру в демократию, выражают протестные настроения в большей степени, чем те, кто склонен поддерживать существующую

щий режим. Чем больше люди включены в политику, тем большим протестным потенциалом они обладают. В последнее десятилетие наблюдается процесс падения интереса широких слоев населения к политике, который, в свою очередь, сопровождается уменьшением их реальной протестной активности. Люди безразлично или негативно относящиеся к политике и политикам, протестовать обычно не собираются. Массовое сознание в российском обществе деполитизировано, и без активной агитации в СМИ основная масса населения займет, скорее всего, безучастную позицию в отношении даже уже начавшихся акций протеста или будет колебаться в зависимости от хода событий. Хотя доля респондентов, готовых участвовать в акциях массового протеста, если они уже начались, достаточно значительна.

Для протестного движения не обязательно иметь полноценную и многочисленную социальную базу. Например, социальная база дисидентского движения в советское время была довольно узкой и сводилась почти исключительно к творческой интеллигенции. Как показывает опыт других стран, функцию ядра протеста могут играть маргинальные группы и слои. Социальной опорой современного протестного движения станвится не отдельно взятый класс — рабочие или крестьяне, не отдельный социальный слой — интеллигенция, а совокупность людей из рабочих, крестьян и интеллигенции, у которых есть настоятельная потребность восстановить какие-либо нормы социальной справедливости. При достаточно большом количестве недовольных как своим личным материальным положением, так и общим положением дел в стране, большинство населения Алтайского края воздерживается пока от реального участия в массовых акциях протеста. В обществе пока еще нет конкретного, четко обозначенного объекта недовольства. По мере углубления и длительности финансово-экономического кризиса в стране, по нашему мнению, будет происходить рост количества акций социального протеста населения, численности участников акций, популярности новых, более радикальных форм протестного поведения социальных субъектов. Структуры для мобилизации участников протестного движения в России уже готовятся [6].

Особую актуальность в настоящее время имеют социологические исследования, ориентированные на познание природы, сущности, содержания, факторов социального самочувствия и безопасности населения, на разработку методов их оценки и поиск эффективных механизмов оптимизации стратегии их обеспечения с целью разреше-

ние реальных противоречий социальной жизни. Важность таких исследований состоит в том, что они позволяют получить объективное знание о социальной ситуации на разных уровнях организации общественной жизнедеятельности, о результатах проводимых социальных реформ, определить возможности и перспективы развития социальных субъектов и на основании этого предложить способы совершенствования социальных условий в интересах человека, гражданина, семьи, общества и государства. Важно выделить региональные особенности, влияющие на социальное самочувствие населения и его безопасность, в связи с тем, что имеется специфика развития каждого отдельного региона в масштабах всей страны [7].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Артюхина В. А. Некоторые аспекты социологических исследований протестного поведения населения // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2013.
2. Стерлядева Н. А. Особенности агрессии как формы протестного поведения подростков // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.
3. Социальный протест и трудовой конфликт / под ред. В. В. Козловского. СПб., 1999.
4. Артюхина В. А. Социальный протест как проявление гражданского общества // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2011.
5. Курбатова М. В. Выбор работников способов защиты своих трудовых прав // Социологические исследования. 2009. № 7.
6. Трубицин Д. В. «Модернизация» и «негативная мобилизация». Конструкты и сущность // Социологические исследования. 2010. № 4.
7. Колесникова О. Н., Артюхина В. А. Безопасность и социальное самочувствие населения: региональный аспект // Вестник алтайской науки 2013. № 3.

Г. В. Оболянский (Барнаул)

ОТНОШЕНИЕ К ПРОШЛОМУ И НАСТОЯЩЕМУ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН

Кто контролирует прошлое, тот управляет настоящим,
Кто управляет настоящим, тот контролирует будущее.

Джордж Оруэлл. 1984.

В последние годы предметом больших дискуссий не только в научном сообществе, но и среди различных общественных групп стал вопрос об отношении россиян к своему прошлому (дореволюционному, советскому) и настоящему. Исторические оценки тех или иных событий волнуют не только профессиональных историков, но и ностальгирующих обывателей, политиков, интеллектуальных блогеров. Страна и общество раскололись. На эту ситуацию обратил внимание президент РФ В. В. Путин в своем выступлении на заседании политического клуба «Валдай» (сентябрь 2013 г.). «Мы должны, — сказал он, — залечить эти раны, восстановить целостность исторической ткани. Нельзя больше заниматься самообманом, вычеркивая неприглядные или идеологически неудобные страницы, разрывая связь поколений, бросаясь в крайности, создавая или разрывая кумиров. Пора прекратить замечать в истории только плохое, ругать себя больше, чем это сделают наши недоброжелатели. Критика необходима. Но без чувства собственного достоинства эта критика унижительна и непродуктивна. Мы должны гордиться своей историей, и нам есть чем гордиться. Вся наша история без изъятия должна стать частью российской идентичности. Без признания этого невозможно взаимное доверие и движение общества вперед» [1].

Отношение российских граждан к своей истории, их оценки прошлого и настоящего можно рассматривать с таких позиций:

- в рамках исторической памяти или живой устной традиции в восприятии информации о прошлом через настоящее;
- в виде оценочных суждений представителей различных политических партий и движений, политических деятелей, журналистов, блогеров и других владельцев социальных сетей;
- в рамках отношения этносов к истории собственного народа и общероссийской истории;
- манкуртистского равнодушия или потери чувства родства и любви к своей Родине, родному краю;

- оценки исторических событий и исторических деятелей с позиций презентизма и конспирологии;
- с точки зрения так называемой политкорректности в анализе и освещении исторических событий и процессов и т.д.

В обобщенном понимании отношение к прошлому можно обозначить понятием «*историческая культура*». Сущность этого понятия раскрывается в работах А. В. Тишкова, Л. П. Репиной, П. М. Савельевой, А. В. Полетаева и др.

В частности, Л. П. Репина считает, что в качестве составляющих исторической культуры выступают: исторические мифы, ментальные стереотипы, обыденное историческое сознание, историческая память как «совокупность восприятий, представлений, суждений и мнений относительно событий, выдающихся личностей и явлений исторического прошлого, а также способов объяснения, рационализации и осмысления последнего в «ученой культуре» [2, с. 6].

В. А. Тишков вводит понятие «*новая историческая культура*» и отмечает ряд ее современных особенностей:

- 1) вхождение в трактовку исторического прошлого ныне действующей политики, и поэтому оценочные суждения о прошлой истории актуализируются «злостью дня», а образы прошлого формируются не на «норме», а на зигзагах истории или на ее «крутых поворотах»;
- 2) в трактовку прошлого активно вторгаются современные нормы права и морали, как если бы людские сообщества всегда жили по нынешним правовым и нравственным нормам и имели бы такие же представления о добре и справедливости, моральные и ценностные установки, какие свойственны современному миру;
- 3) более широкая вовлеченность публики в исторические сюжеты. Современное историческое сознание стало менее строгим и более калейдоскопичным. Благодаря Интернету исторические данные стали доступны в колоссальном объеме и огромному количеству людей. Здесь часто не действуют законы авторства и оригинальности текста, отсутствуют ссылки на источники. В Интернете нередко помещаются «заказуха-навет», фальсифицируются исторические документы;
- 4) поскольку спрос на историческое знание сильно возрастает, то и сама история становится бизнесом, в котором сегодня преуспевают коммерческие историки. Особое место в этом бизнесе занимает историческая беллетристика. Авторы, пишущие романы «из жизни прошлого», находят имена своих персона-

жей на страницах летописей и хронографов (памятников древнерусской литературы), но уже не заботятся об исторической достоверности, источники не сковывают их фантазию. Историческим остается только имя персонажа [3].

Спрос на историю — это желание одних убедиться в величии собственного прошлого, почувствовать себя сопричастными к героической истории своего народа, а для других — напротив, уничтожения исторического прошлого. Литераторы-«историки», соответственно запросам, используют в своем лексиконе понятия либо «Великая Россия», «Великая Победа», либо «Верхняя Вольта с ракетами», «коммунистический Гулаг народов», «империя зла» и т.д. [3]. Но следует отметить, что «любовь к Родине и гордость за нее не исчезли из сознания современной молодежи... Более того, их гордость связана в основном с жизнью их родителей. Это свидетельствует еще об одном важном моменте, что, несмотря на критику «всего советского», развернутую в ельцинскую эпоху, молодежь не отрицает ни успехов России в прошлом, ни заслуг своих родителей и гордится своей Родиной» [4, с. 217].

В исторической культуре исследователи выделяют несколько субкультур. В.В. Согрин называет три исторические субкультуры постсоветской России: 1) *народная субкультура*, отражающая восприятие истории массовым общественным сознанием; 2) *государственно-политическая субкультура*, сформированная в той или иной мере при посредстве государственного заказа или партийными публицистами и идеологами; 3) *научная академическая субкультура*, созданная профессионалами на основе документальных источников и дисциплинарных научных критериев [5, с. 91].

В народной субкультуре в наибольшей мере находит воплощение *историческая память* о прошлом. Это набор передаваемых из поколения в поколение исторических сообщений, мифов, субъективно преломленных рефлексий, т.е. критического осмысления и анализа событий прошлого. Историческая память — это не просто канал передачи сведений о прошлом, она обладает большой потенциальной силой воспитательного воздействия: содержащиеся в массовом сознании оценки событий прошлого превращаются в ценностные ориентации, определяющие поступки и действия людей. На основе исторической памяти формируются символические и ритуальные формы воздействия на сознание людей (праздники, образы национальных героев, песни, марши и пр.). Восприятие информации о прошлом народным историческим сознанием нередко мифологично, в нем преобладает зачастую не рациональный, а эмоциональный элемент.

Некоторые исследователи при изучении массового исторического сознания используют методологию *презентизма* (англ. *present* — настоящее время), которая отрицает объективность исторического познания и рассматривает историю как проектирование в прошлое современных стремлений и чаяний. Иными словами, для оценок прошлого характерна социальная, политическая, идеологическая, этническая и иная обусловленность [6, с. 63–78].

Еще одну особенность восприятия исторического прошлого исследователи рассматривают в рамках *конспирологии* (от лат. *conspiratio* — «заговор»), или «теории заговоров». Имеется в виду, что все исторические события должны объясняться как следствие заговоров неких тайных сил (тайных обществ, каких-либо оккультных явлений и т.п.). В связи с этим ходу истории приписываются какие-то скрытые причины, или, напротив, эти причины скрываются от широкой общественности. Кроме того, конспирологический подход предполагает, что все люди исполняют лишь планы Провидения [7].

В последние годы для ряда социологических служб (ВЦИОМ, Левада-Центр и др.) предметом социологического исследования стало *отношение россиян к советскому прошлому*. Именно на основе этого отношения происходит раскол общества на «сталинистов» и «антисталинистов»; одни говорят о Великой Победе советского народа в Отечественной войне, а другие — о поражении; одни с гордостью произносят слова «советский человек», а другие козыряют презрительным понятием «совок»; для одних образцом является плановая регулируемая экономика социализма, для других — стихийный рыночный капитализм и т.д.

В. В. Согрин, главный редактор журнала «Общественные науки и современность», являющийся, по собственным словам, либералом и демократом, вместе с тем уважительно высказывается по поводу того, что, по данным социологических исследований Левада-Центра, оценки массовым общественным сознанием «знаковых» исторических событий (Октябрьская революция 1917 г., события августа 1991 г., развитие страны в 1990-е гг. и др.) не совпадают с официальными оценками властей и апологетов нынешнего российского политического режима.

Приводя в качестве примера состязание телезрителей с авторами телепроекта «Исторический процесс» (5-й петербургский канал и главный канал российского ТВ в 2009–2012 гг.), В. В. Согрин пишет: «... народная историческая «наука» раз за разом наносила сокрушительное поражение (в ходе голосования телеаудитории. — Г. О.) оппонентам советской истории, среди которых преобладали именитые

ученые-историки. Для исторических оценок телезрителей сталинские преступления... оказались менее страшными, нежели что-то другое, маячившее в их сознании в качестве более реальной, осязаемой и мерзкой альтернативы. Этой реальной альтернативой, судя по исследованиям Левада-Центра, для многих, если не большинства россиян, является современная Россия. Телезрители не упустили шанса отомстить «большому злу» благосклонным отношением к «злу меньшему», которое допускало меньше коррупции, социальной несправедливости (для россиян это неоправданный разрыв в положении верхов и низов, со всеми вытекающими отсюда политическими и правовыми последствиями), уличной и бытовой преступности» [5, с. 94–96].

Принято считать, что историческое прошлое волнует в основном людей старшего поколения. Что касается молодежи в возрасте 20–30 лет, то, как пишет руководитель Центра комплексных социальных исследований ИС РАН В. В. Петухов, становление этого поколения «происходит в относительно благоприятных условиях, и оно первое, для которого адаптация к новым экономическим, социальным и политическим реалиям постсоветской России уже не является актуальной, поскольку сами эти реалии представляют для него естественную среду обитания». И в связи с этим, по мнению В. В. Петухова, для этого поколения характерен «слабовыраженный интерес к историческому прошлому страны». Тем не менее существует немало оснований для проявления радикальных настроений в среде «поколения нулевых». Этот радикализм порождается сужением «коридора возможностей» в особенности при решении таких проблем самореализации, как получение образования, занятость, карьерный рост и т.д. [8, с. 56–58].

Критически мыслящая часть интеллектуальной элиты начинает анализировать, как решались эти проблемы в советское время. В частности, нынешний министр культуры В. Мединский сравнивает возможности карьерного продвижения молодежи при В. И. Сталине и в современных условиях. «У Сталина, — говорит он, — был прямо-таки звериный нюх на людей, и его «социальная лестница» часто вздымала наверх таланты, давая им возможность в 35–40 лет возглавить министерства, заводы, армии. Например, маршалы Победы вспоминаются нам седовласыми стариками с иконостасом орденов на груди. Но такими мы знаем их по портретам, сделанным в 70-е гг., с обложек изданных мемуаров. На начало войны они были моложе маршалов Наполеона!

А в наше время социальные лифты не работают. И те, у кого нет возможности для самореализации, нет вовлеченности в гигантский проект под названием «Россия», выходят на Манежную площадь» [9, с. 42].

Социологи, изучающие отношение россиян к историческому прошлому, обращают внимание на такую тенденцию: чем дальше по времени уходит советская эпоха, тем все большее количество россиян отказываются от негативных оценок прошлого. Авторы исследований предполагают, что респондентская масса в данном случае пользуется в своих суждениях не политическими установками властей и не инструментарием, присущим исторической науке, а собственным мироощущением, т.е. тем, что ей лично принесла победа либеральных младореформаторов.

Историческое прошлое активно вторгается в современные межнациональные отношения россиян как в форме упрощенных националистических установок и ценностных ориентаций типа: «это наша страна, мы главные, мы государствообразующая нация, мы чище, древнее, культурнее», так и в виде теорий и политической практики идеологов этнического и политического (государственного) национализма [10].

Джин этнического национализма был выпущен из бутылки в тот момент, когда решался вопрос о создании СССР (1922 г.). Известный российский историк Ю. Жуков рассказывает о том, что большинство руководителей правящей партии большевиков первоначально соглашалось с идеей В. И. Сталина, что образовавшиеся после победы Октябрьской революции республики (Украина, Белоруссия, Закавказская федерация) должны войти в состав РСФСР на правах автономий, и таким образом могло бы создаться унитарное государство. Однако на пленуме ЦК РКП (б) 6 октября 1922 г. член ЦК Лев Каменев сослался на то, что он якобы советовался с В. И. Лениным и что Ленин предложил создать СССР по принципу конфедерации, в соответствии с которым все советские республики входят в состав СССР как независимые и имеют право на самоопределение и на отделение. Правовая неопределенность этого положения, сохранившаяся во всех последующих Конституциях Советского Союза, послужила одной из причин, почему центральное руководство СССР не смогло противостоять сепаратизму и национализму в республиках. Статья о самоопределении и возможности отделения явилась миной замедленного действия, которая взорвалась, когда в Беловежской пуще собрались первые руководители России, Украины и Белоруссии и объявили о прекращении существования СССР [11].

Идеи этнонационализма, хранящиеся в исторической памяти этнических групп России, подхватываются руководителями ряда экстремистских организаций и движений, а порой и политической элитой некоторых национально-государственных образований. К приме-

ру, у национал-сепаратистов Татарстана существует проект построения независимого тюркского государства «Идель-Урал» на территории Татарстана, Башкортостана и соседних регионов. А 2013 г. объявлен лидерами Союза татарской молодежи «Азатлык» «Годом монгольского завоевателя Батыея», организуются «праздники сожжения русских городов» [12].

Возможно, в целях исторической политкорректности в проекте нового «сбалансированного» учебника по истории предлагается изъять понятие «татаро-монгольское иго» [13].

Историческая память представляет собой одну из важнейших составляющих общественного сознания. А на сознание людей влияют многие факторы, в том числе и различные технологии информационного воздействия.

Один из приемов манипуляции — *перекодировка исторической памяти*. На языке стратегической разведки это цивилизационная перевербовка. Специалисты в области информационно-психологической экспансии навязывают людям чужие смыслы и ценности. Перекодировка сознания лишает общество его исторически сложившейся идентичности. Примером перекодировки являются голливудские фильмы о Второй мировой войне. В них немцы — трагические герои, обманутые нацистской пропагандой и достойные сострадания. Американцы — спасители. А русские воины, освободившие концлагерь, предстают угрюмыми варварами, эдакими конниками Чингисхана, на которых с ужасом смотрят спасенные евреи.

К перекодировке сознания нашего народа, затеянной на Западе, с энтузиазмом подключились отечественные кинематографисты. А. Кондрашов, автор рецензии на фильм «Сталинград», пишет: Красная армия, в которой служил Сергей Бондарчук, будущий народный артист СССР, Сталинград не сдала, но сдал его сын отца-фронтовика Федор Бондарчук, кинорежиссер. «Русские в «Сталинграде» — неумные, дикие, жестокие. Убивают своих. Бессмысленно и беспощадно. Исторической правды... в фильме нет. Есть мифы». А немцы — «сложные личности, которые должны вызывать у кинозрителей сочувствие» [14].

Еще один из методов манипуляции историческим сознанием — *демонизация* (от слова «демон» — злой дух). Демонизация — это представление субъекта как существа, склонного по своей природе к аморальному, антиобщественному поведению. Это существо обладает сверхобычными, иногда магическими способностями и является источником опасностей и неприятностей для других людей. Профессор МГУ им. Ломоносова С. Расторгуев, специалист по изучению информационных войн, отмечает, что «если бы даже Сталин и другие руко-

водители СССР не совершили никаких преступлений, их осуждение все равно бы произошло, чтобы планомерно создавать образ жуткого врага, для уничтожения которого годятся любые средства» [15].

В формировании исторического сознания и исторической памяти множественность подходов неизбежна, поскольку с течением времени происходит переосмысление прошлого. Однако для всех, кто занят в воспитательном процессе, очень важно ставить перед собой главную задачу: историю нельзя очернять, необходимо и в теории, и в политической практике добиваться того, чтобы каждый гражданин страны мог сказать: несмотря на ошибки, которые имелись в нашем прошлом, мы гордимся своей историей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Стенограмма выступления Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» // Российская газета. 2013. № 212 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html>
2. История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л. П. Репина. М., 2006.
3. Тишков В. А. Историческая культура и идентичность // Уральский исторический вестник. 2011. № 2 (31).
4. Сытых О. Л. Мир ценностей российской молодежи в контексте динамики современного социума // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2/2.
5. Согрин В. В. Три исторические субкультуры постсоветской России // Общественные науки и современность. 2013. № 3.
6. Савельева И. М., Полетаев А. В. О пользе и вреде презентизма // «Цепь времен»: Проблемы исторического сознания. М., 2005.
7. Дугин А. Конспирология. Парадигмы заговора (Введение в конспирологию) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.artogaia.com/public/consp3.htm/>
8. Петухов В. В. Поколение «нулевых»: социальные настроения, идеологические установки и политическое участие // Политические исследования. 2012. № 4.
9. Мединский В., Мельников И. Можно ли судить историю? // Российская Федерация сегодня. 2011. № 10.
10. Тишков В. А. Крайние формы национализма стали платой за свободу. Дискуссионный клуб с Евгением Шестаковым. Совместный проект сайта «РГ» и «Валдайского клуба» // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2011/05/06/tishkov-site/html>.

11. Жуков Ю. Право на выход. Беседу вел Алексей Полубота // Литературная газета. 2011. № 36. 14–20 сент.
12. Крюков Э. Построение новой «Золотой орды» под знаменами халифата? // Суть времени. 2013. № 12. 23 янв.
13. Ворсобин В. Историки отменили татаро-монгольское иго // Комсомольская правда. 2013. № 128. 27 сент.
14. Кондрашов А. Сталинградская пицца, или Как Бондарчук-сын сдал «Дом Павлова» // Литературная газета. 2013. № 42. 23–29 окт.
15. Расторгуев С. Информационные войны — угроза для цивилизации. Беседовал О. Назаров // Литературная газета. 2013. № 42. 23–29 окт.

Д. А. Дирин, Н. П. Гончарова (Барнаул)

РОЛЬ СОЦИОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ

Как показывают результаты многочисленных исследований, изменение внешней среды и внутренних императивов функционирования этнокультурных ландшафтов (этнопсихологических стереотипов) зачастую приводит к серьезным социальным последствиям: потере жизненных ориентиров, разрушению устоявшейся системы природопользования, обнищанию населения, алкоголизму, наркомании, росту преступности, массовым миграциям населения и пр. Особый смысл эти процессы приобретают в полиэтнических регионах, где изменение условий среды и этнопсихологических установок может привести к обострению межэтнической конкуренции за ресурсы и вылиться в новые межнациональные конфликты.

Актуальность поднимаемой проблемы определяется существенными пробелами этнографии, географии и культурологии в понимании реакции этнокультурных ландшафтов на изменения внешней среды, а также адаптивных возможностей этнических сообществ к новым условиям без разрушения системообразующих этнопсихологических стереотипов. Значимую роль в исследовании этих процессов может сыграть и социологическая наука.

Вопрос о специфике природы этнических общностей до сих пор не нашел однозначного ответа в отечественной науке. В огромном количестве публицистических и аналитических статей, появившихся в последние годы, предметом которых является рассмотрение «то-

чек» напряженности на почве межэтнических или этнополитических отношений, доминирует ситуационный подход. Его главным достоинством является анализ непосредственных причин тех или иных политических событий и разработка пакета мер, которые определяют оптимальное направление урегулирования проблемы.

За непродолжительный отрезок времени вышло огромное количество публикаций, предметом которых является изучение этноконфликтных отношений. Анализ межэтнических конфликтов с позиций общей теории конфликтов, разрабатываемой в отечественной социологии, содержится в работах А. Г. Здравомыслова, М. В. Иордана, Е. И. Степанова, Э. А. Позднякова, Ж. Т. Тощенко и др. [1]. К этому направлению примыкает другое (работы Г. С. Котанджяна, А. А. Празускаса, Э. Н. Ожиганова, Э. И. Скакунова и др. [2]), в рамках которого ученые стремятся использовать для анализа межэтнических конфликтов на постсоветском пространстве теоретические модели западной этноконфликтологии (в частности, концепции социальной конкуренции, конфликтологического взаимодействия «центра» — «периферии»).

В исследованиях В. А. Авксентьева, М. Н. Губогло, Е. В. Крицкого, Э. И. Паина, Г. П. Предвечного, В. Н. Рябцева, Э. Н. Скакунова, В. А. Тишкова, Л. Л. Хоперской и др. [3–6] анализируется специфика этнополитической ситуации в отдельных регионах страны, а также моделируется динамика и сценарии развития межэтнических конфликтов.

Этнические общности формируются под воздействием социально-экономических и природно-ландшафтных факторов. Это объективный закономерный процесс, который происходит на основе различия своих и чужих особенностей, отличительных черт. Такая закономерность является всеобщим для всех феноменов сознания. Человек является субъектом сознания и самосознания. Первое предшествует второму. С. Л. Рубинштейн писал: «Не сознание рождается из самосознания, из «Я», а самосознание возникает в ходе развития сознания личности, по мере того, как оно реально становится самостоятельным субъектом» (цит. по: [7]).

В социологии под идентификацией обычно понимают один из механизмов социализации личности, посредством которого приобретаются или усваиваются нормы, идеалы, ценности, роли и моральные качества представителей тех социальных групп, к которым принадлежит данный индивид. Этнонациональная, этническая самоидентификация — первичный и основной признак национального самосознания того или иного народа, без которого этничность может частично, а может и полностью денационализироваться, исчезнуть. Са-

моидентификация и есть субъективная скрепляющая основа национальной общности, ее субъективного самоощущения и самосознания.

Невозможно раскрыть общие закономерности и специфические особенности формирования и развития национального самосознания без этнической культуры. Она является одним из определяющих факторов национального самосознания. Через культуру происходит связь человека с природой и межнациональные контакты. Культура, по мнению Г. Драч, играет особую роль во взаимодействии этноса с природой. Ученые рассматривают национальный мир как единый космос, в котором слиты человек и исторически окружающая его природная среда, влияющая на социальную психологию этноса. Она формирует национальный характер и детерминирует направленность его практической деятельности. Культура связывает этнос с природой, объединяет единый космос, природный ландшафт, жилище, способ добывания пищи и самого человека во всех его этнических проявлениях [8].

В условиях обновления общественной жизни раздвигается динамика развития национального самосознания, углубляется интерес к познанию культурного классического наследия, вырабатывается новое явление в сфере духовной культуры. Расширение информационного блока способствует интенсификации коммуникативной связи. Долгие годы был обрыв в развитии и усвоении национальной культуры, этнокультурных связей с народами других стран Востока и Запада. Сейчас идет осмысление духовного наследия у всех народов, возвращаются мощные пласты национальной культуры. Все это оказывает большое влияние на формирование национального самосознания, способствует развитию духовно-нравственных ценностей. Исследование проблемы взаимосвязи и взаимообусловленности этнокультурного и национального самосознания, раскрытие причин их взаимосвязи и влияния друг на друга имеет большое научно-теоретическое значение. Без такого подхода невозможно выявить общие закономерности и специфические особенности формирования и развития этнической культуры и национального самосознания народов.

Вместе с тем важно отметить, что межэтнические отношения всегда изучались с целью их гармонизации, предотвращения дискриминации и урегулирования конфликтов. В отличие от многих зарубежных исследований, которые ориентированы специально на изучение предрассудков, агрессии, в отечественных этносоциологических исследованиях сложилась традиция рассматривать межэтнические отношения в континууме «доброжелательные — нейтральные — негативные (неблагоприятные)».

В рамках исследований, выполняемых при финансовой поддержке РГНФ по грантам № 12–31–01254а2 «Трансформация этнокультурных ландшафтов Алтая в условиях изменения природной и социокультурной среды», № 12–13–22007а (р) «Нелегальная трудовая миграция как риск социальной эксклюзии на рынке труда Алтайского края», представляется целесообразным выявление компонентов этнической идентификации, характеризующих этническое сознание представителей основных наций.

Отечественные этносоциологи Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, А. А. Сусоколов [7; 9] выделяют семь видов этнической идентичности: 1) нормальная идентичность, когда образ своего народа воспринимается как положительный. Г. У. Солдатова называет этот тип «позитивной этнической идентичностью» [10]; 2) этноцентричная идентичность. Здесь акцент делается на значимость этничности, ориентированности на нее, ее «безусловного некритического предпочтения»; 3) этнодоминирующая идентичность сопровождается обычно признанием положения, что «права народа» выше «прав человека», представлениями о превосходстве своего народа; 4) этнический фанатизм — крайняя форма агрессивной идентичности, представляющая доминирование этнических интересов и целей.

Существуют типы идентичности и другого направления. Среди них 5) этническая индифферентность — позиция, демонстрирующая равнодушное отношение к проблемам этничности; 6) этнонигилизм в форме космополитизма — это полное отрицание этничности, этнических, этнокультурных ценностей. Существует и так называемая 7) сдвоенная или строенная идентичность. Этносоциологи, этнопсихологи ее называют амбивалентной. Она присуща людям, проживающим в этнически смешанной среде, смешанным семьям.

Норвежский ученый Фредерик Барт предлагает рассматривать этническую идентичность скорее как форму социальной организации, чем выражение определенного культурного комплекса, и процесс рекрутирования в состав группы, определения и сохранения ее границ свидетельствует, что этнические группы и их характеристики являются результатом исторических, экономических и политических обстоятельств и ситуативных воздействий. Г. У. Солдатова рассматривает этническую идентичность «как разделяемые в той или иной мере членами данной этнической группы представления, которые формируются в процессе взаимодействия с другими народами. Значительная часть этих представлений является результатом осознания общей истории, культуры, традиции места происхождения (территории) и государственности и служит основой ее отличия от других этнических групп» [10].

Актуальность рассматриваемой проблемы в междисциплинарном аспекте определяется необходимостью сохранения этнокультурного разнообразия в эпоху глобализации, инвентаризации и охраны культурного наследия, использования положительного опыта адаптации этнических сообществ к среде их обитания и изменяющимся условиям среды [11].

Очевидно, что учет этнического фактора крайне важен в государственном и региональном управлении, что также невозможно без знания тенденций и закономерностей современной динамики этно-территориальных систем. Сопоставление реальных и ментальных этнокультурных границ дает возможность обозначить «спорные территории», рассматриваемые в качестве «своих» разными этническими сообществами. Тем самым выявляются возможные очаги межэтнической напряженности. А это, в свою очередь, выводит исследование на уровень управления этносоциальными процессами — позволяет своевременно принять меры по минимизации социально-экономического ущерба и разработать региональные стратегии устойчивого развития полиэтнических территорий, что имеет особое значение для многонациональной России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Здравомыслов А. Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1997.
2. Денисова Г. С. Этносы в политической жизни России 90-х гг. Ростов-на-Дону, 1996.
3. Авксентьев В. А. Этническая конфликтология : в 2 ч. Ставрополь, 1996.
4. Предвечный Г. П. Основные условия и факторы, формирующие состояние напряженности на Северном Кавказе // Межнациональные отношения сегодня. Ростов-на-Дону, 1994.
5. Предвечный Г. П., Рябцев В. Н., Менджерский Г. А. Культурные и цивилизационные аспекты межэтнических конфликтов // Теоретические и прикладные проблемы этнополитологии. Ростов-на-Дону, 1995.
6. Тишков В. А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтничных государствах : материалы Международной конференции. М., 1994.
7. Арутюнян Ю. В., Дробижина Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология : учебное пособие для вузов. М., 1998.

8. Драч Г. В. Культурология : учебное пособие для вузов. Ростов-на-Дону, 2009.
9. Сусоколов А. А. Русский этнос в XX в.: этапы кризиса экстенсивной культуры // Мир России. 1994. № 2.
10. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.
11. Максимова С. Г. Социально-экономические и социально-политические угрозы безопасности в оценках населения приграничных регионов России // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2012. № 12 (98).

С. А. Воронина (Барнаул)

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК НОВАЯ ПАРАДИГМА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В связи с глобальными социальными и технологическими преобразованиями мы можем с большой уверенностью сказать, что эволюция постиндустриального общества в информационное практически завершилась. На наших глазах происходит не просто появление новых информационных технологий и их внедрение в образовательные процессы, но меняются структура и характер самого учебного процесса, изменяется научная парадигма образования, особенно в связи с появлением и использованием Интернета.

Глобализация мирового образовательного пространства и воздействие на него факторов информатизации и сетеизации повлекла за собой быстрый рост сферы услуг в области интеллектуального обслуживания. Сегодня знания и информация становятся ключевыми факторами развития общества. Как отмечают некоторые исследователи, возникает общество, основой существования которого становятся специализированные и сложные знания, для использования которых необходимы специальные средства, т.е. информационные и телекоммуникационные технологии [1]. С этой точки зрения мы должны рассматривать образование как одно из важнейших направлений в жизни современного общества, задача которого состоит в том, чтобы дать соответствующий инструментарий в руки специалистов всех видов, в том числе и социологов. В этом смысле влия-

ние информации на сферу образования рассматривается в качестве предпосылки информатизации общества. В частности, информатизация образования дает возможность и преподавателям, и студентам своевременно получать любую информацию при дистанционной форме обучения. Интеллектуальный продукт, его освоение становятся более доступными.

Так как электронные учебники могут легко и с меньшими затратами распространяться, исчезают барьеры дистанции, формируется единое образовательное пространство, продвигается информатизация образования, появляются новые программные продукты, обеспечивающие ее. Дистанционное образование, базирующееся на использовании информационно-коммуникативных средств связи между обучающим и обучаемыми, становится более эффективным, так как появляется возможность использовать новые мультимедийные средства и новые формы преподавания, приблизив их к месту проживания обучающихся.

Для России информационное отставание может воспрепятствовать интенсивному развитию общества, экономики и демократии. Глобализация образования является и результатом, и следствием конкуренции, которая особенно сильно проявляется на информационно-технологическом уровне. Если в начале глобализационных процессов речь шла о качестве образования, то теперь самыми важными параметрами становятся скорость удовлетворения информационных запросов, доступность любой необходимой информации. По мысли некоторых социологов, современная социология образования включается в «широкий контекст социогуманитарных исследований, представленных различными областями знаний — антропологии, истории, психологии, философии и др. И если раньше социология образования была ориентирована на институциональные характеристики своего основного объекта исследования, то теперь важный смысл приобретают и онтологические его свойства» [2, с. 33].

В настоящее время в науке обсуждаются концепты и параметры информационного образования. И с этой точки зрения новая тенденция рассматривается как следствие усиления роли ИТ, Интернета и знаний об общественной и экономической жизни общества [3]. В связи с этим на повестке дня стоит вопрос о том, что в России нужна серьезная подготовка студентов вузов в области ИТТ и всех тех возможностей, которые дает электронная система информирования.

Стандарты специальностей, которые в каждом цикле подразделяются на федеральные и вузовские компоненты, дают возможность вузам гибко реагировать на эту проблему, предлагая не только обя-

зательные курсы по информатике и информационным системам, но и постоянно обновляя данные по Интернету. В связи с тем, что области его использования стремительно развиваются на наших глазах, знания не поспевают за практикой. Реальные механизмы становления современного информационного общества довольно многогранны и сложны, их воздействие на формирование общества еще не осознано до конца. Задача высшего образования (социологии, в частности) — адаптировать образование к уже существующим реалиям и процессам в мировом сообществе, в частности, к процессу глобализации и тому воздействию, которое оказывают на этот процесс факторы информатизации и сетеизации. Процесс глобализации и фактор информатизации, проявляющиеся в мировом сообществе, не могут не затрагивать социологическое образование, так как оно по своему назначению призвано готовить кадры социологов широкого профиля, способных эффективно работать в быстро меняющейся деловой среде с использованием современных информационных средств (ИС).

Глобализация в образовании проявляется и реализуется по-разному: на уровне международных организаций, национальных систем образования, использования разных систем ИТ для расширения образовательной среды того или иного университета, формирования совместных университетов, создания виртуальных университетов. Как раз на примере образования четко видна неразделимость и совместность процесса глобализации и фактора информатизации. Глобализацию образования продвигают такие международные организации, как ООН, ЮНЕСКО и Всемирный банк.

Наряду с другими аспектами глобализация включает в себя глобальный обмен знаниями, и те страны, которые осознают значимость этого обмена и используют знания, науку, технологии для развития общества, войдут в группу ведущих стран мира в будущем. «Цифровое неравенство» (Digital Divide), т.е. низкая обеспеченность населения, и особенно учащихся, компьютерами, отсутствие доступа в Internet — все это является серьезной проблемой, которую многие страны пытаются решить в настоящее время, используя различные методы. Digital Divide означает, что развивающиеся страны не могут обеспечить свои учебные заведения необходимыми для получения знаний ИТ в связи с бедностью этих стран и населения [4].

В России реализуется международная программа «Университетские центры Internet», способствующая включению в процесс обмена информационными потоками высшие учебные заведения России. Планируется создать около 30 центров, что позволит модернизировать учебный процесс на современном уровне, расширяя обмен ин-

формацией во всех областях научных знаний. Россия предпринимает активные попытки встраиваться в глобальное информационное и образовательное пространство. Принят ряд законов, указов, концепций и положений, обеспечивающих совместимость и взаимодействие информационных систем федерального и регионального уровней. Образование и наука включаются некоторыми исследователями в информационный сектор экономики. Подписанное 25 мая 1999 г. соглашение между компанией Lotus Development Corp. и тогда еще Министерством высшего и среднего профессионального образования, позволило РФ приобрести по льготным ценам программное обеспечение Lotus Notes/Domino, представляющее собой программный продукт для коллективной работы, и Learning Space.

Анализируя ситуацию с высшим образованием, следует отметить следующие недостатки: оснащенность компьютерами неплохая, но доступ в Internet ограничен из-за его высокой стоимости, так что в результате мы пока еще не вошли в единое мировое образовательное пространство. Другой крупный недостаток в том, что в России, в отличие от развитых стран, нет достаточной количественной статистической информации, сказывается недостаток достоверных данных в связи с отсутствием опыта в социолого-математическом моделировании и принятии решений на основе количественного анализа данных. Преподавание социологии должно базироваться на математике, статистике и ИТ, к чему готовы не все преподаватели вузов.

Все вышесказанное является причиной необходимости радикальных преобразований высшего образования (социологии в частности) на базе ИТ, которые обеспечивают доступ в единое социальное и образовательное пространство, служат носителями современных методов управления, строят мост между социологией и математикой (статистикой) и помогают согласованию российских социологических методов с общемировыми.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М., 2000.
2. Попов Е. А. Современная социология и проблемы образования // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О.Н. Колесниковой, Е.А. Попова. Барнаул, 2012.
3. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004.
4. Буржуазные теории журналистики (критический анализ). М., 1980.

О. Н. Шихова (Екатеринбург)

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «СОЦИОЛОГИЯ»

Учебная дисциплина организована пространством взаимодействия преподавателей и студентов. В нем реализуются функции учебной дисциплины: познание социальной реальности, накопление опыта решения образовательных и профессиональных задач, развитие профессиональной идентичности.

Рассматривая учебную дисциплину как сложившийся социальный институт, М. К. Петров выделил несколько аспектов: дисциплина как род деятельности (дисциплинарные занятия), дисциплина как форма общественных связей (дисциплинарная общность), дисциплина как форма трансляции опыта (учебная, научная и пр.). Трансляция опыта — это форма конструирования социальных связей в области публичных взаимоотношений [1, с. 299].

Компетентностный подход в высшем профессиональном образовании провозглашает необходимость формирования готовности студентов совершать рациональные действия в решении профессиональных вопросов. Компетентностный подход требует реализации современной функции учебной дисциплины — конструирование студентом и преподавателем социальной реальности.

Социология как дисциплина обладает потенциалом в реализации функции конструирования. Ею накоплен разнообразный опыт обучения и реализации методов исследования социальной реальности. Студент, вооружаясь методиками исследования, в идеале должен проявить способность к конструированию социальной реальности.

В дидактике функция конструирования рассматривается на примере разных подходов к трансляции знания (инновационные методы преподавания и обучения), что не всегда приводит к осуществлению функции конструирования.

На наш взгляд, применение разных методов преподавания сегодня требует учета социокультурных факторов.

Во-первых, социология как учебная дисциплина обладает исследовательским потенциалом, который формируется на основе разных методов познания социальной реальности. Исследование можно рассматривать как интенцию сознания к конструированию социальной реальности. Во-вторых, функция конструирования предполагает наличие субъектных позиций участников образовательного процесса. В-третьих, взаимодействие преподавателей и студентов способству-

ет успешному опредмечиванию и распредмечиванию культуры (знаний), накоплению исследовательского опыта.

Исследовательский потенциал учебной дисциплины определяется как источник развития дискурса мышления и знания в профессиональном сообществе университета. Это социокультурные источники, мобилизующие действия преподавателей и студентов в достижении разных целей посредством коммуникации. Это не доминирующие отношения, а отношения сотрудничества, основанные на развивающемся дискурсивном мышлении и оперировании знанием, которые являются основой исследовательского опыта.

Реализация исследовательского потенциала учебной дисциплины сталкивается с проблемой деформации образовательного пространства современного вуза.

Исследовательский опыт студентов накапливается постепенно с освоением образовательного пространства университета в ходе социальной интеракции с преподавателями. В том случае, когда исследовательский опыт приобретает под действием внешне навязанных релевантностей (обязательное выполнение требований), формируется ситуация отторжения и непринятия знания. Это проблема (по А. Щюцу) отношения между интересом и социальным распределением знания. Не все студенты с желанием выполняют требования преподавателя, в силу того, что интерес может быть не сформирован, уровень необходимых знаний не освоен. Кроме этого, увеличение навязанных релевантностей свидетельствует о растущей анонимности социальных субъектов (слабом характере взаимодействия). В этом суть социокультурного противоречия, связанного с нарушением принципа единства пространства и времени в современном университете: процессу распредмечивания знания не уделяется должного внимания и времени; культурная система (знание и методы исследования) в меньшей мере связана с социокультурной (взаимодействие между субъектами и между субъектом и объектом познания). Постепенно образовательное пространство вуза деформируется.

В вузовской среде все больше распространяются ситуации, когда требуемый результат совершается без учета возможностей самообразования и саморазвития субъекта и самое главное — без потенциала социальной интеракции между студентом и преподавателем. Ускорение времени вместе с действием факторов коммерциализации и прагматизации обостряют проблему деформации пространства вуза и возможности накопления исследовательского опыта. Существует ряд социально обусловленных тенденций в системе образования. Слова Г. Зиммеля о том, что «на смену концепции, связан-

ной с выработкой внутренних, глубоко личностных ценностей, приходит формальное образование, которое заключается лишь во внедрении в сознание индивида некоторой совокупности объективно-го знания и навыков поведения» [2, с. 301].

К факторам усиливающегося формального образования можно отнести социальное неравенство и дифференциацию социальных позиций студентов и преподавателей, под влиянием чего образовательная интеракция приобретает поверхностный характер, формируется диверсификация целей субъектов образовательного процесса.

Как показывают исследования американских и российских ученых, в системе образования, предоставляющей мало возможностей для проявления самостоятельности мысли, гибкость и оригинальность мышления часто не увеличивается, а снижается [3, с. 123–127]. Образование отнюдь не помогает, а мешает самостоятельно думать, формирует подражание и конформизм. Умение думать — это социально обусловленный навык, который может быть освоен, если человек остается наедине с самим собой [4, с. 73].

Система образования, по словам А. М. Осипова, прогрессивна тогда, когда давление внешней среды на нее происходит не ради сохранения и реализации целей среды, будь то реализация стандартов, выход на рынок услуг или прочее, а ради развития новых социальных субъектов, создания условий их функционирования, где самосохранение внешней среды становится средством деятельности социального субъекта, а не целью [5, с. 439].

Основная проблема в том, что, исключая потенциал взаимодействия со студентами, а также потенциал культурной системы (знания и методов исследования), многие преподаватели ориентируют студента сразу на создание какого-либо продукта, т.е. к стадии конструирования социальной реальности без формирования исследовательского опыта. В результате многие студенты не могут выполнить требования или имитируют исследовательскую деятельность, копируя работы из Интернета.

Таким образом, деформация образовательного пространства вуза заключается в следующем:

- система образования воспроизводит отношение к студенту и преподавателю как к объекту воздействия;
- ослабевают взаимодействия между преподавателями и студентами, становится более анонимным;

«...потом мы снова его искали несколько раз и не нашли, из-за чего больше ничего не стали делать» (приводятся данные, полученные в ходе фокус-группы, проведенной в Уральском государствен-

ном педагогическом университете на факультете социологии 27 апреля 2013 г. Участвовали 10 студентов. Тема фокус-группы — (Студент как исследователь);

- усиливается зона навязанных релевантностей, в результате чего происходит ориентация на продукт исследовательского труда (написать реферат, статью, курсовую работу, проект, диплом и др.), а не на содержание;

«У нас был предмет, по результатам которого необходимо было написать статьи» (данные, полученные в ходе указанной фокус-группы).

«... под внешним давлением и в сжатые сроки и на тематику, которая для тебя не представляет интереса»;

- усиливается трансляция знания преподавателем взамен опыта использования и демонстрации методов познания в теории и практике профессиональной подготовки, в итоге форма превалирует над исследовательским опытом.

«Студенты сидят и записывают непонятно что, потом придут на экзамен и это «непонятно что» проговорят» (приводятся данные, полученные в ходе экспертного интервью, проведенном среди студентов 6 вузов Екатеринбурга с декабря 2012 г. по май 2013 г. Участвовало 20 человек);

- нарушается темпоральность пространства в вузе, где при ускоренном внедрении изменений не учитываются возможности социальных субъектов и особенности социального распределения знания;

«... а что-то свое писать — просто нет времени».

- в системе образования доминируют своеобразные «рамки», за которыми студенты и преподаватели не могут проявить субъектность. «Рамки» — это результат навязанных релевантностей — достижение необходимых показателей, следование учебному плану, разделение научно-исследовательской деятельности и учебно-исследовательской деятельности и пр., что не дает самого главного результата — совместного конструирования исследовательского пространства.

Приведем мнение Э. Тоффлера о процессах изменчивости в современном высшем образовании, которое позволяет объяснить причины деформации образовательного пространства вуза. Система современного высшего образования своей структурой воспроизводит технический век, когда административная иерархия сложившейся системы образования повторяет модель промышленной бюрократии [6, с. 198]. Такие социокультурные процессы, как изменчивость тре-

бований к преподавателям и студентам, необходимость постоянного обновления методов и форм преподавания, многообразие подходов к профессиональной подготовке, ускорение выполнения заданий студентами, одновременно сталкиваются со стандартизацией, коммерциализацией, бюрократизацией в условиях, когда студенту сложнее проявить способность учиться, общаться, выбирать. Коммерциализация и прагматизация в образовании ставят студента в позицию объекта, воспринимающего знание как товар. На это Л. Гребнев говорит о том, что из трех фаз — преподавание, усвоение и предъявление результатов обучения — только первая и последняя происходят в форме контактов разных людей, а поэтому теоретически могут рассматриваться как услуга. Вторая фаза — основная — даже теоретически услугой не является. Поэтому в ряде европейских стран было заявлено о необходимости нераспространения на образование обычных норм, принятых во Всемирной торговой организации (ВТО) для регулирования конкурентных условий в мировом масштабе [7, с. 41].

За массовостью, динамичностью, декларативностью университетского образования, тем не менее, можно увидеть студента и предоставить ему возможность накопления исследовательского опыта, а в дальнейшем конструирования социальной реальности. Исследовательский потенциал дисциплины заложен в степени самостоятельной работы студентов при условии интенсивного сотрудничества, поддержки преподавателем. Осмысление изученного материала студентом измеряется способностью объяснить прочитанные и проанализированные академические тексты, в постижении студентом уровня методологического анализа осваиваемого знания. Социально обусловленные изменения в образовании создают вынужденные требования — изменения в содержании дисциплины в соответствии с динамикой изучаемого знания, для чего необходим пространственно-временной ресурс.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Петров М. К. Язык. Знак. Культура. М., 2004.
2. Зиммель Г. Социальная дифференциация // Зиммель Г. Избр. соч. М., 1996. Т. 2.
3. Воронцова Т. В. «Пропедевтика» (предваряю) научных коммуникаций и «презумпция (вероятность и бездоказательность) незнания» // Высшее образование в России. 2011. № 8–9.
4. Мухина В. С. Психологический смысл исследовательской деятельности для развития личности // Народное образование. 2006. № 7.

5. Осипов А. М. Социология образования: очерки теории. Ростов-н/Д, 2006.
6. Тоффлер Э. Шок будущего : пер. с англ. М., 2002.
7. Гребнев Л. Высшее образование в Болонском измерении: российские особенности и ограничения // Высшее образование в России. 2004. № 1.

Е. В. Пустовалова (Барнаул)

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕТОДОВ КОНТЕКСТНОГО ОБУЧЕНИЯ В КОМПЕТЕНТНОСТНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЕ

Компетентностный подход в российском образовательном пространстве сегодня является ориентиром при профессиональной подготовке специалиста. Компетентность — степень подготовленности человека к различным видам деятельности. Это своего рода «знания в действии», признаки которых можно заметить в деловом и бытовом поведении человека. Компетентность преподавателей и студентов вуза можно охарактеризовать с точки зрения того объема и класса навыков и умений, которыми они владеют, их уровня, опыта и т.д. [1].

Современная ситуация в жизни общества свидетельствует о том, что от специалиста ждут не только знаний предмета его профессиональной деятельности, но и возможностей их творческой реализации.

Традиционное обучение в высшем учебном заведении чаще всего было ориентировано на идеальную модель специалиста. Оно предполагало подготовку к определенным видам деятельности в соответствии с эталоном, сложившимся еще в прошлом веке. Такие ориентиры позволяли выпускнику войти в профессиональную среду и на протяжении жизни совершенствовать свои знания, умения и навыки.

Сегодня свободный рынок диктует новые условия профессионального роста. Это прежде всего профессиональная мобильность, способность к перепрофилированию и переподготовке. Кроме того, сегодня в профессии сотрудник должен уметь работать в команде, быть способен принимать самостоятельные решения, активно способствовать инновациям, быть инициативным и творчески подходить к решению поставленных задач.

Для того, чтобы успешно развиваться в профессиональной сфере, сегодня требуются другие умения и навыки, другие личностные качества и способности, которые можно успешно формировать при ком-

петентностном подходе к профессиональной подготовке специалиста. Формирование компетенций позволяет более успешно достигать соответствия уровня профессиональной подготовки выпускников требованиям современной профессиональной деятельности.

На вопрос, чем вызвана необходимость внедрения компетентностного подхода в образовательную систему современной России, очень подробно ответила И. А. Зимняя в своей работе «Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании» [2]. Автор отмечает следующее: «она, во-первых, обусловлена общеевропейской, да и мировой тенденцией интеграции, глобализации мировой экономики, и в частности, неуклонно нарастающими процессами гармонизации «архитектуры европейской системы высшего образования»... Во-вторых, необходимость включения компетентностного подхода в систему образования, его соответствующее этому преобразование определяется происходящей в последнее десятилетие сменой образовательной парадигмы... В-третьих, необходимость включения компетентностного подхода в образовательный процесс обуславливается предписаниями. Так, если ранее возникающие и провозглашаемые теоретически обосновывающиеся, практически внедряемые подходы (например, программирование, алгоритмизирование, проблемный, задачный, контекстный, системный, междисциплинарный и другие подходы) рассматривались и принимались научным и учебно-методическим сообществом, но директивно не фиксировались, то в настоящее время и Совет Европы (Совет культурной кооперации), и российская «Концепция модернизации российского образования до 2010 года» предписывают внедрение компетенции и компетентностного подхода» [2, с. 9–10].

Таким образом, компетентностный подход — это ориентир для работы преподавателя в современном вузе, определяющий требования не только к выпускнику, но и к преподавательской деятельности, к технологиям, которые он должен использовать в работе.

А. А. Вербицкий справедливо отмечает: «реализация того или иного подхода... предполагает опору на ту или иную психолого-педагогическую теорию, исходя из которой научно-методически обосновываются, разрабатываются и практически реализовываются конкретные педагогические технологии... Психолого-педагогическая теория, которую можно и нужно положить в основу реализации компетентностного подхода, формирования и развития (выращивания) социальных по своей сути компетентностей у школьников, студентов и взрослых, должна «схватывать» не только предметно-техноло-

гическую, но и социально-нравственную стороны деятельности обучающихся, реализовывать цели как обучения, так и воспитания в одном потоке социальной по своей сути образовательной деятельности. А значит, и цели развития... Огромным потенциалом в этом отношении обладает деятельностная теория усвоения социального опыта, развитая в отечественной (советской) психологии в трудах Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, П. Я. Гальперина и многих других педагогов и психологов. Но для того, чтобы эта теория стала основой реализации компетентностного подхода в школе и вузе, она нуждается в определенной концептуальной «доводке». В частности, в переосмыслении единицы деятельности — замены «предметного действия» на «поступок», несущий в себе свойства как предметности, так и социальности» [3, с. 18–21].

Деятельностный подход предполагает иную форму взаимодействия преподавателя и студента. Она складывается «... на основе самостоятельности и добровольного признания студентами стимулирующей роли преподавателя. Смысл этой технологии в том, что обучение какой-либо профессиональной деятельности может успешно осуществляться посредством моделирования в нем предметного и социального содержания предстоящей деятельности» [4, с. 26].

В развитие деятельностного подхода новые теории и технологии обучения разрабатывал А. А. Вербицкий. Он считал, что они «... могли бы стать реальной психолого-педагогической и научно-методической основой решения многих задач, связанных с реализацией компетентностного подхода» [3, с. 21]. Такой основой стала созданная им и его учениками теория контекстного обучения.

Теория контекстного обучения разрабатывалась А. А. Вербицким применительно к профессиональному образованию и сегодня является, на наш взгляд, одной из ключевых методик реализации компетентностного подхода в профессиональном образовании. Контекстное обучение — это обучение, в котором динамически моделируется предметное и социальное содержание профессионального труда, тем самым обеспечиваются условия трансформации учебной деятельности студента в профессиональную деятельность специалиста.

Согласно этому подходу, усвоение социального опыта осуществляется в форме деятельности учения, однако остается открытым вопрос перехода от познавательной деятельности студента к профессиональной деятельности специалиста.

Основное противоречие профессионального обучения и состоит в том, что овладение деятельностью специалиста должно быть обеспечено в рамках и средствами качественно иной — учебной — дея-

тельности. Это противоречие преодолевается в контекстном обучении, представляющем собой реализацию динамической модели движения деятельности студентов: от собственно учебной деятельности к деятельности профессиональной [5].

Контекстное обучение представлено следующими формами деятельности:

- учебная деятельность включает в себя лекции и семинары различных видов, главной целью которых является теоретическая подготовка студентов, знакомство с общими дидактическими принципами и методологией преподаваемой дисциплины;
- квазипрофессиональная деятельность, основанная на проведении практических занятий в виде ролевых игр, спецсеминаров и т.д., моделирующая условия, содержание и развитие профессиональной деятельности, отношения между участниками образовательного процесса;
- учебно-профессиональная деятельность, где студент непосредственно выполняет исследовательские функции (НИРС, подготовка дипломной работы), используя при этом полученные теоретические знания, умения и навыки, полученные на практических занятиях [5]. Учебная работа, построенная таким образом, позволяют максимально приблизить условия обучения к будущей профессиональной деятельности.

Методы контекстного обучения применимы во всех видах организации учебной деятельности. Значительную роль в реализации этих методов играет организация практических занятий студентов. Практическая работа со студентами на уровне квазипрофессиональной деятельности может включать в себя следующие формы организации деятельности.

Построение имитационной (моделирующей) системы отношений в группе. Специфика имитационной системы состоит в моделировании различного рода отношений и условий реального образовательного процесса. Ориентация обучающихся в условиях такого «жизненного» обучения на реальный педагогический процесс помогает им видеть перспективы своего жизненного пути и, соответственно, планировать и осознанно осуществлять развитие своих способностей. Кроме того, моделирование ситуаций позволяет студенту стать непосредственным участником профессиональной деятельности, требующей практического применения полученных знаний, умений и навыков. Обязательным условием при проведении таких практических занятий является последующий анализ ситуации. Студенты должны вычленить проблему, сформулировать ее, определить,

каковы были условия, какие выбирались средства решения проблемы, были ли они адекватны и почему и т.д.

Проведение деловой игры. Деловая игра представляет собой форму воссоздания предметного и социального содержания будущей профессиональной деятельности специалиста. Оставаясь педагогическим процессом, учебная деловая игра имитирует предметный контекст-обстановку условной практики и социальный контекст, в котором студент взаимодействует с представителями других ролевых позиций.

Анализ конкретных ситуаций. Различают несколько видов ситуаций:

- ситуация-проблема представляет собой описание реальной проблемной ситуации. Цель обучаемых: найти решение ситуации или прийти к выводу о его невозможности;
- ситуация-оценка описывает положение, выход из которого уже найден. Цель обучаемых: провести критический анализ принятых решений, дать мотивированное заключение по поводу представленной ситуации и ее решения;
- ситуация-иллюстрация представляет ситуацию и поясняет причины ее возникновения, описывает процедуру ее решения. Цель обучаемых: оценить ситуацию в целом, провести анализ ее решения, сформулировать вопросы, выразить согласие-несогласие;
- ситуация-упреждение описывает применение уже принятых ранее решений, в связи с чем ситуация носит тренировочный характер, служит иллюстрацией к той или иной теме. Цель обучаемых: проанализировать данные ситуации, найденные решения, используя при этом приобретенные теоретические знания [6].

При реализации этой формы можно использовать работу в группах. Преподаватель формулирует ситуацию, а группы студентов разрабатывают варианты ее решения. Публичная защита разработанных вариантов разрешения ситуаций оппонируется представителями групп, а подведение итогов производится совместно с преподавателем.

Организация и проведение спецсеминара. Спецсеминар представляет собой более глубокий уровень усвоения профессиональных знаний. Это общение начинающих исследователей по определенной научной проблеме. Проведение спецсеминара позволяет:

- исследовать наиболее сложные теоретические и практические вопросы курса;
- развивать навыки исследовательской деятельности студентов;
- приобретать опыт оппонирования по заданной проблеме.

«Подготовка к спецсеминару должна включать в себя научный поиск решения предварительно поставленной исследовательской задачи с заложенным в нее комплексом проблемных вопросов» [7, с. 53].

Особое внимание следует уделять использованию проблемных ситуаций в реализации учебных курсов.

«Появление проблемы в сознании человека обусловлено вероятностным характером, избытком или недостатком каких-то условий в проблемной ситуации, наличием двух или больше альтернатив выбора, дефицитом времени для принятия решения, множественностью или неопределенностью его критериев, наличием разных точек зрения на ситуацию при совместном принятии решения и т.п. Проблема — это осознание пробела в своих знаниях, получение «информации о незнании» (К. Поппер). Образно говоря, проблема — это «дыра» в познании, которая закрывается вопросами, заданными самому себе, другим людям, природе» [3, с. 38].

Постановка проблемы, по мнению А. А. Вербицкого, ставит студента в исследовательскую позицию, требующую включения мышления [3, с. 39].

При применении проблемных ситуаций, как правило, предлагается работа в группах. В определенных случаях студенты изучают разные ситуации, которые предлагаются каждой группе. Но более эффективным является, на наш взгляд, анализ разными группами одной проблемной ситуации. В этом случае можно рассмотреть разные подходы к принятию решений или оценке ситуации, полемизировать по случаю разночтений и в итоге принять коллегиальное решение.

Изучение и анализ проблемных ситуаций позволяют не только познакомиться студента с будущей профессиональной средой и содержанием специфических проблем, но также помогает приобрести опыт решения этих проблем. Организация работы в группах позволяет выработать навыки работы в команде, умение принимать решения, как с точки зрения рациональности, так и в рамках профессиональной этики. Это позволяет формировать не только профессиональные, но и общекультурные компетенции будущего специалиста.

Таким образом, методы контекстного обучения являются одним из оптимальных путей подготовки профессионала, соответствующего требованиям современного, быстро изменяющегося мира. Эти методы обучения позволяют максимально приблизить организацию учебного процесса к будущей профессиональной деятельности. Такой подход дает возможность успешно реализовать стратегические цели современного российского высшего профессионального образования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Колесникова О. Н. Некоторые аспекты формирования имиджа высшего учебного заведения // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 5 / под ред. О.Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2013.
2. Зимняя И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. М., 2004.
3. Вербицкий А. А. Компетентностный подход и теория контекстного обучения. М., 2004.
4. Вербицкий А. А. Новая образовательная парадигма и контекстное обучение : монография. М., 1999.
5. Вербицкий А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. М., 1991.
6. Педагогика и психология высшей школы : учебное пособие. Ростов-н/Д., 2002.
7. Пустовалова Е. В. Конфликтологическая компетентность в профессиональной подготовке студента // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 2 / под ред. Е. А. Попова. Барнаул, 2010.
8. Колесникова О. Н. Мониторинг качества образования в вузе: грани проблемы // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 4. Барнаул, 2012.

А. Д. Абашина (Санкт-Петербург)

**ОТ ТЕОРИИ СОЦИОЛОГИИ К ПОНИМАНИЮ
«ИНВАЛИДНОСТИ»**

В современном мире для исследований социальных проблем инвалидности имеется большое поле деятельности. Оно обусловлено тем, что инвалиды являются неразрывной составной частью общества, и от качества социальных отношений этих граждан с другими зависит устойчивость и даже социальная безопасность всего общества. Поэтому сегодня актуальны исследования, касающиеся изучения социальных взаимоотношений с участием инвалидов, в которых они выступали бы в качестве партнеров со взаимными правами и обязательствами, а не получателей социальной помощи и/или граждан, которым необходимо обеспечивать их права [1, с. 52]. В такой интерпретации интеграция людей с инвалидностью в обществе имеет много вариантов, которые, безусловно, нуждаются в научном обосновании.

Использования или учета проблем инвалидности в различных социологических теориях общества можно обнаружить совсем немного по сравнению с обилием этих теорий, с одной стороны, потому что инвалидность чаще всего рассматривается как индивидуальное состояние. С другой стороны, это сложности с определением социальной роли инвалидов как единой социоструктурной единицы. Обилие потребностей, масса характеристик, отсутствие единых оценок делает эту группу населения чрезвычайно дифференцированной и раздробленной. Поэтому определить их в качестве одного единого актора социального действия, что является основной задачей большинства социологических теорий, весьма затруднительно.

Тем не менее в рамках структурно-функциональном подхода Р. Мертоном и Т. Парсонсом впервые рассмотрены не только проблемы инвалидности как специфического социального состояния индивида, но и вопросы, связанные с социальной реабилитацией, социальной интеграцией, социальной политикой государства по отношению к инвалидам, конкретизируемой в деятельности социальных служб по поддержке семей, имеющих детей с ограниченными возможностями. Предложены понятия: «дети с ограниченными возможностями», «инвалиды», также Т. Парсонсу принадлежит разработка такого важного социального понятия, как «роль больного».

Системный подход к изучению проблем инвалидности отличает социально-экологическую теорию Ю. Бронфенбреннера. В русле данной теории проблемы инвалидности рассматривались в контексте «воронки» понятий: макросистема, экзосистема, мезосистема, микросистема, соответственно политические, экономические и правовые позиции, господствующие в обществе, общественные институты, органы власти, взаимоотношения между различными жизненными областями, непосредственное окружение инвалида. Ю. Бронфенбреннер был убежден, что проблемы инвалидности нельзя рассматривать вне социокультурного контекста, в котором живет человек: семья, дом-интернат, социальное окружение в целом. При этом и сама инвалидность не относится к разряду чисто медицинских явлений, поэтому реабилитация должна основываться на социально-экологической теории. Согласно этому подходу люди с ограниченными возможностями имеют функциональные затруднения в результате заболевания, отклонений и недостатков развития, состояния здоровья, внешности, вследствие неприспособленности физического и социального окружения к их специальным потребностям, из-за предубеждений общества в отношении к ним. Социально-экологическая модель включает в единую систему биологические и физические па-

раметры организма и окружения вместе с психосоциальными характеристиками и их взаимодействиями. Изменение в любой части этой системы вызывает изменения в остальных ее частях, создавая тем самым стрессы, потребность в семейной адаптации, в достижении равновесия [2, с. 135].

В рамках социально-антропологического социологического подхода Э. Дюркгейма в отношении инвалидизации исследовались стандартизированные и институциональные формы социальных отношений: такие как социальная норма и депривация, социальные институты, механизмы социального контроля. Впервые использована терминология для обозначения детей-инвалидов: нетипичные дети, дети с ограниченными возможностями.

Проблема нормы с разных сторон изучалась такими учеными-социологами, как Э. Дюркгейм, М. Вебер, Р. Мертон, Т. Лукман, П. Бурдьё. Например, Макс Вебер, описывая социальную стратификацию в индустриальных обществах, дал понятие «оценка социально-экономического статуса». При этом писал, что низкий социально-экономический статус семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями, является одной из наиболее значимых проблем реабилитации.

Интересно, что именно Пьер Бурдьё, изучая структуру постиндустриального общества, разработал свою теорию социального пространства, которое он определяет как совокупность и распределение ресурсов и отдельных видов капитала, а также совокупность систем мнений, оценок и представлений индивидов и групп. Социальные объекты, не соответствующие заложенным системам референций, по его словам, образуют периферию социального пространства и рассматриваются как уязвимые, не располагающие достаточными возможностями для использования ресурсов. Положение инвалида в обществе не проблематизируется до тех пор, пока его жизненные стратегии не разрушают сложившуюся совокупность типизаций. При этом любые практики инвалида, не ориентированные на ожидание помощи от государственных структур, стремление к расширению сферы участия в общественной жизни позволяют рассматривать инвалида как чужого, т.е. переступившего пределы социального пространства. Приближение инвалидов к центру социального пространства и проблемы отношения к ним, связанные с выходом за пределы социального пространства, плотно пересекаются с современной теорией независимой жизни и используемыми жизненными стратегиями.

В рамках теории наклеивания ярлыков (теории стигматизации) Г. Беккер рассматривал инвалидность как отклонение от социаль-

ной нормы, когда носителю этой девиации («девианту») наклеивается ярлык — инвалид. Появляется новое понятие «социальный аттитюд». Понятие «стигма» в работах И. Гоффмана, означающее клеймо и указывающее на физический или социальный признак, близко к понятию «наклеивание ярлыка». Это клеймо делает человека «непригодным для широкого социального принятия».

Феноменологический подход в социологии наряду с системным отличает социокультурную теорию нетипичности Е. Р. Ярской-Смирновой. Феномен нетипичного ребенка, т.е. ребенка с ограниченными возможностями, формируется и транслируется всем его социальным окружением. Он характеризуется всем многообразием исторически сложившегося этноконфессионального, социокультурного макро- и микросоциума, в котором нетипичный ребенок проходит социализацию. Е. Р. Ярская-Смирнова исследует современное социальное положение детей-инвалидов и их семей, анализируя социальные и экзистенциальные способы конструирования «исключенной» идентичности в контексте социального исключения нетипичных детей и их семей, рассматривая и сами практики социального исключения. В социокультурной теории нетипичности также дается своя трактовка понятия «ограничение возможностей» как процесса, в котором нарушения телосложения, функций организма или условий окружающей среды делают затрудненной или невозможной деятельность человека или функционирование его органов. В качестве причины ограниченных возможностей может выступать неприспособленность окружающей среды, недостаток или несовершенство образовательных программ, медицинских и социальных услуг, необходимых детям. Это определение хорошо отражает положение дел и все те барьеры, которые мешают людям с ограниченными возможностями вести самостоятельный и независимый образ жизни [3, с. 28–42].

В силу того, что инвалиды принадлежат к различным социальным системам (группам), они не являются той силой, которая определяет функционирование общества [4, с. 125]. Поэтому инвалиды редко являются субъектными единицами построения социологических теорий общества. При этом следует отметить, что на включенность проблем инвалидности в социологические теории оказывает влияние двойственное положение большинства инвалидов. С одной стороны, они представляют собой людей с ограничениями жизнедеятельности, которым необходима социальная помощь, и с этими потребностями они занимают определенные социальные позиции в обществе в качестве просителя и получателя помощи. С другой стороны, эти люди продолжают оставаться в своих прежних либо новых послереабилитаци-

тационных ролях и занимают по этой причине социальные позиции доноров социальной помощи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Тарасенко Е. Модели инвалидности (конструирование национальной концепции социальной политики) // Управление здравоохранением. 2003. № 1.
2. Рот У. Неполноценность физическая // Энциклопедия социальной работы: в 3 т. : пер. с англ. М., 1994. Т. 2.
3. Ярская-Смирнова Е. Социокультурный анализ нетипичности. Саратов, 1997.
4. Ткаченко В. С. Общество и проблемы инвалидности : монография. Ставрополь, 2006.

О. Е. Ноянзина (Барнаул)

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ: ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫХ ПО ВОЗРАСТУ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ В СТАРЕЮЩЕМ ОБЩЕСТВЕ

На протяжении последних десятилетий в мире наблюдается значительное постарение населения. В России доля лиц 60 лет и старше в конце XX — начале XXI столетия составляет 17–18%. Ожидается, что к 2015 г. доля пожилых лиц достигнет 20% [1; 2]. Данный демографический процесс имеет глубокие социальные и экономические последствия, которые уже сегодня ставят ряд совершенно новых задач перед учеными и практиками, занимающимися проблемами старшего поколения. Среди этих задач анализ социальных воздействий общественных групп и отдельных индивидов на трансформацию ценностей и социальных связей на уровне структур разного уровня [3; 4]. Таким образом, востребованность получают знания о месте и взаимодействии разных, в том числе возрастных, групп в стареющем обществе.

В 2012–2013 гг. группой исследователей Алтайского государственного университета в рамках реализации гранта РГНФ «Трансформация социальной безопасности региональных социумов в контексте распространения «социальных болезней» в современной России» (№ 12–03–00301а) реализовано социологическое исследование, по-

священное оценке актуальных угроз социальной безопасности региональных социумов. Данное исследование предполагало в том числе экспертную оценку нового контекста социальных взаимодействий разных групп населения четырех регионов Российской Федерации в условиях старения общества.

Представим некоторые выводы, полученные по результатам анализа данных экспертного опроса (n = 80). Данные представлены в следующем виде: XX.YY.000, стр.0, где XX — буквенный код секторальной принадлежности эксперта (ЗВ — законодательная власть (n = 16), ИВ — исполнительная власть (n = 16), ОО — общественная организация (n = 16), НП — научно-педагогическая общественность (n = 16), МС — органы местного самоуправления (n = 16), УУ — код региона, в котором проживает эксперт (22 — Алтайский край, 03 — Республика Бурятия, 75 — Забайкальский край, 55 — Омская область), 000 — порядковый номер интервью в пределах региона (001, 002, ..., 020).

Итак, экспертами проведена оценка роли разных демографических групп населения в стареющем обществе: пожилых, лиц среднего возраста, подростков и молодежи.

Опыт профессиональной деятельности **пожилых** «в первую очередь ценен», большее содействие пожилые могут оказать молодежи, «чтобы молодые быстрее вошли во взрослую жизнь и могли приносить пользу» (ЗВ22.002, с. 3–4). Старшее поколение — носитель исторической памяти, опыта существования людей разных национальностей, мировоззренческих позиций, степени религиозности. Поэтому они должны «передавать историю», «это очень важно, чтобы мы знали, помнили и могли передать подрастающим (поколениям)» (ОО22.002, с. 4). Это неоченимое богатство в плане культурных ценностей, традиций, без старшего поколения невозможно «сохранение страны как идентичной целостности» (ОО22.004, с. 2–3).

Вторая выделенная экспертами роль пожилых — институт наставничества, воспитания подрастающего поколения. Участие пожилых решает проблемы «с теми же детскими садами... очень хорошим воспитателем для ребенка может выступить пожилой человек, даже лучше, наверное, чем родитель, поскольку уже не одного ребенка на своих руках воспитал» (ЗВ22.003, с. 5). «Именно люди пожилого поколения должны показывать ориентиры и нравственные и духовные, что надо уходить от общества всеобщего потребления, нам надо уходить от культа денег, и я думаю, что в этом плане люди пожилого возраста, могут сыграть положительную роль» (МС75.012, с. 3).

Третья — социальная сфера, сфера деятельности организаций третьего сектора. *«Они могут активно заниматься социальной деятельностью, тем более им есть что передать, особенно, учитывая, что это люди из СССР. В плане агитации, пропаганды, идеологии, культуры, воспитания это образец»* (ЗВ03.020, с. 2–3).

Пожилые люди могут предлагать себя обществу и в качестве социальных работников (ИВ22.004, с. 3–4). Однако ситуация осложняется тем, что в настоящее время *«гражданские институты, гражданское общество не очень хорошо развиты, это все отголоски, той системы, в которой мы жили, в советское время, поэтому, в том числе и сейчас, мы это все на себе ощущаем, потому что гражданское общество у нас не сформировано»* (МС75.009, с. 2–3).

В качестве основного приложения энергии пожилых в сфере социальной деятельности можно выделить организацию групп взаимоподдержки пожилых, что существенно важно для одинокой части престарелых *«во всех областях жизни: и спорт, и творчество, и здоровье, и образ жизни»* (ЗВ22.004, с. 1). Организация подобных групп поможет совместно *«научиться адаптироваться к новому стилю, новому образу жизни и найти для себя те социальные ниши, которые им по силам. Например, тот же самый институт социальных нянь, ... т.е. не обязательно ухаживать только за собственными детьми»* (ИВ22.001, с. 6–7). *«Они (пожилые) могли бы снимать некоторые вопросы, проблемы, связанные, кстати, с работой более молодых поколений, они бы брали на себя их детей, своих внуков, нянчили их, воспитывали и т.д. Особенно, в условиях отсутствия нужного количества мест в детских садах, яслях и т.д.»*

В современном российском обществе *«роль пожилых недооценивается, а она очень позитивна в демографическом плане, т.е. если рассматривать полную семью или традиционную, т.е. семью как совокупность трех поколений, проживающих вместе, или еще «фактор бабушки» называется, то, безусловно, пожилые здесь могут и должны брать на себя заботу о воспитании детей и тем самым освобождать гражданам среднего возраста время для работы, для получения доходов, рождения детей, воспитания и т.д.»* (НП22.002, с. 2). Это происходит *«прежде всего из-за экономических факторов, ... необходимо ... чтобы пожилые люди экономически были чуть более свободными»* (ЗВ03.017, с. 2–4).

В условиях стареющего общества существует опасность того, что на плечи пожилого населения *«нагрузка в первую очередь ляжет трудовая»* (НП03.002, с. 2), хотя и сегодня пожилые зачастую представляют гарант минимального экономического благополучия семьи своих детей: *«в рамках семейного бюджета, оказывается сейчас роль пенсии, тоже играет существенную роль в ситуации кризиса»* (НП03.002, с. 2),

Роль граждан **среднего возраста** должна, по мнению экспертов, заключаться в реализации двух основополагающих задач:

1) выполнение экономической функции в обществе (зарабатывание средств существования для обеспечения жизнедеятельности своей семьи, в том числе и старшего поколения, уплата налогов и, в конечном итоге, вклад в производство национального продукта). Участвуя в производстве благ, взрослое население обеспечивает существование нетрудоспособной части населения (ЗВ22.001, с. 3–4). Эксперты отмечают, что *«это самая сложная категория населения, которая занята на трех, на четырех работах»* (ЗВ22.004, с. 4–5), потому как она должна *«зарабатывать как можно больше денег, чтобы заплатить больше налогов и содержать граждан нетрудоспособного возраста»* (ИВ22.001, с. 7), *«работать и платить налоги. Потому что, если сегодня этот средний возраст будет готов работать и платить налоги, то пенсия достойная будет у наших пенсионеров»* (НПО3.011, с. 2);

2) выполнение репродуктивной функции, естественное воспроизводство населения — *«это те, кто должен культивировать культуру семейственности, культуру многодетности и т.д. И сохранять и передавать позитивный опыт пополнения общества молодежи и подросткам»* (ИВ22.001, с. 7), *«воспроизводство населения, т.е. это люди взрослые, находящиеся в детородном возрасте... их основная задача — воспроизводство, воспитание, причем не просто физическое воспроизводство, а именно социализация»* (ИВ75.008, с. 2). Один из опрошенных акцентировал доминирующую роль женщин в выполнении этой задачи (ИВ03.010, с. 2).

Одной из существенных проблем общества является, по мнению опрошенных, недостаточное понимание взрослыми своей роли в общественном воспроизводстве *«на сегодняшний день у них все-таки нет понимания того, что нужно системно воспринимать это общество, и тех, кто старше, и тех, кто младше, что необходимо обустроить мир вокруг себя, делать его более позитивным, комфортным для всех, потому что это коснется их самих в будущем. И на сегодняшний день какое-то циничное, в какой-то степени хищническое отношение к более старшим поколениям оно присутствует, я думаю, что его очень сложно будет преодолеть, но преодолевать придется, потому что иначе разделенное общество, которое не в полной мере использует ресурсы социального капитала, консолидации между людьми разных возрастов, разных социальных групп, и пока вот этого понимания общности интересов не будет осмысленно до конца»* (ИВ22.002, с. 5).

Единичными мнениями экспертов выражена роль населения среднего возраста как некоего «мостика» между старшим и младшим поко-

лением, «ретранслятора», занятого «культурным строительством» (ОО22.001, с. 6–7) и обеспечивающего духовную связь поколений: «дать возможность детям увидеть уважительно отношение к старикам, к старшим, научить детей, преемственность» (ОО03.003, с. 1–2); «духовная связь и экономическая поддержка, моральная поддержка» (ОО03.007, с. 1–2; ИВ55.010, с. 2).

Роль **молодежи и подростков** определяется экспертами не столь четко. Суммируя высказывания опрошенных, задача молодежи — активное восприятие аккумулированного опыта предыдущих поколений, «принятие в себя» наставлений взрослых, саморазвитие и воспитание, впитывание общечеловеческих, гражданских, семейных и других ценностей и их сохранение. Отмечается экспертами и инновационный потенциал молодежи в приумножении имеющегося социального капитала, адаптации его к реалиям быстро меняющейся современности.

Приведем в качестве иллюстрации некоторые экспертные суждения:

«Роль их должна быть в том, чтобы впитать культуру ответственности и необходимости создания семьи, культуру здоровых семейных отношений и, в целом, формировать у себя установки на рождение... хотя бы не большого, хотя бы какого-то минимального числа детей... Но больше всего эта социальная роль должна, наверно, касаться моральной поддержки, потому что, что касается материальной поддержки со стороны молодежи и подростков, здесь тоже очень сложно предположить, чем они могут пожилому населению помочь. Скорее всего, создание благоприятного пространства для реализации пожилых людей, но на это должны работать и граждане среднего возраста, молодежь, подростки и все прочие, т.е. востребовать услуги пожилых людей» (ИВ22.001, с. 7);

«Они должны учиться, причем не только в школе, а учиться быть людьми, выбирать правильный путь, скажем так. Ведь сейчас много соблазнов, они видят, кто, где и как смог заработать большие деньги, и это для них часто определенное мерило успешного, удачливого человека... Молодежь должна впитывать все то хорошее, что есть у нас в культуре... ценить, воспринимать свое родное, уважать старших, может это сейчас не модно, но так должно быть, они должны быть патриотами» (МС22.004, с. 3–4).

Таким образом, в условиях стареющего общества возникают новые угрозы социальной безопасности социумов, и эти угрозы формируют новые контексты социальных взаимодействий между разными возрастными группами населения. Данные контексты тесно связаны с социальными изменениями современного общества, господ-

ствующими социальными аттитюдами и стереотипами в отношении к разным возрастным группам населения [5]. Современное понимание социальной безопасности стареющего регионального социума должно быть основано не только на комплексном изучении и теоретическом осмыслении этого феномена, но и на анализе социальных воздействий общественных групп и отдельных индивидов на трансформацию социокультурных норм на уровне общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Максимова С. Г. Социально-психологические аспекты дезадаптации лиц пожилого возраста и старческого возраста // Клиническая геронтология. 2000. № 5–6.
2. Максимова С. Г., Старчикова М. В. Методологические подходы к изучению социального механизма формирования адаптивных стратегий лиц старших возрастных групп в рамках становления новой геронтологической реальности // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 2.
3. Гончарова Н. П. Риск социальной эксклюзии на региональном рынке труда: методология исследования и результаты апробации // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: экономическая. 2013. № 4 (46).
4. Profeta Barbara, Goncharova Natalia P., Kolyado Igor B., Robertus Yuryj V., McKee Martin. Danger from above? A quantitative study of perceptions of hazards from falling rockets in the Altai region of Siberia // Health, Risk & Society Vol. 12, No. 3, June 2010.
5. Гончарова Н. П. Кризисное состояние общества: содержание и структура понятия // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2/1 (66).

О. Н. Замятина (Барнаул)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕКЛАМЫ

Понятие «эффективность» активно используется в повседневной практике. Оно вошло в специальную терминологию многих теоретических дисциплин и наряду с терминами «система», «управление», «информация» приобрело статус общенаучного понятия. В то же время это понятие определяется по-разному и употребляется в научной литературе, в быту в самых различных значениях.

Довольно часто оно употребляется как синоним слов «успешный», «действенный», «результативный». Эффективными называют действия или способы действий, которые ведут к результату, задуманному как цель. Говорят об эффективности производства, решений, экономической, социальной, технической, педагогической, медицинской, юридической и иной эффективности.

Для выяснения сущности и содержания понятия «эффективность рекламы» необходимо прояснить научный смысл понятий «эффективность» и «реклама».

В социологическом энциклопедическом словаре мы встречаем это понятие в нескольких значениях. Эффект (от лат. *Effectus* — исполнение, действие)

- 1) результат, следствие каких-либо причин, действий;
- 2) впечатление, производимое на кого-либо;
- 3) средство, прием для создания определенного впечатления, иллюзии человека;
- 4) физическое явление [1, с. 919–920].

Остановимся на трактовке «эффекта», «эффективности» как результата, следствия каких-либо причин, действий. Определим сущность понятия «реклама». В современной литературе это понятие формируется с различных позиций.

1. Реклама как информация. Согласно данному подходу, реклама — оплаченная, неличная коммуникация, осуществляемая идентифицированным спонсором и использующая СМИ с целью склонить к чему-либо или повлиять как-либо на аудиторию [2]. Реклама — обезличенная оплаченная передача через СМИ сведений о товарах, услугах или идеях, предлагаемых представляемыми спонсорами [3].

В Федеральном законе «О рекламе» дается следующее определение: реклама — информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке [4].

К. Бове и У. Арэнс определяют рекламу следующим образом: это неперсонифицированная передача информации, обычно оплачиваемая и обычно имеющая характер убеждения о продукции, услугах или идеях известными рекламодателями посредством различных носителей [5, с. 5].

2. Реклама как вид деятельности. Реклама — целенаправленная и обоснованная деятельность в сфере коммуникации, которая опосредует специфические связи между субъектом этой деятельности и це-

левой группой, выбранной на основе социально-демографических признаков [6]. Конечной целью является создание общественно необходимых форм сознательного поведения группы в соответствии с общественными нормами. Реклама — это вид деятельности либо произведенная в ее результате информационная продукция, реализующая сбытовые или иные цели промышленных и сервисных предприятий, общественных организаций или отдельных лиц путем распространения оплаченной и идентифицирующей их информации, сформированной таким образом, чтобы оказывать усиленное направленное воздействие на массовое или индивидуальное сознание с целью вызвать определенную реакцию выбранной аудитории [7]. Основу этого подхода также раскрывает О. А. Феофанов, отмечая, что реклама — это комплекс психологических мер воздействия на сознание потенциальных потребителей с целью активного продвижения на рынок объектов рекламы, будь то товар, услуга или политический деятель, а также с целью создания позитивного имиджа фирме, организации и отдельным институтам общества [8].

3. Реклама как социальное явление. Реклама — структурный компонент культуры и инструмент духовного воспроизводства, инструмент повышения стандартов профессиональной деятельности [9].

Таким образом, реклама — это ответвление массовой коммуникации, в русле которого создаются и распространяются информативно-образные, экспрессивно-суггестивные послания, адресованные группам людей с целью побудить их к нужным, с точки зрения рекламодателя, выбору и поступку [10].

Среди специалистов понятие «эффективность рекламы» трактуется по-разному. Терминологические сложности в известной мере объясняются тем, что сама по себе реклама — явление сложное и многогранное и представляет собой как бы пограничную область не только между различными сегментами рынка, но и между различными сферами жизни общества. При этом следует не забывать о том, что на рынке к тому же встречается несколько понятий, достаточно близких друг к другу, таких как «эффективность рекламы», «эффективность рекламной кампании», «эффективность рекламной деятельности».

Когда речь идет об *эффективности рекламы*, возможны две трактовки этого термина. Первая представляет собой самую общую характеристику всей рекламы — одного из элементов рыночной экономики, и эта характеристика является однопорядковой, допустим, с такими понятиями, как эффективность маркетинга или эффективность ценообразования. Следовательно, здесь речь идет не о какой-то

конкретной количественной оценке эффективности, а лишь предлагается констатация факта, что в рамках рынка имеет место такое явление, как эффективность рекламы. При этом, как правило, в данном смысле понятие «эффективность рекламы» употребляется не столько в профессиональных кругах и профессиональной литературе, сколько в журналистике.

Вторая трактовка термина «эффективность рекламы» имеет более узкую направленность и связана не с рекламой вообще, а с рекламной продукцией. Очень часто, когда речь заходит об эффективности рекламы, имеется в виду качество рекламной продукции. Но более корректным и однозначным в этой ситуации представляется использование понятия «эффективность рекламной продукции», и в этом случае оно будет находиться в том же ряду, что и такое понятие, как «эффективность размещения рекламной продукции».

Термин «*эффективность рекламной кампании*» является, пожалуй, самым распространенным и самым востребованным среди рекламистов. Действительно, любая рекламная акция, мероприятие или целая рекламная кампания должны иметь некий результат, ради чего они, собственно, и затевались. И рекламодателей, и рекламные агентства всегда интересует вопрос о том, насколько эффективны были их действия в каждом конкретном случае.

Понятие «*эффективность рекламной деятельности*» существенно отличается от предыдущих понятий:

во-первых, оно является значительно более объемным, более широким по сравнению с понятиями, рассмотренными ранее, так как включает в себя и эффективность отдельных элементов рекламной деятельности, и эффективность отдельных рекламных кампаний, а также ряд элементов, которые не относятся ни к продукции, ни к отдельным кампаниям, скажем, эффективность организации рекламной службы рекламодателя или эффективность организации взаимоотношений с рекламными партнерами;

во-вторых, эффективность рекламной деятельности определяется, как правило, за определенный интервал времени, тогда как в других случаях речь идет о разовых рекламных фактах и событиях, будь то эффективность конкретной рекламной продукции или же эффективность конкретного рекламного мероприятия;

в-третьих, эффективность рекламной деятельности небезразлична всем без исключения субъектам рекламного рынка — рекламодателям, рекламным агентствам, посредникам в области продаж рекламных мест, медиаселлерам, средствам распространения рекламной продукции.

Таким образом, можно дать следующее определение эффективности рекламы: это есть соотношение степени достижения цели, поставленной в рамках данной рекламной деятельности, и затрат на достижение указанной цели [11, с. 202].

Исследование эффективности рекламы — одно из самых важных и перспективных направлений современных маркетинговых исследований, влияющее на успешность и эффективность бизнеса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Социологический энциклопедический словарь / ред.-координатор Г. В. Осипов. М., 1998.
2. Уэллс У., Бернет Дж., Мориарти С. Реклама: принципы и практика : пер. с англ. СПб., 2001.
3. Дейян А. Реклама : пер. с фр. М., 1993.
4. О рекламе : Федеральный закон РФ (от 13 марта 2006 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс.
5. Современная реклама : пер. с англ. Тольятти, 1995.
6. Староверова О. В. Влияние рекламы на реализацию продукции // Социс. 2004. № 8–9.
7. Рожков И. Я. Реклама: планка для профи. М., 1997.
8. Феофанов О. А. Реклама: новые технологии в России. СПб., 2001.
9. Мудров А. Н. Основы рекламы. М., 2008.
10. Лифиц И. М. Формирование и оценка конкурентоспособности товаров и услуг. М., 2004.
11. Дмитриева Л. М. Основы рекламы. М., 2007.
12. Колесникова О. Н. Некоторые аспекты формирования имиджа высшего учебного заведения // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2013.

Ю. А. Калинина (Барнаул)

СОЦИАЛЬНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ КАК ЯВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Различные формы помощи, поддержки существуют с момента появления человека и направлены на помощь ближнему, страждущему, нищему, сироте, семье и другим и реализуются через различные формы взаимодействия индивидов и групп.

Понятие «взаимодействие» характеризует одну из разновидностей общефилософской категории «связи». Разные типы связей являются объектом исследования различных наук. В частности, связи в виде реализации этических и правовых норм, т.е. регулирование существующих социальных отношений, изучаются правом и этикой. Однако существует такой тип связей, который предусматривает изменение всех «участников» социального процесса. Так, в современном обществе развитие научного знания обуславливает потребность в целенаправленном и систематическом изучении, в частности, таких научных проблем, как изменение жизненных циклов, защитных форм и механизмов жизнеосуществления индивидов и групп; запуска механизмов самоорганизации и саморазвития социальных групп. Особенно значимой является дифференциация социальных взаимодействий по важнейшим задачам, проблемам социальной защиты, различающимся способами оказания помощи нуждающимся.

В этой связи очень важно знать, каково же сегодня общество, в условиях которого нужно осуществлять помощь человеку, нуждающемуся в поддержке, имеющему те или иные проблемы. Не менее важно знать и особенности человека как представителя определенной социальной группы (половозрастной, национально-этнической, профессиональной, социально-территориальной, имущественной, социально-классовой и др.).

Такой специалист, как социальный работник, в своей профессиональной деятельности занимается «выстраиванием» способов взаимодействий между специалистом и клиентом (личностью), между личностью и группой, между социальными группами и т.д. Это взаимодействие характеризуется прежде всего как социальное обслуживание клиентов, среди которых могут быть индивид и социальная группа.

Социальное обслуживание как явление общественной жизни оформилось институционально во второй половине XX — начале XXI в. В настоящее время исследователи определяют социальное обслуживание как результат усложнения жизнедеятельности человека и общества как следствие эволюции производства социальной сферы, роста сферы услуг и доли занятого в ней трудоспособного населения [1, с. 19–29].

В соответствии с этим социальное обслуживание рассматривается, с одной стороны, как категория современной социологии, а с другой — как социальный процесс взаимодействия, который является объектом исследования социологии социальной работы, среднеуровневой социологической теории [1, с. 7].

В рамках социологии социальной работы анализируется характер социального взаимодействия, результатом которого является помощь и самопомощь. В основе результата социального взаимодействия лежит такая единица измерения степени осуществления помощи и самопомощи, как *услуга*. Объектом исследования социологии социальной работы является взаимодействие людей по поводу помощи и взаимопомощи. Этот тип взаимодействия в той или иной степени рассматривался различными исследователями.

Большое значение в развитии теории социального взаимодействия принадлежит исследованиям П. Сорокина. Он рассматривает «социальное взаимодействие» как единицу социологического анализа [2]. В соответствии с этим П. Сорокин определяет структуру социального взаимодействия как связь обязательных элементов, среди которых выделяет следующее:

- два или более индивида, взаимодействующих друг с другом с целью удовлетворения различных потребностей;
- акты или действия индивидов по реализации взаимодействий;
- проводники действий, передающие действия от одного индивида к другому [3, с. 80].

П. Сорокин подчеркивает: «Каждый из нас, иными словами, погружен в человеческое море; волны этого моря непрерывно ударяют в наш организм в виде слов, прикосновений, движений, ударов, поступков, воспринимаемых органами зрения, слуха, обоняния, осязания и всем телом, и заставляют нас в свою очередь непрерывно реагировать на них словами, движениями рук, ног, всего тела, рядом усилий, поступков... множеством актов — простых и сложных, тяжелых и легких, мучительных и приятных и т.д.» [4, с. 142].

Д. Хоманс, развивая теорию социального обмена, по сути дела говорит о таком социальном процессе, как социальное обслуживание. Так, он отмечает: «...одна сторона предоставляет услуги другой, и, хотя... есть общее ожидание взаимности, точная природа возмещения остается не оговоренной. В самом деле, она должна оставаться неучтенной, поскольку любая попытка заранее уточнить ее разрушает социальное значение взаимодействия, преобразуя его в чисто экономическую сделку. Оказание услуги имеет совершенно иное социальное значение, нежели заключение сделки» [5, с. 55–59]. Особенность социального обмена состоит в том, что он разделен во времени и сопровождается особым поведением и обрядами людей.

По мнению П. Сорокина, общество существует благодаря организованным типам взаимодействий между людьми. Эти взаимодействия могут возникать по разным поводам.

Среди оснований для классификации форм социального взаимодействия можно выделить [6]:

- особенности взаимодействия субъектов (непосредственное — опосредованное);
- типы взаимодействующих индивидов (социальные группы, государство и др.);
- число участников в процессе взаимодействия (субъект — субъект, субъект — группа субъектов, группа субъектов — группа субъектов);
- временные характеристики (кратковременное, долговременное и др.);
- тип поселения (муниципальный уровень, регион, община, страна) и др.

На основе отношений людей к вещам, как отмечает М. Я. Бобров, между ними складываются взаимно противоположные и противоречивые отношения. Суть этой противоположности и противоречивости состоит в том, что они совместно владеют, пользуются и распоряжаются продуктами своего труда. В этом случае данные продукты оказываются относительно системы производства каждого из них средством труда или предметом труда, личного потребления только в возможности, а не в действительности. Эта возможность превращается в действительность путем разрешения противоречия между социальными субъектами. В соответствии с противоположными отношениями владения, пользования и распоряжения социальные субъекты начинают совместно и в соответствии со своими волей, целью и интересом, следовательно, с обоюдным согласием, распределять, присваивать и потреблять продукты труда друг друга. Теперь уже согласно этим противоположным отношениям продукты труда социальных субъектов начинают перемещаться, двигаться во взаимно противоположные стороны, т.е. из одних рук в другие [7]. В результате данного противоположного движения у субъектов, участвующих в процессе взаимодействия, оказываются продукты производства друг друга, тем самым субъекты удовлетворяют потребности друг друга. Таким образом, каждый обслуживает другого, чтобы обслужить самого себя; каждый пользуется другим, как своим средством [7].

Таким образом, в социологической науке представителями разных школ и направлений в той или иной степени характеризовались социальные процессы, которые реализовывались через взаимодействия людей, результатом которых являлись некие услуги.

Как показывает анализ научной литературы, исследование социального обслуживания в рамках социологического подхода необхо-

димо осуществлять через такие понятия и категории, как *социальное взаимодействие, социальная помощь, социальное обеспечение, социальная защита, процесс социального обслуживания, субъект, жизненные силы и жизненное пространство*, что позволит осуществить комплексный анализ социального обслуживания как определенного типа социального процесса.

В настоящее время в научной литературе нет однозначного понимания таких понятий, как социальная помощь, социальное обеспечение, социальная защита и социальное обслуживание. Часто их рассматривают как синонимичные, что является неправомерным. Сложившаяся ситуация вызвана разного рода причинами: во-первых, в нормативно-правовых документах встречаются различные толкования, либо не определены основные понятия в области социальной защиты и социального обслуживания; во-вторых, теоретические основания социального обслуживания недостаточно исследованы.

Анализ определений понятий, представленный в различных источниках, позволяет следующим образом разграничить основные понятия.

Социальная помощь — оказание за счет средств местных органов власти, предприятий, внебюджетных и благотворительных фондов дифференцированной помощи нуждающимся, безработным и нетрудоспособным гражданам, а также семьям с детьми [3; 8]. Данная поддержка может осуществляться как в денежной, так и натуральной форме.

Социальное обеспечение — система социально-экономических мероприятий, гарантирующих материальное обеспечение граждан в старости, в период временной нетрудоспособности, при потере кормильца в семье, обеспечение пособиями и предоставление льгот женщинам-матерям, семьям со сравнительно низкими среднедушевыми доходами и др. [3; 9].

Категорию *социальная защита* можно рассматривать в широком смысле как деятельность государства по воплощению в жизнь целей и приоритетных задач социальной политики, по реализации совокупности законодательно закрепленных экономических, правовых и социальных гарантий, обеспечивающих каждому члену общества соблюдение важнейших социальных прав [9; 10].

Социальная защита в узком смысле — это комплекс целенаправленных конкретных мероприятий экономического, правового и организационного характера для поддержки наиболее уязвимых слоев населения [3; 9; 10].

Категория *социальное обслуживание* означает деятельность социальных служб по социальной поддержке, оказанию социально-быто-

вых, социально-медицинских, психолого-педагогических, социально-правовых услуг и материальной помощи, проведение социальной адаптации, абилитации и реабилитации граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации [11].

Целесообразным представляется анализ социального обслуживания как типа социального взаимодействия, в котором можно выделить следующие элементы:

- единица процесса — жизненная ситуация человека;
- субъекты процесса — представитель(и) учреждений социального обслуживания (исполнитель) и человек, получающий услугу (потребитель);
- социальное время — показатель границ существования жизненной ситуации субъекта;
- социальное пространство — часть жизненного пространства субъекта, в котором осуществляется его взаимодействие с другими субъектами по поводу формирования, функционирования и реабилитации его жизненных сил.

Социальное обслуживание как категорию социологии социальной работы, реализуемой в рамках концепции жизненных сил, целесообразно рассматривать как *взаимодействие «жизненных сил человека» и «жизненного пространства человека»*. Это искусственный процесс, созданный для совершенствования жизнедеятельности субъекта и направленный на решение проблем защиты жизненных сил на разных уровнях социальной организации, в основных формах реализации, видах жизнеосуществления человека [1, с. 87–89]. Отечественные исследователи (Л. Г. Гусякова, С. И. Григорьев и др.) разработали модели теоретического обоснования практики социальной работы, понимая ее как особую социальную деятельность и общественное явление, а также модели практики социальной работы в контексте неовиталистской социологии (концепции жизненных сил, индивидуальной и социальной субъектности человека).

Практика социального обслуживания в настоящее время показала несостоятельность объективного обоснования потребителя социального обслуживания. Так, в настоящее время в проекте ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» (ред. 09.01.2013) в статье 8 предусматривается необходимость учета индивидуальной нуждаемости гражданина в социальных услугах при осуществлении социального обслуживания. Так, в пунктах 1–3 проекта федерального закона определено, что социальное обслуживание

осуществляется в соответствии с индивидуальной нуждаемостью гражданина в социальных услугах, которая, в свою очередь, устанавливается на основе определения условий жизнедеятельности гражданина, признанного находящимся в трудной жизненной ситуации. Индивидуальная нуждаемость гражданина в социальных услугах является основанием для определения видов, сроков, условий и стоимости предоставления социальных услуг.

Таким образом, социальное обслуживание — это категория современного социогуманитарного знания, характеризующая процесс удовлетворения социальных потребностей населения, обеспечивающих воспроизводство его жизнедеятельности в сфере социального развития. Исходя из этого ключевым основанием данного типа взаимодействия будет безопасность жизни и здоровья человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Григорьев С. И., Гуслякова Л. Г. Социология для социальной работы. М., 2002.
2. Сорокин П. А. // Социнтегрум. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.socintegrum.ru/Sorokin.html>.
3. Сорокин П. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000.
4. Сорокин П. Система социологии : в 2 т. М., 1993. Т. 1.
5. Хоманс Дж. Возвращение к человеку // Американская социологическая мысль. М., 1996.
6. Бочарова В., Яркина Т. Социальная работа в России: уроки и перспективы // Социальная работа. 1993. № 2 (3).
7. Бобров М. Я. Законы социологии и истории в производстве жизни социосферы. Барнаул, 2003.
8. Экономические и финансовые словари [Электронный ресурс]. URL: <http://encycl.yandex.ru>.
9. Татарова Г. Г. Методология анализа данных в социологии. М., 1998.
10. Григорьев С. И. Виталистская социология: парадигма настоящего и будущего (избранные статьи по неклассической социологии). Барнаул, 2001.
11. Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации: Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 195-ФЗ // Российская газета. 1995. 19 дек.

А. А. Калуцкий (Барнаул)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ИНДИИ

Задачей данной статьи является анализ мировоззрения традиционной индийской культуры, поскольку именно оно имеет огромное значение в определении не только менталитета, но и облика культуры и даже общественного устройства. Для заявленной цели были выделены доминирующие идеи, содержащиеся в исследуемой культуре, в том числе в ее пласте, который можно назвать философским.

1. Самсара. Идея самсары (цепи перерождений) является одной из наиболее известных идей индийской философии. Она принадлежит скорее всей Индии, чем кому-либо из ее философов. У выдающихся философов Индии (как древних, так и новых) мы нигде не встречаем попыток доказать или опровергнуть эту идею. Происходит это, по-видимому, из-за того, что для индуса мысль о переселении душ после смерти столь очевидна, что не подлежит даже и вопросу. Сама идея о перерождении является одной из наиболее универсальных идей, принадлежащих не только древней Индии, но Древнему миру вообще. В Греции эта идея под именем метемпсихозы защищалась Эмпедоклом (до сих пор ученые спорят о том, заимствовал ли он эту идею у египтян, как это обычно думают, или она была принесена из Индии Ферекидом и его учеником Пифагором). В скандинавских сказаниях мы находим упоминания, которые могут служить свидетельством существования у древних скандинавов учения о перерождении, впоследствии практически исчезнувшего. Так, утверждается, что древнескандинавский герой Хельги Сигмундарсон впоследствии родился вновь: «Говорят, что не только, Хельги, но и Сигрун родилась вновь... Он звался тогда Хельги Хаддингьяскати, а она — Кара, дочь Хальвдана, как об этом рассказывается в «Песне о Каре». И они заново прошли все предназначенные им нормами пути: с Урд — путь судьбы, с Верданди — путь становления и со Скульд — путь долга. Что же до того, что слышал ты о том Хельги, которого мы здесь условно именуем первым (ибо он не был первым, а вновь рожденным Хельги, сыном Хьерварда, в честь которого и был назван), так об этом продолжение рассказа» [1, с. 208]. Также из арийских рас итальянские, кельтские и скифские племена сохраняли веру в перерождение душ, следы этого верования открыты у племен, населявших Америку, Африку и восточную Азию. С большой долей уверенности можно ска-

зять, что в Индии это учение развилось самостоятельно, то почему не могло быть так и в других странах, в особенности у народов, принадлежащих к одной языковой расе? С другой стороны, подобная схожесть представлений может быть рассмотрена в качестве косвенного свидетельства существования некоей протокультуры человечества.

Что касается идеи перерождения собственно в традиционной индийской культуре, то нужно отметить, что некоторые философские системы, например философия санкхьи, трактуют переселение души в круговороте жизни и смерти в особом ключе. Так, например, понятию душа, или «я», в санкхье соответствует слово «пуруша», но переселяется не пуруша, а сукшмашарира (тонкое, невидимое тело). Истинное, изначальное «я» остается всегда неприкосновенным, простым созерцателем, и его высшая цель состоит в признании того, что оно выше и отдельно от всего, происходящего от пракрити (материальной природы).

2. Карма. Еще одна из основных идей философии индуизма — это вера в карму, которая означает непрерывную деятельность, проявляющуюся на трех уровнях (мышления, слова и дела), а также закон воздаяния за совершаемое на этих уровнях. Для любого индуса, как для жившего тысячи лет назад, так и для нашего современника, постулат «Все дела, добрые и злые, должны приносить и приносить плоды» принимается без какого-либо сомнения. Концепция морального воздаяния — одна из древнейших в ведической философии, поскольку ее можно отнести к принципом риты, который раскрывается еще в Ригведе. Попытки обойти закон кармы так же тщетны, как и попытки перепрыгнуть через собственную тень. Расплату за поступки производит безначальная и бесконечная самсара посредством рождения и смерти. Теория кармы применяется к людям, животным, растениям и даже к богам.

Согласно принципу кармы, нет ничего неизвестного или случайного в моральном мире. Мы пожинаем лишь то, что сеем. Хорошие семена приносят хороший урожай, плохие — плохой. Каждый незначительный поступок имеет свое влияние на характер. Человек знает, что некоторые из тенденций к действию, существующие в нем в данное время, являются результатом сознательного или разумного выбора с его стороны. Сознательные поступки имеют тенденцию стать подсознательными привычками, и нет ничего противоестественного, если подсознательные стремления, которые мы обнаруживаем в себе, рассматриваются как результат прошлых сознательных поступков. Мы не можем задержать процесс моральной эволюции, так же, как мы не можем остановить ход морского прилива и отлива или движения звезд.

3. Идея бессмертия души. Данная идея, как и предыдущая, составляла общее достояние всех индийских философов. Эта идея считалась

настолько доказанной, что мы напрасно искали бы у них каких-нибудь аргументов в ее пользу. «Смерть для индуса настолько ограничивалась телом, разлагающимся на наших глазах, что такое выражение, как «*atmano mritatvam*» (бессмертное я), в санскритском языке почти тавтология» [2, с. 113].

4. Пессимизм. Индийских философов часто обвиняют в пессимизме, однако данное обвинение является правомерным далеко не во всех случаях. Индийские философы отнюдь не останавливались лишь на идее несчастья жизни, они редко ропщут на жизнь или признают ее ничего не стоящей. В нашем случае мы имеем дело с пессимизмом иного сорта. Можно сказать, что они получили первый импульс к философским размышлениям от факта существования в мире страдания. При этом они придерживаются мнения, что в совершенном мире страдание не имеет места, что оно не является естественным для живого существа. Страдание рассматривается как некая аномалия, как нечто такое, что следует объяснить и устранить (причем подобное представление о страдании является принадлежностью не только философии индуизма, но и буддистской философии, т.е. здесь правомерно говорить об отличительной черте традиционной индийской философии вообще). Итак, страдание представляется несовершенством, и, будучи несовершенством, естественно рождает вопрос, почему оно существует и каким образом его можно устранить, едва ли данное настроение можно назвать пессимистическим. Нигде в индийской философии мы не встретим криков против божественной несправедливости или же злого рока, данная философия не поощряет самоубийства как способа избавления от проблем и страданий существования. Согласно индуизму, в данном случае самоубийство представляется бесполезным, поскольку те же проблемы предстоят нам и в другой жизни. Поскольку цель данной философии состоит в устранении страдания, порожденного невежеством, и достижении высшего счастья, даваемого истинным знанием, мы вряд ли имеем право называть ее пессимистической. Автору представляется, что неудовлетворенность действительностью не обязательно несет в себе негативное значение, а, наоборот, является необходимой предпосылкой каждого сдвига в жизни как отдельного человека, так и всего человечества. Эта неудовлетворенность может послужить импульсом для первого шага на пути духовного возрождения.

5. Идея освобождения. Данная идея органично вытекает из предыдущей. Выше уже было упомянуто, что материальный мир полон страдания, и это страдание необходимо устранить. Различные направления философии, которые можно отнести к ведическим, начи-

ная с ведийского периода и заканчивая эпическим, предлагают ищущему индивидууму пути, позволяющие раз и навсегда с этим страданием покончить. Несмотря на некоторые различия в методике, результат един — это освобождение (мокша), когда человек становится свободным от двойственности материального бытия и разрывает круг самсары. Единственным исключением можно назвать пурва-миамсу. Честно говоря, едва ли мы можем ожидать настоящей философии от этой школы, поскольку она занимается главным образом обрядовыми вопросами (например, жертвоприношениями). Однако хотя эти обряды и подаются как средство достижения определенного рода блаженства и как средство уменьшения или ослабления обычных горестей жизни, они не обеспечивают высшего блаженства и освобождения, к которым стремятся все остальные авторитетные системы древней Индии.

6. Авторитет вед. Необходимо указать еще на один общий для данной философии элемент, а именно — на признание высшей авторитетности и характера откровения, присущих ведам. Авторитетность вед, столь рано провозглашенная в истории индийской мысли, оказала влияние на все ее последующее развитие.

7. Три гуны. Гуны — это качества или свойства пракрити — материальной природы. Гуны не воспринимаются человеком, а существование их выводится на основании производимых ими следствий. Первое их следствие называется саттва. Это потенциальное сознание, и поэтому оно имеет тенденцию сознать проявление и причины удовольствия, испытываемого индивидом. Этимологически слово «саттва» происходит от «сат», или от того, что реально, что существует. Поскольку сознание (чайтанья) вообще допускает такое существование, говорят, что саттва является потенциальным сознанием. Не в этимологическом смысле «сат» означает также совершенство, следовательно, саттва есть то, что создает добро и счастье. Говорят, что оно является плавучим, или легким. Второе следствие, раджас, представляет собой источник всякого действия и производит боль. Раджас вызывает к жизни возбуждение, удовольствие и беспокойство. Третье, тамас, это то, что сдерживает действие и вызывает состояние апатии, безразличия. Оно приводит к невежеству и лени. Функциями саттвы, раджаса и тамаса являются соответственно проявления (пракаша), действия (правритти) и сдержанность (ниямана), производящие удовольствие, страдание и лень. Все три гуны никогда не разделяются. Они поддерживают друг друга и тесно переплетаются между собой. Они взаимосвязаны так же тесно, как связаны между собой пламя, масло и фитиль лампы. Они составляют субстанцию пракрити

или материальной природы. Все вещи состоят из трех гун, и разнообразие мира вызывается преобладанием той или иной гуны в данной вещи. Виджнянабхикшу называет их типами реальностей, в то время как в первых упанишадах они рассматривались как психические состояния, вызывающие физическое и духовное зло. Имеющие чрезвычайно тонкую структуру, они всегда изменяются. Даже в том состоянии, которое считается состоянием равновесия, гуны постоянно превращаются одна в другую. Пока равновесие не нарушается, эти изменения, происходящие внутри них самих, не дают объективных результатов. Если происходит нарушение равновесия (гунакшобха), то гуны воздействуют одна на другую, поэтому возникает эволюция. Разнообразие мира объясняется взаимодействием гун. Та из гун, которая преобладает в каком-либо явлении, проявляется в нем несмотря на присутствие других гун. Можно сказать, что универсальные гуны производят разнообразие следствий за счет разнообразия их сочетаний. Хотя проявлений гун бесчисленное количество, все же по общим определенным чертам, которыми они обладают, например легкости, их можно подразделить на три вида, каждый из которых, в свою очередь, имеет множество индивидуальных проявлений.

Каждой гуне соответствует свой цвет. Красный — это раджа (эмоция), потому что он создает красное в силу своей природы, вызывает беспокойство, ранджяйти, белое — это саттва (хорошее по своей природе), потому что он заставляет сиять в силу своей природы; черный — это тамас (темнота), ибо оно погружает во тьму [невежества] в силу своей природы. В других вариантах саттве соответствует желтый (золотистый цвет), а тамасу темносиний, переходящий в фиолетовый. Гуны называются так потому, что они привязывают дух (гуна — веревка). Ведическая философия требовала от индивида освобождения из-под влияния низших гун и культивировать в себе саттву (благость).

Подводя итоги, можно с уверенностью утверждать, что рассмотренные в данной статье семь идей были базовыми, т.е. имели определяющее значение для мировоззрения традиционной индийской культуры, причем их значение огромно и по сей день. При этом важное значение приобретают социологические исследования проблем человека и его духовной деятельности, в частности, на эту проблематику обращает внимание Е. А. Попов, считающий, что «духовная жизнь общества — это духовная деятельность, направленная на закрепление в социальной реальности тех или иных ценностей и норм; религиозность как раз подчеркивается духовной деятельностью людей...» [3, с. 16]. Естественно, идейное разнообразие в данной культуре гораздо богаче, но в данной статье ставилась цель проанализировать именно идейный базис, идейную основу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мировое древо Иггдрасиль. Сага о Вельсунгах. М., 2002.
2. Мюллер М. Шесть систем индийской философии. М., 1995.
3. Попов Е. А. Человек и его духовная деятельность в центре внимания социологии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.

О. В. Махныткина (Барнаул)

МОДЕЛИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ТРАЕКТОРИИ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТА

Современная система высшего профессионального образования основана на компетентностном подходе в соответствии с принципами личностно-ориентированного обучения. При этом организация подготовки студентов основывается на индивидуальных образовательных траекториях обучающихся.

Индивидуальная образовательная траектория представляет собой целенаправленную моделируемую образовательную программу, обеспечивающую позицию субъекта выбора, разработки, реализации образовательного стандарта [1].

Индивидуальная образовательная траектория включает индивидуальный образовательный маршрут и способ его реализации. Индивидуальный образовательный маршрут рассматривается как целенаправленно проектируемая дифференцированная образовательная программа, которая определяется образовательными потребностями, индивидуальными способностями и возможностями учащегося, а также стандартами образования [2]. При этом согласно ФГОС ВПО третьего поколения вуз обязан обеспечить обучающимся реальную возможность участвовать в формировании своей программы обучения, включая возможную разработку индивидуальных образовательных программ, а также давать консультацию по выбору дисциплин (модулей) и их влиянию на будущий профиль подготовки студента.

Основная особенность новых стандартов состоит в том, что они разрабатываются на основе компетентностного подхода, а результатом обучения является освоенный набор компетенций. Набор и уровень компетенций выпускника влияет на стратегии адаптации на рынке труда, что является важнейшим фактором профессионального становления выпускника [3]. Соответственно в качестве основного кри-

терия оценки эффективности процесса обучения по индивидуальной образовательной траектории целесообразно рассматривать уровень сформированности компетенций.

Базовыми понятиями компетентностного подхода являются компетентность и компетенции. Анализ научных публикаций показывает, что в настоящее время не существует единого определения понятий «компетентность» и «компетенция». На основании проведенного анализа работ можно сделать вывод, что компетенцию необходимо рассматривать как сложный объект исследования, основными элементами которого являются знания, умения, навыки и личностные качества обучаемого. Вместе с тем в литературе выделяют следующие сущностные характеристики компетенции:

- 1) имеют обобщенное, интегральное значение по отношению к терминам (знания, умения, навыки);
- 2) носят надпредметный, междисциплинарный характер;
- 3) являются многокомпонентными (многомерными), сложными структурные образования;
- 4) формируются через обучение;
- 5) развиваются и накапливаются в процессе развернутом во времени, определяются длительностью учебного процесса и закономерностями его протекания;
- 6) реализуются на разных уровнях (от порогового до продвинутого).

В таком понимании компетенции наиболее полным является следующее определение термина: компетенция — динамичная совокупность знаний, умений, навыков, способностей и личностных качеств, которую студент обязан продемонстрировать после завершения части или всей образовательной программы [4].

В термин «компетентность» будем использовать как обобщающий по отношению к термину «компетенция», т.е. как уровень владения совокупностью компетенций, отражающий степень готовности выпускника к применению знаний, умений, навыков и особенностей личностных качеств.

Совокупность дисциплин, модулей и разделов учебного плана, в рамках которых формируется отдельная компетенция, будем называть тематической областью ее формирования. К тематической области формирования компетенции следует относить также такие виды учебной деятельности, как курсовые работы, рефераты, проекты, так как научно-исследовательская работа студентов является одним из важнейших средств повышения уровня компетентности студента. Научно-исследовательская работа студентов (НИРС) выполняется сверх учебных планов и предполагает овладение студентами специальными зна-

ниями и исследовательскими приемами. Список компетенций, формируемых в процессе научно-исследовательской деятельности студента, во многом зависят от характера и темы проводимых исследований и может быть сформирован научным руководителем совместно со студентом. Одна и та же дисциплина или вид учебной деятельности может входить в состав тематических областей различных компетенций.

Состав элементов конкретной компетенции как системы также включает в себя «знания», «умения», «навыки» (ЗУН) и способности как профессионального, так и общего характера, поскольку любые профессиональные функции невозможно выполнить без опоры на общие ЗУН и способности. При этом необходимо учитывать различные возможные уровни формирования компетенции (например, пороговый и продвинутой).

Выполнение ООП и ее закрепление в знаниях, умениях и навыках или компетенциях студента вуза проверяется комплексом оценочных средств, которые являются регламентированными квалиметрическими процедурами. Текущий и промежуточный виды контроля являются необходимым элементом системы мониторинга качества образования. Контроль служит основным средством обеспечения обратной связи в учебном процессе, что необходимо как для стимулирования работы студентов, так и для совершенствования методики преподавания учебных дисциплин. Аттестация студентов и выпускников на соответствие их персональных достижений поэтапным или конечным требованиям соответствующей основной образовательной программы (ООП) должна проводиться при помощи фондов оценочных средств, включающих типовые задания, контрольные работы, тесты и др., позволяющие оценить знания, умения и уровень приобретенных компетенций. Социально-личностные характеристики также обусловлены направлением подготовки и могут быть оценены как по результатам освоения некоторых дисциплин, так при помощи психологических тестов на темперамент, уровень ответственности, конфликтности и др.

Научная работа является неотъемлемой частью подготовки студента вуза и оценивается в первую очередь научным руководителем, также в качестве критериев оценки могут быть использовано количество научных публикаций и выступлений на конференциях. Результаты учебной и производственной практики отражают профессионально-практическую подготовку обучающихся и могут быть оценены научным руководителем либо руководителем по месту прохождения практики.

При этом необходимо учитывать, что результаты освоения ООП измеряются в разных квалиметрических шкалах. А. И. Субетто к основным классам квалиметрических шкал и отображений шкалиро-

вания относит: номинальное, или классификационное шкалирование; порядковое или ранговое шкалирование; метрическое, или качественное шкалирование [5].

Переход системы образования на компетентностно-ориентированный подход привел к необходимости пересмотра процедур и методов оценки результатов образования [6]. Как известно, оценивание позволяет решать несколько задач: во-первых, совершенствовать содержание обучения, во-вторых, обеспечивать необходимую обратную связь между процессом обучения и обучающимися и, в-третьих, более эффективно осваивать требуемую квалификацию. Оценивание компетенций студентов целесообразно проводить с использованием современных методов и технологий анализа данных [7].

На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что индивидуальная образовательная траектория является целенаправленно моделируемой основной образовательной программой, результатом освоения которой является набор компетенций. Однако анализ характеристик процесса формирования компетенций показал, что одним из важнейших средств повышения уровня компетентности студента является научно-исследовательская деятельность, в том числе подготовка и защита выпускной квалификационной работы. В связи с этим автору представляется целесообразным включить в индивидуальную образовательную траекторию помимо основной образовательной программы и научно-исследовательскую работу студента. Таким образом, под индивидуальной образовательной траекторией будем понимать частично упорядоченный по последовательности изучения набор дисциплин, а также тематику научно-исследовательской работы студента, на которых основывается процесс обучения конкретного учащегося.

Смоделировать индивидуальную образовательную траекторию на весь период сразу невозможно, поскольку сущность ее построения состоит именно в том, что она отражает динамику обучения студента, что позволяет вовремя корректировать процесс обучения, следовательно, построение индивидуальной образовательной траектории является многошаговым процессом. Важной задачей при этом является определение оптимальной образовательной траектории.

Нахождение оптимальной индивидуальной профессионально-образовательной траектории заключается в последовательном выборе дисциплин и тематик научно-исследовательской деятельности, обеспечивающим на протяжении всего периода обучения лучшие результаты по формированию компетенций с учетом результатов освоения студентом образовательной программы и его личностных интересов, способностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гаязов А. С. Индивидуальные траектории образования личности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.raor.ru/>
2. Организация индивидуально-ориентированного образовательного процесса в РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2007.
3. Шилкина Н. Стратегии адаптации выпускников высших учебных заведений на рынке труда // Кадровик. 2013. № 1.
4. Методические рекомендации по проектированию оценочных средств для реализации многоуровневых образовательных программ ВПО при компетентностном подходе. М., 2007.
5. Субетто А. И. Оценочные средства и технологии аттестации качества подготовки специалистов в вузах: методология, методика, практика : монография. СПб. ; М., 2004.
6. Чудова О. В. Анализ современного состояния проблемы исследования и оценки компетентности выпускников вузов // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 2. Барнаул, 2010.
7. Мальцева А. В. Использование современных методов и технологий анализа данных для принятия управленческих решений (на примере решения задачи сегментации рынка труда) // Вестник Евразийской академии административных наук. 2010. № 4.

Д. А. Омельченко, О. Е. Ноянзина (Барнаул)

**ПРОКРЕАТИВНЫЕ УСТАНОВКИ НАСЕЛЕНИЯ
В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИУМОВ***

Негативная динамика демографических процессов, результирующая из объективных закономерностей глобализации и глубинных политико-экономических и социальных трансформаций последних десятилетий, ее проявления в виде стремительного сокращения и постарения населения, роста неконтролируемой миграции, социального расслоения, неравенства и социальной эксклюзии многочисленных категорий населения России актуализировали проблематизацию

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках государственного задания «Социальная безопасность региональных социумов: концептуальный анализ» и гранта РГНФ № 12-03-00301 «Трансформация социальной безопасности региональных социумов в контексте распространения «социальных болезней» в современной России».

и научное осмысление проблем демографической и, шире, социальной безопасности региональных социумов [1, с. 177–181].

Как показывает исследовательская практика, состояние безопасности региона определяется, во-первых, существующими угрозами социальной безопасности общероссийского масштаба, в целом типичными для всех субъектов Российской Федерации, во-вторых, уникальной структурой угроз социальной безопасности конкретного региона, обусловленных его геополитическим и социально-экономическим положением. На отмеченные проблемы социальной безопасности налагают свой отпечаток экономический статус региона, особенности его географического расположения и разделяемых населением культурных традиций [2, с. 225–229].

Источники угроз социальной безопасности региональных социумов многообразны и представляют собой совокупность условий и факторов, создающих опасность жизненно важным интересам личности и общества и государства, особенно социально не защищенным слоям населения [3]. Угрозами социальной безопасности могут выступать ошибки в действиях политической элиты, которые привели к падению жизненного уровня конкретных социальных групп общества; неспособность государства защитить основные права личности — на жизнь, труд, образование, жилье, бесплатное здравоохранение, свободу передвижения, обеспеченную старость; нарастание социального неравенства в распределении собственности и доходов; криминализация общественных отношений, рост преступности, рост безнравственности; ухудшение здоровья и сокращение населения страны; усиление настроений социальной безысходности и дезориентированности в широких кругах населения, в том числе молодежи; рост социальной напряженности в обществе [4–6].

Наиболее общие определения социальной безопасности акцентируют внимание на таких ее важнейших функциональных характеристиках, как «сохранение целостности социума и его способности к воспроизводству» [7], «стабильное функционирование социальных структур государства, обеспечивающих устойчивое развитие общества» [8], «обеспечение защищенности личности, социальной группы, общности от угроз нарушения их жизненно важных интересов, прав, свобод» [9]. В управленческом ключе социальная безопасность выступает основой социальной политики, проявляющейся как совокупность мер по защите интересов страны и народа в социальной сфере, развитие социальной структуры и отношений в обществе, системы жизнеобеспечения и социализации людей, образа жизни в соответствии с потребностями прогресса, нынешних и будущих поколений.

Существующие угрозы социальной безопасности региональных социумов отражаются на социальном самочувствии его членов, их благополучии и ожиданиях относительно своего будущего, возможностях удовлетворения потребностей и интересов [10]. В этой связи важным представляется изучение прокреативных установок населения как показателя уровня социальной безопасности регионов поскольку динамика деторождений и аргументация, используемая при принятии решения о рождении детей, чувствительны к внешним условиям и качеству социальной среды, их надежности и стабильности, отражают состояние социальной сферы общества.

Под прокреативным (репродуктивным) поведением обычно понимается система действий, отношений и психических состояний личности, связанных с рождением или отказом от рождения детей любой очередности, в браке или вне брака [11]. Это довольно широкая область человеческой жизни, требующая от каждого человека много внимания и усилий независимо от размеров своих репродуктивных желаний.

Как и всякое другое поведение, репродуктивное поведение представляет собой целостную по своим физическим и психическим компонентам реакцию на различные стимулы, состоящую не только из проявляемых вовне действий, но и внутренних, активных, но внешне не проявляемых психических актов и состояний (импульсов, установок, мотивов, настроений и т.п.). В ходе проведенного в четырех регионах России (Алтайский край, Омская область, Республика Бурятия, Забайкальский край) социологического исследования репродуктивное поведение анализировалось через призму базовых репродуктивных установок (идеальное число детей), скорректированных репродуктивных установок (ожидаемое, планируемое число детей), субъективных факторов, препятствующих иметь большее количество детей, охвата государственным мерами по стимулированию рождаемости и поддержки семей с детьми.

Согласно полученным результатам в российском обществе продолжается тенденция смещения репродуктивных установок в сторону малодетности, наиболее выраженная в индустриально развитых высокоурбанизированных регионах и более сглаженная в регионах аграрного типа. Разница в количестве бездетных и многодетных семей обуславливается различиями в исходных социально-экономических условиях и социальных нормах детности, интериоризированных в представлениях респондентов об идеальном количестве детей: Омская область и Алтайский край ориентированы на создание семьи с двумя детьми, тогда как в Республике Бурятия и Забайкальском крае для значительной части населения нормой является трехдетная модель. Таким об-

разом, территории, сохраняющие более традиционный уклад жизни, сохраняют более высокие нормы идеальной детности, тогда как в высокоурбанизированных территориях эти нормы стремительно падают.

Во всех регионах разница между идеальным и ожидаемым количеством детей не превышала 0,6–0,7, т.е. наблюдалась высокая согласованность индивидуальных и коллективных норм детности. С одной стороны, это свидетельствовало об отсутствии в обществе массовой фрустрации потребности в детях, с другой — что эти нормы, являясь базовыми ценностными регуляторами рождаемости, нуждаются в изменении, необходимом для обеспечения демографического роста выше уровня простого воспроизводства.

При планировании рождения детей решающую роль играют личностные факторы — любовь к детям и желание их иметь, а также материальные факторы — финансовая обеспеченность и наличие собственного жилья. Мужчины чаще ориентируются на господствующие в обществе установки и ценности, тогда как для женщин важна моральная, психологическая поддержка в старости. Наибольшие разногласия между поколениями касаются важности соблюдения традиций и согласия супругов, отмечаемых старшим поколением, и приоритета материального благосостояния для младшего поколения. Оценки жителей Омской области отличались повышенной прагматичностью и рациональностью, ориентированностью на материальную обеспеченность семьи, наличие государственной поддержки и финансовую обеспеченность в старости. Для остальных регионов характерна ориентация скорее на индивидуалистические (желание иметь детей, любовь к ним) и межличностные мотивы (желание супруга), чем на материалистические мотивы, чаще отмечается жилищная проблема и нивелируется значимость государственной поддержки.

Главными факторами, редуцирующими количество ожидаемых детей, являются материальные затруднения и плохие жилищные условия. Для мужчин значимым препятствием иметь желаемое число детей стала повышенная занятость, а также возможные проблемы с алкоголем, тогда как для женщин основными барьерами были материальное положение и плохое здоровье. Для старшего поколения основным фактором, сдерживающим репродуктивные планы, стал немолодой возраст и состояние здоровья. Респонденты среднего возраста отметили отсутствие государственной поддержки как значимый фактор принятия решения о рождении желаемого числа детей. Представители младшей возрастной делали больший акцент на жилищных условиях, материальных затруднениях, занятости и отсутствии собственной семьи. Региональные различия были несущественными,

для всех регионов характерны проблемы, связанные с невысокими доходами, плохими жилищными условиями, состоянием здоровья. В то же время жители Алтайского края и Республики Бурятия чаще подчеркивали влияние на низкую рождаемость плохого материального положения, алкоголизма супругов, отсутствия государственной поддержки, помощи и поддержки со стороны близких родственников.

Как показали результаты опроса, получение государственных услуг по финансовой поддержке семей с детьми и стимулирование рождаемости затруднено для довольно большого числа женщин репродуктивного возраста. Выплаты, установленные для всех категорий женщин, работающих и не работающих (пособие по беременности и родам, единовременное пособие при рождении ребенка, ежемесячное пособие по уходу за ребенком) и детей любой очередности охватывают не более трех четвертей всех женщин, имеющих детей. В то же время охват ежемесячными пособиями на ребенка для малоимущих семей весьма значителен, их получают около половины опрошенных женщин с детьми. Другие формы поддержки из-за слабой привлекательности, трудностей с получением и других факторов оказываются слабо востребованными и, следовательно, имеют минимальное влияние на репродуктивное поведение и установки. Региональные различия заключались в объеме оказываемых услуг малоимущим семьям, что обуславливалось социально-экономическим положением в целом и уровнем жизни населения в регионах.

Поддержка многодетных семей осуществляется в основном на уровне региона, каждая территория устанавливает исходя из имеющихся возможностей объем и формы такой поддержки. Судя по имевшимся в нашем распоряжении данным, не более одной трети многодетных семей имели реальную возможность получить финансовую поддержку в своем регионе. Доступ к ежемесячным пособиям для многодетных семей, имеющих несовершеннолетних детей, чуть выше в силу большего срока их существования, чем доступ к региональному материнскому капиталу, о получении которого сообщило 16,4% опрошенных во всех регионах. Таким образом, полученные данные свидетельствуют о довольно скромной поддержке государства многодетных семей, несмотря на декларируемое политиками понимание стоящих перед обществом демографических угроз и невозможности их преодоления без переориентации репродуктивных установок в сторону многодетности.

Несмотря на наличие институциональных и индивидуальных барьеров, имеется значительный потенциал многодетности, зафиксированный на уровне отношения к многодетным семьям. Доля респондентов, негативно воспринимающих многодетные семьи, крайне мала — 2,2%,

82% относятся к многодетным семьям позитивно, 35% сами хотели бы при определенных обстоятельствах иметь такую семью. Для мужчин перспектива иметь много детей является более привлекательной, чем для женщин, возрастные различия не значимы. Регионы с невысоким уровнем жизни демонстрируют большой потенциал изменения репродуктивных установок (в них значимо больше тех, кто хотел бы создать многодетные семьи), в то время как в экономически более развитых регионах потребность в детях значительно ниже, следовательно, создавать многодетные семьи планируют гораздо меньшее количество жителей.

Указанные особенности репродуктивного поведения должны лечь в основу дифференцированных мер демографической политики, учитывающей специфику каждого региона и направленных на повышение общего уровня социальной безопасности регионального социума.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гончарова Н. П. Кризисное состояние общества: содержание и структура понятия // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2/1 (66).
2. Максимова С. Г. К обоснованию модели взаимообусловленности социальных рисков, девиаций и социальной безопасности // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2/1.
3. Ноянзина О. Е. К концептуализации понятия «социальная безопасность региональных социумов» // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2/1.
4. Рукавишников В. О., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения: международные сравнения : пер. с англ., доп. и перераб. М., 1998.
5. Харичкин И. К. Политическая элита и ее роль в обеспечении национальной безопасности России. М., 1999.
6. Ярочкин В. И., Бузанова Я. В. Теория безопасности. М., 2005.
7. Яновский Р. Г. Социальная динамика гуманитарных перемен: социология шанса для России на достойную и безопасную жизнь. М., 2001.
8. Дзлиев М. И., Урсул А. Д. Основы обеспечения безопасности России. М., 2003.
9. Стародубов В. И., Тихомиров А. В. Социальная безопасность здравоохранения // Главный врач: хозяйство и право. 2009. № 2.
10. Profeta Barbara, Goncharova Natalia P., Kolyado Igor B., RobertusYuryj V., McKee Martin. Danger from above? A quantitative study of perceptions of hazards from falling rockets in the Altai region of Siberia // Health, Risk & Society Vol. 12, № 3, June 2010.
11. Борисов В. А. Демография. М., 1999.

Раздел II

**СОЦИАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ
СОВРЕМЕННОГО БЫТИЯ**

О. Н. Колесникова (Барнаул)

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ*

Интерес к проблемам социального самочувствия человека в обществе особенно актуален на современном этапе развития российского общества. Понятие «социальное самочувствие» используется в научных теориях и концепциях, социальных программах и других документах для обозначения состояния человека, социальных групп, общностей, общества в целом. В настоящее время имеется немало концепций, идей, эмпирических данных по отдельным аспектам социального самочувствия. В то же время отмечен ряд дискуссионных моментов, связанных с его структурой и типологией. Нет и однозначного толкования понятия, показателей и индикаторов социального самочувствия, что представляет сложный и неоднозначно интерпретируемый различными учеными, научными школами, отраслями знаний феномен социальной реальности. Кроме того, ощущается определенный дефицит конкретных социологических исследований, которые бы на эмпирическом уровне раскрывали особенности социального самочувствия и безопасности населения регионов России в мониторинговом режиме.

Важность социологического подхода в том, что он улавливает основу, на которой формируется социальное самочувствие, т.е. результат субъективного отражения в сознании социума объективных условий его жизни. При этом социальное самочувствие соотносится не просто с чувствами, а именно с социальными чувствами и характеризуется как «относительно устойчивая эмоциональная реакция субъекта на воздействие социальной среды и условий его жизнедеятельности». Оно выступает «результатом осознания и переживания человеком смысла и значимости различных сторон жизни, вырастает из непосредственных условий бытия человека, определяющих степень удовлетворения его многообразных потребностей, возможностей развертывания индивидуальной жизни, самоутверждения, самореализации» [1, с. 10]. В случае неудовлетворенности потребностей людей возникает социальная напряженность и как ее неизбеж-

* Исследования выполнены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта РФНФ «Мониторинг социального самочувствия и безопасность населения Алтайского края», № 13-13-22005.

ный результат — революция. Об этом писал П. А. Сорокин: «Непосредственной предпосылкой всякой революции всегда было подавление базовых инстинктов большинства людей, а также невозможность даже минимального их удовлетворения» [2]. В связи с этим особую роль имеет проблема взаимовлияния понятий социального протеста и гражданского общества, так как они служат связующим звеном между обществом и властью, протестная активность населения указывает органам государственной власти на те проблемы, которые существуют в обществе. Подавлять акции протеста со стороны государства опасно потому, что если не давать населению выпустить свое недовольство, акции протеста могут вылиться в массовые протесты антигосударственного характера. Социальный протест является достаточно эффективным стимулом для общественного развития в целом при условии грамотного отношения к нему со стороны государственной власти [3].

Социальное самочувствие, таким образом, определяется как интегральная характеристика удовлетворенности/неудовлетворенности человека своим положением, как индикатор его настроений и ориентаций.

Социологическая наука рассматривает социальное самочувствие как сложную форму достаточно устойчивого целевого социально-психологического состояния, возникающего у человека или группы людей под влиянием объективных обстоятельств их жизнедеятельности в обществе. Это состояние является тонким индикатором социального бытия людей, показывает удовлетворенность ими, своим положением, своей жизнью, отражает их уверенность или неуверенность в сегодняшнем и завтрашнем дне. Роль социального самочувствия отражается на поведении человека как его регулятора, выражаясь в различных формах активности/пассивности личности [4].

Существует некая норма, «стандарт» социального самочувствия как для отдельного человека, так и для группы населения в целом, которая обеспечивает эмоционально-комфортное существование субъекта (нормальные условия жизни, работы и отдыха, безопасности и уверенности в будущем). Нормальное социальное самочувствие, теоретически, с одной стороны, «обеспечивается самим индивидом (группой, населением в целом), с другой стороны, региональной властью, которая «задает» параметры экономических, социальных, политических процессов в своем регионе [5, с. 40–45].

В сложившейся ситуации обретают особую актуальность социологические исследования, ориентированные на познание природы, сущности, содержания, факторов социального самочувствия, на раз-

работку методов его оценки и поиск эффективных механизмов оптимизации стратегии его обеспечения с целью разрешения реальных противоречий социальной жизни. Важность таких исследований состоит в том, что они позволяют получить объективное знание о социальной ситуации на разных уровнях организации общественной жизнедеятельности, о результатах проводимых социальных реформ, определить возможности и перспективы развития социальных субъектов и на основании этого предложить способы совершенствования социальных условий в интересах человека, гражданина, семьи, общества и государства. Они помогают выделить региональные особенности, влияющие на социальное самочувствие населения, показывая специфику развития каждого отдельного региона в масштабах всей страны и в итоге дают возможность провести комплексную оценку социального самочувствия российского общества с учетом региональных особенностей.

Научная проблема, на решение которой направлено наше исследование, — оценка динамики базовых показателей социального самочувствия основных стратификационных групп на уровне конкретного региона. Практическая составляющая проблемы состоит в определении и анализе показателей, влияющих на социальное самочувствие и безопасность населения, которые отражают степень адаптации населения к современной социально-экономической ситуации. Актуальность заключается в том, что одним из наиболее важных аспектов социологического анализа современных тенденций общественного развития является изучение социального самочувствия населения как обобщенной эмоционально-оценочной реакции на социальные изменения и свое положение в трансформирующемся обществе. Задача в рамках поставленной проблемы состоит в возможности получить эмпирическими социологическими методами данные о социальной ситуации в регионе, о результатах проводимых социальных реформ, об изменениях основных показателей социального самочувствия населения, причинах протестного поведения. Был проведен экспертный опрос (в 2009–2010 гг. и в 2013 г.) в форме стандартизированного интервью, в ходе которого были опрошены представители федеральных и региональных органов государственной власти и органов местного самоуправления, региональной бизнес-элиты, различных государственных и бюджетных организаций, ведущие журналисты, лидеры общественных организаций и отделений политических партий и др. Осуществлено сравнение ключевых показателей социального самочувствия и безопасности населения Алтайского края с результатами, полученными в ходе исследований по анало-

гичной методике, проведенных нашим коллективом в 2009–2010 гг. Мы выявили изменения социального самочувствия, характеристики социального настроения, удовлетворенности условиями жизни, личной защищенности от существующих угроз и опасностей, уровень протестной активности населения в современных социально-экономических условиях.

В связи с отсутствием единого методологического подхода к изучению социального самочувствия мы основывались в своем исследовании на определении Н. И. Лапина, согласно которому социальное самочувствие населения основывается на защищенности от опасностей, удовлетворенности жизнью и социальном оптимизме [6].

Итак, общую картину социального настроения, самочувствия населения показывают оценки степени личной защищенности от существующих угроз и опасностей. Выявлено, что в рейтинге опасностей, волнующих разные группы населения, социально-экономические проблемы занимают лидирующие позиции: на первое место эксперты поставили проблемы бедности, от которых население чувствует себя наиболее незащищенным, именно они осознаются как проблемы особой важности, порождающие клубок новых проблем. Второе место занимает преступность. На третьей позиции — экологические угрозы. На четвертой позиции в оценках населения стоит проблема произвола чиновников и правоохранительных органов. Далее идут проблемы одиночества и заброшенности; притеснения из-за возраста или пола; преследования за политические убеждения; религиозные; ущемления по национальному признаку. Надо отметить, что ранжирование мест основных опасностей экспертами 2010 г. и 2013 г. совпало, разнятся процентные показатели.

Результатирующим показателем социального самочувствия стал уровень социального оптимизма, который включал оценку респондентами дальнейшей жизни. В 2010 г. респонденты предполагали, что в ближайший год их семьи будут жить лучше, чем сегодня, таких было (26,1 %); ухудшения ожидали менее 10 %. В целом, преобладающий среди респондентов способ оценки будущего уровня жизни в общем виде был описан следующей формулой: «в ближайшем будущем в моем положении и положении моей семьи ничего не изменится, а если и изменится, то незначительно». В 2013 г. оптимистов, считающих, что будем жить лучше, — 39,5 %, но и ухудшения ожидает также большее количество респондентов — 15,8 %. И только третья часть опрошенных (34 %) не ждут никаких изменений в ближайшем году.

Большинство респондентов как в 2010 г., так и в 2013 г. считают, что решить проблему улучшения жизни могут они сами; поможет

общероссийская власть; близкие родственники. В то же время для улучшения жизни населения дают такие рекомендации: создавать новые рабочие места; улучшать медицинское обслуживание; навести порядок, бороться с криминалом, коррупцией; быстрее строить новые дороги; усилить государственный контроль за экономикой; развивать малый и средний бизнес; решительно отстаивать интересы региона в центре; увеличить господдержку АПК, сельхозпроизводителей, т.е. задачи в основном для государства. В 2013 г. в ответах респондентов изменилась расстановка рекомендаций по их значимости: на первую позицию поставлена задача улучшить медицинское обслуживание; на вторую — навести порядок, бороться с криминалом, коррупцией; на третью позицию выведены 2 критерия: развивать малый и средний бизнес; увеличить господдержку АПК, сельхозпроизводителей.

Ключевыми проблемами развития современного общества становятся проблемы социального неравенства, дифференциации различных социальных демографических групп, социального благополучия населения. Одним из факторов, определяющих комфортное состояние человека, считается его материальное положение, позволяющее вести достойный образ жизни. Наиболее уязвимой категорией населения, требующей пристального внимания со стороны государства, являются пенсионеры [7].

Важным аспектом социологического изучения вопросов социального самочувствия и безопасности населения служит рассмотрение материалов средств массовой информации по названной тематике. В рамках данного исследования был осуществлен контент-анализ региональных средств массовой информации: газеты «Алтайская правда», «Свободный курс»; публикации региональных приложений к федеральной прессе «Аргументы и факты Алтай», «Комсомольская правда на Алтае». В центре внимания исследователей оказались материалы, посвященные тем или иным источникам напряженности в обществе. Проблемы, освещенные в прессе, были классифицированы по сферам общественной жизни: социальной, экономической, политической, экологической, духовно-нравственной. Из общего числа проанализированных статей ($n = 988$) большая часть была посвящена проблемам в социальной сфере (43%); проблемам в политической сфере было уделено внимание в 20% газетных публикаций; экономическая сфера общества стала предметом рассмотрения 17% статей; духовно-нравственные аспекты жизни общества явились центром внимания 13% публикаций; лишь 7% статей были посвящены экологическим проблемам.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что социальное самочувствие — важный показатель настроения, оптимизма населения, которые в свою очередь объективно выступают показателями изменения уровня благополучия, социальной стабильности в регионе. Работа по проекту «Мониторинг социального самочувствия населения Алтайского края» будет продолжен.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Социальное самочувствие и положение пожилых людей в регионе / под общ. ред. Н. М. Байкова. Хабаровск, 2012.
2. Сорокин П. А. Человек, цивилизация, общество. М., 1992.
3. Артюхина В. А. Социальный протест как проявление гражданского общества // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2011.
4. Лепешкин Н. Я. Социальное самочувствие населения на современном этапе трансформации российского общества: региональный аспект : автореф. дис. ... д-ра соц. наук [Электронный ресурс]. URL: <http://www.disscart.com/content/sotsialnoe-samochuvstvie-naselen> (дата обращения 17.07.2013).
5. Дулина Н. В., Токарев В. В. Социальное самочувствие населения как один из критериев оценки деятельности региональной власти // Социокультурные основания стратегии развития России. Смоленск, 2009.
6. Лапин Н. И. Регион как поле социального самочувствия россиян и их отношение к институтам власти // Опыт апробации типовой методики «Социологический портрет региона». Тюмень, 2006. Ч. II.
7. Чуканова Т. В. Совершенствование пенсионного обеспечения как основы социального благополучия населения региона // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2013.
8. Колесникова О. Н., Артюхина В. А. Безопасность и социальное самочувствие населения: региональный аспект // Вестник алтайской науки. 2013. № 3.

Е. А. Попов (Барнаул)

КУЛЬТУРОЦЕНТРИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР ПРЕОДОЛЕНИЯ «МАТРИЧНОСТИ» СОВРЕМЕННОГО ПРАВА

В перекрестье современных социально-гуманитарных наук давно завоевал свое место под солнцем междисциплинарный подход. О его преимуществах и недостатках размышляют исследователи различных научных направлений и отраслей знания [1–5]; очевидным следует, по-видимому, признать то обстоятельство, что эвристическая ценность близкого взаимодействия наук и нередкого смешения объектно-предметных областей выгодно подчеркивает гносеологический потенциал знаний. Действительно, если ранее некоторые научные отрасли были замкнуты в своем методологическом пространстве и на протяжении довольно длительного времени оперировали стандартным набором инструментов для получения нового знания, то теперь они выходят из этого камерального состояния и нуждаются в пересмотре арсенала исследовательских средств и приемов. Причин этому несколько и главная, конечно, как нам кажется, в том, что в начале XXI в. практически утратила свое предназначение демаркация между гуманитарными и социальными науками, тем самым обеспечив их тесное сотрудничество на уровне изучения общества, культуры и человека. Если раньше социальные науки устанавливали приоритеты для общественных процессов и отношений, а гуманитарное знание отдавало пальму первенства исследованию проблем личности, индивидуальной и коллективной жизнедеятельности человека, то замыкаться в своих объективированных интересах для этих сфер познания теперь совершенно не имеет смысла, поскольку только объединение усилий и тех, и других наук способствует получению нового знания.

Что касается вопроса, связанного с возможным опрощением методологических исканий наук и, так сказать, возложением «ответственности» на междисциплинарный подход за исследования различных гуманитарных и социальных явлений и феноменов, то здесь следует иметь в виду только внешнее расширение границ социогуманитарного знания, например, человек и природа, человек и социум, общество и государство и т.д., однако неизменно корреспондируют общество, человек и культура. Эти генеральные направляющие любого исследования, возможно, меняют лишь свои приоритеты в том или ином случае, но всегда подчеркивают неизбежность и необхо-

димось взаимодействия общества, культуры и человека. Между тем это обстоятельство позволяет вести речь и о таких обязательных атрибутах любого научного знания, как объект и предмет. Применительно к различным отраслям социально-гуманитарной науки, например, их предметное поле связывается с уже обозначенной формулой — *общество + культура + человек*, при этом особое значение имеет распределение приоритетов в этом триединстве: скажем, если иметь в виду предмет правоведения, то он выглядит следующим образом: *общество + человек + правовая культура*, в случае с социальными областями знания (социологией прежде всего), сохраняется такое же положение составляющих, но третье место занимает *социальная культура*. Это значит, что так или иначе, но любое направление современной науки должно оставаться культуроориентированной (или же культуроцентричной) областью знания и неизменно в качестве доминирующего эвристического направления актуализировать исследование культуры и ее многомерных смыслов, кодов и значений. С другой стороны, очевидно, что в социогуманитарной сфере невозможен разрыв между началами человека и общества — *индивидуальным и коллективным*.

Особняком среди этих обстоятельств стоит рост конъюнктурности науки — уровень ее развития перестал измеряться открытиями и интересными находками исследователей, но зато приобрел зависимость от той материальной выгоды, которую то или иное знание способно принести. Погоня за «научными» денежными средствами стала главным методом современного знания. И на этом фоне такой счет складывается в пользу естественных наук — их технологии способны принести реальную прибыль, гуманитарным наукам же остается отстаивать важнейший постулат — нести культуру в массы. Этот некогда застывший в переходе времен лозунг получает свою вторую жизнь в наши дни. Но в силу того, что сама культура переживает непростые годы, а ее многочисленные интерпретации подчас становятся едва ли не самоцелью некоторых областей знания из «гуманитаристики», то все более выраженным для науки становится прикладное начало, апеллирующее к строгому методу и технологии. При этом, как полагает Л. Д. Гудков, например, «в сегодняшней социологии отсутствует то, что М. Вебер выразительно характеризовал как чувство многомерности ситуаций или положений, человеческих мотиваций. Многоплановость смысловых образований сегодня сводится социологами к «общественному», к институтам» [6, с. 52]. Социологию, как видим, критикуют за многое. И неудержимый выпад против социологии не в том, конечно, что она собственно увлечена «обще-

ственным», а скорее все же в ее недостаточном внимании к человеку, к личному. В этом убеждены и те, кто склонны попенять социологии на ее отрыв от философии и философствования, а значит, и на утерю социологией онтологической прозорливости и «отношения к личности» (см, например: [1; 7]), и те, кто резонно в наши дни задаются вопросом: существует ли сегодня наука социология? (см.: [8]). К чести самой социологической науки заметим, что она не раз убедительно демонстрировала свою самодостаточность в системе знаний, не покусаясь на модную междисциплинарность, завладевшую методологическим пространством многих современных научных сфер. Исследователи отмечают, к примеру, необходимость изучения проблемы гармонизации бытия человека в мире на междисциплинарном уровне (см.: [9]). Может быть, социологию следовало укорить лишь в том, что она сравнительно легко вычленяет все новые и новые предметные области для себя (как в социологии досуга, социологии терроризма и экстремизма и т.д.), становясь, таким образом, меркой мира, однако важно отметить — социология не заблуждается относительно некоторых таких миров, важнейших для общества, культуры, человека. Следует, видимо, признать — междисциплинарная тенденция развития многих современных наук крадет у них не только свой собственный взгляд на реальность и вещи, который нередко приходилось отстаивать в течение десятилетий на дискуссионных площадках и в настоящих идейных сражениях, но и заметно меняет вектор оценки тех или иных явлений и процессов. На примере социологии можно убедительно показать — прикладное начало нередко подминает под себя онтологический ракурс в изучении социальных феноменов, а к некоторым областям духовной жизни социология не может подступиться, потому что в их исследовании не всегда «срабатывает» метод, на чувственные же оценки социология не падка и философствования старается избегать. Это касается, например, сфер искусства, мышления, ментальности и др.

Определенная сложность «находимости» юридической науки в системе междисциплинарного взаимодействия, по-видимому, может быть объяснена ее тяготением к изучению процесса производства правовых норм, а в этом процессе прежде всего важно соблюсти строгую юридическую технику и проследить корреспонденцию одних норм с другими. Разумеется, исключить юриспруденцию из актуального сотрудничества различных научных дисциплин не представляется возможным, и более того, в современных условиях развития науки это просто-напросто невозможно. Другое дело, что если одни области познания мира продолжают отстаивать свою некото-

рую независимость и, возможно, самодостаточность, остальные смело и уверенно используют наработанный потенциал различных наук, и в этом деле им трудно препятствовать, да, собственно, и необходимости в этом никакой нет. Относительно юридической области знания, генеральной линией которой является норма как производное сложных отношений общества, человека и правовой культуры, необходимо проследить положение вещей по крайней мере в двух системах координат: 1) система норм права; 2) ценностно-нормативная система общества.

Если норма права является собой обобщенную конструкцию «взгляда на мир» со стороны общества и государственных институтов, то она в этом «виде» *не онтологична*, поскольку создана в угоду системе иных взаимосвязанных правовых норм и поведенческих установок. Но это отнюдь не обозначает, что такая норма не обнаруживает связи с ценностно-смысловыми системами человеческого бытия; просто в парадигме юридических отношений это не имеет такого решающего значения, а кроме того, не может быть воспринято однозначно ввиду противоречивости мировоззренческих установок личности. Вместе с тем, как нам кажется, интерес для других научных областей прежде всего представляют именно такие правовые явления или феномены. Наиболее ярким примером такого явного «совпадения» в одном нормативно-правовом акте норм и ценностей стала действующая Конституция России. Очевидно, что ее ценностно-смысловой потенциал простирается далеко за рамки правоотношений и демонстрирует по сути искания общества и государства относительно природы разумного, мирного и целесообразного существования. К тому же поводом к философской и социальной рефлексии служит емкость концептов и фраз в самом начале Конституции — ее преамбуле. Здесь речь идет о категориях, имеющих непреложную ценность в целом для человечества и для граждан конкретного государства. Отсылки к памяти предков, «передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость», равно как и к благополучию и процветанию России, указывают на *целостное* пространство судьбинности российского народа, духовно-консолидирующих сил, объединяющих народ не только и не столько территориально, сколько на основе фундаментально значимых ценностей и норм. Отмечаемая некоторыми исследователями «интернационализация ценностей культуры, науки, техники» [10, с. 6] на первый взгляд как будто затрудняет восхождение самобытного общества и народа к определенной уникальной системе ценностей и норм, составляющих неповторимую и узнаваемую среди братства народов духовно-нравствен-

ную и социально-политическую силу. На самом же деле такие сложности могут лишь возникнуть в обстоятельствах количественного роста так называемых негативных ценностей — «ценностных антиформ», к которым И. И. Кравченко причисляет неравенство, бесправие, бесчестие, безобразие и т.д. [10, с. 5]. Все эти и другие антиценности становятся реальностью современного бытия именно из-за увеличения масштаба их проникновения в культуру и общественные отношения. По этой причине не могли не появиться исследования, в которых обыгрываются и выводятся на рациональный уровень обобщения смысловые переключки типа «бесправие» — «бес права». Так, В. Б. Пастухов в работе «Бес права. Русское право как ускользающая реальность» замечает: «Русское право неопределенно и эластично. Это, скорее, какая-то гуттаперчевая субстанция, чем твердая матрица, как на Западе» [11, с. 168]. *Матричность* права, конечно, объясняется вполне объективными вещами — та же конституция государства нередко содержит такие нормы, которые дают пищу для размышлений не только профессиональным юристам, но и исследователям из иных прикладных и теоретических областей познания, а любая норма из правового акта, обладающего высшей юридической силой, является основой для выстраивания матрицы и ценностно-смысловой, и нормативной, разумеется, тоже. Если правовая система и эластична, то скорее в масштабе множественного производства и перепроизводства новых норм, в ценностном же варианте оно должно сохранять статус кво, следуя не за властью, а за народом.

Другим примером «матричности», по-видимому, может служить седьмая статья действующей российской Конституции, в которой речь идет о такой важной и сложной конституционной характеристике, как социальное государство. Правовой смысл такого определения вполне очевиден, поскольку соотнесен с необходимостью социально-политической ответственности и социальными обязательствами государства перед гражданами, однако остроту философско-правовой трактовки двух важнейших категорий, приведенных в указанной статье — «достойная жизнь» и «свободное развитие человека», придает неоднозначность понимания того и другого концепта, которое складывается и в рамках духовно-нравственной системы отношений, и в социально-правовом пространстве. Исследователи могут предлагать различные интерпретации концептов как в аспекте философского осмысления, так и с точки зрения социологического подхода, допуская, к примеру, возможность разработки «индекса охраны человеческого достоинства», правда, отмечая при этом, что на самом деле *«от самого человека зависит, насколько он ценит*

свое достоинство (и ценит ли), насколько готов (и какими способами) его защищать (курсив автора цитаты. — Е.П.)» [12, с. 69]. Акцент перенесен, как видим, на самого человека, на его возможности защищать себя. А И. К. Пантин видит иронию истории в том обстоятельстве, что человеческое достоинство стало своего рода предметом для исторической переоценки взаимоотношений человека и эпохи — «утверждение индивидуальности, человеческого достоинства, равно как и чувства ответственности, внутреннее раскрепощение личности стало миссией не социализма... а буржуазного развития России после 1991 г.» [13, с. 64]. Достойная жизнь — это результат сложного взаимодействия, а возможно и противостояния государства и человека. Но это выраженная социальная позиция, которая обходит стороной еще один значимый элемент, без внимания к которому не может быть речи о достойной жизни. Таким элементом является культура и в духовно-нравственном смысле, и конечно, в ценностно-смысловом. Отношение к культуре как к случайному набору материальных и духовных ценностей не может стать основой для достойной жизни — культура не должна оповседневниваться, становится придатком видимого иллюзорного духовного совершенствования человека в обществе. С другой же стороны, диалог человека и государства, общества и государства — это тоже социокультурная ситуация, апеллирующая к необходимости установления приоритетного культурного диалога, а не только политического и социального.

Свободное развитие человека — это прежде всего не права и свободы, устанавливаемые государством меры социальной поддержки, а внутренний мир человека, состояние этого мира. Человек должен давать себе самому отчет в том, что он живет в таких условиях, при которых его свобода — не только и не столько итог эффективной работы государственной машины или в целом правовой системы, но и определенная база ценностей свободы, формируемых культурой. Трудно не согласиться с общепринятым мнением о том, например, что «правовая норма должна утверждать ценности, характерные для данного общества» (см.: [14, с. 102]), однако, на наш взгляд, правильнее было бы в данном случае вести речь о ценностях, свойственных конкретной культуре. Общество изменчиво в силу сложного взаимодействия с государством и по этой причине потенциально способно поколебать любые традиционные устои социального мира, культура — это целостное образование, обеспечивающее стабильность в уникальных и универсальных константах добра, справедливости, свободы и т.д. Следовательно, свободное развитие человека — это тоже константа, обеспечивать которую на уровне государственной

политики возможно лишь формально, о чем собственно и говорится в седьмой статье Конституции РФ. С. М. Шахрай замечает: «Наша Конституция имеет уникальный дизайн, благодаря которому она стала инструментом, способным не только примирить конфликтующие стороны, но и дать обществу импульс для нового развития» [15, с. 17]. К этому следует, видимо, добавить и мысль о новом развитии человека. Тяготая к всесторонней регламентации общественных отношений, система права как будто априори распространяет и устанавливает нормы для индивидуальной и коллективной жизнедеятельности человека, но при этом не допускает персонализации таких установлений. Некоторые и «социальные» исследователи, рассматривая типы ментальности, указывают на их соотнесенность прежде всего с коллективными целями, по сути отказывая человеку в «носителстве» его индивидуализированного отношения к миру. Так, например, Ю. И. Александров и С. Г. Кирдина полагают, что «и типы ментальности, и система общественных институтов в совокупности реализуют закрепившиеся в истории (проверенные историей) пути осознания и достижения коллективных целей, стоящих перед сообществами людей — нациями и государствами» [16, с. 6].

Сообща правоведение и философия подходят к решению вопросов о фундаментальности знания о мире и человеке. На междисциплинарный уровень взаимодействия различных научных областей выходят не только сами науки, но и исследуемые ими объекты, становясь более сложными, а следовательно, оказывающими влияние на поиск новых методов и приемов осмысления реальности. При этом, как полагают исследователи, «прямое сопоставление и «суммирование» данных различных дисциплин, которое может способствовать решению прикладных задач, при генерации фундаментального знания оказывается недостаточным. Путь механического соединения данных часто ведет не к познанию целостности феномена и основных его законов, а к накоплению фрагментарных описаний существенных и несущественных свойств, отношений и связей...» [16, с. 4]. Очень важное замечание следует из этой цитаты, а именно важность и необходимость познания *целостности* феноменов и явлений окружающей реальности. Вместе с тем междисциплинарный подход в науке может грешить избирательностью в отношении тех или иных свойств исследуемого предмета, а с другой стороны, именно такое направление предполагает всеохватывающий — целостный — взгляд на вещи. Тем не менее здесь существует ряд сложностей, на которые необходимо обратить внимание. И прежде всего речь идет о нередко наблюдаемом «сбое» в методологическом характере обеспечения целостно-

го познания. Так, в правоведении существует две диаметрально противоположные позиции, которые принуждают исследователей норм права зачастую прибегать к методологическому описанию завершённой работы «постфактум». В силу того, что, как утверждает И. Л. Бачило, «в правовой доктрине, в теории права методология как специальный предмет выделяется редко» [17, с. 14], в основном главная задача методологии, по-видимому, сводима к операционализации конкретных категорий и понятий. Разумеется, для любой науки на первое место выдвигается именно такая последовательная и системная работа с понятиями; заявившая о себе в последнее время в научном дискурсе (и диссертационных исследованиях в особенности) тенденция уточнения понятий приводит к перепроизводству форм и смыслов и в большей степени затрудняет понимание авторской идеи, нежели делает ее доступной, понятной. Но юриспруденция — это прикладная наука, следовательно, и методология системного и структурно-функционального анализа в ее границах должна быть прописной истиной. Неловкое обращение с методологическим обеспечением исследования способно привести к дезавуации главных результатов, к их нечеткости либо сомнительности в достоверности. По сути, пренебрежение методологией отвергает истинность знания. И в пору, когда просто необходимо «правовое мышление в герменевтической парадигме» [18], оно отягощается довольно абстрактными конструктами, не несущими в принципе научной ценности.

Но, как известно, в правоведении с особой силой заявляет о себе нормативный подход, который во главу угла ставит норму права и тем самым замыкает ее на разных полюсах межсистемного знания. Это может выглядеть следующим образом, например: труд как источник формирования цивилизации от первобытной к современной — труд как реальность человеческого существования — труд как социокультурная ценность — труд как совокупность конкретных операций и действий — труд как «оператор» общественных отношений. Каждая категориальная система становится объектно-предметным пространством для того или иного знания. Очевидно, что в рамках нормативного подхода имеет значение скорее всего заключительный элемент в этой пятизначной системе координат. Облекая его в конкретную норму права, законодатель тем не менее, опосредованно апеллирует и к другим составляющим этой цепочки, но, возможно, что-то пропускает или чего-то не берет в расчет. Конечно, труд — это ценность общечеловеческая, интернациональная, но также и политическая, социальная, экономическая, а значит, все более выступающая именно как «оператор» общественных отношений и, таким образом, нуждающаяся в право-

вой регламентации в различных отраслях права — трудового, гражданского и иных. Но также нужно иметь в виду, что когда исследователь вводит нормы права в широчайший контекст ценностных, идеологических, социально-исторических, политических или иных явлений, ему все же никак не удастся избежать признания за нормой права лидирующего положения. Между тем, с точки зрения философской рефлексии, скорее ценности имеют решающее значение в формировании стереотипов поведения человека в обществе, чем устанавливаемые законом юридические нормы. Так или иначе, но игнорирование подобной диспозиции не позволяет на должном исследовательском уровне достичь результатов, которые не вызывали бы сомнения в их научной значимости. Следует особо подчеркнуть, что методологическая рефлексия именно в юриспруденции ни в коем случае не должна замыкаться на линии построения все новых и новых правовых норм — их перепроизводство на самом деле направлено скорее на оправдание исключительно правотворческой деятельности соответствующих органов власти. О преимуществах и недостатках нормативного подхода в юридической науке речь шла в отдельной статье (см.: [5]).

О смыслах бытия, многомерных и безграничных, сегодня ведутся острые дискуссии в различных исследовательских кругах и научных областях, по понятной причине наиболее живой отклик данная проблема находит в социально-гуманитарном знании. При этом право, являясь более операциональной системой в постижении социального бытия, чем социокультурной, часто не принимается в расчет при дешифровке смыслов бытия. Поэтому нередко встречаются размышления о деструктивном воздействии права и его составляющих на самые различные сферы человеческой индивидуальной и коллективной жизнедеятельности. Так, по мысли А. А. Панищева, «при распространении прайдового права происходит деструкция самой государственности, изменение самой сущности государства» [19, с. 51]. Вместе с тем, как полагают исследователи В. Динес и А. Федотов, «... понятие «государственность» позволяет не только поставить вопросы, относящиеся к институтам собственно государства, но и взять их в более широком плане, а именно в совокупности всей системы отношений «человек — общество — государство» [20, с. 10]. Стоит добавить, что, как правило, размышления о сущности государства, о концепции государственности и кладутся в основу построений философии государства, отчего становится понятным преобладающий историко-герменевтический ракурс в рассмотрении этого феномена. Интерпретации философии государства прочно связываются с богатым правовым контекстом, формируемым веками, а значит, по-прежнему выводят на пер-

вый план взгляды и представления философов и правоведов о сущности государства. Следует, однако, отметить, что традиционно эти представления не обходятся без актуализации идей справедливости, истины и других, но нужно понимать, что содержание этих идей с течением времени меняется, и они получают новые смысловые прочтения и интерпретации, несмотря на их многолетнюю ценностно-смысловую абсолютизацию. К примеру, в условиях постмодернистского мировоззрения сама идея права и концепция государственности подвергаются не просто пересмотру и переоценке, но и отвержению — утилитаризация государства и власти становится отчетливой приметой последнего времени. Именно по этой причине государство начинает компенсировать утрату своей доминирующей позиции в формах, проверенных прошлым, — стандартами тоталитарного. Мы полагаем, в наши дни, когда принимаются заявления о крушении постмодерна, ощущения или иллюзии прошлого все чаще посещают человека. Государство, возвращаясь в прошлое (взять хотя бы последний акцент на смене милиции на полицию), всегда пересматривает известные конституционно постулируемые положения, медленно, но верно заменяя их на шаблоны прошлого. Так, традиционно и неукоснительно признаваемая демократическими государствами высшая ценность человека в определенном моменте сравнительно легко подменяется ценностью самого государства, в котором начинает превалировать концепция государства и личности, а не наоборот. Как известно, в прошлом России именно такая концепция и становилась философией государства.

Социальная рефлексия должна быть свойственной правовой науке как никогда; очевидно, что значимость и ценность этой области знания обеспечивает именно исследование норм права ни как явлений исключительно «государственного уровня», а как производных диалога между обществом, государством и человеком, не сводимого только лишь к констатации вынужденной необходимости регулировать те или иные общественные отношения. Норма права может быть признана адекватной социокультурным реалиям, если она, во-первых, отвечает философии государства, а во-вторых, должным образом вписывается в ценностно-нормативную систему конкретного общества. Только в этом случае норма права может считаться культуроцентричной, а следовательно, отвечающей ментальности и национальному характеру народа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеева И. Ю. Модели философии // Философские науки. 2012. № 9.

2. Кемеров В. Е. Гуманитарное и социальное: от оппозиции к синтезу // Человек. 2011. № 1.
3. Попов Е. А. Диверсификация социогуманитарного знания: смыслы социального и апология суперсоциального // Социологические исследования. 2012. № 11.
4. Попов Е. А. Междисциплинарный опыт гуманитарного знания и современной социологической науки // Политика и общество. 2013. № 4.
5. Попов Е. А. Преимущества и недостатки нормативной методологии в современной юридической науке // Вопросы правоведения. 2012. № 3.
6. Гудков Л. Д. Социология культуры: научно-аналитический обзор тематического номера «Кельнского журнала по социологии и социальной психологии» // Культурология: дайджест. 2012. № 1 (60).
7. Марков Б. В. Образ человека в постантропологическую эпоху // Вопросы философии. 2011. № 2.
8. Щербина В. В. Существует ли сегодня наука социология? // Социологические исследования. 2012. № 8.
9. Коростелева О. Т. Гармонизация бытия человека в мире как проблема современного социогуманитарного знания // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2013.
10. Кравченко И. И. Политические и другие социальные ценности // Вопросы философии. 2005. № 2.
11. Пастухов В. Б. Бес права. Русское право как ускользающая реальность // Полис. 2011. № 2.
12. Краснов М. А., Краснов П. М. К разработке Индекса охраны человеческого достоинства // Общественные науки и современность. 2011. № 6.
13. Пантин И. К. Ленин — большевизм — русская революция // Вопросы философии. 2005. № 4.
14. Рыбаков О. Ю., Тихонова С. В. Модернизация права и социогуманитарная наука: проблемы диалога // Общественные науки и современность. 2011. № 6.
15. Шахрай С. М. К 20-летию Конституции Российской Федерации: из истории российского конституционализма и государственного строительства // Вопросы правоведения. 2013. № 2.
16. Александров Ю. И., Кирдина С. Г. Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход // Социологические исследования. 2012. № 8.

17. Бачило И.Л. О методологии и юридической технике законодательства // Государство и право. 2006. № 6.
18. Овчинников А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. Ростов-на-Дону, 2002.
19. Панищев А.А. Проблема деструкции государственности. Прайдовое право животного мира и закон человеческого общества // Вопросы культурологии. 2010. № 1.
20. Динес В., Федотов А. Российская государственность в контексте модернизации // Власть. 2010. № 1.

С. А. Воронина (Барнаул)

МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД КАК ПЕРСПЕКТИВА АНАЛИЗА СИСТЕМО-СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

В современной социальной философии сложилась, на наш взгляд, парадоксальная ситуация: наработано большое количество фундаментальных подходов исследования информационного общества, но все еще нет теории, способной проанализировать и охватить все структурные трансформации современного общества, представить адекватный анализ современного состояния социальной структуры.

Современные концепции постиндустриального и информационного общества исходят из того, что в основании общества лежат либо формационные, либо цивилизационные признаки. Важнейшее различие указанных исследовательских подходов заключается в понимании картины общественного развития либо как линейного, либо как поступательно разворачивающегося исторического процесса, в основе которого лежат экономические отношения. При этом признается, что линейное понимание общественного развития некорректно, поэтому и сторонники информационного развития общества, и постиндустриального утверждают, что современное общество есть не то, что хронологически следует за предшествующими стадиями развития, а абсолютно новая общественная форма. Сторонники постиндустриализма в своем анализе общества исходят от экономики, конечно, они признают главенствующую роль информации, но рассматривают ее как экономическую категорию.

С точки зрения цивилизационного подхода информационное общество представляет собой специфическую социальную организацию,

характеризующуюся всеобщей связью индивидов и первичных общностей в целях воспроизводства и приумножения общественного богатства на основе коммуникативных технологий. Но в данной трактовке цивилизации теряется, на наш взгляд, эвристичность цивилизационного подхода, так как, рассматривая цивилизацию как социальную организацию, сторонники данного подхода не отличают ее от общественно-экономической формации как определенного качественного состояния общества с определенной внутренней организацией.

Как показывает опыт, исторически научное знание оказывается даже более значимым, чем труд и капитал, фактором, определившим благосостояние и облик современного общества. Его ключевая роль заключается в том, что увеличение значения информации привело к революции в производительности труда, что в конечном итоге способствовало повышению материального благосостояния и улучшению жизни населения развитых европейских стран. «В современном обществе знание оказывается основным условием производства, реальной полезной силой, средством достижения социальных и экономических результатов, в то время как традиционные факторы — земля, средства производства, рабочая сила и капитал — приобретают второстепенное значение» [1, с. 70–71].

Исключать наработки формационного и цивилизационного подходов мы не считаем вправе. Несомненно, технологии, а особенно коммуникативные, развиваются, но производство, собственность на средства производства остаются в тех рамках, как их объяснял еще К. Маркс. И здесь мы абсолютно согласны с М. Кастельсом, который в качестве отправной точки своих размышлений использует глобальную экономику и международные финансовые рынки как основные признаки формирующегося нового миропорядка. Исходя из того, что информация по своей природе является таким ресурсом, который легче других проникает через всевозможные преграды и границы, информационная эра рассматривается им как эпоха глобализации. При этом сетевые структуры становятся одновременно и средством, и результатом глобализации общества. В то же время зарождающееся новое общество строится таким образом, что сбор, анализ и передача необходимой информации стали «фундаментальными источниками производительности и власти» [1, с. 42].

С одной стороны, хронологические рамки наступления нового состояния социума определить достаточно просто, стоит только выявить новую форму экономических отношений (сторонники формационного подхода так бы и сделали), но, с другой стороны, и здесь-то и начинается проблема, и какие новые экономические отношения

дали нам XX и XXI вв.? Становится очевидным, что точно определить их невозможно, так как в мире и сегодня существуют государства, находящиеся на аграрной, индустриальной стадии развития, а элементы доиндустриального и индустриального даже в «постиндустриальных» государствах уживаются с новейшими информационными тенденциями. Поэтому пока вопрос об определении хронологических рамок с точки зрения экономики остается открытым. Тем не менее очевидна «нижняя» временная граница — окончание Второй мировой войны.

Упомянувшийся выше М. Кастельс, например, связывает переход от постиндустриального к информационному обществу с тем, что «структурная перестройка экономики в 1980-х гг. вызвала в деловых организациях появление ряда новых реорганизующих стратегий» [1]. Соглашаясь с исследователем, можно отметить, что в разных культурных контекстах новые организационные формы выросли из старых, отодвинутых в сторону классических моделей индустриальной организации, и обрели новую жизнь в требованиях новой экономики и возможностях, предлагавшихся новыми технологиями. Из процесса капиталистической реструктуризации и индустриального перелома возникло новое информационное общество.

Для нашей позиции продуктивным в данной теории является тот факт, что М. Кастельс, указывая на кризис классической теории информационного общества, обращает внимание на то, что «теория информационного общества, в отличие от глобальной/информациональной экономики, всегда должна обращать внимание на историческую/культурную специфику в той же мере, как на структурные подобию, связанные с разделяемой в основных чертах технико-экономической парадигмой» [1].

Надо признать, что по мере своего развития обе парадигмы (постиндустриальная и информационная) вышли на определенный уровень анализа проблем современности, причем результаты этого анализа (при всех методологических отличиях) во многом схожи. В частности, это касается важнейшей для нас характеристики нынешнего общества как общества коммуникативного, общества, в котором коммуникация и средства массовой информации становятся важнейшей отраслью общественного производства. В современной американской концепции, например, понятие «информационное общество» не используется, а применяется в основном термин «информационная супермагистраль», и «информационное общество» здесь зиждется исключительно на технологиях и экономике. Можно сказать, что американские исследователи исходят из формационного подхо-

да. В Европе, наоборот, понятие «информационное общество» используется в документах Совета Европы и затрагивает более широкие сферы. Своего рода мостиком между американским и европейским подходами может стать межцивилизационная парадигма, в которой учитываются не только технологический и экономический аспекты, но и гораздо более широкие факторы, влияющие на информационное общество, урбанизм, демография, культура и другие ракурсы бытия человека [2].

Применение межцивилизационного подхода позволяет анализировать не только сложившиеся традиционные формы отношений, но и инновационные элементы и сферы социальной структуры.

Учитывая качественно новые проявления информационного общества на современном этапе, необходимо обратиться к глубинным уровням функционирования элементов социальной структуры, проявляющихся в постоянной трансформации не столько экономики, но социально-нормативных установок и нравственного уклада общества и коренной трансформации духовной сферы современного общества.

Мы вполне обоснованно можем говорить о том, что в современном обществе сосуществуют элементы различных эпох, что дает нам возможность, отметить следующее его принципиальное отличие от всех предыдущих общественных состояний: в информационном обществе элементы социальной структуры и культурная, духовная их компонента, тесно переплетаются и взаимовлияют друг на друга.

В связи с этим, учитывая технологическую и культурную составляющие общественной жизни, мы определяем главенствующую роль информации, и не просто информации, а особенностям ее циркулирования в современном обществе. Коммуникативные потоки пронизывают все элементы социальной структуры, обнаруживаются в разных полях общественной жизнедеятельности, таких как производство, социум, глобальные проблемы, исторические, политические, духовные и человеческие трансформации. «Развитие общества, ориентированное на информационное пространство, усиливает их роль в современной системе социальных взаимодействий» [3, с. 101].

Особое внимание следует обратить на специфику циркулирования информации в коммуникативном обществе. Учитывая ее такую особенность, как всеохватность, глубокую символизацию, визуализацию, установку на манипулирование сознанием, необходимо актуализировать поиск общих культурных ценностей в условиях культурного плюрализма и разнообразия информационного общества. В сущности, понятие «информационное общество» есть некая идеальная система, в рамках которой вырабатываются определенные ценност-

ные, культурные, духовные доминанты, задача которых заключается в моральной регуляции социальной жизни.

Макроуровневая динамика социальной жизни информационного общества обусловлена взаимодействием всех элементов социальной структуры, регулятивным механизмом которого выступают коммуникативные практики, обеспечивающие функционирование экономики, политики, всех сфер социальной жизни.

Именно в формах и методах распространения информации заложен тот информационный потенциал, при помощи которого возможно регулировать как материальную, так и духовную сферы общества. В зависимости от циркулировании информационных потоков, от их интенсивности, открытости, или, наоборот, закрытости, общество реагирует появлением новых социальных, культурных элементов. Следовательно, информационное общество как культурно-нормативный идеал принимает на себя фундаментальные обязательства и ответственность за новые социальные элементы. Именно в коммуникативной сфере информационного общества происходят процессы взаимодействия социальных, культурных элементов и практик современного общества. И именно в них демонстрируется многовариантность элементов социальной структуры, процесс их интеграции и дифференциации, которые осуществляются, с одной стороны, через технологические структуры, с другой стороны, через содержательный уровень.

Отсюда вытекает следующий принципиально важный момент, который заключается в том, что современное информационное общество — это в первую очередь коммуникативно-культурная система, так как в своих границах объединяет различные культурные, этнические элементы, представляя собой особую подсистему, имеющую свои, только ей присущие особенности, символику, коммуникативные практики. Апеллируя к специфическим коммуникативным практикам, учитывая как формационный, так и ценностно-духовный, и культурный подход, мы можем адекватно исследовать структурные трансформации информационного общества.

Следует особо подчеркнуть, что коммуникативно-культурная специфика информационного общества не означает ограничения его структурной организации исключительно сферой культуры, как его рассматривали представители цивилизационного подхода. Информационное общество есть некий культурно-нормативный идеал, в рамках которого формируются и функционируют другие элементы социальной структуры — межгосударственные отношения, политика, экономика, идеология, государство, семья. На наш взгляд, социальная

структура информационного общества есть некое социальное измерение или подсистема, которая, пронизывая все социальные сферы, учитывая национальные, этнические, политические, государственные и другие специфические для каждой отдельной социальной системы элементы, представляет собой культурное объединение, главным компонентом которого является информация и коммуникация.

Преимуществом коммуникативно-культурного компонента, являющегося основной категорией информационного общества, является, на наш взгляд, возможность объяснения и моделирования множества проявлений информационного общества, его противоречий в сферах жизнедеятельности индивидов и цивилизации в целом.

Понятие «культура» в информационном обществе имеет, на наш взгляд, более широкое значение, нежели ее традиционное понимание. Это уже культура не в рамках классической традиции «понимающей» социологии, например, М. Вебера, и даже не в традиции цивилизационного подхода, где культуру часто интерпретируют как воплощение практических смыслов или проявление творческой активности или субъективности индивида. В таких теоретических моделях культурные формы предстают как отдельные элементы, не связанные с социальной структурой общества, соответственно, и внутреннее содержание культурных процессов оказывается вне объяснения. Проблемным недостатком данных подходов является и тот факт, что теоретики выносят смыслы коммуникативных процессов за пределы сферы культуры в другие сферы общественной жизнедеятельности — в экономику, политику или отдельно в социальную структуру общества, рассматривая каждый элемент вне связи с культурно-коммуникативными потоками [4].

В итоге взгляд на культуру лишается понимания ее самодостаточности, внутренних логик ее развития и общественных смыслов ее репрезентации. О необходимости более прицельного анализа указанной проблемы, в частности, заявляет Е. А. Попов [5]. На наш взгляд, элементы социальной структуры необходимо рассматривать с понимания их как внутренне органичной части единой коммуникативно-культурной системы, в которой все характеристики зависят от степени интенсивности информационных потоков.

На наш взгляд, адекватным теоретическим выходом из создавшейся ситуации выпадения культурных смыслов и неразрешенных методологических дихотомий между культурой и действием, культурой и социальной структурой, служит формирование такой модели, в которой культура и социальные сферы объединены, при этом культура понимается как некая социальная структура, состоящая из ком-

муникативных социальных практик, формирующихся на основе информационно-коммуникативного общества.

Именно коммуникация является неким референтным символом или знаком, имеющим обобщающий статус для понимания элементов социальной структуры и ее трансформации. Для коммуникации характерно множество проявлений, и одно из важнейших среди них, к тому же поддающееся фиксации на уровне эмпирических исследований, — это формы воздействия на сознание общества, т.е. приемы манипулирования. Индивиды, социальные группы, нации осознают в информационном обществе, например, прогресс во времени через идеи, некие маркеры дня вчерашнего, сегодняшнего и выстраиваемого будущего.

Универсальность коммуникации и информации, а, следовательно, формальная зависимость культуры от социально-структурных детерминаций, основывается прежде всего на внутреннем процессе коммуникативного взаимодействия, обозначающего общественные смыслы явлений и процессов.

Очерчивая системно-структурную организацию информационного общества, следует вычленить ее основные элементы. К ним мы относим: индивидов, социальное взаимодействие между ними в рамках социальных институтов, на основании передачи, закрепления и хранения информации, и, собственно, элементы социальной структуры. Центральным ядром этой организации, обеспечивающим алгоритм функционирования любого информационного общества, является индивид, включенный в систему коммуникативно-культурных бинарных кодов. Эти коды обуславливают коммуникативный характер взаимодействия трех упомянутых выше измерений социально-структурной реальности.

Таким образом, информационное общество представляет собой ряд взаимосвязанных дифференцированных элементов, в которых наблюдается постоянный сложный процесс производства и воспроизводства социальных отношений, основанных на коммуникативных технологиях. Современное информационное общество есть союз коммуникативных отношений, связывающий вместе общающихся индивидов. Организующим исходным моментом информационного общества являются коммуникация и информация, так как все социальные факты по природе своей коммуникативны, в силу чего информационное общество есть коммуникативное явление, обусловленное информационными процессами. Любое социальное действие, а потом взаимодействие детерминируются коммуникативными процессами, которые обволакивают элементы социальной структуры как «войлок», являясь основой любого социального элемента.

В информационном обществе действуют, на наш взгляд, две основные взаимосвязанные и порой прямо антагонистические силы: с одной стороны, это индивид, с его жизненными установками, взаимодействиями, а с другой стороны, пронизывающие данные взаимодействия информационные потоки. В структуру информационных потоков включены формы и методы воздействия на индивида, это влияние направляет поведение индивида к достижению жизненных целей любого характера, начиная от общественного мнения, заканчивая трансформацией социальной структуры. В общем виде структурная организация общества организуется и формируется вследствие коммуникативного взаимодействия индивидов. В результате данного взаимодействия возникает неразрывная взаимосвязь между социальной структурой, социальными процессами и социальными проявлениями. Обобщая вышесказанное, можно сказать, что в развитии информационного общества параллельно участвуют две основные силы: индивид с его установками и коммуникативные особенности определенного общества. Причем последние напрямую зависят от культурной, национальной специфики общества, которые и определяют поведение индивида и особенности структурной организации общества.

Таким образом, в рамках межцивилизационной парадигмы исследования общества мы учитываем следующие положения:

1. Главенствующая роль информации, которую мы рассматриваем как экономическую категорию.

2. Информационное общество есть специфическая социальная организация, которая характеризуется всеобщей связью индивидов и первичных общностей в целях воспроизводства и приумножения общественного блага на основе коммуникативных технологий.

3. В современном обществе информация является основным условием производства, средством достижения социальных и экономических результатов, в то время как традиционные факторы приобретают второстепенное значение.

4. В разных культурных контекстах новые организационные формы выросли из старых классических моделей индустриальной организации и обрели новую жизнь в требованиях новой экономики и возможностях, предлагавшихся новыми технологиями.

5. Историческая и культурная специфика играет столь же важную роль, как и технико-экономическая парадигма.

6. В информационном обществе элементы социальной структуры и культурная, духовная их компонента, тесно переплетаются и взаимовлияют друг на друга.

7. Главенствующую роль в новом обществе играет информация, и не просто информация, а особенности ее циркулирования. В зависимости от циркулировании информационных потоков, от их интенсивности, открытости или, наоборот, закрытости, общество реагирует появлением новых социальных, культурных элементов.

8. Социальная структура информационного общества — это в первую очередь коммуникативно-культурная система, так как в своих границах объединяет различные культурные, этнические элементы, представляя собой особую подсистему, имеющую свои, только ей присущие особенности, символику, коммуникативные практики.

9. Информационное общество есть идеальная модель, в которой культура и социальная сферы объединены, при этом культура понимается как некая социальная структура, состоящая из коммуникативных социальных практик, формирующихся на основе информационно-коммуникативного общества.

10. Ядром информационного общества являются индивид с его установками и коммуникативные особенности определенного общества.

Следует отметить, что предложенная межцивилизационная теоретическая модель идеальна, но она, на наш взгляд, может стать универсальной для любого современного коммуникативного социума, вместе с тем, хотелось бы подчеркнуть, что гомогенность структурного ядра информационного общества не исключает существенных и важных вариаций его проявлений в разных национально культурных контекстах и даже разных вариаций одного общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кагельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
2. Поляков А. Н. К проблеме общественных формаций // Вопросы философии. 2003. № 6.
3. Пустовалова Е. В. Коммуникативные отношения в социальных сетях человека // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.
4. Барг М. А. Категория «цивилизация» как метод сравнительно-исторического анализа // История СССР. 1990. № 5.
5. Попов Е. А. Человек и его духовная деятельность в центре внимания социологии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.

В. В. Нагайцев (Барнаул)

ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

Анализ и диагностика социального конфликта — это целая система исследовательских операций, связанных с получением подробной информации о конкретном конфликте и последующим ее использованием для разрешения ситуации конфликта. Термин «диагностика» в переводе с греческого означает «способность распознавать» и употребляется в социальных науках на особый метод исследования происходящих в обществе явлений и процессов. Проблематика, связанная с диагностикой социального конфликта как основы его будущего разрешения, носит, в отечественной научной литературе пока что в основном теоретико-методологический характер.

Обращаясь к существующим схемам анализа и диагностики социального конфликта, можно обнаружить определенное сходство в представлениях о них специалистов данной области знания. Так, например, А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов, авторы известного междисциплинарного обзора библиографии по конфликтологической проблематике, приходят к выводу, что анализ конфликта должен строиться на основе следующих основных его понятий: сущность, генезис, эволюция, классификация, структура, динамика, функции, предупреждение, разрешение, методы исследования [1, с. 138–140]. На наш взгляд, реальная диагностика социального конфликта не должна сводиться к тому, чтобы добиться наибольшего числа рубрик его описания и максимальной дифференциации составляющих его элементов.

В процессе диагностики социального конфликта прежде всего необходимо убедиться, что мы имеем дело именно с ситуацией конфликта, а не с каким-либо другим явлением, внешне похожим на нее [2]. Существуют односторонняя агрессия, публичная дискуссия, конкуренция, демонстративное поведение личности, трудная жизненная ситуация, различные имитации конфликта — конкурсы, соревнования, игры, спортивные состязания и многие другие явления, не являющиеся, в строгом смысле слова, процессом конфликта, а представляющие собой так называемый ложный конфликт (квазиконфликт).

Социальный конфликт может быть определен нами как процесс противодействия социальных субъектов, направленный на разрешение противоречий в их интересах и целях. В качестве исходного методологического положения в анализе социальных конфликтов может выступать представление о том, что конфликт — постоянно присутствующий тип социальных взаимоотношений в обществе.

Можно выделить три обязательных компонента любого социального конфликта:

- наличие двух или более социальных субъектов — сторон конфликта;
- осуществление сторонами конфликта противодействия;
- возможность оценки противодействия сторон внешним наблюдателем [3, с. 5].

Сторонники теории конфликта объясняют всю социальную жизнь как закономерно конфликтную. Конфликт здесь рассматривается как нормальное и даже необходимое социальное явление в обществе. Наиболее ярко эта позиция отражена в работах известных ученых-конфликтологов Г. Зиммеля, Р. Дарендорфа, Л. Козера, Л. Крисберга. К числу отечественных теоретиков конфликта следует отнести А. Здравомышлова, Ф. Бородкина, А. Зайцева, В. Кудрявцева, Е. Степанова, Ю. Раствова, В. Шаленко и др.

Конфликт — это процесс, переход от одной стадии к другой, каждая из которых характеризуется своими особенностями. Несмотря на динамику, любой конфликт характеризуется определенным набором его основных элементов, образующих структуру конфликта как целостного социального явления. Прежде всего, конфликт характеризуется конфликтующими сторонами, а также предметом противоборства. Эти два определяющих элемента конфликта лежат в основе его структуры [4].

Таким образом, к основным элементам конфликта относятся:

- участники конфликта;
- предмет конфликта;
- зона конфликта;
- среда конфликта.

«Изъятие» любого такого элемента из конфликта либо сводит его на нет, либо существенно меняет его характер.

Участники (субъекты) социального конфликта. Основной элемент социального конфликта — его участники. В большинстве ситуаций конфликта ими выступают индивиды со своими интересами, целями и ценностями. Однако социальная реальность не сводится к взаимодействию отдельных индивидов. В обществе действуют различные социальные группы, организации, общности, народы, общественные движения и подобное, которые также могут выступать участниками конфликтного противоборства. Таким образом, участников конфликта, как и самих конфликтов, может быть великое множество. Всех участников конфликта можно разделить на основных (прямых) и неосновных (косвенных).

Основные участники конфликта — это прямые, непосредственные стороны, участвующие в противоборстве. Им принадлежит решающая

и наиболее активная роль в его существовании и развитии. Основные участники конфликта являются его главными действующими лицами, и противоречие именно их интересов, как правило, лежит в основе социального конфликта. Поэтому основных участников именуют *субъектами конфликта, сторонами конфликта или оппонентами*.

К *неосновным участникам конфликта* относятся все остальные участники конфликта. Их часто именуют также *косвенными* участниками конфликта. По определению им принадлежит второстепенная роль в возникновении и развитии конфликта. Часто неосновных участников конфликта называют еще *третьей стороной*. В реальной ситуации конфликта грань между основными и неосновными участниками часто оказывается подвижной и относительной. В процессе развития конфликта основные и неосновные действующие лица могут меняться местами. Роль неосновных участников конфликта может быть как *конструктивной*, так и *деструктивной* — они могут способствовать не только разрешению или предупреждению конфликта, но и его обострению и дальнейшей эскалации. При этом результат вмешательства неосновного участника в конфликт может и не совпадать с его целями.

Среди косвенных участников конфликта следует выделить такие группы, которые специально создаются для поддержки того или иного субъекта конфликта. Они называются *группами поддержки*.

Важную роль в возникновении и развитии конфликта имеют и *другие его участники*:

- *сторонники конфликтеров;*
- *противники конфликтеров;*
- *инициаторы (зачинщики);*
- *организаторы;*
- *пособники;*
- *посредники.*

Инициаторы (зачинщики) — участники конфликта, которые берут на себя инициативу в развязывании конфликта между другими лицами, группами или государствами. Это могут быть как основные, так и неосновные участники. После того как конфликт возник, инициатор конфликта может и не участвовать в нем.

Организаторы — группа лиц (или отдельное лицо), разрабатывающая общий план противоборства с оппонентом с целью разрешения противоречия в свою пользу. Организовать конфликт — значит продумать всю его динамику таким образом, чтобы предполагаемые выгоды в результате его окончания были больше, нежели потери. Организаторами могут выступать как основные, так и неосновные участники конфликта.

Пособники — лица, которые помогают участникам конфликта в его развязывании, организации и развитии. Пособниками могут выступать как спонтанные группы лиц, так и специально созданные. Помощь, оказываемая пособниками, может носить самый разный характер: материальная, идеологическая, нравственная, ресурсная, информационная, административная и т.д.

Посредники (арбитры, медиаторы, консультанты) — особая (третья) сторона в конфликте. Роль посредника — это роль авторитетного помощника, призываемого субъектами конфликта для разрешения конфликта. В этой роли могут выступать как отдельные лица, так и организации и государства. Важная черта посредника — это его авторитет, признанный обеими сторонами конфликта.

Предмет конфликта. Предмет конфликта — конкретная дефицитная материальная (ресурс), социальная (власть) или духовная (идея, принцип, норма) ценность, к обладанию или использованию которой стремятся посредством конфликта оба оппонента. Предмет конфликта (иногда его в литературе также называют объектом конфликта) — то, что явилось «яблоком раздора», что не смогли поделить конфликтеры (деньги, власть, авторитет, знания, общественное признание, симпатии ближних, конкретный объект, например, вполне материальный предмет — одна книга на двоих), конкретная возможность (одна путевка в санаторий на весь отдел) и т.д.

Конфликт возникает только тогда, когда есть разногласия сторон по вопросу предмета конфликта. Предмет конфликта не всегда легко распознаваем. Нередко участники конфликта сами не очень четко ее представляют. Иногда им кажется, что весь «сыр-бор» разгорелся из-за какого-то пустяка, в котором стоит только одному из спорщиков уступить, и конфликт будет исчерпан. А на самом деле оказывается, что этот пустяк является лишь внешним выражением более глубоких расхождений в отношении весьма реального материального предмета. Предмет конфликта — это именно то, из-за чего спорят, все то, чего хочется всем людям, чего им всегда не хватает и что невозможно разделить так, чтобы все были довольны. Выяснив предмет конфликта, мы делаем большой шаг к установлению его причин. Предмет конфликта, как правило, связан с целями и интересами конфликтующих сторон (или, по меньшей мере, с целью одной из них), однако не все их цели и интересы в конфликте связаны именно с предметом конфликта.

Зона конфликта — территория, на которой разворачивается конфликт.

Среда конфликта. В процессе анализа участников третьей стороны социального конфликта необходимо учитывать влияние внешней среды на развитие конфликта. К факторам внешней среды, которые могут

оказать воздействие на динамику конфликта, относятся средства массовой информации, какие-то независимые инстанции, реклама и другие институты социального воздействия. Среда конфликта оказывает существенное влияние на причины его возникновения и всю динамику.

Надо сказать, что структурных элементов социального конфликта на самом деле может быть гораздо больше, в зависимости от уровня диагностического исследования. Выделенные нами основные структурные элементы уместны в рамках модели развития типичного социального конфликта. Каждый из выделенных элементов динамики социального конфликта может выступать как самостоятельный элемент дополнительного диагностического исследования. По мнению автора, вовремя диагностировать конфликт — это значит прежде всего как можно более точно выяснить происходящее на латентной стадии его развития, распознать начало конфликтного противодействия субъектов до того, как оно выльется в их открытое и явное противостояние.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология: теория, история, библиография. М., 1996.
2. Пустовалова Е. В. Междисциплинарный характер конфликтологического знания // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2011. № 3.
3. Нагайцев В. В. Диагностика социальных конфликтов в организации. Барнаул, 2004.
4. Артюхина В. А. Протестное поведение населения Алтайского края в постсоветский период : автореф. дис. ... канд. соц. наук. Барнаул, 2012.

С. В. Миронова (Барнаул)

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА СТУДЕНТОВ КАК ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА (на примере освоения курса «Демография» студентами факультета социологии)

В условиях новых требований ФГОС ВПО процесс обучения в вузе направлен на формирование способности, готовности выполнять профессиональные и социальные роли на таком уровне, чтобы была возможна самореализация личности. Компетентностный подход спосо-

бен более эффективно реализовывать поставленные обществом задачи в подготовке профессиональных кадров [1]. Этим проблемам уделяют внимание исследователи в области социологии образования (см., например: [2]). Компетентность — степень подготовленности человека к различным видам деятельности. Это своего рода «знания в действии», признаки которых можно заметить в деловом и бытовом поведении человека. Компетентность преподавателей и студентов вуза можно охарактеризовать с точки зрения того объема и класса навыков и умений, которыми они владеют, их уровня, опыта и т.д.

В соответствии с этим при подготовке по различным направлениям, в том числе и на факультете социологии, акцент сделан на формировании самостоятельности, самоорганизации, самоконтроля, что является основными позициями компетентного подхода. Кроме того, эти факторы могут влиять на формирование имиджа вуза, о чем, в частности, пишет в своих исследованиях О.Н. Колесникова [3; 4]. Другими словами, самостоятельность выступает в роли ключевой компетенции. Это очень важно, так как ее сформированность позволяет выпускнику вуза в процессе осуществления профессиональной деятельности действовать не только в типовой, но и нестандартной ситуации. Для формирования профессиональной самостоятельности выпускника вуза в процессе подготовки по различным направлениям большую роль играет самостоятельная работа. На ее долю приходится до 50% от количества часов, отведенных на освоение данной учебной дисциплины.

Демография является одной из базовых учебных дисциплин в процессе подготовки бакалавров социогуманитарного профиля. Поэтому важнейшей задачей является выработка у студентов осознания важности, необходимости и полезности изучения данной дисциплины для использования полученных знаний в будущей профессиональной деятельности.

Усвоение дисциплины организуется путем проведения лекционных аудиторных, семинарских занятий, а также за счет самостоятельной аудиторной и внеаудиторной работы.

Лекционный курс по дисциплине преследует цель формирования у студентов ориентировочной основы для последующего усвоения материала методом самостоятельной работы. Содержание дисциплины отвечает следующим дидактическим требованиям: изложение материала от простого к сложному, от известного к неизвестному; логичность, четкость и ясность в изложении материала; возможность проблемного изложения, дискуссии, диалога с целью активизации деятельности студента; тесная связь теоретических положений и выводов с практикой и будущей профессиональной деятельностью студентов.

Самостоятельная (аудиторная и внеаудиторная) работа студентов всех форм обучения является одним из основных видов познавательной деятельности, направленной на разностороннее и глубокое постижение материала по данному курсу. Часть времени, отведенного на самостоятельную работу, студенты должны использовать на подготовку к семинарским занятиям, а также к текущему и итоговому контролю. В результате должны быть освоены рекомендованные преподавателем учебные и научные источники, выполнены письменные контрольные работы и тестовые задания. В качестве рекомендованных источников для освоения курса, в том числе и в процессе самостоятельной работы, являются учебные пособия, рекомендованные для изучения курса «Демография» в вузе, журнальные статьи в научных журналах по профилю подготовки («Социологические исследования», «Социологический журнал», «Общественные науки и современность», «Человек», «Вестник МГУ. Сер. 18: Социология и политология», электронный журнал «Демоскоп» и др.).

Самостоятельная аудиторная работа студентов предполагает ведение конспектов лекций, выступления на семинарских занятиях (сообщения, доклады), выполнение письменных заданий в виде контрольных работ и тестовых заданий. Также студенты выполняют задания по самостоятельному поиску демографической информации в Интернете (сайты Росстата, Алтайкрайстата, ВЦИОМ, Института социологии РАН, Высшей школы экономики, электронного журнала «Демоскоп» и др.). Письменные контрольные работы выполняются студентами в аудитории по следующим темам: «Демография как наука», «Демографическая информация», «Абсолютные и относительные показатели численности населения и динамики демографических процессов», «Демографические таблицы». Результаты выполненных студентами заданий обсуждаются во время аудиторных занятий. Тестовые задания используются для промежуточного контроля усвоения тем по данному курсу («Демографическая информация», «Демографические процессы (рождаемость, смертность, брачность, разводимость, демографические структуры населения)).

Контрольная внеаудиторная работа выполняется студентами письменно в виде реферата и обеспечивает глубокую и всестороннюю проверку усвоения изучаемого материала, так как требует демонстрации комплекса знаний и умений студента. В процессе презентации текста контрольной внеаудиторной работы студенты демонстрируют владение категориальным аппаратом по данному курсу, умение логично выстраивать и излагать текст по анализируемой проблеме, давать оценку анализируемой проблеме.

Используемые критерии оценки ответов: полнота и конкретность ответа; последовательность и логика изложения; связь теоретических положений с практикой; обоснованность и доказательность излагаемых положений; наличие качественных и количественных показателей; наличие иллюстраций к ответам; уровень культуры речи; использование наглядных пособий и т.д.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Пустовалова Е. В. Конфликтологическая компетентность в профессиональной подготовке студента // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 2 / под ред. Е. А. Попова. Барнаул, 2010.
2. Попов Е. А. Современная социология и проблемы образования // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.
3. Колесникова О. Н. Некоторые аспекты формирования имиджа высшего учебного заведения // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2013.
4. Колесникова О. Н. Мониторинг качества образования в вузе: грани проблемы // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Барнаул, 2012.

Т. В. Чуканова (Барнаул)

ПРОФИЛАКТИКА СОЦИАЛЬНО НЕАДАПТИРОВАННОГО ПОВЕДЕНИЯ КАК УСЛОВИЕ ОПТИМАЛЬНОГО СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ ПОДРОСТКОВ*

Важным фактором, обеспечивающим гармоничное развитие современного общества, выступает создание оптимальных условий для развития потенциальных возможностей личности. Одновременно это одна из задач обучения и воспитания детей, требующих особого внимания.

* Исследования выполнены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Мониторинг социального самочувствия и безопасность населения Алтайского края», № 13-13-22005.

Современное развитие мира показывает, что наиболее приоритетной ценностью, обеспечивающий социальный прогресс общества, является система образования как один из важнейших социальных институтов, формирующих общественное сознание и интеллектуальный потенциал нации [1].

Проблема социально неадаптированного (девиантного) поведения неразрывно связана с тематикой социального самочувствия и находится в центре внимания исследователей различных областей науки. Выделяются его виды, формы, причины, уточняется содержание понятия. К видам социально неадаптированного поведения относят: асоциальное — пренебрежение культурными и моральными ценностями, плохое понимание окружающей действительности, низкий уровень самоконтроля; антисоциальное — преступное поведение [2–5]. Причинами неадаптированного поведения может служить искажение системы ценностей, социальная напряженность и т.п. Особое место в данном контексте занимает профилактика риска такого поведения умственно отсталых детей и подростков. Одной из основных задач обучения и воспитания детей с нарушениями интеллекта в коррекционной школе-интернате является становление личности каждого в целом, оптимальное развитие потенциальных возможностей их познавательной деятельности, подготовка и включение в среду в качестве полноправных членов общества. В этой связи повышается значение междисциплинарного подхода к разработке и внедрению технологий, сочетания социальных, социально-технологических, социально-медицинских приемов, способов действия, процедур [6].

В основе профилактических и коррекционных мероприятий чаще лежит комплексный подход, который включает в себя следующие функции: воспитательная, компенсаторная, стимулирующая, корректирующая, регулирующая. Этот подход используется и специалистами Ключевской специальной (коррекционной) общеобразовательной школы-интерната 8 вида. Педагоги, работающие в школе-интернате, проводят психологическую и педагогическую диагностику, выявляющую актуальную проблему, которая вызвала проявление отклоняющегося поведения. За основу профилактики и коррекции девиантного поведения воспитанников школы-интерната педагоги берут разнообразные виды продуктивной деятельности (театральная деятельность, волонтерские движения, различные виды прикладных искусств, работа студий и кружков, спортивные соревнования, участие в различных конкурсах районного, краевого и общероссийского масштаба), которые помогают им самореализоваться, выделиться, завоевать признание, повысить свой престиж, самооценку, а са-

мое главное — снять напряжение или сублимировать в деятельности ту энергию, которая толкает их на различные проявления девиаций. Педагог-психолог использует в своей деятельности различные тренинги, направленные на снижение гиперактивности воспитанников школы-интерната. Проводимые мероприятия проводятся в рамках профилактической и коррекционной работы девиантного поведения воспитанников.

Социально неадаптированное поведение мы рассматриваем как действия, не соответствующем официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе (социальной группе) моральным и правовым нормам и приводящие нарушителя (девианта) к изоляции, лечению, исправлению или наказанию. В данном случае объективным способом решения проблемы является ее предотвращение через превенцию. Слово «превенция» (профилактика) происходит от латинского «*praevēnire*» — «предшествовать, предвосхищать». Д. А. Перишова под профилактикой подразумевает научно обоснованные и своевременно предпринимаемые действия, направленные:

- 1) на предотвращение возможных физических, психологических или социокультурных коллизий у отдельных индивидов и групп риска;
- 2) сохранение, поддержание и защита нормального уровня жизни и здоровья людей;
- 3) содействие им в достижении поставленных целей и раскрытие их внутренних потенциалов [6].

Выделяют три вида превенции: *первичная превенция* направлена на лиц с отсутствием актуальных девиантных чувств; *вторичная превенция* выявляет и ликвидирует факторы, влияющих на девиантное поведение; *третичная превенция* состоит в работе с подростками, переживающими какие-либо последствия проявления девиантного поведения [7].

Для подростков с низким риском девиантного поведения основным является первичная, а для воспитанников с высоким риском девиантного поведения — вторичная превенция. Таким образом, занимаясь профилактикой риска девиантного поведения детей, больных олигофренией, основное внимание следует уделить развитию качеств, которые будут выступать как факторы защиты от девиантного поведения:

- социальным навыкам и умениям преодоления стресса;
- уверенность в себе, развитие адекватного отношения к собственной личности, эмпатии;
- навыки практического применения активной стратегии проблем, совершенствование поиска социальной поддержки;

- навыки общения, умение общаться со сверстниками и взрослыми;
- открытость к мнению и опыту других людей;
- способность усваивать новые знания.

Способствовать развитию вышеперечисленных факторов может социально-психологический тренинг, что является одним из оснований считать его необходимым методом превенции риска девиантного поведения детей, воспитывающихся в школе-интернате 8 вида.

Основателем этого направления в психологии по праву считается немецкий ученый М. Форверг, разработавший в 50-х гг. прошлого века новую форму группового общения, основу которого составляют ролевые игры с элементами драматизации [8].

В отечественной психологии распространены определения тренинга как одного из активных методов обучения, или социально-психологического тренинга. Л. А. Петровская рассматривает социально-психологический тренинг как средство воздействия, направленное на развитие знаний, социальных установок, умений и опыта в области межличностного общения. По мнению Л. А. Петровской, термины «активная социально-психологическая подготовка», «активное социальное обучение», «лабораторный тренинг», «группы интенсивного общения», «группы открытого общения», «перцептивно-ориентированный тренинг», «тренинг чувствительности (сенситивности)» являются эквивалентами социально-психологического тренинга, цель которого — развитие компетентности в общении, ее коммуникативной, интерактивной и перцептивной составляющих [7]. Г. А. Ковалев относит социально-психологический тренинг к методам активного социального обучения как комплексного социально-дидактического направления [9].

Б. Д. Парыгин относит тренинг к методам *group-counseling* (группового консультирования), описывая их как активное групповое обучение навыкам общения и жизни в обществе вообще: от обучения профессионально полезным навыкам до адаптации к новой социальной роли с соответствующей коррекцией Я-концепции и самооценки [10].

Определение тренинга как метода обучения представляется недостаточно точным, поскольку приобретение знаний, умений и навыков не исчерпывает весь диапазон происходящих в ходе тренинга изменений, в частности трансформаций установок, отношений, мотивационных структур личности. Использование признака активности для определения тренинга вызывает определенные сомнения, так как данная характеристика является свойством субъекта, а не метода.

Предлагаемый С. И. Макшановым термин «преднамеренное изменение» дает возможность описания всего множества явлений, от-

носящихся к динамике психологических феноменов человека и группы, отражает процессуальные и продуктивные характеристики тренинга, подчеркивает «субъект-субъектный» характер тренинга, эффективность которого связана с принятием ответственности за происходящее как ведущим его специалистом, так и участником, заказчиком тренинга [9].

В связи с этим мы предлагаем такое определение социально-психологического тренинга: это многофункциональный метод преднамеренных изменений и развития психологических особенностей человека или групп с целью улучшения, гармонизации психологического состояния человека, обретения им жизненно важных коммуникативных знаний, умений, навыков.

Основная цель всех занятий — обеспечение психологической поддержки и содействие полноценному личностному и интеллектуальному становлению личности. С помощью тренинговых игр и упражнений активизируются познавательные процессы, творческое мышление, коммуникативные навыки и умение взаимодействовать в группе.

В ходе тренингов значительно развиваются житейские знания и навыки, повышается творческая продуктивность, углубляются и расширяются способы самоактуализации, совершенствуется социально-психологическая компетентность в общении, усваиваются новые, более эффективные приемы общения и поведения, техника владения собой и точного понимания других людей, что включает:

- развитие гибкости приемов и способов поведения, формирование активной установки на общение;
- повышение социально-психологической компетентности в общении;
- снятие психологических барьеров, освобождение от стереотипов;
- умение говорить и слушать, проявлять гибкость в общении (общаться с другим человеком как с партнером);
- расширение личностного инструментария;
- умение ориентироваться в стрессовых и конфликтных ситуациях;
- овладение диагностикой и самодиагностикой способов восприятия себя и других;
- формирование способов принятия себя и других;
- формирование навыков анализа и самоанализа в ситуациях межличностного общения;
- формулировку и переформулировку личностных проблем;
- уточнение «Я-концепций», повышение уверенности в себе и своей самооценки;

- расширение барьеров восприятия;
- умение самостоятельно и продуктивно выстраивать ту часть социальной реальности, что находится в вашем личном распоряжении («приватизация жизни»).

В итоге можно прийти к выводу, что с помощью социально-психологического тренинга корректируется личностное взаимодействие и общение в группе, а также выстраивается система компенсаторных механизмов, которые помогают преодолевать возникающие жизненные трудности, а также профилировать риск возникновения социально неадаптированного поведения подростков, тем самым способствуя улучшению социального самочувствия подрастающего поколения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Колесникова О. Н. Некоторые аспекты формирования имиджа высшего учебного заведения // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2013.
2. Бандура А. Теория социального научения. СПб., 2000.
3. Еникеев М. И. Общая и социальная психология. М., 1999.
4. Стерляева Н. А. Роль социальных служб в системе профилактики преступности несовершеннолетних // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2013.
5. Стерляева Н. А. Профилактика социально-негативных явлений в молодежной среде как функция учебной дисциплины «Психология девиантного поведения» // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей / под ред. Е. А. Попова. Барнаул, 2009.
6. Добрыгина О. А., Чудова С. Г. Инновационное содержание деятельности специалиста по социальной работе при реализации технологии «межведомственное ведение случая» // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2013.
7. Мустаева Ф. А. Основы социальной педагогики. М., 2001.
8. Кон И. С. Психология юношеского возраста. М., 1979.
9. Дульнев Г. М. Учебно-воспитательная работа во вспомогательной школе / под ред. Т. А. Власовой и В. Г. Петровой. М., 1990.
10. Парыгин Б. Д. Социальная психология. СПб., 2003.

В. А. Артюхина (Барнаул)

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ, ОТРАЖЕННЫЕ В РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ*

Измерение уровня социальной напряженности является важной составляющей социологического анализа проблем социального самочувствия и социальной безопасности населения [1]. Под социальной напряженностью принято понимать «феномен общественного сознания и поведения, возникающий вследствие рассогласования потребностей и интересов, ценностных ориентаций и установок, норм и традиций социальных субъектов, некомпетентности лидеров, природных катаклизмов и многих иных причин» [2, с. 40].

Определенный уровень напряженности социальных отношений — норма любого глобального и локального социума. Можно выделить состояние «социальной перенапряженности», означающее «итог эскалации конфликтности и недостаточного управления ею легитимной властью, проявляющийся на уровнях как общественного сознания (в виде усталости, потери доверия властям, безразличия к актуальным социальным проблемам и т.п.), так и общественных действий (в форме гражданского неповиновения, протестных акций антиправительственной и антигосударственной направленности больших групп людей)» [2, с. 41].

Важным аспектом социологического изучения вопросов социального самочувствия и безопасности населения является рассмотрение материалов средств массовой информации по названной тематике. В рамках исследования «Мониторинг социального самочувствия и безопасности населения Алтайского края» был осуществлен контент-анализ региональных средств массовой информации. Ниже представлены основные результаты исследования материалов алтайской прессы.

Объектом контент-анализа выступило содержание публикаций алтайских краевых газет по проблемам социального самочувствия и безопасности населения края. Предметную сторону исследования составили публикации, посвященные проблемам социальной напряженности в крае. Целью контент-анализа явился анализ основных источников социальной напряженности, отраженных в содержании публикаций алтайских краевых газет.

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно исследовательского проекта по теме «Мониторинг социального самочувствия и безопасность населения Алтайского края», проект № 13–13.–22005.

В ходе исследования были проанализированы, во-первых, материалы краевых газет «Алтайская правда», «Свободный курс»; во-вторых, публикации региональных приложений к федеральной прессе «Аргументы и факты Алтай», «Комсомольская правда на Алтае». Контент-анализу подверглись выпуски указанных изданий за январь-октябрь 2013 г., всего было изучено 480 выпусков.

В центре внимания исследователей оказались материалы, посвященные тем или иным источникам напряженности в обществе. Проблемы, освещенные в прессе, были классифицированы по сферам общественной жизни: социальной, экономической, политической, экологической, духовно-нравственной. Из общего числа проанализированных статей ($n = 988$) большая часть была посвящена проблемам в социальной сфере (43%); проблемам в политической сфере было уделено внимание в 20% газетных публикаций; экономическая сфера общества стала предметом рассмотрения 17% статей; духовно-нравственные аспекты жизни общества явились центром внимания 13% публикаций; лишь 7% статей были посвящены экологическим проблемам.

Помимо выделения источников социальной напряженности по сферам общественной жизни, важным представляется и выявление уровня проблем, отраженных в средствах массовой информации. В ходе исследования социальные проблемы, представленные в газетных публикациях, были разделены на проблемы муниципального, регионального, федерального и международного уровней. Материалы, посвященные проблемам федерального и регионального уровней, составили соответственно 35 и 38% от общего числа проанализированных статей. В центре внимания 22% рассмотренных газетных публикаций были проблемы муниципального характера. Лишь в 5% проанализированных статей речь шла о проблемах международного характера.

Следующим пунктом анализа газетных публикаций алтайской прессы, посвященных проблемам социальной напряженности в регионе, стала оценка характера представленных материалов. Были выявлены публикации: а) носящие фактографический характер; б) представляющие критические замечания; в) содержащие положительную оценку государственных мер по снижению остроты социальных проблем; г) имеющие целью постановку проблемы в общественной жизни. Большинство проанализированных материалов относилось к фактографическим публикациям (45%), статьи, имеющие целью постановку проблемы, составили 30% от общего числа. Критическую оценку содержали в себе 15% публикаций, положительную окраску имели 10% проанализированных материалов региональных средств массовой информации.

Подробнее остановимся на проблемах в основных сферах общественной жизни, освещенных в проанализированных газетных публикациях.

Социальная сфера. Помимо простого подсчета количества статей, затрагивающих ту или иную тематику, важным представляется анализ степени внимания разным проблемам в периодических изданиях. В связи с этим в ходе проведения контент-анализа было подсчитано не только номинальное количество публикаций, но и число печатных знаков в статьях, освящающих проблематику социальной напряженности. По последнему показателю газетные публикации, затрагивающие проблемы в социальной сфере, составили 46,9% к общему числу проанализированных статей.

Были выделены конкретные источники социальной напряженности, проистекающие из особенностей функционирования социальной сферы региона. Наиболее волнующей проблемой с точки зрения региональных средств массовой информации является вопрос качества здравоохранения и образования (39,4% от проанализированных статей по социальной проблематике). Источники социальной напряженности в области нелегальной миграции и преступности описаны в 22,7% публикаций по социальной тематике. Жилищные проблемы населения и трудности в функционировании сферы ЖКХ стали предметом рассмотрения 24,7% газетных статей, посвященных социальной сфере общественной жизни. Публикации, освящающие социально обусловленные заболевания (алкоголизм, наркомания) и низкий уровень жизни населения региона, составили 9,8 и 3,7% соответственно.

Экономическая сфера. Журналистские статьи по различным агропромышленным вопросам составили большинство проанализированных экономических публикаций (37,1%). Проблемы в сфере развития малого бизнеса стали предметом рассмотрения 22% рассмотренных статей по экономической тематике. Далее по степени представленности следуют статьи, посвященные проблемам роста цен, 21,2% от общего числа экономических материалов в региональных газетах. Упадок экономики как источник социальной напряженности рассматривается в 16,5% проанализированных газетных публикаций по экономической проблематике. Безработице посвящено всего 3,2% статей.

Политическая сфера. Неэффективная работа органов государственной власти была обозначена как основной источник социальной напряженности в 38,9% рассмотренных статей по политической тематике. Проблема коррупции и неэффективности законодательной базы составили 30,5 и 28,1% соответственно от общего числа статей, посвященных функционированию политической сферы обще-

ства. Бюрократизм как источник социальной напряженности описан лишь в 2,4% газетных публикаций.

Экологическая сфера. Подавляющее большинство статей по экологической тематике посвящено проблеме загрязнения окружающей среды (67,2%). Проблема незаконной вырубке лесов посвящена в 25,2% экологических публикаций в региональных газетах. Проблемы расхищения природных богатств и лесных пожаров не так актуальны для региональных журналистов. Статьи, отражающие указанные проблемы, составили всего 7 и 0,7% соответственно от общего числа статей по экологической проблематике.

Духовно-нравственная сфера. Проблемы искусства и культуры занимают лидирующую позицию среди публикаций, посвященных духовно-нравственным проблемам современного общества (67,4%). Далее следуют проблемы падения нравственности (10,6%), трудности патриотического воспитания (11,4%) и религиозные проблемы (10,5%).

Из представленных результатов проведенного контент-анализа явно следует приоритет внимания региональных журналистов к социальной проблематике — вопросам нелегальной миграции и преступности, качеству здравоохранения и образования, сфере ЖКХ и другим важнейшим сферам общественной жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Артюхина В. А. Некоторые аспекты социологических исследований протестного поведения населения // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2013.
2. Растов Ю. Е., Трофимова Р. А. Методология и методика эмпирический социологических исследований конфликтности локальных социумов : учеб. пособие. Барнаул, 1997.

А. М. Сергиенко (Барнаул)

ДОХОДЫ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ И ПРЕОДОЛЕНИЯ СЕЛЬСКОЙ БЕДНОСТИ: СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ С НАЧАЛА 2000-х гг.

За годы реформ произошло резкое падение реальных доходов подавляющего большинства населения, трансформировалась структура доходов, что связано с изменениями, с одной стороны, в экономической активности, а с другой — в социально-экономической поли-

тике государства. Одним из последствий таких общественных трансформаций является формирование масштабной бедности в сельской местности.

Успехи экономического роста в 2000-х гг. и приоритетность борьбы с бедностью в политической повестке дня России с середины прошедшего десятилетия привели к заметным позитивным сдвигам в решении данной проблемы, кардинальному сокращению масштабов бедности россиян (по данным государственной статистики, до 12,7% в 2011 г.). Вместе с тем действия органов государственной власти в области социального развития села носят преимущественно несистемный характер, большинство действующих программ и мероприятий (микрокредитование, стимулирование создания рабочих мест, поддержка молодежи в получении жилья и др.) не направлены зачастую на целевую группу бедных, не построены социальные лифты преодоления сельской бедности. Это не только подрывает основу модернизации сельской экономики и обеспечения продовольственной безопасности страны, что особенно немаловажно в условиях членства в ВТО, но и формирует реальные угрозы социального воспроизводства сельского социума.

Рассмотрим, как изменилась структура доходов бедных сельских жителей с начала 2000-х гг. и как это отразилось на их материальном положении. Для этого обратимся к результатам исследований, проведенных НП «Центр социально-экономических исследований и региональной политики» и Институтом экономики и ОПП СО РАН в 2000-х гг. в двух регионах аграрной специализации (Алтайском крае и Республике Алтай), отличающихся высокими показателями бедности (в 2011 г. 22,9 и 18,6% соответственно против 12,8% в России) [1–3]. Информационной основой исследования являются результаты целевого квотного опроса 500 бедных жителей из 19 сельских районов указанных регионов, проведенного в 2011 г. Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект «Сельская бедность в России: современные тенденции, социальные механизмы формирования и преодоления», 2011–2013 гг., грант № 11-03-0667).

Под бедностью сельского населения нами понимается его социально-экономическое положение, характеризующееся низким уровнем обеспеченности денежными, имущественными, натуральными ресурсами, что не позволяет удовлетворить насущные жизненные потребности сельского жителя и его семьи. Бедность на селе сегодня масштабна и укоренена. Уровень бедности, оцененный экспертами по материальному положению сельских семей в 2011 г., дости-

гал 87% всех сельских жителей. Вместе с тем масштабы обездоленности сравнительно невелики: только у 13% опрошенных бедных «денег иногда не хватает даже на питание». Основную массу бедных образуют, во-первых, средняя группа бедных, которым «хватает средств на скромное питание и оплату коммунальных услуг, а на приобретение недорогой одежды и других крайне необходимых вещей — нет» (40% всех опрошенных) и, во-вторых, относительно бедные, кому «денег хватает на питание, оплату коммунальных услуг, одежду и другие необходимые вещи, но покупка вещей длительного пользования (телевизора, холодильника и т.п.) является проблемой» (47%).

В 2011 г. одну из ведущих позиций в структуре доходов сельских бедных жителей занимала оплата труда — 63% респондентов (рис. 1). За предыдущие десять лет, по оценкам этих опрошенных, произошло незначительное сокращение роли этого источника доходов (66,4% в 2001 г.). Для сравнения: в докризисный 2008 г. зарплату получала такая же доля всех сельских жителей, но в 2002 г. — значительно больше (¾ опрошенных), и эта доля практически не менялась с 1992 г.

Рис. 1. Структура сельского населения по источникам доходов, %
(по данным опроса населения в 2011 г.)

В 1990-х гг. в процессе адаптации селян к сложным социально-экономическим условиям личное подсобное хозяйство (ЛПХ) играло ведущую роль, являлось основой их выживания. В начале 2000-х гг. (по опросу 2002 г.) 83% респондентов назвали ЛПХ в качестве основ-

ного источника доходов. И в настоящее время сохранилась важная роль доходов от семейного подворья бедных селян (41 % бедных сельских жителей). В годы глобального финансового кризиса роль ЛПХ в производстве сельхозпродукции выросла, прежде всего за счет увеличения товарности семейных хозяйств. Причем 37,2 % опрошенных бедных сельских жителей имели доходы от ведения ЛПХ в 2008 г. (тогда они составляли половину всех сельских жителей) и почти столько же из них в начале десятилетия (36,4 %).

В 2000-х гг. существенно увеличилась доля получающих социальные трансферты. И в начале нового десятилетия социальные трансферты занимали лидирующую позицию: почти две трети (64,5 %) бедных сельских жителей получали пенсии, стипендии, различного рода пособия, в том числе почти 30 % — социальные пособия и 5,8 % — пособие по безработице. Для сравнения: накануне кризиса, в 2008 г., доля бедных, получавших социальные трансферты, составляла чуть более половины, тогда как доля всех жителей села — чуть более трети. В начале 2000-х гг. доля «реципиентов» достигала чуть более 30 %.

Роль дополнительных заработков в структуре доходов сельских бедных существенно выросла за рассматриваемое десятилетие: в годы экономического роста в два раза больше стало получавших такой источник доходов (с 6,2 до 12,6 %), а в 2011 г. их доля увеличилась еще в полтора раза (18,4 %). Почти в два раза выросла роль такого источника доходов, как кредиты и займы (10,8 %), в начале прошедшего десятилетия доля тех респондентов, кто их получал, была равна 5,8 %. И по-прежнему значимыми для бедных селян являются социальные сети, однако их роль заметно снизилась в последние годы. Только 7,8 % респондентов использовали социальный капитал в виде помощи родственников и друзей, получения наследства, тогда как накануне кризиса каждый пятый сельский житель имел такой источник доходов.

Больше получателей денежной помощи от родных, родственников и друзей встречается среди обездоленных (13,6 против 8,1 и 5,9 %), в этой группе также больше реципиентов пособия по безработице (7,6 % против 6,1 и 5,1 %) и социальных пособий (40,9 % против 30,3 и 25,8 %). Тогда как зарплату чаще получают более благополучные бедные, она является источником доходов большинства их представителей (61,1 % средней группы и 71,2 % относительно бедных против 39,4 % обездоленных). Среди относительно бедных почти на треть больше имеющих доходы от семейного подворья (48,7 против 31,8 и 34,8 %).

К наиболее значимым (первой-второй значимости) источникам доходов сельские бедные относят в первую очередь заработную пла-

ту (64,4%), а также пенсии и стипендии — 40,9% (рис. 2). Доходы от ЛПХ они относят в большей мере к источникам второй значимости, хотя совокупный рейтинг этого источника достигает 43,6%. Заметную роль играют также дополнительные заработки (14,8%).

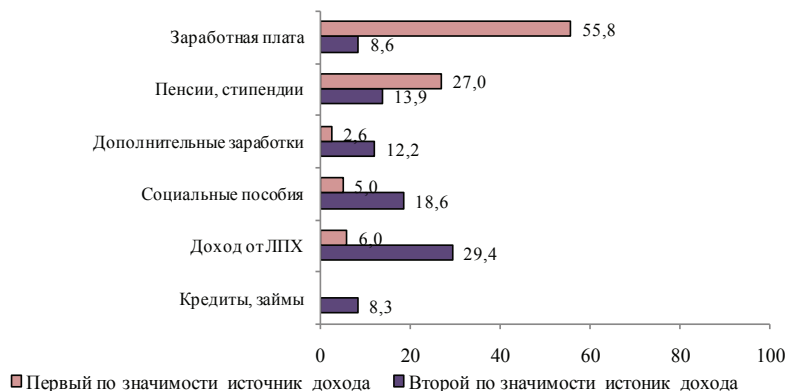

Рис. 2. Значимость источников доходов для сельских бедных, %

Сравнительно высоко сельские бедные оценили роль такого источника, как социальные пособия (по инвалидности, детские, для матерей-одиночек, малообеспеченных, жилищные субсидии и др.), их общий рейтинг с преобладанием второй значимости составил 23,6%. Причем пособие по безработице считают значимым источником только 5,1% респондентов, что заметно ниже рейтинга такого источника, как займы и кредиты (8,3%). Это опровергает бытующее мнение о формировании массовых иждивенческих настроений и низкой трудовой мотивации среди сельских жителей из-за размеров данного пособия.

Таким образом, структурные изменения в доходах сельских бедных в прошедшем десятилетии отражают снижение их экономической активности: упала значимость оплаты труда, выросла роль социальных трансфертов, кредитов и займов. Лидирующие позиции сегодня занимают не только оплата труда и доходы от семейного подворья, но и пенсии, социальные пособия. Более того, наблюдается масштабная зависимость сельских бедных от социальных трансфертов. Эти выводы согласуются с преобладанием негативных трендов материального положения сельских бедных семей как с начала 2000-х гг., так и за годы глобального экономического кризиса (подробнее см.: [1–3]). За последние десять лет наблюдались рост масштабов обездоленности и сокращение относительного материально-

го благополучия среди бедных: в 2001 г. среди опрошенных бедных к обездоленным себя отнесли только 9,8%, что соответствует 35% роста масштабов обездоленности, за этот период практически не изменилась доля средней группы бедных, произошло сокращение доли относительно бедных на 9,2%. За последние три года (к моменту опроса) положение семей около половины респондентов не изменилось, улучшение наблюдалось в каждом пятом случае, а ухудшилось положение, по их мнению, 29,2% (причем о значительном ухудшении говорят более половины из них).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сергиенко А. М. Материальное положение сельского населения: реалии и оценка перспектив // Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития : монография / под ред. А. Я. Троцкого. Барнаул, 2011. Гл. 5.
2. Сергиенко А. М. Сельская бедность: научные основы и результаты исследования в Алтайском крае // Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты : коллективная монография / науч. ред. А. Я. Троцкий. Барнаул, 2013. Гл. 7.
3. Сергиенко А. М. Сельская бедность в России: методологические особенности исследования // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 2/1.

Т. В. Сиротина, А. А. Чередниченко (Барнаул)

ТРУДОУСТРОЙСТВО МОЛОДЕЖИ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В МУНИЦИПАЛЬНОМ СОЦИУМЕ: ОСНОВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ СОДЕЙСТВИЯ

На сегодняшний день в общественном сознании еще жив стереотип о том, что человек с инвалидностью не может и не желает работать. Однако среди молодых людей с инвалидностью немало тех, кто стремится трудиться и быть независимым. В силу ограниченности возможностей такие люди испытывают определенные трудности в процессе трудоустройства, в связи с чем нуждаются в поддержке. В Российской Федерации приняты законы и подзаконные акты, направленные на реализацию прав людей с инвалидностью в сфере за-

нятости, такие как Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 23.02.2013) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», закон Алтайского края «Об установлении в Алтайском крае квоты приема на работу инвалидов» от 06.07.2006 № 59-ЗС и др. [1; 2]. Нормативно-правовая база в данной сфере продолжает развиваться. Так, в Российской Федерации и Алтайском крае принята и реализуется программа «Доступная среда» на 2012–2015 гг., которая призвана решить ключевые проблемы людей с инвалидностью: трудоустройство, доступ к объектам социальной инфраструктуры, обеспечение техническими средствами реабилитации, протезно-ортопедическими изделиями и др. [3].

По состоянию на 1 января 2013 г. из 2399,11 тыс. человек, проживающих в крае, имели инвалидность 209,21 тыс. граждан (8,7% от общей численности населения края) [4]. Из 691 тыс. человек, проживающих в Барнауле, состояли на учете около 61,5 тыс. граждан, имеющих степень ограничения трудоспособности (8,9% от общей численности населения города) [5]. Внушительные цифры свидетельствуют о том, что люди с инвалидностью должны быть значимым объектом социальной политики города и края. Вместе с тем часто под абсолютно разными предлогами молодых людей с инвалидностью не трудоустраивают, многие сферы занятости недоступны для них из-за непригодности рабочих мест. Все это создает дополнительную напряженность в обществе, делает «ненужным» огромное количество людей.

Под трудоустройством нами понимается система организационно-правовых мероприятий по содействию в устройстве на работу, где устройство на работу рассматривается как процесс профессиональной подготовки, повышения квалификации и переподготовки граждан для заполнения имеющихся вакансий, включает в себя подбор места работы и заключение трудового договора с работодателем [6].

Для наиболее эффективного включения людей с ограниченными возможностями в трудовую жизнь в Барнауле реализуются механизмы содействия трудоустройству людей с инвалидностью, под которыми понимается комплекс специализированных услуг, предоставляемых инвалидам для реализации их трудового потенциала, в рамках существующего законодательства.

К основным механизмам содействия трудоустройству молодых людей с инвалидностью, реализуемых в Барнауле, следует отнести следующие: 1) квотирование рабочих мест; 2) аренда рабочих мест; 3) компенсация работодателю за организацию рабочего места для работника с инвалидностью.

Среди основных проблем реализации права на труд людей с ограниченными возможностями необходимо выделить следующие: 1) неисполнение работодателями своих обязанностей в сфере трудоустройства людей с ограниченными возможностями; 2) невозможность беспрепятственного перемещения по городу для большинства молодых людей с инвалидностью; 3) неразвитость специализированной инфраструктуры учреждений образования препятствует людям с ограниченными возможностями свободно в них обучаться. Так, большое число инвалидов с детства при достижении трудоспособного возраста заранее ограничены в возможностях реализации права на труд ввиду их недостаточной квалификации и образования в целом [7].

Вместе с тем включение молодых людей с инвалидностью в трудовую деятельность является основным показателем результативности их профессиональной реабилитации и интеграции в общество.

Основы трудовых отношений между работодателем и работником с инвалидностью прописаны в Федеральном законе от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 23.02.2013) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». В статье 20 (обеспечение занятости инвалидов), статье 21 (установление квоты для приема на работу инвалидов), статье 22 (специальные рабочие места для трудоустройства инвалидов), статье 23 (условия труда инвалидов), статье 24 (права, обязанности и ответственность работодателей в обеспечении занятости инвалидов).

Согласно этим статьям инвалидам предоставляются гарантии трудовой занятости федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации путем проведения следующих специальных мероприятий, способствующих повышению их конкурентоспособности на рынке труда: установления в организациях независимо от организационно-правовых форм и форм собственности квоты для приема на работу инвалидов и минимального количества специальных рабочих мест для инвалидов; резервирования рабочих мест по профессиям, наиболее подходящим для трудоустройства инвалидов; стимулирования создания предприятиями, учреждениями, организациями дополнительных рабочих мест (в том числе специальных) для трудоустройства инвалидов в соответствии с их потребностями; создания инвалидам условий труда в соответствии с индивидуальными программами реабилитации инвалидов; создания условий для предпринимательской деятельности инвалидов; организации обучения инвалидов новым профессиям.

Специальные рабочие места для трудоустройства инвалидов — это рабочие места, требующие дополнительных мер по организации труда, включая адаптацию основного и вспомогательного оборудования,

технического и организационного оснащения, дополнительного оснащения и обеспечения техническими приспособлениями с учетом индивидуальных возможностей инвалидов. Минимальное количество специальных рабочих мест для трудоустройства инвалидов устанавливается органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации для каждого предприятия, учреждения, организации в пределах установленной квоты для приема на работу инвалидов.

Инвалидам, занятым в организациях независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, также создаются необходимые условия труда в соответствии с индивидуальной программой реабилитации инвалида. Не допускается установление в коллективных или индивидуальных трудовых договорах условий труда инвалидов (оплата труда, режим рабочего времени и времени отдыха, продолжительность ежегодного и дополнительного оплачиваемых отпусков и другие), ухудшающих положение инвалидов по сравнению с другими работниками. Для инвалидов групп I и II устанавливается сокращенная продолжительность рабочего времени, не более 35 часов в неделю, с сохранением полной оплаты труда.

Привлечение инвалидов к сверхурочным работам, работе в выходные дни и ночное время допускается только с их согласия и при условии, если такие работы не запрещены им по состоянию здоровья. Инвалидам предоставляется ежегодный отпуск не менее 30 календарных дней [1].

В сфере трудоустройства молодых людей с ограниченными возможностями действуют государственные и общественные организации. Среди государственных организаций прежде всего следует упомянуть о Федеральной службе по труду и занятости населения. Эта структура имеет федеральное подчинение и после перестройки системы исполнительной власти относится к Министерству здравоохранения и социального развития Российской Федерации. Именно эта служба призвана решать вопросы трудоустройства населения, и в том числе людей с инвалидностью [8].

В соответствии с российским законодательством для обращения в Федеральную государственную службу занятости населения за поиском подходящего места работы инвалид должен быть признан медико-социальной экспертизой «трудоспособным». Установлены степени ограничения способности к трудовой деятельности (СОСТД): степень 1 — способность к выполнению трудовой деятельности при условии снижения квалификации или уменьшения объема производственной деятельности, невозможности выполнять работу по своей специальности; степень 2 — способность к выполнению

трудовой деятельности в специально созданных условиях с использованием вспомогательных средств и (или) специально оборудованного рабочего места, с помощью других лиц; степень 3 — неспособность к трудовой деятельности или ее противопоказанность. Человеку с инвалидностью, при отсутствии ограничений способности к трудовой деятельности, СОСТД может не устанавливаться вовсе (своего рода «нулевая» степень). Степень ограничения способности к трудовой деятельности также влияет на размер базовой трудовой пенсии по инвалидности и компенсационных выплат за отмененные льготы.

Для того чтобы участвовать в программах по трудоустройству, молодой инвалид должен зарегистрироваться в местном центре занятости населения как безработный гражданин. Без постановки на учет в службе занятости населения в статусе безработного гражданина инвалид имеет возможность воспользоваться только общими услугами, такими как консультация, доступ к банку вакансий и посещение ярмарок вакансий.

Государственные организации, в том числе и центр занятости населения, реализуют программу, направленную на повышение числа трудоустроенных инвалидов, в их числе и молодых людей с ограниченными возможностями, связанную с квотированием рабочих мест.

Помимо системы квотирования рабочих мест для инвалидов, государственными организациями реализуется целый ряд программ, нацеленных на решение проблем трудовой занятости этой категории населения. На это также направлена деятельность Федеральной службы по труду и занятости населения и входящих в ее состав региональных Управлений и местного Центра занятости. Их программы условно можно разделить на пять направлений: подбор персонала и трудоустройство; организация ярмарок вакансий; профессиональное обучение и переобучение; содействие предпринимательству; организация общественных работ и временной занятости.

Квотирование как традиционный механизм обеспечения трудовой занятости людей с инвалидностью имеет как плюсы, так и минусы. К положительным моментам можно отнести наличие отлаженного механизма действий со стороны служб трудоустройства, законодательное закрепление и наличие санкций для работодателей-нарушителей, а также повсеместное распространение и общеизвестность. К отрицательным сторонам данного механизма содействия трудоустройству молодых людей с ограниченными возможностями можно отнести: массовый, директивный подход к клиенту со стороны специалистов служб занятости и общественных организаций, а также, несмотря на наличие санкций, нежелание работодателей

трудоустраивать инвалидов (дешевле заплатить штраф, чем оборудовать рабочее место и содержать на службе человека с ограниченными возможностями).

Важно отметить, что большую роль в решении проблем трудовой занятости людей с инвалидностью играют общественные организации. Направлениями совместной работы являются составление и реализация социальных программ и планов, проведение совместных мероприятий и коллегий, совещаний и семинаров с руководителями и практическими работниками, подготовка кадров. Деятельность этих организаций больше направлена на индивидуальный, недирективный подход к каждому обратившемуся за помощью инвалиду, а также на приведение в жизнь инновационных механизмов трудоустройства молодых людей с ограниченными возможностями.

К инновационным механизмам трудоустройства молодых людей с инвалидностью можно отнести аренду рабочих мест, так как эта деятельность, осуществляемая как общественными, так и государственными организациями, реализуется не во всех регионах нашей страны и является специфической. В Барнауле программа аренды рабочих мест для инвалидов реализуется успешно на протяжении нескольких лет. Итак, если на предприятии, готовом соблюдать закон о квотировании, по объективным причинам нет возможности создать рабочие места, в том числе и специальные (с адаптированным оборудованием или дополнительным оснащением), для трудоустройства инвалидов, то можно их арендовать там, где все условия уже созданы. Как правило, это общественные организации инвалидов или специализированные предприятия, имеющие для этого возможности. По такой схеме инвалиды работают в общественных организациях, на предприятиях, а зарплата им выплачивается из средств организаций, подпадающих под действие закона.

Аренда рабочих мест — взаимовыгодный вариант, который должен устраивать и общественные организации инвалидов, и руководителей организаций, подпадающих под действие закона. Но пока многие руководители общественных организаций отмечают, что реализацию закона тормозит отсутствие налоговых льгот и других стимулов для законопослушных руководителей организаций [9].

Таким образом, реализация столь важного и полезного для Барнаула проекта по аренде рабочих мест для инвалидов на данный момент затруднена тем, что для юридических лиц, осуществляющих трудоустройство инвалидов, в том числе и посредством аренды рабочих мест у другого работодателя, не предусмотрено никаких льгот. Пока работодателям законодательно вменяется в обязанность лишь до-

полнительная финансово-экономическая нагрузка. В целом сотрудничество по трудоустройству инвалидов между центром занятости, предприятиями и общественными организациями можно признать состоявшимся, и такую форму трудоустройства, как аренда рабочих мест для инвалидов, безусловно, можно назвать успешной. Успешный опыт реализации этой формы трудоустройства инвалидов имеется у Алтайской краевой общественной организации «Вместе против рака». Эта организация на протяжении длительного времени сотрудничает как с Центром занятости населения Барнаула, так и с такими организациями, как ОАО «Сибирьтелеком», ООП «Трио», ОАО Алтайский филиал «Россельхозбанк» и ООО «Пава».

Для повышения числа трудоустроенных людей с ограниченными возможностями в Барнауле производится финансирование работодателя при создании специального рабочего места для инвалида. Сумма компенсации на настоящее время составляет 50 тыс. руб. Эти деньги выделяются для возмещения затрат работодателя при покупке специального оборудования, адаптации рабочего места в соответствии с индивидуальными потребностями молодого инвалида. Денежные средства выделяются Центром занятости населения Барнаула для трудоустройства стоящих на учете людей с ограниченными возможностями.

Привлекают внимание и заслуживают более широкого применения предпринимаемые в субъектах Российской Федерации и в их муниципальных образованиях меры по субсидированию на конкурсных началах проектов предпринимателей по созданию рабочих мест для инвалидов, иному стимулированию социально ответственного поведения работодателей, использованию в сфере трудоустройства лиц с ограниченными возможностями инструментов социального партнерства.

Однако результаты проведенного нами социологического исследования в Барнауле в 2012 г. выявили проблему низкой информированности молодых инвалидов относительно их прав и обязанностей в сфере труда, а также о том, на что они имеют право при подготовке к трудовой деятельности. Молодые инвалиды не всегда полностью информированы о возможных путях трудоустройства, плюсах и минусах того или иного метода, не знают, где и какую помощь они могут получить для устройства на работу и какие механизмы та или иная организация им может предложить.

Среди основных проблем трудоустройства молодых людей с ограниченными возможностями в муниципальном социуме, которые были выявлены в результате проведенного исследования, обозначилась проблема иждивенческого настроения среди молодых инвалидов. Специалисты, работающие в сфере трудоустройства молодых лю-

дей с инвалидностью, отмечают, что все чаще за услугами в трудоустройстве обращаются молодые люди, которые не стремятся работать в полную силу, они не хотят по возможности преодолевать свой недуг и идут на работу лишь в те организации, где минимальный уровень нагрузки, даже если по ИПР они могут трудиться более интенсивно. При этом молодые люди с инвалидностью работают чаще всего только тогда, когда им выплачивается материальная помощь, не желая при этом соблюдать все предписания трудового договора.

Важным аспектом в изучении вопросов трудоустройства молодых инвалидов в Барнауле является рассмотрение социально-демографического портрета молодого человека с ограниченными возможностями с целью выявления специфических особенностей данной категории населения как клиентов службы занятости. Во-первых, стоит отметить, что ни центр занятости населения, ни общественные организации для инвалидов не работают отдельно с такой категорией, как молодежь с инвалидностью, не учитывают специфику возрастных особенностей своих клиентов и сопутствующих этому проблем при устройстве на работу. В ряд этих проблем входит: низкий уровень образования, отсутствие опыта работы, чаще всего инвалидность с детства, и сопутствующие этому проблемы, например, отсутствие необходимых навыков коммуникации, замкнутость, уязвимость, иждивенческий настрой и другие трудности. Во-вторых, не только молодые инвалиды сталкиваются с проблемами безработицы, но и вся молодежь в целом, поэтому проблемы трудоустройства молодых людей с ограниченными возможностями важно рассматривать и с этой точки зрения.

Для того, что бы решить проблемы инвалидов в сфере занятости и трудоустройства или хотя бы минимизировать их, набора существующих механизмов содействия трудоустройству молодых инвалидов недостаточно. Таким образом, нужно активно возрождать систему специализированных предприятий, в первую очередь на базе уже действующих общественных организаций инвалидов. Необходимо также более широко применять систему аренды рабочих мест, повышать квалификацию претендующих на трудоустройство инвалидов, активнее взаимодействовать с работодателями, разъяснять социальную значимость исполнения закона. Вопрос трудоустройства инвалидов — один из важнейших в социальной сфере.

Среди основных методов сбора информации в рамках социологического исследования (2012 г.) следует выделить: проведение стандартизированного интервью среди экспертов (работники КГКУ «Центр занятости населения г. Барнаула», общественной организации АКОО «Вместе против рака», Алтайской краевой общественной

организации Всероссийского общества инвалидов (АКОО ВОИ); анкетирование респондентов (молодых людей с инвалидностью, проживающих в Барнауле). Полученные данные были обработаны при помощи программы SPSS 15.

Основная цель анкетирования среди молодых людей с инвалидностью — выявить услуги, которыми анкетлируемые пользовались или пользуются при трудоустройстве, а также степень удовлетворенности данными услугами; выяснить основные причины, препятствующие трудоустройству молодых людей с ограниченными возможностями.

Распределение молодых людей с инвалидностью по уровню образования выглядит следующим образом: основное общее образование (9 классов) — 8%, среднее полное (11 классов) — 4%, 48% респондентов получили среднее профессиональное образование, 24 и 16% — неоконченное высшее и высшее профессиональное соответственно.

48% опрошенных на момент исследования были зарегистрированы в Центре занятости населения Барнаула и имели статус безработных, 52% были трудоустроены. 92% респондентов из числа безработных на вопрос о том, хотели бы они трудоустроиться, ответили утвердительно. Вместе с тем, более половины всех респондентов (64%) считают, что предлагаемые им Центром занятости населения и общественными организациями города профессии для переобучения не востребованы, рынок труда переполнен специалистами данных специальностей, именно поэтому в городе большой уровень безработицы среди молодых людей с инвалидностью.

На вопрос «Укажите причину, по которой Вы не работаете?» 42% респондентов ответили, что нет подходящей вакансии; 25% объяснили, что не трудоустроены, так как нет подходящего образования; условия труда не удовлетворяют потребностям и поэтому мешают трудоустройству 42% анкетированных; из-за неудовлетворенности предлагаемой заработной платой не работают 8% молодых инвалидов города.

Респондентом было предложено ответить на вопрос «Обращались ли Вы за помощью, чтобы устроиться на работу?», на который 96% инвалидов ответили, что обращались за помощью в городской Центр занятости населения, 16% искали помощь в общественных организациях, в частные службы обращались 8% анкетированных, 12% пробовали трудоустроиться через интернет-источники, 4% не обращались за помощью и 4% предложили свой вариант ответа — обращались за помощью к знакомым, родственникам.

44% респондентов прошли процедуру профориентации; 16% — профессиональное обучение или переобучение; 16 и 4% молодых людей с инвалидностью прошли психологическое тестирование и пра-

вовое обучение соответственно. 40 % анкетированных услугами не пользовались. Тренинг на повышение коммуникативных способностей никто из опрошенных инвалидов не проходил.

На вопрос: «В каких программах по содействию занятости людей с инвалидностью Вы участвовали?» были получены следующие ответы: квотирование рабочих мест — 28 %; аренда рабочих мест — 28 %, программа по компенсации работодателю затрат на организацию рабочего места — 12 %; столько же занимались ремеслами в творческих группах. 36 % респондентов в программах не участвовали, не информированы о данных услугах.

В целом полученные данные можно свести к двум величинам: 1) информированы и принимают (ли) участие — 64 %; 2) не пользовались, не информированы — 36 %. Можно сделать вывод о том, что большинство молодых людей с инвалидностью о механизмах содействия трудоустройству осведомлены, программами пользуются, иногда даже не одной, а в сочетании (общий процент, ответивших положительно — 84 %).

Вместе с тем почти половина респондентов (48 %) отметили, что не информированы о своих правах, не знают о программах, проектах, реализуемых в Барнауле для повышения числа работающих молодых инвалидов. Из 52 % молодых людей с инвалидностью, знающих о своих правах согласно российском законодательству, только 28 % осведомлены о программах, проектах, реализуемых в Барнауле для повышения числа трудоустроенных молодых инвалидов.

Таким образом, на основе проанализированных результатов анкетирования можно сделать вывод о том, что большинство молодых людей с ограниченными возможностями хотели бы трудоустроиться, прилагают для этого усилия, но не всегда удовлетворены тем, какие вакансии им предлагают в Центре занятости и в общественных организациях; что наряду с отсутствием соответствующих ИПР условий труда и нехваткой оборудованных мест не позволяет большому числу молодых людей с инвалидностью реализовать свои трудовые права. При этом треть респондентов не пользуются услугами по подготовке к трудовой деятельности, не участвуют в программах, реализуемых организациями города с целью повышения числа занятых в производстве молодых инвалидов. Почти половина респондентов демонстрируют низкий уровень правовой информированности, молодые люди не знают, на что имеют права и каким образом их реализовать, каковы особенности различных механизмов содействия трудоустройству.

В ходе исследования было также проведено стандартизированное интервью среди экспертов, которыми выступили специалисты служ-

бы занятости города и двух общественных организаций для инвалидов «Вместе против рака» и АКОО «ВОИ», работающие в сфере трудоустройства молодых людей с инвалидностью. При этом было проинтервьюировано 15 человек, из них 9 работников Центра занятости Барнаула (60 %) и 6 сотрудников общественных организаций (40 %).

Один из вопросов, заданных экспертам, звучал так: «Какие программы для обеспечения трудовой занятости молодых людей с инвалидностью реализуются в Вашей организации?». Были получены следующие данные: квотирование рабочих мест для инвалидов — 80 %; компенсация работодателю средств, затраченных на организацию рабочего места — 66,7 %; аренда рабочих мест — 53,3 %; занятия в творческих группах реализуют 26,7 %; трудоустройство молодых инвалидов на временные рабочие места с выплатой материальной поддержки от Центра занятости населения — 20 %.

Для подготовки к трудовой деятельности специалисты готовы предложить молодым инвалидам следующий перечень услуг: профориентация — 73 %; профессиональное обучение и переобучение — 53 %; психологическое тестирование на выявление акцентуаций характера — 66 %; тренинги, направленные на повышение коммуникативных способностей — 66 %; правовое обучение — 26 %. Сопоставляя полученные данные с результатами анкетирования молодых людей можно с уверенностью утверждать о необходимости развития программ правового информирования молодежи с инвалидностью в сфере трудового законодательства.

На вопрос «Достаточно ли, по Вашему мнению, в Барнауле рабочих мест для молодых людей с инвалидностью, оборудованных с учетом ИПР?» большая часть специалистов ответила, что мест недостаточно (56 %); 38 % экспертов считают, что мест достаточно, но инвалиды не хотят или не могут на них работать; 6 % специалистов согласились с высказыванием о том, что рабочих мест достаточно для всех желающих работать.

Следует отметить, что за помощью в трудоустройстве, согласно мнению специалистов, чаще обращаются люди с ограничением трудоспособности второй степени — 80 %. На вопрос «Укажите самые распространенные причины, по которым молодые инвалиды отказываются работать на имеющихся вакансиях?» 46 % экспертов ответили, что у них нет необходимого для успешного трудоустройства образования; 80 % отметили иждивенческий настрой молодых инвалидов как причину их незанятости; 53 % специалистов считают, что молодые люди мотивируют свое нежелание работать на предлагаемой должности отсутствием условий трудовой деятельности, удовлетво-

ряющих ИПР; 6% экспертов выделили проблему удаленности места работы от места проживания.

Похожим образом распределились ответы экспертов относительно причин, по которым молодые инвалиды перестают работать и вновь обращаются за помощью в трудоустройстве: 66% — не удовлетворяют условия работы; 13% инвалидов снова обратились за услугами, так как были уволены не по своей вине; 86% не хотят работать по личным причинам (при этом, отвечая на данный вопрос, специалисты практически всегда упоминали об иждивенческих настроениях молодых людей с инвалидностью, о том, что они предпочитают жить на пособие, чем трудиться), 7% прекращают свою деятельность в связи с распадом организации.

Интересно мнение экспертов о правовой грамотности молодых людей с инвалидностью, обращающихся за помощью. Так, они считают, что 53% осведомлены о программах, реализуемых Центром занятости населения и общественными организациями (в противовес 28%, отмеченных самими молодыми людьми с инвалидностью). Вместе с тем все эксперты отметили, что знания о правах и обязанностях в сфере занятости у молодых людей с инвалидностью поверхностны.

Экспертам также было предложено оценить свою осведомленность о программах трудоустройства и механизмах содействия трудовой занятости молодых людей с инвалидностью. 33% ответили, что ознакомлены только с программами, реализуемыми в учреждении, в котором специалист работает; 40% экспертов ознакомлены с механизмами и программами трудоустройства молодых инвалидов, которые используются в регионе в целом; только 27% участвовавших в исследовании специалистов отметили, что информированы о работе в сфере трудоустройства молодых инвалидов как в России, так и за рубежом, используют в своей работе как традиционные, так и инновационные методы, разрабатывают и внедряют в практику новые механизмы.

На вопрос о том, учитываются ли возрастные особенности молодежи с инвалидностью (первичное трудоустройство, нехватка навыков, отсутствие опыта работы и др.) в программах по трудоустройству, 93% участников интервью ответили отрицательно.

Таким образом, большинство специалистов, работающих с молодыми инвалидами в сфере трудоустройства, не учитывают особенности своих клиентов (отсутствие опыта работы, то, что инвалидность чаще всего с детства, нет навыков общения в большом коллективе и т.д.), используют в основном узкий круг механизмов содействия трудоустройству, т.е. те, которые прописаны в регламенте ор-

ганизации (Центра занятости населения Барнаула или общественных организаций для инвалидов города). Изучением и разработкой новых методов, в том числе и реализуемых в других регионах России или странах, специалисты не занимаются. В работе экспертов, таким образом, преобладает директивный подход, нет индивидуализации клиентов с учетом возрастных особенностей. Возможно, именно поэтому в результате анкетирования молодых людей с инвалидностью выявились респонденты, которые не довольны деятельностью организаций, оказывающих молодым людям с ограничениями возможностей помощь в трудоустройстве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации : Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 23.02.2013) [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=142572>.
2. Об утверждении краевой программы «Доступная среда» на 2012–2015 годы : постановление администрации Алтайского края от 20.12.2011 № 753 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aksp.ru/programms/dostup.pdf>.
3. Об утверждении Порядка выполнения установленной квоты приема на работу инвалидов на территории Алтайского края: Приказ УТЗН Алтайского края от 13.05.2013 № 10–01/96 [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc; base=RLAW016; n=40351>
4. Павлов А.В Рабочие места для инвалидов // Вопросы социального обеспечения. 2009. № 7.
5. Социальный паспорт Алтайского края по состоянию на 1 января 2013 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.aksp.ru/docs/soc_pasport.php.
6. Черниченко Б. А. Создание безбарьерной среды и условий адаптации инвалидов в г. Барнауле // Права. Свободы. Человек. № 10. Барнаул, 2011.
7. Антонович И. В. Вектор молодежного добровольчества в России на современном этапе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 5. Барнаул, 2013.
8. Никитин Д.А Трудоустройство инвалидов: интегрированный подход. М., 2009.
9. Ивойлова И. К. Доступная среда в образовании инвалидов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2010/12/10/brajl.html>.

О. А. Гражданкина, Д. А. Лыкасова (Барнаул)

РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНТОВ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Одной из главных целей молодежной политики в любом государстве является формирование нравственных ориентиров, направленных на создание условий и возможностей для социализации современной молодежи. Обществу необходима нравственная, культурная и образованная молодежь. Именно поэтому ценностные ориентиры молодежи оказываются объектом воспитания и целенаправленного воздействия, а процесс образования — важным направлением молодежной политики по осуществлению духовно-нравственного и трудового воспитания [1].

Следует отметить, что современное молодое поколение выросло в сложной обстановке разрушения стереотипов поведения, стремительной и не всегда гладко проходившей социально-экономической и общественной трансформации. Ученые отмечают, что радикальная трансформация ценностных ориентаций российской молодежи в последние 20 лет идет преимущественно в направлении вытеснения общественно значимых ценностей сугубо индивидуалистскими ценностями, приоритет материального над духовным [2, с. 126].

Опрос проводился на основе разработанной автором анкеты, состоящей из 16 вопросов, ответы на которые позволили проанализировать ценностные ориентации молодых людей в сфере будущей семьи и работы. В исследовании участвовало 90 респондентов, из которых 70 % женщин и 30 % мужчин. Из числа опрошенных только 1 % состоит в браке, остальные пока не были связаны семейными узами, а 8 % проживают совместно, но официально в браке не состоят.

Первый вопрос нашей анкеты звучал следующим образом: «Что из перечисленного имеет для вас наибольшую ценность в жизни?». Можно было выбрать несколько вариантов. Ответы респондентов оказались для нас неожиданными: большинство отдали предпочтение любви. По ценности у девушек на первый план выходит любовь, затем дети и только потом материальное благополучие, у мужского пола иная картина: предпочтение они отдают прежде всего матери-

альному благополучию, а потом уже любви. Дети для них значат ровно столько же, сколько и интересная работа.

При анализе ответов на вопрос о том, какие качества привлекают студентов в противоположном поле, мнения отличались разительно. Безусловно, каждый мужчина в первую очередь обращает внимание на *внешнюю красоту* девушки, это отметило более 85 %. Подтвердилось утверждение, что мужчины любят глазами. Следующим качеством девушки является порядочность (77 %) и образованность (72 %). Парни обращают внимание и на присутствие у девушки *чувства юмора*, 41 % респондентов выделили его как важное качество любой девушки. Наименее важными чертами в девушке для молодых людей в настоящее время является независимость и высокие доходы. Неудивительно, ведь эти качества наиболее характерны для мужской половины общества.

Оказалось, что современные студентки больше ценят моральные и личностные качества мужчины, чем его внешний вид. Главное качество, которое они выделяют в мужчинах, это ум (около 80 % опрошенных). Находчивый, умный мужчина — предмет женской гордости. Такой мужчина внушает чувство уверенности. Также оказалась важна порядочность партнера, ее выбрало около 70 %. Ведь мужчина должен держать слово и выполнять свои обещания, на такого партнера можно положиться. Третье место в списке «идеального мужчины» для наших девушек — это привлекательные внешние данные. Умение рассмешить так же высоко ценится, оно располагается на четвертом месте. Следом идет такая достаточно важная черта, как харизма. Большинство из опрошенных считают, что это качество больше подходит молодым людям, поэтому за него отдали голос более половины опрошенных студенток. Как и у парней, у девушек наименьшей популярностью пользуются такие качества как независимость и достаток. Однако если сравнить их ответы в процентном соотношении, то для женского пола эти качества значат больше, чем для мужского, примерно в три раза. Стоит заметить, что лишь один из молодых людей отметил честность партнерши, и лишь одна девушка — надежность, что дает повод задуматься.

Мы предложили выбрать оптимальный возраст для создания семьи. Подавляющее большинство считают, что наиболее подходящим является период от 22 до 27 лет. Это можно объяснить тем, что молодое поколение понимает необходимость высшего образования в сегодняшнем мире и решается на такой ответственный шаг, как создание семьи, только после окончания высшего учебного заведения.

В ходе анализа полученных данных был выявлен тот факт, что каждый третий юноша не связывает создание семьи с регистрацией брака, как это делает около 80 % девушек. Справедливости ради нужно заметить, что каждая десятая одобряет брак без штампа в паспорте. Мы думаем, это связано с боязнью ответственности. Для современных молодых людей важно ощущать себя свободными, а «гражданский брак» позволяет это почувствовать. Что касается девушек, то они предпочитают стабильность, уверенность в прочном союзе, поэтому намерены регистрировать брак.

Абсолютное большинство студентов (более 90 %) связывают семейную жизнь с рождением ребенка. Это частично опровергает образ представителей современной молодежи как людей эгоистичных с сугубо индивидуалистскими ценностями. Но были и те, для кого рождение ребенка не вписывается в их планы, это 5 % юношей и 4 % девушек. Радует, что процент таких людей небольшой.

Мы решили выяснить, кто, по мнению наших студентов, должен зарабатывать больше и нести ответственность за обеспечение семьи. Подавляющее большинство, около 70 %, ответили, что мужчина. Особенно это важно для парней, ведь именно своим заработком мужчина пытается самоутвердиться и доказать свою значимость. Однако нашлись те, кто считает иначе, но их было абсолютное меньшинство — 4%. Для каждой пятой девушки этот вопрос не имеет значения. Мы выяснили, что для женщины важен только конечный результат — стабильный семейный бюджет, за который можно не волноваться, и не важно, кто его наполняет больше.

В следующем вопросе мы поинтересовались, мечтают ли наши студенты о карьерном росте, и более 95 % ответили положительно. Это можно объяснить тем, что высшее образование необходимо для получения хорошей работы и дальнейшего продвижения по карьерной лестнице.

Подобная картина наблюдается и в ответе на вопрос: «Хотели бы вы работать по специальности?».

Нам удалось определить, какие черты характера помогут достичь карьерного роста. В этом вопросе можно было выбрать несколько вариантов. Девушки в наибольшей степени выделили для себя следующие качества: трудолюбие (62%), лидерские качества (41%), умение найти выход из любой ситуации (37%), интеллектуальные способности и предприимчивость (30%). Молодые люди, в свою очередь, следующие: предприимчивость (77%), умение найти выход из любой ситуации (63%), интеллектуальные способности

(59%), лидерские качества (50%), трудолюбие (41%). В целом, респонденты отдали предпочтение одним и тем же качествам, однако расставили они их в разной последовательности. В списке предложенных вариантов ответов были также циничность и готовность пожертвовать всем ради карьеры. Данным качествам было отдано наименьшее число голосов, что говорит о высоких моральных ценностях молодежи.

Нам хотелось выяснить, какую работу студенты могли бы назвать хорошей. Наибольшее количество как юношей (77%), так и девушек (70%) под «хорошей работой» подразумевают высокооплачиваемый труд, на втором месте по популярности ответ — «интересная, содержательная работа», его отметили более половины опрошенных. Абсолютное большинство студентов (от 90 до 100%) мечтают о своем бизнесе, возможно, это связано с тем, что на работе по найму ты попадаешь в зависимость от руководства, которое определяет размер заработной платы и возможность карьерного роста. А в работе на себя, т.е. при создании своего дела, размер дохода зависит только от личных усилий, действий, и студенты готовы к этому.

В заключение следует отметить, что результаты исследования частично не подтвердили нашу гипотезу о том, что главной ценностью молодежи является свобода от обязательств и материальное благополучие. Для большинства опрошенных нами приоритетными в жизни являются как семейные ценности, любовь, дети, так и материальный достаток. Следовательно, у молодых людей есть стремление сохранить в себе нравственные, культурные, духовные ценностные ориентиры, которые так необходимы для успешного развития нашей страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Колесникова О. Н. Мониторинг качества образования в вузе: грани проблемы // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Барнаул, 2012.
2. Казарина-Волшебная Е. К., Комиссарова И. Г., Турченко В. Н. Парадоксы трансформации ценностных ориентаций российской молодежи // Социология молодежи. 2012. № 6.

*Е. В. Кайгородов, Е. В. Петунина,
Е. Е. Ермилова, В. Л. Мишина (Барнаул)*

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Современное общество активно стремится к достижению всеобщего блага средствами науки и техники. Очевидно, что это стремление имеет не только позитивные, но и негативные последствия. «Современное риск-ориентированное общество — это продукт не только осознания последствий научных и технологических достижений. Его семена содержатся в расширении исследовательских возможностей и самого знания» [1, с. 28; 2; 3]. Одной из задач, стоящих перед социологическим сообществом, предугадать или предсказать негативные последствия расширения информационных потоков, в которые человек включается с первых лет своей жизни. Это обстоятельство может составить угрозу для социальной и информационной безопасности современных обществ; этот аспект проблемы, в частности, затрагивается в исследовании Е. А. Попова [4]. В связи с расширением влияния информации на формирование личности ученые говорят об информационной социализации, что особенно актуально в условиях, когда происходит разрыв между цифровой компетентностью учителей и школьников, а также родителей и детей [5; 6]. В таком случае информационная социализация оказывается неподконтрольной представителям основных социальных институтов, отвечающих за этот процесс. Среди опасных факторов информационной социализации можно выделить следующие: прямое воздействие на личность, доступность и неограниченный объем информации, наличие информации манипулятивного характера, дезориентирующей школьников, ограничивающей их возможности в силу слабой правовой образованности и возрастных особенностей несовершеннолетних.

Во всем мире придается большое значение защите детей и подростков от вредной для них информации в целях обеспечения их нормального физического и психологического развития. Согласно статье 2 пункта 4 ФЗ № 436 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» информационная безопасность детей — состояние их защищенности, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда их здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию [7].

В рамках разработки краевой межведомственной программы по информационной безопасности несовершеннолетних в 2013 г.

отделом мониторинга и анализа системы образования краевого государственного бюджетного учреждения образования «Алтайский краевой информационно-аналитический центр» проведено пилотажное исследование. Для определения рисков был проведен анкетный опрос. Инструментарий включал открытые и закрытые вопросы с возможностью выбрать несколько вариантов ответа. В связи с тем, что исследование является пилотажным и большинство подходов к получению статистических выводов предусматривают сбор информации с помощью простой случайной выборки, был использован данный тип выборки.

В исследовании приняли участие 159 школьников от 6 до 17 лет. Из результатов опроса следует, что основным источником информации для детей является Интернет — 63,6%, 33% школьников указали «телевидение», радио — 2,1%. Среди вариантов ответов «другое» 1,5% школьников назвали газеты, журналы, книги, телефон. Большая часть школьников (64,5%) не ограничены во времени пребывания в глобальной сети, при этом допустимая норма самостоятельной работы в Интернете ограничивается родителями для 40% школьников 2 часами работы. Согласно полученным данным возраст школьников, подверженных информационным рискам, составляет 12–13 лет, поскольку они проводят в Интернете более 3 часов.

Большинство школьников (44%) не спрашивают разрешения у родителей перед тем, как подключиться к Интернету, чуть меньше (38%) школьников — спрашивают разрешения, 18% — иногда спрашивают, иногда нет. Если суммировать ответы школьников, которые не спрашивают разрешения или делают это от случая к случаю, тогда получится, что 62% респондентов самостоятельно входит в сеть. Таким образом, школьники пользуются Интернетом безо всякого контроля со стороны взрослых. Выявлен интересный факт: большинство подростков в возрасте 16–17 лет ответили, что спрашивают разрешения у родителей, прежде чем выйти в Интернет, в то время как большая часть подростков 12–13 лет, которую отнесли в группу информационного риска, откровенно ответили, что разрешения у родителей не спрашивают и проводят в сети более 3-х часов в день. Выявлены возрастные предпочтения школьников относительно наиболее часто посещаемых интернет-сайтов, в частности, для младшей возрастной группы Интернет носит больше развлекательный характер. Обучающиеся выпускных классов отдают предпочтение образовательным сайтам, возможно, это обусловлено процессом профессионального самоопределения, что характерно для данного возрастного периода (16–17 лет).

Социальные сети привлекают школьников. Так, 90,3 % имеют свои профили в социальных сетях, не зарегистрированы и не хотят — 6,5 %, не зарегистрированы, но в ближайшее время планируют зарегистрироваться 3,2 %. Для 52 % школьников цель регистрации в социальных сетях — общение, просмотр видео-, аудиоматериалов — 27 %, обмен файлами — 14 %, участие в группах по интересам — 6 %, вариант «другое» — 1 %. Относительно предпочтений социальных сетей также прослеживается возрастная особенность. Чем старше школьник, тем масштабнее социальная сеть. Школьники 16–17 лет отдают предпочтение социальной сети «ВКонтакте». Этот ресурс изначально позиционировал себя в качестве социальной сети студентов и выпускников вузов, позднее стал называть себя «современным, быстрым и эстетичным способом общения в сети». Данный ресурс позволяет обмениваться файлами, загружать и просматривать аудио- и видеоресурсы. Для сравнения: исследование «Дети России онлайн», проведенное Фондом развития Интернета, факультетом психологии МГУ имени М. В. Ломоносова и Федеральным институтом развития образования Минобрнауки России в 11 регионах, показало, что более 75 % детей зарегистрированы в социальных сетях. От 60 до 80 % школьников выкладывают в сети фамилию, точный возраст и номер школы.

67 % школьников при выходе в Интернет отдают предпочтение стационарному компьютеру или ноутбуку. 33 % учащихся предпочитают для этой цели мобильные телефоны, смартфоны, планшеты, в связи с чем увеличиваются риски, связанные с причинением информацией вреда их здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию.

На вопрос «Нужно ли контролировать информацию в глобальной сети Интернет и на телевидении?» ответы школьников распределились следующим образом: да, нужно контролировать — 44,1 %; нет, не нужно контролировать — 14,5 %; затруднились ответить — 41,4 %. По мнению большинства школьников, информацию, представленную для массового пользования в сети Интернет и на телевидении, нужно контролировать.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы: основной коммуникационный канал для школьников — Интернет; более половины школьников не ограничены во времени пребывания в сети. Современные дети раньше приобщаются к информационным технологиям и использованию глобальной сети Интернет. Наблюдается следующая тенденция: чем ниже возраст школьников, тем раньше они приобщаются к Интернету. В связи с существенным возрастанием численности несовер-

шеннолетних пользователей проблема обеспечения информационной безопасности детей становится все более актуальной. Выявлены группы школьников, наиболее уязвимые, подверженные влиянию и рискам, связанным с причинением информационного вреда, соответствующие подростковому периоду 12–13 лет. Обучение и повышение информационной компетентности учащихся 12–13 лет происходит вне школы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. N.Y., 1993.
2. Шилкина Н. Е. Неопределенность и риск как составляющие повседневной деятельности // Вестник Орловского государственного университета. 2011. № 1.
3. Мальцева А. В. Признаки человека. Барнаул, 2005. (Социальное образование для России XXI века).
4. Попов Е. А. Опасность и безопасность: соотношение понятий в системе ценностно-смысловых координат // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2013.
5. Голубева Н. А., Марцинковская Т. Д. Информационная социализация: психологический подход // Психологические исследования. 2011. № 6 (20).
6. Махныткина О. В. Применение методов многомерной классификации в оценке компетентности выпускников // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 1.
7. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс.

Н. П. Гончарова (Барнаул)

ОТРАЖЕНИЕ МИГРАЦИОННОЙ ТЕМАТИКИ В СМИ В УСЛОВИЯХ ЭСКАЛАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

В последние годы в общественном сознании смешались понятия «соотечественники» и «мигранты». С легкой руки средств массовой информации мигрантами сегодня называют в основном лишь иностранную рабочую силу. Вместе с тем миграция населения — это «лю-

бое территориальное перемещение населения, связанное с пересечением как внешних, так и внутренних границ административно-территориальных образований с целью смены постоянного места жительства или временного пребывания на территории для осуществления учебы или трудовой деятельности независимо от того, под превалирующим воздействием каких факторов оно происходит — притягивающих или выталкивающих» [1, с. 35].

В понятие «миграция населения» различные исследователи вкладывают самый разнообразный смысл. Однако трактовка понятий «миграция», «мигранты» средствами массовой информации только как отдельного вида миграции (внешняя иммиграция) зачастую приводит к появлению материалов, «раздувающих» межэтнические конфликты. Как отметил в своем выступлении на заседании Совета по межнациональным отношениям в октябре 2013 г. в Уфе Президент Российской Федерации В. В. Путин, «зачастую такие конфликты возникают на бытовой почве. И эти столкновения, если в них оказались втянуты люди разных национальностей, моментально используются экстремистскими, радикальными объединениями, конкретными людьми для нагнетания межэтнической напряженности и, разумеется, для достижения своих узкокорыстных политических целей. А средства массовой информации, интернет-сообщество часто подхватывают и тиражируют именно раскрученную национальную версию... и в силу низкой профессиональной квалификации еще больше усугубляют ситуацию» [2].

О характере отражения миграционной проблематики в региональных средствах массовой информации можно частично судить на основе анализа материалов СМИ Алтайского края, проведенного в рамках исследования по гранту РГНФ № 12–13–22007а (р) «Нелегальная трудовая миграция как риск социальной эксклюзии на рынке труда Алтайского края».

В качестве базы для анализа состояния и динамики развития рынка труда, миграционных процессов в Алтайском крае были выбраны наиболее часто посещаемые электронные новостные СМИ края, официальные порталы администрации края и города Барнаула (краевой центр), региональных отделений политических партий и органов исполнительной власти: общественно-политическая массовая газета «Вечерний Барнаул» (<http://www.gazetavb.ru/>), информационно-аналитический портал «Алтайский край: события и комментарии экспертов» (<http://www.doc22.ru/>), сайт информационного агентства «Амител» (<http://www.amic.ru/>), информационный портал города Барнаула и Алтайского края (<http://www.barnaul-altai.ru/>), сайт

информационного агентства «Атмосфера» (<http://asfera.info/>), сайт издательского дома «Алтапресс» (<http://altapress.ru/>), региональный портал «На Алтае» (<http://www.naaltae.ru/>), информационный портал «Новости Алтай» (<http://newsaltay.ru/>), информационный сервер «Банкфакс» (<http://www.bankfax.ru/>), официальный сайт города Барнаула (<http://www.barnaul.org/>), официальный сайт администрации Алтайского края (<http://www.altaregion22.ru/>), официальный сайт Алтайского краевого Законодательного Собрания (<http://www.altsovet.ru/>), сайт Алтайского регионального отделения Коммунистической партии Российской Федерации (<http://www.altkprf.ru/>), сайт Управления Федеральной миграционной службы по Алтайскому краю (<http://www.fms-altay.ru/>), сайт Алтайского регионального отделения Всероссийской политической партии «Единая Россия» (<http://altai-ter.er.ru/>).

Основой для отбора материалов послужили ключевые слова: «динамика развития рынка труда», «миграционные процессы», «безработица», «занятость мигрантов» (во всех падежных формах). Для удобства сопоставления были обозначены временные рамки — анализу подверглись статьи за январь 2002 — сентябрь 2012 г. В фокус исследования вошли статьи, содержательно раскрывающие состояние и динамику развития рынка труда, особенности миграционных процессов в Алтайском крае. Результаты аналитического обзора 144 информационных материалов представлены по двум разделам: СМИ о миграционных процессах, СМИ о занятости мигрантов.

СМИ о миграционных процессах. В информационных статьях электронных СМИ Алтайского края в рассматриваемый период содержатся материалы, посвященные незаконной миграции на территорию Алтайского края, выявлению нарушений в сфере миграционного и административного законодательства: о задержании мигрантов и их последующей депортации, задержании граждан с фальшивыми миграционными картами, штрафных санкциях и других административных наказаниях в отношении мигрантов; возбуждении в отношении них уголовных дел; нарушении правил въезда в Российскую Федерацию, нарушении режима пребывания (проживания) в Российской Федерации и др.

В новостных лентах (2002–2009 гг.) можно зафиксировать рост числа сообщений об оттоке населения края в другие регионы России: в крае продолжается миграционная убыль населения при снижении внутрикраевой миграции. Однако миграционная убыль населения из края сменилась миграционным приростом из государств СНГ (Казахстан, Киргизия, Узбекистан и др.). Миграционный прирост в силу

данных обстоятельств сохраняется в городах Славгород, Камень-на-Оби, Новоалтайск, а также в Первомайском, Павловском, Рубцовском, Локтевском, Тальменском, Смоленском, Михайловском районах края. Большинство прибывших — низкоквалифицированные рабочие.

В статьях данного периода также обсуждается вопрос необходимости подписания межправительственного соглашения, которое урегулировало бы вопросы нелегальной трудовой миграции между Россией и Китаем.

С начала 2010 г. до настоящего времени появляются статьи, посвященные увеличению численности населения краевого центра — Барнаула за счет миграции. В частности, отмечается, что рост численности населения Барнаула за счет миграции в 2010 г. превысил уровень 2009 г. в два раза. И с каждым годом численность мигрантов увеличивается. В статьях 2012 г. содержится информация о миграционной прибыли из стран дальнего зарубежья (Германия, Китай, Греция).

В статьях 2010–2012 гг. нашли отражение изменения в нормативной правовой базе регулирования миграционных процессов, в частности: внесение поправок в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», проект стратегии социально-экономического развития Российской Федерации «Стратегия-2020», Концепция миграционной политики Российской Федерации до 2025 г., изменение квоты (лимита) на иностранную рабочую силу и ужесточение миграционного законодательства, введение уголовной ответственности за нарушение правил регистрации мигрантов.

Новостные ленты 2012 г. в основном посвящены прогнозам социально-экономического развития Российской Федерации: к 2015 г. численность населения России увеличится на полмиллиона человек за счет мигрантов при условии сохранения темпов миграции; опасения, что «через полвека Россия превратится в Таджикистан» и др.

Все информационно-аналитические порталы Алтайского края в 2000–2012 гг. освещали «круглые столы», международные научные конференции, касающиеся вопросов миграции населения, миграционными связям регионов России и Алтайского края, в частности, демографических вызовах современного общества.

СМИ о занятости мигрантов. В статьях, размещенных в электронных СМИ Алтайского края 2007–2012 гг., опубликованы материалы:

- о состоянии трудовых ресурсов и проблеме их несоответствия требованиям реальной экономики;
- о недостатке квалифицированных специалистов в регионе наряду с высоким уровнем безработицы;

- о региональном спросе на труд мигрантов: значительная часть работодателей в отдельных отраслях экономики ориентируется не на местные трудовые ресурсы, а на привлечение дешевой рабочей силы из числа мигрантов (руководители 200 предприятий и организаций из 30 территорий края подали заявки в управление Алтайского края по труду и занятости населения на привлечение граждан из-за рубежа);
- о влиянии кризиса на сокращение миграционных потоков на территорию Алтайского края.

В информационных лентах 2009–2010 гг. представлены материалы об уровне безработицы как в Алтайском крае, так и в России в целом. При этом отмечается высокий уровень безработицы и напряженности на рынке труда в крае. Однако новостные сайты края в конце 2010 г. содержали сообщения о наличии положительной тенденции — снижение уровня безработицы. В статьях 2011 г. опубликованы новости о высокой доле иностранных граждан (преимущественно резидентов стран СНГ), незаконно пребывающих на территорию Российской Федерации, основной причиной сложившейся ситуации называется безработица в регионах постоянного проживания мигрантов.

Новостью 2012 г. является зафиксированный службами занятости населения самый низкий за последние годы показатель уровня безработицы в краевом центре — городе Барнауле.

В статьях 2010 г. представлен журналистский анализ результатов статистического наблюдения за внешней трудовой миграцией. Так, показано, что привлечение иностранных работников (в 2008–2009 гг.) не оказало существенного влияния на рынок труда Алтайского края. Труд указанной категории работников, как правило, низкооплачиваемый и неквалифицированный. Кроме того, привлечение иностранных работников не позволяет решать проблемы заполнения вакансий по специальностям, по которым край испытывает острый недостаток, поскольку заполняются ниши непрестижных специальностей, на которые даже в условиях растущей безработицы не соглашается местное население.

Естественно, случаи конфликтов, если в них вовлечены иностранные мигранты, освещаются по мере их актуальности. Однако в алтайских электронных СМИ таких материалов немного.

Можно отметить, что сегодня в средствах массовой информации и кинематографе мы практически не видим пропаганды совместного проживания представителей разных национальностей, разных культур. Таким образом, фактически у нас нет пропаганды нормальных, терпимых межнациональных отношений. При этом, как отме-

чает министр регионального развития И. Н. Слюняев, разовые меры по предупреждению межнациональных конфликтов неэффективны, нужны современные системные методы и подходы, в частности, поддержка медийных проектов, направленных на укрепление гражданского единства, создание специализированных рубрик и тематических передач на телевидении и радио, посвященных этнокультурным проблемам (см. также [3]).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Воробьева О. Д. Миграционные процессы населения: вопросы теории и государственной миграционной политики // Проблемы правового регулирования миграционных процессов на территории Российской Федерации // Аналитический сборник Совета Федерации ФС РФ. 2003. № 9 (202).
2. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/19475> (дата обращения: 13.11.2013).
3. Максимова С. Г. Социально-экономические и социально-политические угрозы безопасности в оценках населения приграничных регионов России // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2012. № 12 (98).

С. И. Добрыднев (Барнаул)

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ ЗА 1990–2010 гг.

В последнее время все большее внимание ученых различных областей науки привлекают проблемы демографии. Причинами этого являются резко усилившиеся в последнее время динамика и сложность демографических процессов в мире, России в целом и ее регионах. Повысилась и общественная значимость этих вопросов. Ключевыми проблемами являются низкий уровень рождаемости, усилившиеся миграционные процессы, а также комплекс проблем, порождаемых старением общества [1].

На международных научных семинарах «Демографические вызовы стареющих обществ» и «Демографическая безопасность как фактор устойчивого развития регионов России», проходивших в Алтайском государственном университете 6–9 ноября 2012 г. и 27 июня — 4 июля 2013 г., затрагивался вопрос прогнозирования демографической ситуации в России в целом и Алтайском крае. Было отмечено, что

варианты прогнозов значительно различаются в зависимости от исходной информации и предпосылок, из которых исходят исследователи [2]. И это на первый взгляд не совсем понятно, поскольку общий алгоритм прогнозирования, основывающийся на существующей половозрастной структуре населения, показателях рождаемости и возрастной смертности, известен. Одинаковы исходные данные, а различия могут следовать из различных оценок рождаемости, которая также достаточно инерционна и не испытывает резких колебаний.

Тем не менее факторов, плохо поддающихся предвидению, достаточно, и важнейшим среди них становится фактор миграции. Попробуем рассмотреть в общих чертах возможности традиционного прогнозирования демографической ситуации с использованием материалов Всероссийской переписи населения 2010 г., представленных на сайте Росстата [3; 4].

Рассмотрим таблицу, в которой по строкам расположена численность населения возрастных групп последовательно в 1990, 2000, 2005 и 2010 гг. На основе таких данных возможно будет рассчитать показатели дожития до следующих трех возрастных групп и составить прогнозы численности населения, экстраполируя существующие тенденции.

Таблица 1

**Изменение численности возрастных групп в РФ
за 1990–2010 гг. (тыс. чел.)**

Возраст в 1990 г.	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	Возраст в 2009 г.
				7668	0–4
			6864	7091	5–9
		6364	6534	6610	10–14
		8283	8467	8389	15–19
0–4	11728	12045	12240	12169	20–24
5–9	11599	11990	12266	11982	25–29
10–14	10696	10828	10940	10980	30–34
15–19	10133	10254	10211	10172	35–39
20–24	8756	9512	9410	9241	40–44
25–29	12062	11937	11666	10672	45–49
30–34	12907	12409	11884	11482	50–54
35–39	11891	11213	10517	10022	55–59
40–44	9075	8341	7654	7832	60–64

Возраст в 1990 г.	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	Возраст в 2009 г.
45–49	6589	5826	5180	4002	65–69
50–54	10325	8748	7510	6457	70–74
55–59	7834	6115	4896	3552	75–79
60–64	8684	6071	4369	2871	80–84
65–69	5005	3027	1857	1330	85 и более
70–74	3366	1510	1030		
75–79	3449	1250			
80–84	1812				
85 и более	933				
Всего	146844	145723	143495	142004	

На этом прогнозирование и завершается, поскольку вырисовывается нетипичная картина. Вместо ожидаемого сокращения численности возрастных групп со временем в силу смертности по различным причинам наблюдается противоположное явление. Во всех возрастных группах до 30–34 лет зафиксирован прирост или стабилизация численности населения (выделено шрифтом).

Например, в 1990 г. отмечено 11728 тыс. чел. в возрасте от рождения до 4 лет. Через 10 лет их становится 12045 тыс. чел., т.е. на 317 тыс. чел. больше, в 2005 г.— 12240 тыс. чел. и в 2010 г.— 12169 тыс. чел. А группа родившихся в 1996–2000 г., которым в 2000 г. было 0–4 года, увеличилась с первоначальных 6364 тыс. чел. до 6534 тыс. чел. в 2005 г. и до 6610 тыс. чел. в 2010 г.

При этом оценить возрастную смертность невозможно. В старших возрастах происходит ожидаемое сокращение численности, однако вряд ли можно принимать эти цифры к расчетам, поскольку факторы, диктующие ситуацию в молодых возрастах, с большой вероятностью действуют во всех возрастных интервалах и искажают картину.

Полагаем, что основной вклад в данную ситуацию вносит фактор миграции, причем действие его не снижается вместе с сокращением иммиграции русскоязычного населения из СНГ в Россию, а оказывается стабильным на протяжении всего периода 1990–2010 гг. В связи с этим для дальнейшего демографического прогнозирования становятся необходимыми данные по миграции с половозрастными характеристиками. Простое сопоставление убедительно показывает, что

без учета миграционных процессов становится невозможным демографическое прогнозирование даже в условиях России, где масштабные миграционные процессы только разворачиваются.

Такова ситуация в отношении России в целом. Однако регионы страны весьма разнородны, и в них могут протекать специфические процессы. Рассмотрим положение в Алтайском крае. В первую очередь отметим, что половозрастная структура в крае близка к таковой в России в целом, о чем свидетельствует таблица 2.

Таблица 2

Половозрастная структура населения РФ и Алтайского края

Возраст, лет:	В процентах к итогу			Число женщин на 1000 мужчин		
	РФ	Алтайский край	Отклонение (+ -)	РФ	Алтайский край	Отклонение (+ -)
0-4	5,6	5,8	0,2	951	946	-5
5-9	5,0	5,2	0,2	953	948	-5
10-14	4,6	4,5	-0,1	953	954	1
15-19	5,9	5,5	-0,4	961	988	27
20-24	8,5	7,9	-0,6	972	1004	32
25-29	8,4	8,3	-0,1	994	1007	13
30-34	7,7	7,6	-0,1	1021	1047	26
35-39	7,1	7,1	0,0	1046	1074	28
40-44	6,5	5,8	-0,7	1065	1078	13
45-49	7,5	7,1	-0,4	1118	1116	-2
50-54	8,0	8,9	0,9	1188	1163	-25
55-59	7,0	7,7	0,7	1303	1250	-53
60-64	5,5	5,9	0,4	1414	1351	-63
65-69	2,8	2,5	-0,3	1683	1660	-23
70-74	4,5	4,5	0,0	1962	1878	-84
75-79	2,5	2,5	0,0	2325	2143	-182
80-84	2,0	2,2	0,2	2939	2886	-53
85 и более	0,9	1,0	0,1	4557	4984	427
Всего	100,0	100	0,0	1163	1165	2

В отношении динамики возрастных групп приведем данные за 2000 и 2010 гг., расположив их аналогично таблице 1.

**Изменение численности возрастных групп населения
в Алтайском крае за 2000–2010 гг. (чел.)**

Возраст в 2000 г.	2000 г.	2010 г.	Возраст в 2010 г.	Вероятность дожития
		140690	0–4	
		125884	5–9	
0–4	113728	106388	10–14	0,93546
5–9	144806	133873	15–19	0,924499
10–14	219436	191476	20–24	0,872582
15–19	233483	201416	25–29	0,862658
20–24	205438	183905	30–34	0,895185
25–29	190630	171995	35–39	0,902245
30–34	158911	141239	40–44	0,888793
35–39	209597	170921	45–49	0,815474
40–44	243044	215821	50–54	0,887991
45–49	207591	184825	55–59	0,890332
50–54	149145	141518	60–64	0,948862
55–59	93866	60786	65–69	0,647583
60–64	150876	108814	70–74	0,721215
65–69	110654	61072	75–79	0,551919
70–74	115944	53229	80–84	0,459092
75–79	55480	22741	85 и выше	0,409895
80–	27168			
85 и выше	23785			
Всего:	2653582	2419755		

Как видно, в крае наблюдается картина естественной динамики возрастных групп. Коэффициенты дожития близки к обычным значениям, наблюдаются известные эффекты, как, например, резкий рост смертности сразу после выхода на пенсию с последующим ее снижением. Имеются и нетипичные результаты, как в группе 50–54 года при ее дожитии до 60–64 лет с вероятностью 0,948. Таким образом, данные по Алтайскому краю можно использовать для оценочного прогнозирования, поскольку фактор миграции в крае, как известно, еще не приобрел существенных масштабов. Однако имея в виду си-

туацию с молодыми возрастами в стране в целом, для повышения надежности прогнозов необходимо иметь данные и по миграции в Алтайском крае с точки зрения ее возрастной структуры.

Сходство же демографической структуры Алтайского края и России дает основания распространить прогнозную ситуацию в регионе на Россию в целом. Низкий уровень миграции в крае позволяет выделить ту базовую часть прогноза для страны в целом, которая формировалась бы при незначительном влиянии фактора миграции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Максимова С. Г., Старчикова М. В. Методологические подходы к изучению социального механизма формирования адаптивных стратегий лиц старших возрастных групп в рамках становления новой геронтологической реальности // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 2.
2. Еремин А. А. Глобальные демографические прогнозы и демографические перспективы России // Социальная интеграция и демографическая безопасность приграничных регионов России: проблемы старения, репродуктивного здоровья и миграции: сборник материалов международного научных мероприятий / отв. ред С. Г. Максимова. Барнаул, 2013.
3. URL: www.gks.ru.
4. Максимова С. Г. Социально-психологические аспекты дезадаптации лиц пожилого возраста и старческого возраста // Клиническая геронтология. 2000. № 5–6.

*А. Д. Абашина, И. А. Зилинских, К. Н. Юрченко
(Санкт-Петербург)*

ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Социальный статус каждой возрастной группы и ее влияние в обществе тесно связаны с экономической продуктивностью этой группы. В аграрных обществах пожилые люди имеют высокий статус и являются объектом внимания. Высоко ценятся жизненный опыт и знания этих людей, особенно в дописьменных обществах, где знания передаются устно. Между тем в обществах с высоким уровнем индустриализации и урбанизации статус пожилых людей заметно изменился, уменьшив их значение, а в некоторых случаях даже до-

стиг негативного отношения к старым людям — эйджизма (дискриминация человека на основании его возраста). Оказывается, физическая неспособность пожилых людей трудиться имеет относительно небольшую роль, а за потерю значения отвечают иные факторы. Среди них наибольшую роль играет постоянное введение новых технологий, которые требуют непрерывного образования и тренировки, которые в меньшей мере доступны старым людям. Определенную роль играет большое число достаточно крепких старых работников, которые ограничивают возможности трудоустройства новому поколению, и уменьшение количества людей, которые работают на себя, что могло бы дать старым людям возможность постепенного снижения количества работы. В связи с общим повышением уровня образования опыт старых людей, наоборот, играет все меньшую роль [1].

Хотя в некоторых областях старые люди сохраняют высокую активность, например в политике, в общем случае все чаще с окончанием наиболее продуктивного периода жизни они уходят на пенсию, что приводит к проблемам психологической адаптации к новым условиям. В первую очередь проблемы появляются в связи с уменьшением влияния старых людей, чувства собственной невостребованности и наличия значительного количества свободного времени.

В современном российском обществе сложился набор стереотипов, включающих в себя следующие установки: все старики похожи друг на друга; пожилые люди социально изолированы; большинство пожилых людей имеет слабое здоровье; увольнение с работы порождает больше проблем для мужчин, чем для женщин; большинство старых людей изолировано от своих семей или пренебрегают ими; в этом возрасте половой жизнью не интересуются или просто не способны к ней; старый человек не может учиться; умственные качества с возрастом ухудшаются.

Следует отметить, что фактически все вышеперечисленные стереотипы транслируются СМИ, что, безусловно, влияет на обеспечение социально-психологической безопасности человека пожилого возраста. Например, на телеэкране они, как правило, показаны занимающимися относительно тривиальными видами деятельности: сидящими у подъезда на лавочке или дома в кресле-качалке. Или, например, такой идентификационный «ярлык» пожилого: человек, отличающийся физической слабостью, недовольный брюзга, который в том или ином телесериале в лучшем случае является забавной и комичной фигурой, а в худшем — превращается в посмешище и объект презрения. В целом, в отличие от большинства необычайно привлекательных молодых мужчин и женщин на телеэкране, «телевизионные»

старики часто показаны сгорбленными, с волосами мышиного цвета, морщинистыми, одетыми в старомодные и безвкусные одежды. Намеренно или нет, это также способствует тому, что пожилых начинают воспринимать в негативном социально-психологическом ключе.

Интересный вид исключений из этих общих тенденций можно увидеть в коммерческой рекламе. Хотя пожилые люди представлены в ней мало, но и характеристика их несколько иная. Они часто предстают в образе «молодых стариков», почти лишенных стереотипных признаков старения, кроме седых волос, которые являются их неизменным атрибутом. В рекламе, несмотря на проблемы со здоровьем, пожилые люди бодры и энергичны. Отсутствует облысение, морщины, неряшливость и неподобающий вид, т.е. нет отталкивающих социально-психологических характеристик, и старые люди изображены исключительно в позитивном ключе. Однако вопреки всем несоответствиям в изображении пожилых людей на экране, последние являются безусловными лидерами-потребителями продукции СМИ, особенно телепрограмм.

Между тем ряд исследований, посвященных реальным возможностям пожилых людей, свидетельствует об обратном. Старение, с точки зрения И. А. Григорьевой, «не может рассматриваться как деструкция, уменьшение всех способностей и возможностей... и в старости продолжается процесс психического развития, способствующий относительной стабилизации на новом уровне» [2]. Пожилтому возрасту, как и другим периодам развития, присущи не только недостатки развития, но и достоинства, облегчающие задачу адаптации к старости.

В научной литературе, касающейся проблем пожилого населения, можно выделить три основные позиции, которые определяют направление исследований и предлагаемые авторами меры социальной политики. Наиболее распространенной является точка зрения, что пожилые — это прежде всего обездоленные люди, нуждающиеся в адекватном социальном обеспечении. Другое мнение, разделяемое и самими пожилыми людьми, что эта группа населения представляет значительный человеческий потенциал, который может и должен быть вовлечен в социально активную жизнь. Третья позиция в явном виде проявляется редко, но отчетливо прослеживается при обсуждении социальной политики: пожилые — это социальный балласт общества, тормозящий реформы [1, с. 52].

Согласно данным различных социологических исследований, проводимых в последнее время, население России будет продолжать стареть, причем нарастающими темпами. Так, с 1959 по 2009 г. доля лиц пенсионного возраста поднялась с 11,8 до 24,8 %, а доля лиц трудо-

способного возраста осталась практически прежней, соответственно – 58,4 и 58,5% [2, с. 307]. Одна из возможных стратегий, способных в определенной степени смягчить социально-экономические последствия старения населения, это вовлечение пожилых людей в сферу занятости. Однако в ходе исследования рынка труда и профессиональной карьеры в поздний период жизни выяснилось, что даже самые удачные предприниматели считают 50-летний возраст рубежом карьеры. Сложность решения задачи привлечения пожилых людей в сферу занятости усугубляется отсутствием соответствующего опыта в историческом прошлом [3, с. 100]. Кроме того, медиализация старения, доминирование медицинской модели старости в публичном дискурсе обусловили легитимацию раннего выхода на пенсию и сведение всех жизненных планов и интересов к домашней неоплачиваемой работе. Многие из «вытолкнутых» на пенсию не потеряли мотивацию к работе, хотели бы продолжить трудовую деятельность, однако на практике сталкиваются с серьезными трудностями, связанными с низкими социальными квалификациями. Нередко их ожидания и надежды на возможное продолжение трудовой деятельности оборачиваются разочарованиями и неприятностями.

Поэтому важное значение в современных условиях приобретают институты социальной защиты пенсионеров, межведомственная работа по организации социальной поддержки пожилых людей. Это связано не только с увеличением удельного веса пожилых людей в составе населения, изменением социального статуса человека в старости, прекращением или ограничением трудовой деятельности, но и с трансформацией ценностных ориентиров, самого образа жизни и общения, а также возникновением различных затруднений как в социально-бытовой, так и в психологической адаптации к новым условиям. Все это диктует необходимость выработки и реализации специфических подходов, форм и методов социальной работы с пенсионерами и пожилыми людьми. Так, например, для пожилых людей характерно сопротивление изменениям, хотя в большей мере это поясняется не неспособностью к приспособляемости, а увеличением толерантности. В помощь приспособляемости пожилых людей к новым условиям разрабатываются специальные учебные программы, рассчитанные на эту категорию людей. Реализуются они в «университетах» и «школах» третьего возраста, включенных в систему социальной защиты населения.

В связи со снижением способности выполнять большинство типов работ в индустриальных и постиндустриальных обществах пожилые люди постепенно теряют источники дохода. Таким образом, они должны полагаться на собственные накопления, помощь детей и обще-

ства. Из-за меньшей уверенности в будущем пожилые люди отличаются тенденцией к сбережению и инвестированию средств вместо траты их на потребительские товары. На уровне государства старое население выбывает из рабочей силы, увеличивая нагрузку на активных работников и открывая дорогу к автоматизации производства.

Государственные социальные программы, помогающие людям преклонного возраста существовать в обществе, известны со времен Римской империи. В средневековой Европе первый закон об ответственности государства перед пожилыми людьми был принят в Англии в 1601 г. Собственно пенсии были впервые введены в 1880 г. Отто фон Бисмарком в Германии. Сегодня большинство государств имеет какую-либо форму программ социального обеспечения для граждан преклонного возраста. Хотя эти государственные программы и облегчают тяжесть старости, они не приводят пожилых людей к уровню дохода, характерному для трудоспособного населения в молодом возрасте.

Одной из основных проблем пожилых людей как социальной группы является одиночество. Для пожилых людей характерны значительные изменения в жизненных условиях и обстановке, общественных и семейных ролях, характере социальных и дружеских контактов, что в итоге ведет к потере жизненных целей и смысла жизни. С возрастом резко сужается круг общения пожилых людей. Чаще всего остается только узкий семейный круг. С точки зрения молодого поколения — ситуация, близкая к домашнему аресту или самоизоляции. Но сами пожилые не воспринимают данное положение столь трагически: 70% пожилых утверждают, что общения с детьми для них достаточно, четверть сетует, что видятся с детьми реже, чем хотелось бы [3, с. 101].

В современном мире существует многовариантность как в определении старения, так и в отношении к нему [4]. Например, пенсионный возраст варьируется между странами в диапазоне от 55 до 70 лет. В первую очередь эта разница объясняется различиями в средней продолжительности жизни и трудоспособности пожилых людей. В дополнение, как уже указывалось выше, наблюдаются значительные различия между индустриальными и традиционными аграрными обществами. Тогда как в первых значение пожилых людей незначительно, в последних старость является признаком мудрости, а старые люди имеют большое влияние на общество.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Виктор К. Старость в современном обществе: Руководство по социальной геронтологии // Социальная геронтология: современные исследования : реф. сб. М., 2004.

2. Григорьева И. А. Проблемы социального взаимодействия в контексте социальной работы // *Личность. Культура. Общество*. 2012. Т. 14, № 2.
3. Бондарева Т. В. Подготовка студентов к социальной работе с пожилыми // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Проблемы высшего образования. 2006. № 2.
4. Максимова С. Г. Социально-психологические аспекты дезадаптации лиц пожилого возраста и старческого возраста // *Клиническая геронтология*. 2000. № 5–6.

Н. В. Вараксина (Барнаул)

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ЛЮДЕЙ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА В СТАРЕЮЩЕМ ОБЩЕСТВЕ

Социальные проблемы людей пожилого возраста, их социальный статус, место в современном обществе, социальной структуре в различных социальных системах, общностях, собственной семье, взаимоотношения с другими возрастными группами, изменение личности с возрастом — все это на сегодняшний момент является предметом специальных социологических исследований.

Признание демографического вступления человечества в пору зрелости и тех перспектив, которые она открывает для развития более комплексных представлений и возможностей в общественной, экономической, культурной и духовной жизни, является отправной точкой для формирования инновационных стратегий адаптации различных слоев населения к меняющейся внешней среде. В связи с этим актуальным направлением исследований, по мнению автора, является определение влияния старения населения на социальную его структуру, взаимоотношения между старшей демографической социальной группой и иными возрастными группами. Из ныне существующих геронтосоциологических теорий, пытающихся осмыслить феномен старости, заслуживают особого внимания следующие.

Теория разъединения (Э. Каминз и У. Генри) представляет старение как неизбежное взаимное отчуждение, снижение взаимодействия между стареющей личностью и обществом, ведущее по мере старения к полному дистанцированию. Эту теорию еще называют «теорией освобождения», потому что старение в данной трактовке освобождает пожилого человека-пенсионера перед всеми обязательствами обществу [1].

Американский социолог Роберт Батлер ввел в научный оборот специальный термин: «эйджеизм» (от английского *age* — возраст), обозначающий дискриминацию, осуществляемую одними возрастными группами по отношению к другим. Согласно точке зрения Р. Батлера, эйджеизм отражает глубоко укоренившееся среди молодежи и людей среднего возраста неприятие старости. Они проявляют личностное отвращение и неприязнь к старению, болезням, нетрудоспособности и испытывают страх беспомощности, «беспольности» и «смерти» [1].

Надо отметить, что существует некая разница представлений о старости у детей, молодежи и взрослых людей. У детей обычно представление о старом человеке отождествляется с образом бабушки или дедушки. Они описывают старых людей согласно своим наблюдениям, а также информации, полученной от старших. В описании присутствуют исключительно внешние черты: седые волосы, морщинки, сгорбленность, медленная походка, иногда — использование палки при ходьбе. Дети старшего возраста описывают пожилого человека согласно его психологическим свойствам, занятиям и поведению. Молодежь склонна признавать за старыми людьми превосходство над молодостью. Старый человек оценивается как более мудрый, чем молодой, его жизнь богаче, он опытен, очень много работал, а сейчас приходит пора его заслуженного отдыха. Но также множество молодых людей склонны считать, что молодость — это наивысшая ценность, ибо является возрастом работы, старый же человек уже не работоспособен, а значит, не нужен. Старшие возрастные группы старость ассоциируют с болезнью и с тем, что старым людям нужна помощь. С возрастом стереотип старости постепенно изменяется на более позитивный, так как человек чаще начинает размышлять о наступлении собственной старости.

Интересна теория социальной изоляции. Здесь делается акцент на изменениях в организации жизни пожилого человека. В первую очередь это связывают с выходом на пенсию, что характеризуется сворачиванием социальных связей и коммуникаций, а также с отделением от детей, которые приобрели самостоятельность, потерей близких и знакомых людей, изменением возрастных требований в семье и урбанистическим стилем жизни. Выход на пенсию — это серьезный стресс для пожилого человека. Была налажена жизнь, и все вдруг надо менять. Для этого периода жизни характерен феномен «воскресенья и праздника» [1]. Именно в эти дни человек чувствует себя одиноким, ощущает свою ненужность и незанятость. Он находится в психологическом состоянии обостренного восприятия своей жизни, своего места в ней. Мужчины и женщины по-разному воспри-

нимают выход на пенсию, так как это связано с различиями в стиле жизни обоих полов, сильнейшей идентификацией мужчин с профессиональной ролью, у женщин же с тяжелой домашней работой и семейными обязанностями. Часто после выхода на пенсию сразу возникают болезни. Отмечается необходимость новых адаптационных стратегий на финальном этапе жизни, способствующих овладению социально-психологическими механизмами, блокирующими негативные последствия критических моментов жизни пожилого человека.

Английские психологи Адамс и Хопсон отмечают, что современное общество легко отторгает субъекта от определенной социальной группы и бросает его на произвол судьбы. Сам процесс перехода от одной социальной позиции к другой совершается в три этапа: сепарация (отделение человека от прежнего окружения и разрыв с прошлым), транзикация (промежуточное состояние бесстатусности (маргинальное состояние), инкорпорация (последующее включение индивида в социальную группу в новом качестве).

В оценке межпоколенческого взаимодействия значима и теория профилизации личности. В ней анализируются стиль жизни, позиции и социокультурные ориентации каждого человека. Проводится анализ индивидуальных реакций в пожилом возрасте. При этом сохранение жизненной активности рассматривается как позитивный фактор, подчеркивается, что люди с активными жизненными позициями готовы к изменениям и рассматривают их не как угрозу, а скорее как вызов своим возможностям. Квиентистская позиция (безучастие, пассивное отношение к окружающему) часто оборачивается стремлением переложить свои проблемы на кого-то другого. В результате человек постоянно выражает чувство неудовольствия, начинает искать институты и учреждения, которые решили бы его проблемы. Отмечается существование преемственности жизненных стратегий. Человек не изменяется, просто с возрастом проявляются черты, которые скрывались в молодом возрасте [1].

Теория возрастных ценностных асимметрий сосредоточивает свое внимание на анализе возрастных ценностных изменениях в обществе, речь идет о размерах и способах получения дохода, об «открытости» социальных позиций, дающих доступ к воздействию на различные общественные процессы. Авторы указывают на то, что пожилые люди дистанцированы от власти, богатства и престижа и занимают маргинальное положение. Возрастная асимметрия проявляется в общественном сознании как смена приоритетов, связанных с упразднением позитивного образа респектабельной старости, престижа солидных манер пожилых и усилением значимости юношеских ценно-

стей, спортивных игр и развлечений, преклонением перед культом богатства и успеха. В развитых странах пенсионеры являются наиболее платежеспособной группой с самым большим расходным капиталом. Они занимают значительное место в политике, имеют возможность путешествовать. Современный рынок на Западе ориентируется на пожилых людей. Существует сеть магазинов, салонов красоты, кафе, которыми владеют пожилые люди, т.е. рынок учитывает возрастающее количество пожилых людей, их интересы и потребности.

Теория взаимоотношения модусов времени утверждает, что человек существует в трех измерениях: прошлое, настоящее и будущее. Жизнь человека постепенно меняется с возрастом, и ее ритм приобретает плавный характер, любые факты в жизни становятся событиями, а любые те или иные действия заранее планируются. Любые нарушения приводят к состоянию психологической неудовлетворенности. Для представителей «третьего возраста» характерна прозрачность временных перегородок. Исследователи, которые изучали обращенность к прошлому у пожилых людей, выявили: во-первых, что пожилые люди часто пересматривают и переоценивают свою прожитую жизнь; во-вторых, у них постоянно спонтанно всплывают в сознании эпизоды давно прошедшего. Возвращение в прошлое — это попытка наполнения своей жизни смыслом, а также стремление найти точку опоры в жизни. С возрастом убыстряется время, незаметно начинают мелькать дни, месяцы, годы. Сужается пространство будущего за счет расширения пространства прошлого. Воспоминания эмоционально восполняют жизнь пожилого человека, являясь хорошей формой психологической адаптации к изменяющимся условиям жизни. Они способствуют эмоциональному и интеллектуальному комфорту и спасают от одиночества и депрессии. Возвращаясь в прошлое, человек мысленно соприкасается с близкими и дорогими людьми, явлениями, переживает положительные эмоции, связанные с собой [1].

Теория девиации является одной из продуктивных в анализе проблем взаимодействия представителей разных поколений. Их основой являются представления о некоторых нормах, пределах или идеалах развития личности. Пассивность стариков, их социальное отчуждение, уход в себя рассматриваются как варианты отклоняющегося поведения. Старость предстает как вид социальной девиации, возникающей в результате реакции на социальное давление. Она рассматривается как основное звено трансмиссии культуры. Здесь делаются интересные выводы об изменениях содержания, темпов, форм передачи знаний и опыта от поколения к поколению, связанных с про-

цессами информатизации современного общества. Отношения между поколениями не сводится только к обмену информацией. Происходит передача эмоционального настроя. Например, феномен — «бабушкины сказки» — большая ценность. Ребенок с помощью этого приобретает опыт эмоционального общения, происходит сотворчество молодых и старых. Но в настоящее время происходит его выпадение из воспитательного процесса, что в значительной мере обедняет эмоционально-нравственную сферу ребенка, способствует формированию душевного онемения. Тончайшие узы душевной близости и привязанности, авторитет старших, которые формируются только в процессе непосредственного тесного общения, значительно смогли бы предотвратить трагедии детских судеб, а также холодную старость, не согретую заботой и любовью детей и внуков. В российских семьях традиционная роль бабушки предстает в выполнении функции «няни», нежели домашней воспитательницы. Бабушки (дедушки) обычно не принимают жизненно важных для семьи решений, а в основном выполняют вспомогательные функции неоплачиваемого домашнего труда и ухода за ребенком. Преобладает потребительская модель отношения к старшему поколению [2].

Привилегией старости является наличие жизненного опыта. Опыт старшего поколения берется в расчет, чтобы развить его позитивные возможности и избежать повторения его ошибок. От поколения к поколению транслируются определенные социальные программы, образцы поведения, которые могут быть двух типов: позитивные образцы и образцы-запреты, фиксирующие негативный опыт, предостерегающий от повторений. В настоящее время признак межпоколенной передачи опыта, который обычно связывался с понятием «традиции», уже не является характерным, ибо они могут заменяться в рамках одного поколения.

Существуют ли какие-либо особенности психологии пожилого и более старшего возраста? Безусловно. Но, к сожалению, мало кто знает эту элементарную истину и понимает, что поступки, реакции пожилого человека следует оценивать с поправкой на возраст, что у разных возрастных групп разнятся ценностные установки.

Изменения в характере пожилого человека объясняются ослаблением контроля над собственными реакциями, возможно, что те черты, которые раньше удавалось маскировать, понимая их непривлекательность, вышли на поверхность. Кроме того, этому возрасту свойствен эгоцентризм, нетерпимость к каждому, кто не проявляет должного внимания, причем это «должное» на самом высоком уровне. Все окружающие зачисляются в эгоисты, коль скоро они не поглощены

заботой о старом человеке. Как говорят, «Эгоист — это тот, кто любит себя больше, чем меня».

Характерологические изменения, свойственные этому возрасту, можно классифицировать по трем сферам. В интеллектуальной появляются трудности в приобретении новых знаний и представлений, в приспособлении к непредвиденным обстоятельствам. Трудными могут оказаться самые разные обстоятельства и те, которые сравнительно легко преодолевались в молодые годы (переезд на новую квартиру, болезнь, собственная или кого-то из близких), а тем более прежде не встречавшиеся (смерть супруга, ограниченность в передвижении, вызванная параличом, полная или частичная потеря зрения). В эмоциональной сфере — неконтролируемое усиление аффективных реакций (сильное нервное возбуждение), со склонностью к беспричинной грусти, к легко появляющейся слезливости. Поводом для реакции может послужить кинофильм о прошлых временах, и не потому, что жаль эти времена, а жаль себя в этих временах, или разбитая чайная чашка, и опять не чашку жаль, а то, что вместе с ней уходит что-то памятное. В моральной сфере — отказ от адаптации к новым нормам морали, манерам поведения. Резкая, доходящая до грубости, критика этих норм и манер.

Отечественный ученый В. В. Болтенко выделил ряд этапов психологического старения, которые собственно не зависят от паспортного возраста.

На первом этапе сохраняется связь с тем видом деятельности, который был ведущим для человека до выхода на пенсию, как правило, этот вид деятельности был непосредственно связан с профессией пенсионера. Эта связь может быть непосредственной, в форме эпизодического участия в выполнении прежней работы. А может быть опосредованной через чтение специальной литературы, написание статей на профессиональные темы. Если же эта связь обрывается сразу же после ухода на пенсию, то, минуя первый этап, человек попадает во второй.

На втором этапе наблюдается сужение круга интересов за счет выпадения профессиональных привязанностей. В общении с окружающими уже преобладают разговоры на бытовые темы, обсуждение телевизионных новостей, семейных событий, успехов или неудач детей и внуков. В группах таких людей уже трудно различить, кто был инженером, а кто врачом, кто был бухгалтером, а кто профессором философии [2].

На третьем этапе главным становится забота о личном здоровье. Оно становится любимой темой для разговора: о лекарствах, спо-

собах лечения, травах... И в газетах, и в телепередачах на эти темы обращается особое внимание. Наиболее значимым в жизни человека становится участковый врач, его профессиональные и личностные качества.

На четвертом этапе смыслом жизни становится сохранение самой жизни. Круг общения сужен до предела: лечащий врач, социальный работник, те из членов семьи, которые поддерживают личный комфорт пенсионера, соседи самого ближнего расстояния. Для приличия или по привычке — редкие телефонные разговоры со старыми знакомыми-ровесниками.

И, наконец, на пятом этапе происходит обнажение потребностей чисто витального характера (еда, покой, сон...), эмоциональность и общение почти отсутствуют.

Как и всякая схема, эта достаточно условна: на первом этапе присутствуют потребности всех пяти этапов, на втором — четырех, на третьем — трех, втором — двух и только на пятом остаются одни витальные потребности.

Нужно отметить, что в XX в. обострилась проблема единства культур. Раньше культура не делилась на «молодежную» и «взрослую» (независимо от возраста все пели одни и те же песни, слушали одну и ту же музыку, танцевали одни и те же танцы), а теперь у различных поколений появились серьезные отличия в ценностных ориентациях, в моде, в способах коммуникации и образе жизни в целом. Это затрудняет и осложняет общение двух поколений.

В традиционных обществах место каждого человека было определено с момента рождения, проблема личности там не стоит как самостоятельная, способы взаимосвязи поколений, передачи опыта определены и неизменяемы. Иная картина в современном динамичном обществе, которое постоянно ставит перед каждым новым поколением проблемы и задачи самоутверждения, выбора путей своего развития. В таком обществе опыт предыдущих поколений не может полностью отвечать задачам настоящего и будущего. Не остаются неизменными и сами механизмы трансляции опыта, соответственно, формируется «образ» каждого поколения.

Анализ ценностных аспектов взаимосвязей и взаимоотношений поколений тоже очень важен, так как изменилась система ценностей. Меняются и механизмы «социального наследования», и способы самоутверждения новых поколений. Сейчас молодежь обрела большую самостоятельность, в том числе и в выборе того, что она воспринимает из прошлого, и вместе с тем усилилось в детерминации ее по-

ведения влияние материальных соображений и экономических факторов. Ломается прежний, преимущественный традиционалистский механизм социального наследования, а новый механизм, способный ограждать молодежь от антиобщественных влияний, настроений, поступков, еще не сформировался.

Дистанцированность поколений повлияла на изменение отношения молодежи к пожилым людям. Так как молодое поколение не имеет ясного представления о жизни пожилых, оно склонно драматизировать их социальное положение. Так рождаются стереотипы, когда вероятностный характер сведений о реальности трансформируется в категорическое суждение детерминистического характера. Пожилых людей воспринимают как больных, бедных, одиноких, не имеющих социальной значимости, не способных воспринимать новое [3; 4].

В. Д. Альперович делает вывод о том, что ненависть к старикам никогда не была характерной чертой массового сознания в России. Однако дестабилизация социальной ситуации в нашей стране, фрустрированность сознания людей, живущих в режиме выживания, влияют на то, как молодежь воспринимает пожилых людей. Таким образом, сфера взаимоотношений поколений в современном обществе является сложной для анализа, и здесь необходим комплексный подход: она должна рассматриваться с философской, психологической, культурологической и социологической точек зрения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Краснова О. В., Лидерс А. Г. Социальная психология старости. М., 2002
2. Максимова С. Г. Особенности функционирования и развития системы социального обслуживания лиц пожилого и старческого возраста в современном российском регионе на рубеже XX–XXI вв. : монография. Барнаул, 2006.
3. Максимова С. Г. Социально-психологические проблемы в геронтологии : монография. Барнаул, 2001.
4. Максимова С. Г., Старчикова М. В. Методологические подходы к изучению социального механизма формирования адаптивных стратегий лиц старших возрастных групп в рамках становления новой геронтологической реальности // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 2.

С. Г. Максимова, Г. С. Авдеева (Барнаул)

ВОСПРОИЗВОДСТВО РИСКОВАННЫХ ФОРМ СЕКСУАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ*

Стремительное увеличение масштаба глобальных угроз естественным и культурным основам жизни человечества актуализировало в последние десятилетия научный и общественный интерес к проблематике социальной безопасности, социальных рисков, социального здоровья населения. Современные глобальные социально-экономические процессы (слияние рынков, миграция, межэтнические конфликты, демографический спад в развитых странах, старение населения) находят свое отражение в наиболее острых проблемах российского общества. Вместе с тем специфическое геополитическое положение России, исторически сложившийся многонациональный тип государства, наследие советского прошлого, неоднозначные последствия реформ последних десятилетий делают чрезвычайно важной задачу сохранения целостности страны и формирования единой гражданской идентичности. Однако разнородность населения по этническим, конфессиональным и иным характеристикам наряду с проблемами бедности и неравномерного распределения природных и финансовых ресурсов регионов делает особенно острой проблему сохранения социальной безопасности. В условиях усложнения современного общества и человека, ускорения их социокультурного развития, новой динамики потребностей людей, общественных институтов ключевой проблемой становятся вопросы выживания, рационализации их жизненного пространства, формирования и использования жизненного потенциала личности [1–4].

В настоящее время наиболее важны анализ и осмысление современных форм социальных девиаций как элемента общественного бытия. Состояние, уровень, динамика негативных социальных девиаций, в том числе значительного роста потребления наркотиков, распространения секс-бизнеса и, как следствие, эпидемии социально обусловленных заболеваний, служат своеобразным зеркалом социальной действительности. Эксперты отмечают ряд причин и факторов данного явления, среди них наиболее важными являются:

* Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта РФФИ № 12-03-00301 «Трансформация социальной безопасности региональных социумов в контексте распространения «социальных болезней» в современной России» (2012–2014).

-
-
- социально-экономический кризис (обнищание значительной части населения, массовая безработица, социальное расслоение, маргинализация общества);
 - разрушение социокультурной среды (утрата традиций, разрушение моральных и поведенческих стереотипов; нарушение самоидентификации личности; господство цинизма и социальной несправедливости; потеря жизненных ориентиров);
 - общее ухудшение состояния здоровья населения вследствие ухудшения питания и недоедания, отрицательного воздействия экологических факторов и радиации, наследственной отягощенности и недоступности квалифицированной медицинской помощи для значительных слоев общества и др. [5; 6];
 - доступность, относительная дешевизна и тотальная реклама табака и алкоголя;
 - пропаганда наркотиков кино- и видеофильмами, средствами массовой информации и шоу-бизнесом;
 - наступление организованного наркобизнеса;
 - разрушение созданной ранее системы профилактики наркомании и борьбы с ней.

В этой связи обостряются проблемы социального риска, возникает угроза национальным интересам России [7; 8].

В России новый контекст формирования социальных рисков, массового распространения социальных девиаций, а также социально обусловленных болезней потребовал не только расширения спектра прикладных исследований, но и поиска оптимальных оснований концептуального, стратегического видения путей решения появившихся проблем, разработки для этого соответствующих технологий [9; 10].

Целью нашего исследования явилась оценка особенностей социальных рисков распространения так называемых социальных болезней в регионе современной России. Экспертиза факторов воспроизводства социальных рисков социальных девиаций основана на материалах экспертного опроса среди представителей органов законодательной, исполнительной власти, органов местного самоуправления, представителей общественных организаций, научной и педагогической общественности в двух регионах России: Алтайском крае и Республике Алтай. В ходе исследования было опрошено по 20 экспертов из каждого региона (всего $n = 40$).

Данные представлены в следующем виде: XX.YY.000, стр. 0, где XX — буквенный код секторальной принадлежности эксперта (ЗВ — законодательная власть, ИВ — исполнительная власть, ОО — общественная организация, НП — научно-педагогическая обществен-

ность, МС — органы местного самоуправления), УУ — код региона, в котором проживает эксперт (22 — Алтайский край, 04 — Республика Алтай), 000 — порядковый номер интервью в пределах региона (001, 002, ..., 020), стр.0 — код места расположения ответа в тексте транскрипции интервью.

В ходе анализа было выявлено, что несколько экспертов оценивают рискованные формы сексуального поведения (проституция, ранние половые связи) как самую главную проблему региона.

«Выражается в том, что лица, не достигшие, скажем так, определенной зрелости, (пауза) ведут себя и как бы (осуждающе машет головой), ну, в общем, ведут себя не соответствующе возрасту, а как взрослые люди, это, во-первых, во-вторых, как-то страшно стало читать эти сообщения, считали раньше, что это где-то за границей или у нас за Уральскими горами, когда с маленькими детьми... различного рода нехорошие действия производят, так что считаю, что ужасное происходит.»

Большинство опрошенных высказали мнение, что за последние годы в их регионе произошло изменение форм сексуального поведения населения. «Думаю, что, как и везде, сексуальное поведение в нашем регионе стало более раскрепощенным» (ЗВ04_014). При этом половина экспертов назвали эти изменения резко отрицательными. «Я только могу сказать, что извращенство, но не только, как говорится, однополых, но и между собой [людьми разного пола], т. е. потерялось чувство вот... этой ауры, вот этой интимности, ауры святости, (пауза) чистоты, любви. Вот посмотри [говорят] «давай позанимаемся любовью», вишь, слово-то нашли какое, не сексом, а любовью, и все и хорошо (пауза). Не надо же путать любовь и секс. Что любовь сопровождается сексом, это может быть, но любовь — это духовная сфера» (НП22_006).

Один из экспертов обозначил мнение, что сексуальное поведение стало стабильнее, адекватнее и сдержаннее.

«Ну как бы снизились барьеры, упростилось, с одной стороны, но, с другой стороны, секс перестал быть настолько ярким и сладостным запретным плодом... По-моему, вот этот период сексуальной революции, которая в Европе прошла там в семидесятые годы, у нас прошла в девяностые, и теперь стало более-менее спокойно» (ОО22_008).

Три эксперта отметили отсутствие изменений в сексуальном поведении населения.

«Оно никак не изменилось, как у нас печатали газеты объявления (пауза) о секс-досуге, как у нас не создавали полицию нравов, как ее создали, так ее и закрыли. И ничего в этом плане не изменилось, т. е.

это все открыто, это все на виду, к сожалению, от этого, скажем так, нравственность общества не улучшается» (НП22_007).

Содержательный характер изменений форм сексуального поведения населения половина респондентов видят в появлении чувства раскрепощенности, свободы, распушенности.

«Ну люди стали более раскованными, у кого тормозов нет — у того эта распушенность [проявилась], у кого тормоза есть — стали более свободные в этом отношении».

При этом три эксперта для определения изменений используют понятие «сексуальная революция»:

«... сексуальная революция, она везде произошла. Собственно, сексуальное поведение, да... После того, как это все вышло из тени и стало ясно, что в СССР все-таки есть секс, раньше-то у нас секса не было, люди стали себя раскрепощенней чувствовать в этом отношении. Раскрепощенней, собственно, в нормальных формах, т.е. как [стали] что-то там пробовать с любимыми-нелюбимыми, хотя бы с постоянными партнерами, так и [появилось] стремление к беспорядочным связям...»

Три эксперта обозначили в качестве основного показателя изменения возрастных границ, в рамках которых практикуется сексуальная активность.

«Все стало очень свободно (пауза). И опять-таки из опыта работы в техникуме я поняла, что уже лет с четырнадцати это вполне уже пройденный этап для многих, не только юношей, но и девушек. И в пятнадцать лет рожают, причем достаточно много» (НП04_01).

Два эксперта отметили изменения в представлениях о девиации, пороке.

«... Да, это сейчас, последние, наверное, лет 10, уже не считается пороком. То, что раньше считалось пороком, — сейчас это одна из норм. Беспорядочная смена партнеров, групповые всяческие мероприятия, гомосексуальность, различные формы [сексуального поведения] — это тоже уже не считается девиацией, это считается нормой».

Два эксперта, во-первых, в качестве ключевой характеристики назвали рост количества беспорядочности связей:

«У нас всем известна фраза «секса раньше не было в Советском Союзе», сейчас он есть, но опять же из-за того, что уровень нравственных ценностей понизился, с моей точки зрения. И отношение [к нему] уже более простое у молодежи. Вот, беспорядочные связи — есть такой момент, это считается совершенно нормальным. ... раньше классики писали «не давай поцелуя без любви», сейчас уже об этом никто не вспоминает. Я сожалею об этом, но это все идет как раз от-

того, что, как мы говорили, меняются ценностные ориентации. Это, конечно, к [отрицательным] последствиям приводит: и беременность молодых девушек, и аборты, и, опять же, здоровье»;

во-вторых, отметили появление гомосексуальных связей:

«Вчера на концерте была певица-лесбиянка, там весьма специфические парочки были. Так интересно, посмотрела на них вблизи. Ну изменилось в этом плане [то, что] очень много стало форм сексуального поведения, раньше если это и было, но было не видно... То, что было раньше уголовным преступлением, стало нормой»;

в-третьих, узнали о явлениях группового секса, сексуальной озабоченности, распространенности секс-бизнеса:

«Безусловно, сексуальная расхлябанность, распушенность, потеря каких-то (пауза) моральных и морально-нравственных устоев. Эти полуголые девицы... они приводят просто в состояние (пауза) вызывают недоумение — так скажем» (НП22_18).

Трое экспертов затруднились определить содержательную характеристику изменений сексуального поведения населения:

«(пауза) Как бы всем известно, что это древнейшая профессия, так что причина здесь в самой, видимо, в самой природе общества... Какие-то элементы заложены [в человеке изначально], когда-то это более востребовано, когда-то менее востребовано. Но, безусловно, мы можем видеть, что есть некая престижность этого вида деятельности. Когда-то, двадцать лет назад, это же считалось крайне позорным (пауза). В любом случае, сейчас это считается чуть ли в прямом смысле профессией, да? Это изменение общественного статуса, никаких там новых сексуальных потребностей не появилось. А вот общественный статус этого вида деятельности изменился».

В качестве причины изменения характера сексуального поведения 20% экспертов называли активное освещение в СМИ вопросов, связанных с сексом.

«А это хорошие пиар-акции, с точки зрения нашего телевидения и СМИ, ведь смотрите, как показывают проституток, они вообще в шоколаде. За ними следят, у них есть сутенеры... Да, сейчас очень много показывают, как их отдают в рабство. Но при этом показывают, как она хорошо выглядит, она одета, т.е. это определенные пиар-акции...»

Существование возрастных различий в сексуальном поведении населения констатируют все эксперты. Респонденты отмечают большую свободу молодого поколения (11%), готовность пробовать разные формы сексуального поведения (1%), активность (2%), большее количество сексуальных партнеров (2%). Молодежь воспринимается

как группа риска, подверженная деструктивному воздействию (2%). Старшее поколение описывается как ориентированное на создание семьи и серьезные отношения (2%), обладающее более строгой моралью в сексуальном поведении (3%), придерживающееся традиций (3%). 4% экспертов обусловили возрастные различия в сексуальном поведении только физиологическими изменениями.

Здоровые сексуальные отношения, по мнению четырех экспертов, включают в себя уважительные, любовные отношения, основанные на уходе и доверии.

«Ну, это отношения между мужчиной и женщиной, между которыми [существуют] не только сексуальные отношения... но и какие-то другие, любовные, прежде всего уважительные отношения к друг другу».

20% экспертов отмечают, что здоровые сексуальные отношения возможны только между мужчиной и женщиной: «Это должно быть стандартно, что это мужчина и женщина, а не как-то по-другому (смеется)»;

13% — только между мужем и женой, состоящими в браке: «... я не осуждаю тех людей, которые не соблюдают этого, но идеал — это прежде всего семья. Желательно все-таки [иметь] зарегистрированный брак, а не гражданский, более устойчивые и ответственные отношения. Примерно так»;

12% — только с одним партнером. «Здоровых во всех смыслах... Я, может быть, покажусь очень консервативным, но все-таки должна быть определенная верность людей друг другу, серьезность в этом плане, в идеале».

В представлениях 11% экспертов здоровые сексуальные отношения — это отношения традиционные, как в сказке и фильме, или ориентированные на семью, брак: «Все-таки моногамные отношения я считаю более здоровыми. ... моногамные — основанные на взаимной любви, ну и семейных обязательствах» (ЗВ04_014).

По мнению 9% респондентов, здоровые сексуальные отношения включают заботу о здоровье и предохранении: «... если люди занимаются этим [сексом] не для того, что бы продлить семейный род, то они должны принимать все меры... предохранения, чтобы потом не возникало ненужных проблем».

7% экспертов отмечают, что здоровые сексуальные отношения не должны быть случайными и беспорядочными: «Мои представления (смеется), о-о-о, они не должны быть случайными и беспорядочными».

Сознательный возраст как критерий здоровых сексуальных отношений называют 7% опрошенных: «... ну, во-первых, это (пауза) должен быть сознательный возраст, скажем так...»

4% экспертов считают здоровыми длительные сексуальные отношения: «(продолжительная пауза) да... сексуальные отношения начинаются в возрасте... когда человек... и физически готов к этому... и психологически, Он уже знает все последствия и может отдавать отчет своим действиям, ну и когда... отношения эти складываются между... как бы... в постоянных отношениях...» (ИВ04_015).

3% опрошенных отмечают, что в сексуальных отношениях не должно быть жесткой нормы: «Мои представления о здоровых сексуальных отношениях — с любимым либо с мужем, с которым, в общем-то, все разрешено (смеется)».

По мнению некоторых экспертов, здоровые сексуальные отношения:

а) не должны афишироваться (один эксперт);

б) должны быть направлены на продление рода (один эксперт):

«Я считаю, здоровые сексуальные отношения — это отношения между мужчиной и женщиной. Наверное, создание семьи. Да? Рождение здоровых детей» (НП04_006);

в) основаны на рассудительности, ценностях, здоровом образе жизни (один эксперт);

г) включать в себя удовлетворенность (один эксперт):

«Эти представления укладываются в концепцию культуры здорового образа жизни, о которых я говорил, она достаточно известна, она транслируема. В основе, предвидя остальные все вопросы, заранее, чтобы ответить заранее, в основе всего, в любых видах поведения в разных сферах должен лежать разум, рассудительность, ценностные ориентиры. Если этого нет, то разные модели могут быть с самыми неожиданными последствиями. Разум, рассудительность, здоровый уровень духовной культуры в обществе — они позволят нам избежать тех негативных последствий, которые, безусловно, имеются при гипертрофированной свободе сексуально-половых отношений, которые активно навязываются, опять же, средствами массовой информации».

В вопросе об отношении к внедрению программ полового воспитания в школах 53% отметили, что это необходимо; 19% оказались против них. В связи с противоречивостью и эмоциональной насыщенностью поступающей информации 2% экспертов затруднились высказаться на данную тему, 17% определили свою позицию как двойственную. 5% отметили, что программы полового воспитания возвращают детей; 9% считают, что половым воспитанием должны заниматься только родители в семье, 12% — только специалисты. 1% приводят в качестве аргумента против программ полового воспитания противостояние церкви. 1% экспертов считают, что профилак-

тическая роль полового воспитания преувеличена. 1 % опрошенных уверены в том, что у молодежи уже достаточно информации о сексуальном поведении.

«Знаете, мне очень сложно говорить потому, что информация поступает очень эмоционально окрашенная, причем с обеих сторон, как со стороны сторонников, а именно, что это позволяет решить проблемы тех же абортот, ... многих венерических заболеваний, СПИДА и всего прочего, так и со стороны противников, прежде всего той же церкви, консервативно настроенных лиц, что это чуть ли не приучение к разврату и так далее. Честно скажу, я сам ни одного учебника по половому воспитанию не держал в руках, я не берусь судить, что там на самом деле написано, но, на мой взгляд, все равно ... преувеличивается представления о том, что, дескать, научим, как, извиняюсь, презервативом пользоваться, да и в миг у нас заболевания исчезнут! Ну не настолько тупая у нас молодежь, чтобы вообще не знать, что это такое (пауза). Двойственное отношение у меня к этому, ну, наверное, пока скорее все-таки отрицательное. Об этом, наверное, надо говорить очень осторожно, по принципу не навредить...»

При оценке возраста, в котором необходимо вводить в школах курс полового воспитания, мнения экспертов распределились следующим образом: 20 % — среднее школьное звено (5–8 классы), 15 % — детские сады, 7 % — начальное школьное звено, 1 % — 17 лет и старше. 14 % экспертов считают, что нужно исследовать, когда половое воспитание становится актуальным, и вводить программы в соответствии с полученными результатами.

Эксперты отмечают, что половым воспитанием должны заниматься психологи (36 %) и психофизиологи (3 %), медики (30 %), педагоги (20 %), сексологи (4 %), специально обученные специалисты (3 %), социальные работники (3 %), специалисты по работе с молодежью (3 %). 7 % респондентов считают, что должен существовать комплексный подход в зависимости от темы занятия. 3 % экспертов уверены, что этим учебным предметом не должны заниматься педагоги.

«Ну, это очень такой сложный вопрос, и его неоднократно обсуждали и в прессе, и в правительстве. Просто... в школах... нет таких специалистов на сегодняшний момент, чтобы можно было очень корректно и грамотно говорить об этом с детьми. Вот у нас есть технология «клиника дружественной молодежи», и у нас в республике вот эту технологию надо распространять, потому что там люди обучены, они работают со школьниками, у них есть специальные программы. И психологи, и гинекологи работают в этом плане. Вот мне кажется, все-таки лучше вот идти этим путем, а не поголовно вводить в шко-

ле [курс полового воспитания] (пауза). Доходило до абсурда, что там чуть ли не первоклассников учат надевать презерватив на стакан или на палку. Ну [я за то], чтобы не было таких абсурдов, т.е. должен быть очень грамотный подход» (О004_009).

40% респондентов считают, что существует необходимость полового воспитания взрослого населения, 17% относятся к этому отрицательно, 4% такую возможность не рассматривают. При этом 8% полагают, что взрослым необходима достоверная информация о сексуальном поведении, 6% — что существует много литературы, информации в Интернете, фильмов, замещающих половое воспитание. 1% отмечают, что это вопрос личного самоопределения взрослых.

Среди форм полового воспитания взрослых эксперты называют: привитие половой культуры и предоставление достоверной информации через специальные брошюры, статьи в СМИ; организация процесса информирования в поликлиниках, на школьных собраниях; обучение родителей способам полового воспитания детей; организация психологической службы.

Оценки *распространенности проституции* в регионе экспертами распределены следующим образом: 46% — средне и достаточно распространена, 17% — высоко распространена, 14% — низко распространена. 19% затруднились оценить уровень распространенности. 1% опрошенных считают, что распространенность проституции уменьшилась, 1% — может увеличиться.

Среди причин предоставления женщинами секс-услуг 16% респондентов выделяют отсутствие работы, 12% — необходимость заработать деньги: «Ну, если девушка образована, здорова, какие-то цели имеет, конечно, она на секс-работу не пойдет. Наверное, за неимением работы, разных других (пауза) асоциальных причин... Девушки, наверное, чтобы заработать, выжить, может, туда идут, на эту работу» (О004_012).

13% респондентов выделяют бездуховность, аморальность, низкий уровень культуры и распущенность. «Отсутствие работы, бездуховность, низкий уровень культуры» (О004_002).

Неудовлетворительны уровень жизни и низкую бытовую устроенность в качестве причины предоставления секс-услуг называют 8% экспертов: «Ну тоже, наверное, проблемы социально-экономической неустроенности. Там, может быть, и родители пьют, да... и неблагополучная семья. Действительно, какая-то там неустроенность — глобальная, масштабная» (НП04_017).

7% опрошенных считают причиной предоставления секс-услуг плохое воспитание, 6% — культурную традицию: «... я бы не хоте-

ла на этом останавливаться. Причин существует очень много, у каждого, наверное, они свои, эти причины, как в плане воспитания, так в плане и доступности женщин. Мужчине, конечно, проще с доступной женщиной, проще общаться, чем с женщиной, за которой надо ухаживать...»; 6% — рекламу красивой жизни проституток. «Ну, опять же реклама вот этих современных предметов роскоши, на которые нужны деньги...».

6% экспертов считают секс-услуги бизнесом, в который завлекает мафия: «...они связаны с соответствующими сексуальными потребностями, которые теневая экономика удовлетворяет...»; 5% респондентов в качестве причины занятий проституцией указывают неблагополучные семьи, в которых воспитывались секс-работницы: «Они, эти девочки, не нищие, эти девочки из трудных семей (пауза). Находясь в социально опасном положении... и родители (пауза). Неблагополучная семья, так скажем»; 4% — наркоманию и алкоголизм, 3% — проблемы самосознания работниц коммерческого секса:

«... предьявление, то есть предоставление, это та же наркотизация, потому что у нас примерно семьдесят процентов проституток наркозависимы. Им нужны деньги, ну и плюс социальная неустроенность. Молодой девушке достаточно сложно найти нормальную, достаточно прилично оплачиваемую работу, и некоторые из них вот так выходят на панель».

В качестве причин *потребления секс-услуг* выделяют следующие:

1) наличие спроса и предложения (доступность секс-услуг) (25%): «Что касается потребления... Все-таки есть достаточно большой гарнизон – тридцать тысяч штыков, т.е. люди, вырванные из нормальной жизни, которые не успевают просто технически нормальные сексуальные отношения развивать, но опять-таки те же моряки ну и плюс, никуда от этого не денешься, наш бизнес-класс... Вот они создают, так сказать, спрос»;

2) снижение морали, безнравственность, низкий уровень культуры и распушенность, бездуховность (14%):

«Наверное, (пауза) моральный кризис, да, деморализация какой-то части населения... девушек выталкивают, наверное, на этот рынок. То есть тут все взаимосвязано с общим состоянием общества, не очень здоровым. Я не думаю, что регион наш как-то это сильно отличается от других регионов»;

3) неудовлетворенность семейными отношениями и их нарушения (12%): «Ну, желание развлечься. Может быть, там кто-то от семейной жизни устал, у кого-то просто времени нет на женщин или на какие-то серьезные отношения»;

4) желание острых ощущений, эмоций, разнообразия, эксперимента (11 %): «...наверное, у некоторых лиц это желание... какого-то адреналина, каких-то новых ощущений» (ИВ04_015);

5) расслабление, отдых от проблем (5 %): «Низкий уровень культуры, извините, наших мужчин, которые готовы решать свои рабочие проблемы не за столом переговоров, а извините, в банях с дамами легкого поведения»;

6) наличие лишних денег (5 %);

7) закомплексованность в межличностных отношениях (5 %), «проще заплатить» (5 %), нежелание и неумение ухаживать: «... мне кажется, что вообще в последнее время (пауза) очень развито стало, что люди разного пола — и мужчины, и женщины — не могут выстроить (пауза) отношения друг с другом, и потому (пауза) проще для некоторых мужчин и для некоторых женщин (пауза) воспользоваться услугами (пауза) секс-работников, а не предпринимать какие-то действия для того, чтобы выстраивать... какие-то отношения... на другом уровне...» (ИВ04_015) (3 %);

8) физиологические потребности: «... заплатил, получил все, что на низшем уровне, на животном уровне [происходит] и поехал дальше...» (3 %);

9) снижение порога восприятия допустимого в сексуальной сфере (2 %);

10) искусственно созданный интерес (2 %);

11) отклонение в социализации (2 %);

12) плохое воспитание (1 %).

«Я думаю, что... многие девушки... начинают занятие секс-работой, т.е. проституцией [потому что] многие из них думают, что это единственный способ зарабатывания средств, достаточно (пауза) быстрый... Для этой работы не нужны какие-то особые способности для девушек. На самом деле мне кажется, что все (пауза) все идет от воспитания... Просто (пауза) если у девушки хорошее воспитание, то такой способ зарабатывания денег будет для нее неприемлемым» (ИВ04_015).

Затруднились определить причины потребления секс-услуг 3 % респондентов.

45 % экспертов высказались за легализацию секс-бизнеса, 38 % относятся к декриминализации секс-индустрии негативно, 15 % определяют свое отношение как двойственное. По мнению 3 % экспертов, секс-бизнес фактически уже легализован. 3 % отметили, что это неизбежно, 3 % — что это неважно. 14 % экспертов подчеркивают, что легализация невозможна именно в России:

«Уход в еще большую тень значительной части структур, которые оказывают сексуальные услуги, с одной стороны. С другой стороны, какая-то часть, какая-то часть сексуальных услуг перейдет, скажем так, на более безопасное оказание услуг, как для людей, которые занимаются этим бизнесом, с точки зрения безопасности, как физической, потому что не секрет, что этот бизнес связан не только с риском передачи каких-то заболеваний, но также и физического насилия, угрозы безопасности жизни в целом, т.е. это продажа людей, так называемый трафик. Возможно, вот эти явления каким-то образом смягчатся [при декриминализации секс-индустрии]».

Экспертами были оценены *последствия легализации секс-бизнеса*. Опрошенные считают, что легализация секс-бизнеса необходима по следующим причинам:

- 1) для правового контроля (15%): «Я думаю, если бы была легализация с очень четкой правовой основой, с легализацией зоны вещей, с медосмотром, с различными там средствами защиты, то это был бы менее опасный и более контролируемый процесс, нежели нелегализованная вещь, но это будет очень трудоемкий процесс легализации. Мне кажется, сейчас мы не очень готовы к этому процессу».
- 2) открытости и прозрачности секс-услуг (4%);
- 3) пополнения казны с помощью налогов (15%);
- 4) снижения рисков (в том числе связанных со здоровьем) в отношении как потребителей секс-услуг, так и тех, кто их предоставляет (14%);
- 5) для дальнейшей цивилизации и культуры общества (10%):

«Абсолютно спокойно к этому отношусь... Я считаю, что если это востребовано, а искоренить ее [проституцию], на мой взгляд, невозможно, что показывает (пауза) исторический экскурс (пауза) и положение в других странах. Проституция — она есть везде, абсолютно. [Легализация] — это ... контроль над здоровьем, и не только проституток, но и клиентов, возможность предотвратить такие заболевания, как ВИЧ и другие инфекции».

9% респондентов считают, что легализация секс-услуг приведет к падению ценностей, вседозволенности и бездуховности. 6% определяют последствия легализации как формирование новой нормы, признание статуса проституции в обществе, что скажется на духовном и физическом здоровье населения. 3% видят последствия в появлении теневых структур, увеличении распространенности секс-услуг, коррупции.

«Нет, конечно. Ну, нет. Полный бред, если мы еще легализуем бизнес, секс-бизнес, это все. Тогда можно похоронить Россию».

Эксперты утверждают, что постоянно сталкиваются с рекламой секс-услуг в объявлениях о найме (6%), рекламе (7%), объявлениях о массаже (6%), непосредственно на улицах (30%):

«Я лично отношусь положительно... к легализации. Почему? Ну потому, что загнать как бы в подполье достаточно легко любое дело, а вот регламентировать, ну, это гораздо сложнее. Вы же прекрасно понимаете, что все равно секс-услуги... достаточно широко распространены. Я сужу по рекламным роликам...»

Таким образом, можно отметить некоторую растерянность экспертов по поводу рискованных форм сексуального поведения, которые практикуются сейчас в России. Респонденты высказывают зачастую противоречивые мнения относительно приемлемых форм сексуального поведения, отдавая предпочтение моногамным отношениям в браке. Вообще для экспертов характерна некоторая идеализация сексуальных отношений, даже в какой-то степени устранение «сексуального элемента» из отношений мужчины и женщины. Необходимость полового воспитания отмечается большинством экспертов, при этом приоритетным является внедрение программ полового воспитания в средней школе при участии специалистов различных профилей (психологов, педагогов, медиков, сексологов и др.). Также упоминается о том, что актуальным является сексуальное просвещение взрослых. Молодежь в целом оценивается как группа риска, практикующая разнообразные, в том числе и рискованные формы сексуального поведения, тогда как старшее поколение представляется ориентированным на семейные отношения.

Рассматривая проблему проституции в регионах, эксперты отметили достаточно большую распространенность данного явления, затрудняясь, однако, однозначно оценить его причины. Чаще всего называют экономическую неустроенность женщин, зарабатывающих коммерческим сексом, тем самым определяя проституцию как экономическую деятельность и подчеркивая ее вынужденный характер. Часть экспертов в качестве причин называют бездуховность, низкую нравственность и аморальность проституток, расценивая коммерческий секс как нарушение морально-этических норм поведения и добровольный выбор женщин. Спрос на коммерческий секс связывается экспертами с доступностью сексуальных услуг, а также с падением нравственности и аморальностью.

Таким образом, большинство экспертов высказались за легализацию сферы секс-бизнеса, в качестве аргументов приводя укрепление правового контроля над данной сферой, снижение рисков (в том числе для здоровья населения), экономическую выгоду для государства.

Негативные последствия легализации проституции связаны с падением морально-этических норм, распространением секс-деятельности и ростом коррупции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Максимова С. Г., Гончарова Н. П., Ноянзина О. Е., Омельченко Д. А., Авдеева Г. С. и др. Наркотизация в приграничном регионе России: вызовы, риски, угрозы : монография / под общ. ред. С. Г. Максимовой. Барнаул, 2009.
2. Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Омельченко Д. А., Гончарова Н. П. К обоснованию модели взаимообусловленности социальных рисков, девиаций и социальной безопасности // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2/1 (78).
3. Максимова С. Г., Гончарова Н. П., Ноянзина О. Е., Омельченко Д. А., Авдеева Г. С. Адаптивные стратегии населения Алтайского края в нестабильных социально-экономических условиях // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2011. № 12 (86).
4. Гончарова Н. П. Риск социальной эксклюзии на региональном рынке труда: методология исследования и результаты апробации // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: экономическая. 2013. № 4 (46).
5. Profeta Barbara, Goncharova Natalia P., Kolyado Igor B., Robertus Yuryj V., McKee Martin. Danger from above? A quantitative study of perceptions of hazards from falling rockets in the Altai region of Siberia // Health, Risk & Society Vol. 12, № 3, June 2010.
6. Морковкин Г. Г., Литвиненко Е. А., Байкалова Т. В., Максимова Н. Б. Использование ГИС-технологий для оценки временной динамики структуры агроландшафтов и свойств почв на примере умеренно-засушливой и колючей степи Алтайского края // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2013. № 5 (103).
7. Максимова С. Г., Гончарова Н. П., Ноянзина О. Е. Особенности восприятия риска в структуре оценки личной и социальной безопасности // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 2/1 (74).
8. Максимова С. Г. Социально-экономические и социально-политические угрозы безопасности в оценках населения приграничных регионов России // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2012. № 12 (98).

9. аксимова С. Г., Ноянзина О. Е., Гончарова Н. П. Социально-экономические критерии выбора стратегии социологического исследования регионов // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2013. № 4 (102).
10. Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Гончарова Н. П., Максимов М. Б. Социальные девиации в рейтинге угроз сохранения безопасности социально-экономического развития региона (на примере социологического исследования населения Алтайского края) // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2013. № 9.

С. Г. Чудова (Барнаул)

ПРОБЛЕМА НАСИЛИЯ НАД ДЕТЬМИ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

Обычным для исследователей семьи отправным посылом для суждений о насилии над детьми является тезис о том, что каждая культура определяет это понятие по-своему, в каждой культуре пределы насилия устанавливаются ее границами и ритуалами. То, что в одной культуре рассматривается как насилие, в другой может быть одним из элементов сложной процедуры социализации, без которой ребенок не может полноценно интегрироваться в общество. И, напротив, то, что в какой-либо из культур рассматривается как легкое наказание, не влекущее за собой долговременных последствий, например, шлепок ниже пояса, в другой культуре может трактоваться как серьезное насилие над ребенком, унижающее его достоинство, его права. Этому послылу противостоит реальность глобальных тенденций, в которые в полной мере вовлечена и Россия. Глобализация подразумевает, помимо всего прочего, универсализацию понятий, относящихся к сфере прав личности, прав взрослого по отношению к ребенку и ребенка по отношению к взрослому. Глобальные тенденции неизбежно ведут к возникновению глобальных институтов, а последние не могут существовать, если в мире не будет достигнуто согласие по поводу ключевых вопросов, относящихся к правам личности.

Противоречивость современной российской культуры приводит к тому, что она становится мультиценностной. В ней соседствуют, конкурируя между собой, разные ценностные системы: система ценностей, ориентирующаяся на Европу, с одной стороны, и система ценностей, ставящая превыше всего традицию — с другой; система

ценностей, побуждающая к гуманизации практик воспитания, и система ценностей, акцентирующая необходимость борьбы с вседозволенностью, распушенностью, пороком. В результате в российском общественном сознании обнаруживается тяготение к «золотой середине», полагающей нормальным все, кроме откровенных крайностей.

В 2011–2012 гг. Центр оперативных и прикладных исследований Российского общества социологов провел комплексное исследование, посвященное состоянию современной российской семьи, семейному насилию и формам противодействия ему со стороны российского гражданского общества. Исследование состояло из двух взаимосвязанных процедур — массового опроса и неформализованных интервью. В исследовании, посвященном насилию и жестокости по отношению к детям, ставились несколько важных проблем. Во-первых, выявлялись практики поощрения и наказания, бытующие в российских семьях, соотношение между насилием как способом приведения ребенка к послушанию и стратегиями, нацеленными прежде всего на сотрудничество с ребенком, коммуникационное взаимодействие, дающее возможность избежать крайних мер. Результаты исследования позволили определить, что в российском обществе некоторые «мягкие» виды насилия по отношению к ребенку рассматриваются как норма, как необходимые способы воздействия на его поведение. Некоторые «мягкие» формы физического воздействия даже не рассматриваются как насилие. Тем более не считаются насилием коммуникационные формы воздействия на ребенка — окрики, ругань, отказ общаться.

Во-вторых, предметом рассмотрения в исследовании стали ценности внутрисемейного поведения, в особенности ценности, определяющие способы контроля за поведением ребенка. Оказалось, что российская культура вполне терпимо относится к насилию в тех его формах, которые не предполагают долговременных эффектов. В то же время угрозы полного разрыва коммуникационного взаимодействия или травмирующие угрозы здоровью, жизни ребенка рассматриваются как совершенно неприемлемые.

В-третьих, в ходе исследования выяснилось, что по традиции в российских семьях в целях контроля над поведением детей широко используется стратегия запретов и ограничений — от постановки в угол до запретов на использование компьютера или просмотр телевизора. Считается, что подобные стратегии могут быть эффективны и служить полноценной заменой некоторым формам физического воздействия.

Один из главных выводов, который позволяет сделать исследование, заключается в том, что российская культура отношений между

детьми и родителями внутренне противоречива. В ней причудливо сочетаются элементы патриархального прошлого, заключенного в попытках родителей утвердить безусловное первенство над ребенком, добиться его безоговорочного послушания, и элементы модерна, ориентированного на индивидуализм, рефлексующее поведение, признание за другим права быть таким, какой он есть и каким хотел бы быть. В российской культуре все более выраженным становится материнское начало, отцовское же все слабее, оно все менее эффективно осуществляет функцию утверждения нормативных порядков. Парадоксальным является результат, согласно которому уже не столько отец, сколько мать реализует практики насилия над ребенком, не столько малообеспеченные слои прибегают к насилию во имя контроля над ребенком, сколько вполне благополучные родители. Влияние школы ослабевает, и на этом фоне родители ищут варианты, при которых они могут сохранить влияние над детьми, ориентировать их на достижение успеха во все более конкурентном мире. Информационная кампания, развернутая Фондом поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, помогала и в дальнейшем будет помогать российским семьям находить варианты решения упомянутых проблем, свободные от насилия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Быкова Е. В. Профилактика насилия в семье // Социальное обслуживание. 2006. № 4.
2. Защита детей от жестокого обращения / под ред. Е. Н. Волковой. СПб., 2007.

А. Д. Каргин (Мурманск)

ПОЗИТИВНЫЕ И НЕГАТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА

Кольский Север является регионом, обладающим важнейшим стратегическим и геополитическим значением. Однако в течение последних десятилетий регион утрачивает некогда весомые преимущества жизни по сравнению с другими регионами и становится все менее привлекательным для жизни. По данным Минрегионразвития РФ, Мурманская область находится на последних местах в рейтинге городов России по сводным показателям социально-экономи-

ческого развития. По социально-экономическому развитию на 69-м месте, в секторе экономики — на 79-м, а по доходам и занятости населения — на 48-м. Все это способствует оттоку населения, причем особую тревогу вызывает отток молодежи, являющейся ресурсом, играющим важную социально-экономическую роль в развитии региона. В связи с этим исследовательский интерес представляет проблема территориальной идентичности молодежи Кольского Заполярья.

Территориальная идентичность — это отождествление индивида с определенной территорией и группой, объединяющейся вокруг этой территории и принимающей определенный набор ценностей. Сила территориальной идентичности определяется преобладанием положительных или отрицательных представлений о местности, привязанностью к территории, миграционными намерениями — желанием оставаться или переехать из своего населенного пункта, из области России в другую местность.

Исследование позитивных и негативных факторов территориальной идентичности молодых людей, проживающих на территории Мурманской области, показывает основные проблемы нашего региона, решение которых необходимо для его развития и процветания.

В январе-феврале 2013 г. коллективом научно-исследовательской лаборатории социологических исследований Мурманского государственного гуманитарного университета было проведено эмпирическое социологическое исследование «Удовлетворенность молодежи Мурманской области условиями социализации и самореализации» с участием автора. В рамках этого исследования нами был произведен анализ территориальной идентичности молодых людей Кольского Севера. В качестве метода сбора эмпирических данных использовался метод электронного анкетирования жителей Мурманской области в возрасте от 14 до 30 лет. Всего опрошено 683 человека. Как показал опрос, для большинства молодых людей жизнь на Севере является в одинаковой мере привлекательной и непривлекательной (30,1%). Скорее привлекательна, чем непривлекательна и очень привлекательна жизнь в данной части света является для 29,8 и 14,7% респондентов соответственно. Причем наибольшее число респондентов, которых привлекает Север, проживает не в столице Заполярья, а в иных поселениях Мурманской области. Скорее непривлекателен Север для 16,3% молодых людей, совсем непривлекателен — лишь для 9,1% молодежи. Индивиды, ответившие таким образом, проживают как в городе Мурманске (11,5%), так и в Мурманской области (7,3%). В целом Север в значительной мере привлекателен для 44,5%, т.е. почти для половины опрошенных молодых людей. Около половины опрошенных

(40,1 %) планируют уехать с Севера в другую область, регион или страну, среди них процент жителей Мурманской области несколько меньше, чем процент жителей города Мурманска (36,7 и 44,6% соответственно). Не планируют переезжать 1/4 часть респондентов — 23,8%. Перемещения внутри Мурманской области собираются произвести 10% опрошенных индивидов. Большинство респондентов, для которых жизнь на Севере «в большей степени непривлекательна», планируют уехать из Мурманской области (67,8%). Также большинство тех, для кого жизнь на Севере «в равной степени привлекательна и непривлекательна», планируют отсюда уехать (45,1%). Среди тех респондентов, для которых жизнь на Севере «в большей степени привлекательна», большинство планируют остаться в области (48,2%).

В ходе исследования респондентов просили указать, в чем они видят привлекательность жизни на Севере и в чем они видят ее непривлекательность. Каждая совокупность идентичных черт привлекательности или непривлекательности жизни на Севере была отнесена к соответствующим факторам.

Наиболее привлекательными чертами жизни на Севере для респондентов являются природные факторы (313 высказываний, 45,9%). Здесь опрошенные отмечали притягательность, своеобразие и удивительную красоту природы Кольского Севера. «Здесь происходят необычные природные явления, не характерные для других областей России», — писали в своих ответах респонденты. — «Здесь очень необычно, живешь как будто «наоборот» — летом ночью светло, зимой днем темно...». Кроме того, респонденты отмечали красоту северных гор, обилие озер и рек, возможность собирать северные ягоды, ловить рыбу, любоваться заливом.

На втором месте в числе привлекательных черт Севера у респондентов — гражданско-патриотические факторы (122 выбора, 17,9%). На втором месте в числе привлекательных черт Севера у респондентов — гражданско-патриотические факторы (122 выбора, 17,9%). Север в данном случае привлекает молодых людей потому, что здесь находится малая родина респондентов, в Мурманской области живут родные, близкие и дорогие им люди, здесь респонденты родились, выросли, здесь находится их дом, живет их семья.

На третьем месте стоят человеческие факторы (94 выборов, 13,8%). В данном случае респонденты отмечают, что на Севере живут добрые, отзывчивые, открытые, порядочные, адекватные, позитивные, душевные, словом, хорошие люди.

Наиболее непривлекательными чертами жизни на Севере для респондентов являются климатические факторы (452 высказывания,

66,3%). Здесь опрошенные говорили о том, что их не устраивают тяжелые климатические условия Севера: холод, морозы, холодное, дождливое и короткое лето, продолжительная зима, недостаток солнца, постоянные перепады давления и температуры, нехватка кислорода.

На втором месте в рейтинге непривлекательных черт стоят социально-экономические факторы (152 выбора, 22,3%). Здесь большинство респондентов указало, что в нашей области «низкий уровень заработной платы» (52 человека) и «высокий уровень цен на многие группы товаров и услуг» (47 человек). Также респонденты говорили о том, что молодежи здесь сложно найти хорошую работу, что здесь ограниченный выбор будущей профессиональной деятельности, что их не устраивает уровень и качество жизни, что здесь нет условий для создания бизнеса.

На третьем месте расположились социально-культурные факторы (140 выборов, 20,5%). Здесь респонденты писали о недостаточном развитии региона, городов, слабой развитости инфраструктуры. Кроме того, респонденты говорили о том, что здесь мало возможностей для самореализации и саморазвития, отмечали, что их не устраивает удаленность от крупных областных центров страны. 13 человек пишут о том, что ведется плохая работа по очистке улиц городов («мусор не убирается, зимой не чистится снег на улицах городов, не посыпается лед»). 12 человек сказали, что на Севере плохие дороги. Еще респонденты говорили о том, что здесь плохо организована жизнь молодежи. Они пишут: «Тут существует мало образовательных учреждений, кружков, секций», «Мало проводится культурных молодежных мероприятий», «Здесь недостаточно хорошо благоустроены зоны отдыха», «Здесь мало возможностей в проведении досуга, культурного отдыха», «Здесь отсутствует развитая структура спортивных учреждений для активного отдыха». 3 человека отметили, что их не устраивает архитектура северных городов. Они пишут: «Здесь дома скучные, однотипные».

В целом, можно сделать вывод, что территориальная идентичность молодых людей в половине случаев носит отрицательный характер, а место жительства респондентов, в частности Мурманская область, на сегодняшний день не является привлекательным для половины опрошенных молодых людей в социокультурном, экономическом, климатическом, социальном, личностном и иных аспектах. Проблемы профессионального обучения и дальнейшего трудоустройства по специальности, достойной оплаты труда, условий для самореализации и развития, проведения досуга являются важнейшими факторами, стимулирующими к оттоку молодого поколения с Севе-

ра. На данные факторы наслаиваются суровые природно-климатические условия Кольского полуострова, делаая жизнь людей на территории Мурманской области еще более непривлекательной. Следовательно, требуется систематическая, целенаправленная работа в ходе социализации молодого поколения не только по формированию положительного образа Мурманской области в сознании молодежи, но и в реальной работе по улучшению его привлекательности в экономической, культурной и социальной сферах.

Е. В. Пустовалова (Барнаул)

ОРГАНИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА В ПРОЦЕССЕ КОНФЛИКТОРАЗРЕШЕНИЯ

Современность — это эпоха революций, массовых политических, экономических, этнических, экологических, антивоенных и других социальных протестов. Произошедший в постсоветской России переход к рыночной экономике, развитие различных видов собственности привели к появлению проблем, ставших причиной социальной дестабилизации и неуверенности в завтрашнем дне для значительной части населения [1].

Процесс конфликто разрешения — это «окончательное преодоление основного противоречия в интересах сторон, устранение конфликта на уровне его причин» [2, с. 278; 3, с. 215]. Значительную роль в разрешении конфликта играет обеспечение коммуникации между сторонами конфликта. Оптимизации коммуникативных отношений способствует правильно организованное коммуникативное пространство.

Коммуникативное пространство — это фактор, возникающий в ситуации коммуникативного намерения. Методологически его определяют как информационную среду, которая обеспечивает возможность коммуникации и включает в себя социальные, личностные, информационные предпосылки и прецеденты [4].

Понятие коммуникативного пространства в значительной степени связано с непосредственным взаимодействием коммуникантов. Оно включает в себя коммуникативную ситуацию, со всем множеством непосредственно наличных, подразумеваемых и домысливаемых компонентов, из которых складывается представление о ней каждого участника коммуникации [5].

Коммуникативное пространство представляет собой как бы готовую «сцену», с декорациями и освещением, на которой разыгрывается переживаемое в данный момент смысловое действо. Образ коммуникативного пространства возникает в представлении коммуникантов из множества взаимодействующих друг с другом воспоминаний. Они пробуждаются в его сознании той ситуацией языковой деятельности, в которой они оказались. Эта деятельность опирается прежде всего на языковой опыт коммуникантов.

Все возможные впечатления, ощущения, оценки проистекают из того, что в коммуникативном опыте отложилось соответствующее совокупное представление. Это представление предлагает участникам коммуникации возможные варианты развития дальнейшего общения, проецирует возможные варианты коммуникации, содержания разговора, тона, в котором будет проходить общение, и т.д.

Представления такого рода оказывают формирующее влияние на весь строй коммуникативного поведения по отношению к данной ситуации, данному партнеру. Они определяют то, каким образом коммуниканты будут интерпретировать сообщения, помещаемые в данное коммуникативное пространство. Они определяют также, как участники коммуникации будут строить свое коммуникативное поведение исходя из своих представлений о коммуникативном пространстве, в котором они в данный момент находятся.

Коммуникативное пространство, таким образом, сложноорганизованный феномен. Его основанием является социокоммуникация. В.П. Конецкая определяет ее как многоуровневое образование. Организация коммуникативного пространства происходит на семиотическом, лингвистическом, паралингвистическом, металингвистическом и синтетическом уровнях [6]. Каждый из этих уровней обладает определенной спецификой, а в целом представляет все многообразие пространства коммуникативных отношений.

Процесс конфликто разрешения может быть организован сторонами конфликта, а также с помощью посредника. В первом случае организация коммуникативного пространства, как правило, происходит стихийно. Участники конфликта сосредоточены на выработке условий, позволяющих достичь консенсуса. Каждая из сторон стремится обеспечить реализацию собственных интересов и рассматривает организацию коммуникации исходя из собственных предпочтений. В этом случае коммуникативное пространство, или один из его уровней, может стать препятствием в достижении согласия между сторонами.

Семиотический уровень предполагает знаково-символическое наполнение коммуникативных отношений. Использование одной

из сторон знака, который может быть неверно истолкован другой стороной, может стать препятствием в переговорах. Лингвистический уровень основан на вербальной коммуникации, и здесь, как правило, обе стороны действуют в одном направлении, обеспечивая возможность взаимопонимания. Паралингвистический уровень представлен невербальными формами коммуникации. В силу того, что основу невербального языка составляют жесты и мимика, основанные на инстинктах и бессознательных реакциях, этот уровень коммуникативного пространства сложно контролировать. Только понимание необходимости контроля может устранить возможность дополнительных разногласий в процессе конфликто разрешения.

Металингвистический уровень чаще всего не является причиной срыва переговорного процесса между участниками конфликта, если они разрешают противоречия, находящиеся в общей профессиональной плоскости. Этот уровень может стать препятствием, если у сторон конфликта различается квалификация или владение профессиональным языком. Синтетический уровень в организации коммуникативного пространства при конфликто разрешении, как правило, не используется так как предполагает применение таких выразительных средств как поэзия, танец и музыка. Однако при определенных условиях, следуя социокультурным особенностям, традициям и обычаям одной из сторон конфликта, может быть применен в конфликто разрешении с привлечением посредника, медиатора.

Медиация — это особый тип переговоров по урегулированию конфликта с участием нейтрального посредника-медиатора. В задачи медиатора входит управление процессом переговоров без вмешательства в его содержание. Стороны сами находят варианты и принимают решение, а медиатор обеспечивает добровольность и равноправие их участия в переговорах, учет интересов каждой из сторон и реалистичность соглашения.

Специфика медиации заключается в широком целенаправленном использовании посредником коммуникативных техник и технологий для повышения взаимопонимания сторон конфликта и создания возможности для принятия ими взаимовыгодных соглашений [7].

Немаловажную роль при подготовке и проведении медиативных переговоров должна играть организация коммуникативного пространства. Это позволяет обеспечить успешность деятельности медиатора. Создание коммуникативного пространства гарантирует медиатору саму возможность общения между конфликтующими сторонами и последующего ответственного прояснения и удовлетворения их основных интересов.

Медиатор способен повлиять на организацию коммуникативного пространства, чтобы переговоры прошли успешно. В силу того, что это пространство опирается на множество прецедентов, отложившихся в языковом опыте коммуникантов, при подготовке переговоров медиатору следует изучить коммуникативный опыт конфликтующих сторон. Это дает возможность организовать общение «на равных» и эффективно управлять переговорами [8].

Для сохранения нужного коммуникативного пространства необходимо учитывать следующее. Понятие коммуникативного пространства складывается из разнообразного круга явлений. Это прежде всего речевой жанр. Задача медиатора заключается в том, чтобы в процессе общения сохранялся жанр переговоров. Это позволит локализовать возможные эмоциональные всплески сторон и сохранить деловой уровень общения.

Коммуникативное пространство также включает в себя «тон» общения, предметное содержание и ту общую интеллектуальную сферу, к которой это содержание принадлежит. Контролируя эти компоненты, медиатор поддерживает деловой тон общения сторон и обеспечивает конструктивность переговоров.

Важную сторону коммуникативного пространства составляет представление о партнере, к которому он обращается, его интересах и намерениях, о характере своих личных и языковых взаимоотношений с ним. Медиатор, сохраняя нейтралитет, с помощью активного слушания и других коммуникативных техник обеспечивает сторонам возможность заявить о своих намерениях, обозначить отношение к проблеме и те свои качества, о которых должен знать оппонент.

Значительную роль в организации коммуникативного пространства играют самосознание и самооценка говорящего, представление о том, какое впечатление он сам и его сообщение должны производить на окружающих [8]. Медиатор, не вмешиваясь в содержание конфликта, отделяя факты от эмоций, помогает эту самооценку сформировать и использовать для достижения цели.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Колесникова О. Н., Артюхина В. А. Безопасность и социальное самочувствие населения: региональный аспект // Вестник Алтайской науки. 2013. № 3.
2. Воронина С. А. Коммуникативный уровень взаимодействия человека и информационного общества // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2013.

3. Семенов В. А., Светлов В. А., Нагайцев В. В. Конфликтология : учебное пособие. Барнаул, 2011.
4. Нагайцев В. В. Проблемы становления социальных институтов конфликторазрешения в российском обществе // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2/2.
5. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
6. Конецкая В. П. Социология коммуникаций. М., 1997.
7. Сатикова С. В. Медиация как форма управляемой коммуникации // Четвертые Ковалевские чтения : материалы научно-практической конференции 12–13 ноября 2009 г. / отв. ред. Ю. В. Асочаков. СПб., 2009.
8. Нагайцев В. В. Социальный капитал участников конфликта // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2012. Вып. 4.
9. Миронова С. В. Страховая культура современной России // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2011.

В. Ю. Панченко (Красноярск)

КОНФЛИКТНОСТЬ И СЛУЧАЙНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРАВОВЫХ СИТУАЦИЙ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ СИТУАЦИОННОГО ПОДХОДА К ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ*

Любое человеческое взаимодействие ситуативно, происходит в той или иной социальной ситуации как совокупности условий и обстоятельств, создающих те или иные отношения, обстановку, положение. Один из основоположников ситуационного подхода К. Ясперс писал, что «ситуация означает не только природно-закономерную, но скорее смысловую действительность, которая выступает не как физическая, не как психическая, а как конкретная действительность, включающая в себя оба эти момента, — действительность, приносящая моему эмпирическому бытию пользу или вред» [1, р. 9].

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 13-33-01246.

Ситуационный подход (и ситуационный анализ) как специфическое средство научного исследования возник в XX в. локально в отдельных науках: экономике, менеджменте, педагогике, психологии, социологии и др. Ситуационные исследования поначалу были тесно связаны с системными представлениями, однако по своему характеру они дополняют системное познание. На рубеже XXI в. ситуационные исследования обретают обобщенный синтетический характер и могут служить в познании общенаучной методологией [2, с. 55].

Ситуационный подход в отличие от системного подхода основан на том, что эффективность управленческих действий зависит от конкретной ситуации. Самым эффективным методом является тот, который более всего соответствует данной ситуации. Представители ситуационного подхода выделяют четыре обязательные процедуры, которые необходимо осуществлять для эффективного управления в любой ситуации: анализ ситуации и требований к организации, которые предъявляет данная ситуация; выбор наиболее эффективных методов управления в данной ситуации; гибкость в управлении и переход к новому стилю управления в соответствии с ситуацией; управление должно изменить организацию для лучшей адаптации к ситуации [3].

Одним из первых в отечественной юридической науке на проблему правовых ситуаций обратил внимание В. Б. Исаков [4, с. 48–49]. Однако ситуационный подход в юридической науке в целом (за исключением криминалистической и уголовно-процессуальной науки, в которой категории ситуационного подхода успешно используются для решения практических задач по расследованию преступлений) находится в стадии становления и ждет серьезной теоретико-прикладной разработки. Научный поиск в этом направлении ведется. В первую очередь следует выделить монографию украинского правоведа А. В. Стовбы «Правовая ситуация как исток бытия права» [5, с. 70], в которой понятие «правовая ситуация» получило серьезное философско-правовое осмысление, по этой проблематике подготовлены диссертации [6; 7], научные статьи. Появилась новая теоретическая конструкция «ситуационное право» как формально выраженный синтез: 1) социального фактического (социального предметного содержания сложной ситуации); 2) субъективного психологического (интеллектуально-эмоционально-волевого освоения ситуации); 3) формального правового (выявление и интерпретация норм объективного права применительно к данной ситуации) [8, с. 70–74].

Н. М. Солодухо, отечественный философ, один из разработчиков ситуационного подхода, справедливо констатирует, что необходимо «преодолеть одностороннее понимание ситуации, которое получило

распространение в ряде научных направлений и сфер деятельности: менеджменте, экономике, психологии, педагогике и др. Здесь с понятием ситуации и производных от него понятий (ситуационный подход и анализ, ситуационность и др.) связываются представления о случайном, единичном, временном, динамичном, неопределенном и т.п. Вместе с тем в различных научных и ненаучных контекстах мы сталкиваемся с представлениями об амбивалентном проявлении ситуаций, которые могут быть случайными и необходимыми, единичными и общими, кратковременными и длительными, динамичными и застойными, неопределенными и определенно-ограниченными и т.д. Все это позволяет говорить о внутренне противоречивом характере ситуации как таковой, поэтому в общем случае не следует абсолютизировать лишь одну грань ситуаций. Соответственно, и ситуационный подход, и ситуационный анализ, и понятие ситуационности следует трактовать с учетом отмеченной противоречивой сущности феномена ситуации» [9, с. 174].

Юриспруденция на сегодняшний момент не удается преодолеть отмеченную односторонность, которая проявляется в рассмотрении правовых ситуаций как изначально аномальных, конфликтных, связанных с принуждением, либо как случайно сложившихся.

С. С. Алексеев под правовой ситуацией понимает сложное жизненное обстоятельство, как правило, конфликт или положение во взаимоотношениях людей, грозящее конфликтом, с внешней стороны — спор, сшибка интересов, соперничество мнений и намерений, требующее права (правового решения) [10, с. 256–259].

И. В. Шипунов, посвятивший диссертационное исследование проблеме юридической ситуации, под последней предлагает понимать «случайно сложившуюся в определенных условиях места и времени единую, целостную, относительно стабильную совокупность обстоятельств, которая подлежит определенному правовому разрешению, носит предположительный характер, характеризуется повторяемостью и *конфликтностью* (курсив наш. — В.П.) [7, с. 7–8].

А. В. Пермяков рассматривает правовую (юридическую) ситуацию как «совокупность подвергшихся правовому воздействию обстоятельств, возникающих *стихийно*, характеризующихся *конфликтно-опасностью*, потенциальной типичностью, императивно требующих разрешения и оказывающих влияние на возникновение, изменение или прекращение правоотношений» (курсив наш. — В.П.) [11, с. 58].

Такое понимание правовой ситуации как общеправового явления (и общетеоретической правовой категории) нуждается в существенных уточнениях.

Признание правовыми лишь ситуаций конфликтных есть проявление отечественной научной традиции абсолютизации одного из типов социального взаимодействия — борьбы (конкуренции, противодействия) и недооценки сотрудничества (кооперации, содействия) в обществе на всех уровнях его рассмотрения. Нетрудно заметить, что трактовка правовой ситуации через такую характеристику как конфликтность, которая «проявляется в столкновении интересов ее участников в ходе «борьбы за право», в постоянном противоречии факта и права, в конкуренции между правовыми предписаниями» [7, с. 12], существенно сужает сферу правового взаимодействия как явления и обедняет его содержание как понятия. Новейшие исследования в области как правообразования, так и правореализации убедительно доказывают неуниверсальность такого подхода [12; 13].

И. В. Шипунов пишет, что «юридическая ситуация всегда случайна с точки зрения реальной действительности и не всегда необходима с позиции права», при этом, правда, уточняет, что «конкретная, данная в определенном месте и времени юридическая ситуация воплощает в себе как начала случайности, так и необходимости» [7]. Представляется, что признание правовых ситуаций случайными вряд ли можно считать продуктивным с точки зрения научного осмысления причин и условий их появления, а также способов, методик и технологий воздействия на них.

Одна из задач ситуационного подхода в юридической науке видится в установлении проявлений необходимости тех или иных возникших правовых ситуаций, поиск причин и условий, которые очень часто не лежат на поверхности, а кроются в самом праве как нормативном массиве, в юридической практике, правосознании и правовой культуре субъектов правового взаимодействия, среди иных правовых факторов. Распознавание «слабых мест» в правотворчестве, правоприменении, правоинтерпретации, которые проявляются в виде конкретных правовых ситуаций, могут и должны служить импульсом к их совершенствованию. Юристы при анализе конкретной правовой ситуации (конкретного дела, обращения клиента и т.д.) в идеале всегда должны задуматься над вопросами о том, не является ли эта спонтанно возникшая ситуация проявлением закономерностей, тенденций позитивного или негативного свойства, каковы степени необходимости и случайности, приведшие именно к тому, а не иному их развитию.

Таким образом, ситуационный подход, разрабатываемый в философской, социологической, экономической науках требует юри-

дического осмысления, поскольку дополняет применяемые к анализу правовой жизни другие методологические подходы (политико-правовой, инструментальный и др.), ориентируя на необходимость формулировать не только универсальные требования к эффективной правовой политике, но и учитывать контекст ситуаций их применения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Jaspers K. Die geistige Situation der Zeit. Leipzig, 1932.
2. Солодухо Н. М., Сабирзянов А. М. Переоценка теории факторов: методология ситуационного подхода // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2007. Т. 149. Кн. 5.
3. Пестова Г. А. Социология управления: учеб. пособие. М., 2011. URL: <http://www.rae.ru/monographs/100-3456> (дата обращения 25.09.2013).
4. Исаков В. Б. Юридические факты в советском праве. М., 1984.
5. Стовба А. В. Правовая ситуация как исток бытия права. Харьков, 2006.
6. Логинов А. Л. Нетипичные ситуации в правоприменительном процессе и их разрешение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994.
7. Шипунов И. В. Юридическая ситуация как общетеоретическая категория : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009.
8. Бакулина Л. Т., Губайдуллин А. Р., Погодин А. В. Реализация права : учеб. пособие. Казань, 2012.
9. Солодухо Н. М. Ситуационность бытия: концептуальные принципы // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. Кн. 1.
10. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001.
11. Пермяков А. В. О сущности понятия «гражданско-правовая ситуация» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2010. № 2.
12. Придворов Н. А., Трофимов В. В. Правообразование и правообразующие факторы в праве : монография. М., 2012.
13. Филиппова С. Ю. Инструментальный подход в науке частного права. М., 2013.

О. В. Лысикова (Саратов)

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ТУРИЗМА: ОТ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК К КОНЦЕПЦИИ МОБИЛЬНОСТЕЙ

Сегодня туризм как феномен глобального масштаба включен во многие сферы научного знания. В понимании туризма как глобальной культурной матрицы с многоуровневыми факторами социального, культурного, экономического, политического порядка особую роль сыграли антропология, география, социология, история, этнография. Широкий спектр социальных и гуманитарных наук определил общий дискурс в исследовании туризма, предложив собственные концептуальные модели и способы интерпретации. Результативность научных исследований в рамках проблемного поля социологической рефлексии туризма на примере локального российского опыта не поспевает за интенсивностью перемен в этой сфере. По крайней мере за последние двадцать лет социальные изменения в практиках российских туристов, их реальные и виртуальные смыслы, символические значения существенно опережают теоретическое осмысление.

В контексте социологической отрасли научных знаний актуальность темы состоит в исследовании социальных условий создания, трансляции и воспроизводства идей, представлений и образцов поведения, реализуемых туристами в своих социальных практиках. В туризме наблюдается плюрализм жизненных стилей, что отражается в эволюционном переходе от дискурса равенства к ценности инаковости. Реализуясь в настоящем, практики туристов сочетают ретроспективные и прогностические функции, что находит реализацию в обращении к культурному наследию, социальной памяти, семейным традициям, с одной стороны, и способствует конструированию индивидуальных жизненных стратегий — с другой.

Современные туристы и местные жители в великом множестве мест, выполняющих функции туристской дестинации, вступают в масштабный социальный порядок в рамках своих локальных практик, тем самым одновременно вписываясь и конструируя культурную матрицу туризма. Его границы размыты, масштабы глобальны, акторы наделены разными, порой противоречивыми характеристиками и потребностями как у отдельно взятого человека, так и внутри сообществ — туристов одного региона, клиентов турфирмы, геоблогеров-медиатуристов.

В последние десятилетия интерес к социальному и культурному феномену туризма со стороны западной и российской академической науки привел к интенсивному развитию обширной области междисциплинарного социального и гуманитарного знания — туристики. Опыт синтеза знаний о туризме как системной науки выдвигает в качестве объекта исследования индустрию туризма, предмета — рекреацию, субъекта — туриста [1]. Глобализация туристической инфраструктуры сопровождается и глобализацией изучения, обучения и исследования сферы туризма. Ведущие университеты ведут подготовку бакалавров и магистров по направлению «Туризм». Согласно данным международного центра исследований и образования в области туризма CIRET, насчитывается 788 академических учреждений по туризму в 107 странах мира [2]. С 1990-х гг. в странах ЕС издаются специализированные академические журналы по социальному и культурным аспектам развития туризма: «Tourism, culture and communication», «TOURISMOS», «Annals of Tourism Research», «International Journal of Tourism Policy», «Journal of Sustainable Tourism», «International Journal of Tourism Research», «Tourism Studies».

Представители университетской и академической науки объединяются в международные профессиональные сообщества. В 1982 г. Европейский центр по управлению исследованиями и документацией в области социальных наук (Венский центр) стал инициатором проведения мультидисциплинарного исследования на тему «Туризм как фактор перемен: социокультурное изучение», в котором приняли участие специалисты из стран ЕС и США. В 1990 г. Международной социологической ассоциацией и Международным географическим союзом была сформирована группа, проводящая исследования на тему «Социология международного туризма». В широкий научный оборот вошли термины «социология путешествий», «социология туризма», «туристика», «турология».

Работа международных форумов сосредоточилась на социокультурной проблематике современного туризма. Одна из сессий XVII Мирового конгресса социологов, состоявшегося в 2010 г. в Гетеборге, носила название «Досуг и туризм: предвестник решения мира и конфликта». Организаторы исходили из посыла, что туризм вносит важный вклад в культурное взаимопонимание посредством наблюдений за жизнью других людей, их достижениями, окружающей средой, что приводит к взаимному уважению. Исследователями были высказаны мнения о том, что большая часть конфликтов является результатом нехватки знания о «другом», а сознательно спланиро-

ванный туризм позволяет людям испытывать влияние на себе других культур, не оставаясь сторонними наблюдателями. Поэтому сегодня как никогда актуальна проблема воздействия туризма на разрешение конфликтов и мирное созидание [3]. В 2010 г. в рамках научного форума в Палермо состоялась Международная научная конференция на тему: «Кому принадлежит туризм? Исследование туризма в теории и на практике». Внимание участников было сфокусировано на широком спектре проблем: современный мир и понятия туризма и туриста; контекстуализация и межличностное взаимодействие; турист как посредник между культурами и носитель родной культуры; турист как чужестранец, мигрант, теоретик, обычный человек, путешественник; практика и знания современного туриста.

Научные дискуссии в рамках состоявшейся в 2010 г. в Лиссабоне (Португалия) Международной научной конференции «Соблазны сходства: туризм и повседневная практика» сконцентрировались на проблемах включенности туристических ситуаций в повседневную практику, создания повседневных пространств через туристскую практику и опыт в урбанистическом контексте. В 2010 г. в Брунике (Италия) прошел международный симпозиум (CBTS 2010) на тему «Потребительское поведение в туризме». Доминирующей в выступлениях стала проблема изменения «лица» туризма посредством анализа новых аспектов и нюансов в социальных практиках, которые выявлены в последних исследованиях потребителей туруслуг [4]. Итак, академическая риторика отражает основные характеристики современного туризма: онтологические, аксиологические, гносеологические, этические. Социологическая теория туризма особое место отводит исследованию проблем мобильностей, коммуникаций, идентичности. Областью пристального исследовательского интереса становится участие туристов в процессах глобализации и культурного обмена; потребления и строительства культурных тождеств; производства и конструирования образов и символов «своей» и «других» культур.

За рубежом был издан целый ряд коллективных монографий по проблематике социологии туризма. Книга «Социология туризма: европейское происхождение и развитие» (2009 г.) под редакцией Г.М.С. Данна и Г.Л. Парринелло представляет результат изучения Международной социологической ассоциацией туризма в контексте социальных наук. Обобщаются работы социологов туризма из Германии, Франции, Италии, Польши, Испании, Греции, освещающих события конца XIX–XX вв. с характерными подъемами и спадами, вызванными политическими событиями, отразившимися на туризме как академической области знания. Так, еще в 1890-е гг. проводи-

лись конференции по туризму с участием г. Зиммеля, критиковавшего «индустриализированное потребление» природы. В работе представлены исследования о научном вкладе К. А. Сен-Симона, Г. Зиммеля, К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма, П. Бурдьё в развитие социологии туризма как особой области знания [5].

Начало работы «Туризм, власть и культура — антропологическая интуиция» (2009 г.) было положено на встрече Ассоциации социальных антропологов Великобритании в 2007 г., посвященной теме «Интеллектуальный сквозной туризм». Авторы специализируются на антропологии и социологии туризма. В первом разделе освещаются проблемы взаимодействия туризма и культуры, второй раздел содержит результаты социологических исследований в рамках локальных модусов интеракций туристов и местных жителей разных стран [6]. Исследователи опираются преимущественно на критическую социальную теорию.

К социологии мобильности обращено внимание Дж. Урри, основателя школы мобильности — исследовательской сети «Космичность», внесшего заметный вклад в академический туристский дискурс. Им предлагаются три варианта соприсутствия в путешествии: face-to-face; face-the-place; face-the-moment, составляющие символический капитал в туризме. Представляются конструктивными его идеи о повышающих социальный капитал практиках соприсутствия и коллективной этике туристов, что достигается посредством виртуальных путешествий (Интернет, телевидение). Дж. Урри рассуждает о равенстве доступа к разным видам мобильности различных социальных групп, резко дифференцированных по социально-демографическим факторам, наличию символического капитала. Анализ того, почему люди путешествуют, должны ли они путешествовать практикуемыми в настоящее время способами, приводит к выводу о сложном комплексе социальных и культурных практик, включающих традиционные и инновационные технологии, что позволяет реконструировать понятия близости и расстояния, приближенности и удаленности, застоя и движения тела. Разнообразие систем мобильностей и форм соприсутствия составляет актуальную проблему социологии XXI в. [7]. Книга Дж. Урри «Мобильности» продолжает авторские размышления, начатые им ранее в работе «Социология за пределами обществ», о новых мобильных правилах для социологической методологии. Он разделяет идеи «мобильного поворота» в качестве нового способа осмысления экономических, социальных, политических отношений: «Периодические прививки «cultural studies», феминизма, географии, исследований миграции, науки, транспорта и ту-

ризма понемногу трансформируют социологию и особенно оживляют ее связи и пересечения с естественными науками, равно как с литературоведением и историей. Мобильный поворот постдисциплинарен, ведет к отмене сложившейся схемы наук и дисциплин» [8, с. 6].

Таким образом, современный туризм развивается в условиях разнообразных мобильностей, структурирующих и управляющих социальными и культурными практиками путешественников. Важным для туристов является не только возможность увидеть, но и принять участие в той или иной социальной практике, лично участвовать в событиях наряду с другими членами туристского сообщества. В рамках социологии мобильности мы находим основания для поступательного развития социологической теории туризма. В работах Дж. Урри научные дефиниции «туризм» и «турист» наполняются метафорическим содержанием и символическими смыслами. Их конструирование служит важным, но не единственным компонентом социологического мышления и воображения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Зорин И.В., Кривошеев В.М. Туризм как наука // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования: труды Международ. науч.-практ. конф. МГУ. М., 2006.
2. Encyclopedia of Worldwide Tourism Research [Electronic resource]. URL: <http://www.ciret-tourism.com/> (дата обращения 01.03.2011).
3. XVII ISA World Congress of Sociology «Sociology on the move» 11–14 July 2010, Gothenburg, Sweden. Session RC01/RC13 [Electronic resource]. URL: http://www.isa-sociology.org/congress2010/rc/joint_sessions.htm (дата обращения 04.08.2010).
4. Consumer Behavior in Tourism Symposium 2010. Bruneck/Brunico, South Tyrol, Italy. December 1–4, 2010. Collection of Abstracts. [Electronic resource]. URL: <http://cbts2010.unibz.it/>
5. The Sociology of Tourism: European Origins and Developments. Ed. by G.M.S. Dann and G. L. Parrinello. Hardback, Emerald Group Publishing, 2009.
6. Tourism, Power and Culture — Anthropological Insights. Ed. by Donald V. L. Macleod and James G. Carrier, Channel View Publications. Bristol, UK, 2009.
7. Urry J. Mobility and Proximity [Electronic resource]. URL: <http://www.google.ru/url?sa=t&source=web&cd=20&ved=0CF8QFjAJAo&url=http%3A%2F%2F> (дата обращения 10.03.2011).
8. Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А. Лазарева. М., 2012.

Н. А. Стерляева (Барнаул)

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИКОВ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Последние десять лет распространение в России наркомании стало одной из самых острых социально-психологических и медико-социальных проблем. Особенно отмечается рост химической зависимости в подростковой среде. Подростковая и юношеская наркомания в настоящее время перерастают в проблему национального бедствия.

Прежде чем рассмотреть факторы, способствующие употреблению психоактивных веществ (ПАВ) в подростковой среде, следует выделить некоторые общие психологические закономерности отклоняющегося поведения вообще и аддитивного поведения в частности.

Основываясь на трудах Е. В. Змановской, можно отметить следующие психологические факторы и механизмы девиантного поведения. Прежде всего духовные проблемы — отсутствие или утрата смысла жизни, несформированные нравственные ценности, редуцированные высшие чувства (совесть, ответственность, честность), внутренняя пустота, блокировка саморегуляции. Также отклоняющееся поведение может быть связано с деформациями в ценностно-мотивационной системе личности (девиантные ценности, ситуативно-эгоцентричная ориентация, фрустрированность потребностей, внутренние конфликты, малопродуктивные механизмы психологической защиты). Причинами отклоняющегося поведения могут стать такие эмоциональные проблемы, как тревога, депрессия, негативные эмоции, трудности понимания и выражения эмоций. А также проблемы саморегуляции — нарушение способности ставить цели и добиваться их выполнения, неадекватная самооценка, чрезмерный или недостаточный самоконтроль, низкая рефлексия, малопродуктивные механизмы совладения со стрессом, низкие адаптивные возможности, дефицит позитивных ресурсов личности. В качестве факторов распространения девиантного поведения могут выступать когнитивные искажения (дисфункциональные мысли, стереотипы мышления, ограниченные знания, мифы, предрассудки, неадекватные установки) и негативный жизненный опыт (отрицательные привычки и навыки, девиантный опыт, ригидные поведенческие стереотипы, психические травмы, опыт насилия) [1, с. 46].

В случае отклоняющегося поведения имеют место обычно несколько из перечисленных психологических проблем. Необходимо

отметить, что психологические трудности в той или иной степени присущи каждому человеку, но в силу определенных причин в одном случае личные проблемы стимулируют человека к позитивной активности (творчеству, служению людям, достижениям), а в другом случае они провоцируют отклоняющееся поведение (преступность, алкоголизм, наркомания).

Важную роль в происхождении аддиктивного поведения играют индивидуальные особенности. Психофизиологические особенности человека являются фактором, определяющим своеобразие аддиктивного поведения. Они могут существенно влиять на выбор объекта зависимости, на темпы ее формирования, степень выраженности и возможность преодоления. Также склонность к зависимому поведению может определяться типологическими особенностями нервной системы. Врожденные свойства индивида — приспособляемость к новым ситуациям, качество настроения, чувствительность, контактность, при неблагоприятных условиях влияют на формирование аддиктивного поведения.

Другим важным индивидуальным фактором, влияющим на поведение личности, может выступать стрессоустойчивость. Аддиктивное поведение может рассматриваться как следствие сниженной способности справляться со стрессом. Такие характеристики, как бездуховность, отсутствие смысла жизни, неспособность принять ответственность за свою жизнь, несомненно, также способствуют формированию зависимого поведения и его сохранению. Таким образом, психологические факторы играют большую роль в развитии аддикций вообще и наркомании в частности.

Существует ряд теорий, так или иначе объясняющих причины и механизмы аддиктивного поведения. Сторонники психодинамической точки зрения считают, что люди, злоупотребляющие ПАВ и зависимые от них, имеют сильные потребности в такой зависимости, следы которых можно обнаружить в раннем детском возрасте. Сторонники этой теории выдвигают предположение о том, что в этом случае, когда родители не удовлетворяют потребности маленького ребенка в заботе и внимании, ребенок, вероятно, вырастает излишне зависимым от других людей, ища у них помощи и утешения и пытаясь получить заботу и внимание, которых ему недоставало в детстве. Если этот поиск внешних источников поддержки включает экспериментирование с ПАВ, человек может выработать зависимость по отношению к таким веществам [2, с. 234].

В соответствии с социокультурной точкой зрения наиболее склонными к злоупотреблению психоактивными препаратами являются те,

кто живет в условиях стресса, или те, в чьем семейном окружении одобряется или допускается употребление таких препаратов. В основе бихевиористской точки зрения лежит предположение о том, что использование психоактивных препаратов сначала подкрепляется тем, что оно снижает напряжение и поднимает настроение. Объяснение данной проблемы с биологических позиций предполагает наличие у людей наследственной предрасположенности к зависимости от психоактивных веществ.

В соответствии с теорией мотивации А. Н. Леонтьева можно предположить, что наркотик для наркомана является внешним «побуждающим объектом» или мотивом. Наркотик как мотив «порождает, развивает, наполняет, конкретизирует, обогащает потребность» наркомана в удовольствии или снятии стресса, стимуляции или самоповреждении и т.д. Таким образом, в мотивационной сфере наркомана мотивы употребления наркотиков превалируют над «здоровыми» мотивами жизнедеятельности и тем самым определяют степень зависимости личности от нарковеществ [3, с. 97].

Первоначальный прием наркотиков в большинстве случаев носит психологически понятный характер. Многие люди хотели бы освободиться от чувства беспокойства, неудовольствия, усталости, душевной пустоты и скуки, которые могут возникнуть у любого субъекта в силу тех или иных жизненных обстоятельств. Одни хотели бы ощутить чувство душевного успокоения и блаженства, другие — поднять свое настроение и работоспособность, третьи — добиться чувства забвения своих забот и лишений [4].

В этой связи одним из главных побудительных мотивов к употреблению наркотиков можно назвать желание повторно получить субъективно приятно переживаемое чувство, которое вызывает введение наркотического средства. Каждый наркоман испытывает осознанное или неосознанное желание, чрезвычайно сильную потребность изменить свое эмоциональное или физическое состояние, самочувствие.

К факторам, способствующим развитию наркомании, можно отнести некоторые характерологические особенности: слабость волевой деятельности, переживание чувства собственной неполноценности, неумение устанавливать межличностные отношения и др. Особенно важную роль эти факторы играют в подростковом возрасте, возрастные психологические особенности которого могут облегчить формирование тенденции к употреблению наркотических веществ. Склонность к подражательству, повышенная внушаемость, подчиняемость групповому поведению, желание испытать на себе из чувства противоречия эффект действия того или иного вещества — те состав-

ные характеристики, которые делают наиболее вероятным развитие наркомании в подростковой возрасте.

Еще одним важным фактором приобщения к наркотикам у подростков являются особенности их личности, характера. Среди личностных особенностей, предрасполагающих к наркомании, можно выделить психопатические, чаще истерические, особенности характера, психический инфантилизм, вегетативную недостаточность, неспособность переносить нагрузки. Искажению формирования личности способствуют различные родовые травмы, частые инфекционные заболевания и черепно-мозговые повреждения в детском возрасте, отклонения или задержки в психическом или физическом развитии. Несмотря на различные причины, приведшие к формированию психоорганических поражений, таких подростков объединяет общность формирующейся патологии в психической деятельности и поведении. Отмечаются расстройства эмоциональных реакций, снижены память и уровень интеллекта, а поведение чаще всего носит расторможенный характер. Незрелость, некритичность обуславливают высокую степень подражательности и внушаемости таких детей, способствуют тому, что они легко поддаются под постороннее, в том числе и отрицательное, влияние и легко вовлекаются в дурные компании.

Наиболее часто среди подростков, употребляющих наркотики, встречаются лица, у которых еще до начала использования ПАВ имели место те или иные психопатические черты характера, акцентуации характера, т.е. заострение отдельных черт личности, наиболее ярко проявляющихся в поведении лишь при особых обстоятельствах. Непостоянство и непоследовательность поведения и эмоций способствуют тому, что в некоторых ситуациях подростки легко поддаются под чужое влияние и некритически оценивают установки неформальных групп, членами которых являются. Потребление наркотиков выступает иллюзорным способом адаптации к сложной микро-социальной обстановке, решения личностных проблем, служит порой средством самоутверждения.

Среди личностных факторов, ставших причиной обращения к наркотикам, выделяют низкую устойчивость к стрессам, снижение приспособляемости к новым сложным ситуациям, плохую переносимость конфликтов, сниженную самооценку. Подростки начинают употреблять наркотики также по причине неразрешенных внутренних конфликтов, постоянно присутствующей неуверенности и депрессии. Многие из подростков-наркоманов склонны к нарциссизму и пассивному поведению, а также к сильному стремлению получить удовольствие. Такие личности не выносят никакого напряжения, не перено-

сят боли, разочарования и ожидания. Они лишены способности получать удовольствие от жизни такой, какая она есть. Употребление наркотиков может быть индивидуально окрашенной попыткой избавиться от невыносимых страданий на фоне неспособности позаботиться о своей жизни наилучшим образом. Такое очевидное личностное нарушение, связанное с наркотиками, как нарушение способности заботиться о себе, проявляется в «наплевательском» отношении к себе, в игнорировании смертельно опасных последствий употребления наркотиков.

Таким образом, проблема социально-психологической и психологической предрасположенности подростка к употреблению наркотических веществ — одна из самых сложных проблем, связанных с подростковой наркоманией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Змановская Е. В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения). М., 2003.
2. Комер Р. Патопсихология поведения. Нарушения и патологии психики. СПб., 2007.
3. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
4. Наркотизация в приграничном регионе России: вызовы, риски, угрозы : монография. Барнаул, 2009.

И. В. Антонович (Барнаул)

НОВЫЕ АРТ-ТЕРАПЕВТИЧЕСКИЕ ТЕХНИКИ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ: ФОТОТЕРАПИЯ

Сегодня в России растет интерес к новым инновационным методам практической психологии, психотерапии, которые связаны с социальной работой, так как профессиональная социальная работа связана с пониманием психологических механизмов и возможных последствий, как положительных так и отрицательных, действий социальных работников, психологов, педагогов и других специалистов.

Арт-терапия возникла на стыке таких наук, как психотерапия, которая занималась диагностикой и лечением больных, психология, которая с помощью рисунка пыталась диагностировать и корригировать нормальное развитие людей, искусствоведения, которое занималось продуктами творческой деятельности людей и пыталось выяснить, что такое искусство. На пересечении этих направле-

ний и возникла арт-терапия. Термин «арт-терапия» (*art* — искусство, *arttherapy* — терапия искусством) возник в Великобритании 1938 г. для обозначения работы с пациентами госпиталей. Основная цель арт-терапии состоит в гармонизации развития личности через развитие способности самовыражения и самопознания.

В настоящее время существует тенденция к интеграции различных точек зрения. Положительный эффект арт-терапии связан с самоисцеляющей силой искусства и с типом взаимодействия между клиентом и специалистом. Арт-терапия подразумевает треугольник творчества: арт-терапевт, клиент, продукт творческой деятельности.

В зависимости от характера творческой деятельности и ее продукта можно выделить следующие виды терапии:

- Рисуночная терапия, основанная на изобразительном искусстве.
- Библиотерапия как литературное сочинение и творческое прочтение литературных произведений. Библиотерапия — метод психотерапии, основанный на педагогических дидактических принципах. Осуществляется с помощью книг. Задача: лечебное воспитание и перевоспитание личности клиента воздействием художественного, эмоционального и психологического мастерства писателя, показывающего пути решения присущих клиенту конфликтных ситуаций. Библиотерапия включает в себя написание писем, стихов, дневников, эссе.
- Музыкалотерапия — психотерапевтический метод, использующий музыку в качестве лечебного средства.
- Ландшафтотерапия включает в себя моделирование природы на открытой местности и в мелких формах. Она может включать в себя различные техники присоединения к природе.
- Сказкотерапия — эта терапия, включающая разыгрывание разнообразных сказочных сюжетов, но может быть бессюжетной.
- Хореотерапия и др. Клиент должен находить новые тенденции своего выражения в танце при помощи собственного тела.

Таким образом, в настоящее время существует множество разновидностей арт-терапии. В практической деятельности они могут использоваться как в сочетании друг с другом, так и отдельно друг от друга. Главное, чтобы они позитивно влияли на клиента, помогли решить его проблемы и привели в норму как физическое, так и психическое здоровье клиента, что способствует нормальной жизнедеятельности.

Более подробно в данной статье рассмотрена фототерапия как относительно новая арт-терапевтическая техника в социальной работе.

На сегодняшний день нам было бы трудно представить свою жизнь без фотографии, сопровождающей человека с момента его рождения. Для большинства людей фотоснимки являются ценными документами, свидетельствами их личной истории. Фотография стала неотъемлемой частью нашей жизни. Каждый личный снимок является одним из типов автопортрета, так называемым зеркалом памяти, которые возвращают моменты и людей, которые были забыты.

По своей природе фотография социальна. Она связана с контактами между людьми и передачей значимых для них чувств и представлений. Фотография помогает найти и объединить круг людей с похожей системой ценностей, мировоззрением, отношением к тем или иным явлениям, помогает представить и развить свой взгляд, благодаря обмену мнениями. В этом случае ее можно рассматривать как своего рода ритуал, обеспечивающий социализацию, включение человека в разные группы людей. Все вместе эти фотографии делают видимым личные истории из жизни людей, становясь визуальной маркировкой мест, где они были. Фактическое значение любой фотографии — не столько в ее визуальных фактах, сколько в том, что эти детали вызывают в уме (и сердце) каждого зрителя. Таким образом, значение фотоснимка зависит от того, кто смотрит, потому что восприятие людей и уникальные события жизни автоматически создают и определяют то, что они видят как реальность. Поэтому реакции людей на фотографии, которые они находят особенными, могут фактически рассказать много о человеке, если правильно задавать вопросы.

Фотография затрагивает наиболее фундаментальные проблемы бытия человека, его глубинные мотивы и страхи, сознание и бессознательное, что позволяет ей быть интересным и творческим инструментом в процессе оздоровления личности.

В своей статье «Сущность и техники фототерапии» Джуди Вайзер, директор Центра фототерапии в Ванкувере (Канада), так объяснила причину обращения к фотографиям в профессиональном и личном общении: «Много лет назад я заметила, что разговоры с людьми об их личных и семейных фотографиях давали намного больше фактической и психологической информации, чем ответы на прямые вопросы. Я также обратила внимание на то, что аналогичная ситуация наблюдается, когда люди смотрят мои фотографии. Для меня как художника интересно узнавать, что люди видят и чувствуют, глядя на образы. Меня всякий раз поражал эффект неосознанности и избирательности восприятия разными людьми одного и того же предмета. Я стала понимать, что невозможно однозначно предсказать, что именно люди могут увидеть в фотографиях, а также то, какие эмоции вызо-

вет у них тот или иной образ. Как психотерапевт я была также заинтригована дополнительной невербальной коммуникацией, происходящей по мере восприятия деталей фотографии. Таким образом, от изначального понимания фотографии как искусства я опытным путем пришла к тому, что фотографии служат катализаторами, освобождающими давно забытые, неосознаваемые переживания и воспоминания. В свою очередь, это привело меня к мысли о том, что обычные личные и семейные фотоснимки и альбомы могут быть мощными инструментами в руках терапевта. Это побудило меня заняться развитием техник фототерапии, созданием комплексной системы для их эффективного использования в психологическом консультировании и психотерапии».

Основным содержанием фототерапии является создание или восприятие клиентом фотографических образов, дополняемое их обсуждением и разными видами творческой деятельности. Это может быть сочинение историй, применение дополнительных изобразительных техник и приемов (рисование, коллажирование, инсталлирование готовых снимков в пространство), изготовление из фотографий фигур и последующая игра с ними, элементы сценического представления и работа с костюмами и гримом, движение и танец, художественные описания и т.д.

Книга Дж. Вейзер «Техники фототерапии: исследование тайн личных фотографий и семейных альбомов» представлены пять вариантов лечебного применения фотографии:

- 1) работа с фотографией как стимульным материалом для исследования проекций клиента;
- 2) создание клиентами фотоавтопортретов;
- 3) работа с фотопортретами, созданными с помощью близких клиенту людей;
- 4) работа с иными фотографическими образами, созданными клиентом;
- 5) работа с семейными альбомами и иными биографическими фотоматериалами.

Вейзер подчеркивает, что для некоторых клиентов фотография может оказаться более доступным средством визуального творчества, чем большинство изобразительных техник и материалов. Привлекательно, в частности, то, что фотография может обеспечить возможность создания «моментальных» снимков, а также то, что, являясь для большинства клиентов частью их повседневного опыта, фотографирование, как правило, не сопряжено с психологическими барьерами. Для некоторых клиентов восприятие и обсуждение их фото-

графий в психотерапевтическом процессе оказывается менее сложным, чем обсуждение рисунков.

Достоинством книги является большое количество примеров, иллюстрирующих практический опыт использования автором различных фототерапевтических техник. Автор, в частности, описывает свою работу со слабослышащими детьми, лицами, больными СПИДом, и представителями иных клинических групп.

Я. Э. Меженин (Барнаул)

РИСКИ ДИСФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН К ОРГАНАМ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье «Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить», опубликованной в 2012 г. в газете «Известия», В. В. Путин пишет, что россияне должны иметь возможность участвовать в широком диалоге с властью о приоритетах развития [1]. В свою очередь Д. А. Медведев на заседании правительства указывает, что «активный диалог с гражданским обществом — это все-таки, может быть, одна из важнейших новаций в нашей работе. Я хотел бы специально акцентировать внимание на том, что это именно диалог, а не монолог руководителей министерств и ведомств, это постоянный контакт и обратная связь, диалог, который подкреплен последующими действиями власти» [2]. Институт обращений граждан к органам власти при должном эффективном функционировании способен решить эти задачи. Однако этот институт является относительно новым образованием и поэтому может иметь ряд дисфункций.

Дисфункциональность имеет место при нарушении нормативно-го взаимодействия с социальной средой. В условиях интенсивного протекания общественных процессов, ускорения темпов социальных перемен может возникнуть ситуация, когда изменившиеся общественные потребности не находят адекватного отражения в структуре и функциях соответствующих социальных институтов. В результате в их деятельности может возникнуть дисфункция. С содержательной точки зрения дисфункция выражается в неясности целей деятельности института, неопределенности функций, в падении его социального престижа и авторитета, вырождении его отдельных функций в «символическую», ритуальную деятельность.

Роберт Мертон указывает на то, что институты и другие части общества могут не только способствовать поддержанию социальной системы, но и вызывать негативные последствия [3, с. 23]. Дисфункции уменьшают адаптацию, или приспособление системы. Институт обращений граждан к органам власти не исключение, и также может содержать нарушение нормативного взаимодействия с социальной средой.

Одним из явных выражений дисфункции социального института является персонализация его деятельности. Социальный институт функционирует по своим, объективно действующим механизмам, где каждый человек на основе норм и образцов поведения и в соответствии со своим статусом играет определенные роли. Персонализация социального института означает, что он перестает действовать в соответствии с объективными потребностями и объективно установленными целями, меняя свои функции в зависимости от интересов отдельных лиц, их персональных качеств и свойств.

Неудовлетворенная общественная потребность может вызвать к жизни стихийное проявление нормативно неурегулированных видов деятельности, стремящихся восполнить дисфункцию института, как правило, за счет нарушения существующих норм и правил. В своих крайних формах активность подобного рода может выражаться в противоправной деятельности.

Рассмотрим подробнее риски дисфункциональности института обращений граждан к органам власти.

Первым дисфункциональным проявлением является подход к обращениям как к челобитным, т.е. понимания обращений граждан как прошений от низшего, не имеющего властных полномочий к высшему — обладающему всей полнотой власти. Такое понимание гражданских обращений влечет за собой одностороннее проявление воли государства, диктатуру, при которой обращение превращается в непопулярный канал взаимодействия власти и граждан. При такой ситуации существует риск невыполнения коммуникативной функции. Власть при этом получает неполную информацию о состоянии общества. Отсутствие объективных данных снижает возможность эффективного управления.

Вторым дисфункциональным проявлением является искажение канала обращений и использование его как канала доносительства. Например, 30-е гг. XX в. жалобы становятся не только способом обратной связи, но и иногда способом доносов. Превращение жалоб в обвинения субъектов социального действия снижает популярность этого способа коммуникации. Кроме того, граждане, которые используют канал обращений с целью усовершенствования социальной ре-

альности, оказываются под давлением общественности и перестают обращаться к властным структурам. Доносы, безусловно, играют негативную роль в формировании эффективного диалога между обществом и государством посредством обращений.

Третья особенность — это закрытость рассмотрения обращений и отсутствие ясно обозначенных норм ответственности чиновников за нарушения в работе с обращениями. Основной риск этой дисфункции заключается в распространении коррупции. Граждане, обращающиеся к власти, не обладают полной информацией о должном делопроизводстве и ответственности должностных лиц за ненадлежащее исполнение своих обязанностей. В такой ситуации чиновники имеют возможности для изобретения новых правил и процедур, стимулирующих мздоимство.

Четвертая особенность — это ситуация необъективной отчетности и искажения статистических данных по обращениям. Как правило, такое несоответствие появляется на низших и средних уровнях бюрократического аппарата. Причина фальсификации кроется, как правило, в жестких требованиях вышестоящего начальства, которые ассоциируют эффективность работы подчиненных со снижением потока обращений граждан. Например, в ситуации, когда канал обращений непопулярен, повышение потока обращений, напротив, свидетельствует об эффективной работе в сфере популяризации этого института.

Пятая особенность — риск снижения гражданских инициатив. Обращения, с одной стороны, являются диалогом гражданина и власти и развивают гражданское общество, с другой — существует риск того, что граждане полностью переложат на плечи государства свою активность и возможность влиять на социальную и индивидуальную жизнь, а это приведет к тоталитаризации политической структуры. Использование обращений лишь как одностороннего канала приучает граждан искать у властей защиты, обращаться к ним за помощью и ждать готового решения, но не вступать в переговоры, влиять, участвовать в формировании самого решения.

Шестая особенность — дисфункция невозможности «выпуска пара». Ситуация, когда обращения не принимаются, или же канал гражданских обращений непопулярен, или же потерял доверие граждан. Эмоциональный выплеск негативных переживаний при этом становится невозможным. Накопление негативных эмоций и невозможность никаким образом влиять на государственные решения может привести к повышению протестных настроений в обществе, а также поиску нелегальных и деструктивных для системы путей решения социальных проблем [4].

Седьмая особенность — риск создания квазигражданского общества. При этом, с одной стороны, граждане проявляют инициативу и активность, с другой — без одобрения органов власти эти инициативы бессмысленны. Другими словами, в обществе отсутствуют механизмы решения гражданских проблем без вмешательства государства. В этой связи институт обращений граждан к органам власти является такой структурой, которая не только ведет диалог с органами власти и влияет на принятие управленческих решений, но и может создать механизмы, развивающие и укрепляющие гражданское общество.

Восьмая особенность заключается в риске несогласованности действий. При этом существует множество групп отстаивания общественных интересов или отдельных индивидов, что ведет к неорганизованной форме коммуникации. Отсутствие механизмов сбора информации, обсуждения стратегии, выработки общих целей и плана действий превратит институт обращений граждан к органам власти из структуры, обеспечивающей диалог, в отдельные неорганизованные образования. Таким образом, без самоорганизации граждан и создания механизмов принятия и выработки общих решений институт обращений граждан к органам власти не будет институтом гражданского общества.

Обращения граждан смогут в полной мере реализовать заложенный в них потенциал гражданского участия только тогда, когда коммуникационная функция выйдет на первый план. Максимального эффекта одиночные обращения могут достичь только тогда, когда они направляются организованным потоком и, кроме того, сочетаются с другими формами гражданского участия. Институт обращений граждан, принадлежащий одновременно и бюрократии, и гражданскому обществу, существующий по правилам и того, и другого, может служить важнейшим коммуникационным каналом и средством легального влияния граждан на власть.

Если институт перестает удовлетворять потребности граждан, то индивиды будут стремиться трансформировать этот институт. Если трансформация не принесет должного эффекта — наладить работу института, то элементы будут искать другие пути выхода, не стремясь сохранить сам институт. Стоит отметить, что чем больше легальных способов трансформации института, тем дольше он сохранит свою целостность и тем менее вероятно, что возникнет дисфункция.

В конечном итоге все вышеперечисленные дисфункции могут подорвать легитимность власти путем потери легальных и эффективных путей решения социальных проблем, что влечет за собой дискредитацию важнейшего социального института — государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Путин В. В. Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить // Известия [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/511884>.
2. Медведев Д. А. Вступительная речь на заседании правительства 29.11.2012 // Правительство Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.government.ru/docs/21659/>.
3. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006.
4. Артюхина В. А. Социальный протест как проявление гражданского общества // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2011.

М. И. Черепанова (Барнаул)

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
О СОЦИАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМАХ
СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ**

Уровень суицидов в разные общественные формации среди населения разных стран во многом обусловлен социальными фактами. Социальные факты, по Дюркгейму, обладают двумя характерными признаками: внешним существованием по отношению к индивидам и принудительной силой по отношению к ним. Общество в его интерпретации выступает как независимая от индивидов, вне- и надындивидуальная реальность. Оно представляет собой более богатую и более значимую реальность, чем индивид, доминирует над ним и создает его, являясь источником всех высших ценностей, или подавляет его, являясь источником опасностей и угроз. Так, в связи с тем, что согласно дюркгеймовскому «социальному реализму» общество является доминирующей, высшей реальностью, важно провести социологизацию не только объясняемых, но также и объясняющих фактов [1, с. 100].

Согласно Э. Дюркгейму, социальные нормы (и, шире, социальные факторы в целом) влияют на индивидуальное поведение не непосредственно, а через определенные механизмы их интериоризации, что обуславливает внешнюю детерминацию, которая осуществляется через ценностные ориентации индивидов. Действенность социальных регуляторов определяется не только их принудительностью, но и желательностью для индивидов.

Рассмотрение феномена суицида как социального действия возможно, на наш взгляд, в контексте теории Э. Гидденса, так как ученый особое внимание уделяет механизму появления нового как в деятельности отдельного человека, так и в обществе в целом. Согласно взглядам Э. Гидденса, ход повседневной жизни — это прежде всего поток преднамеренных действий. Базовая характеристика действия — это интенциональность, она отражает установку социального субъекта на достижение определенной цели, качества, результата. Но любое действие имеет непреднамеренные последствия, которые являются неосознанными условиями последующих действий. Совокупность таких непреднамеренных последствий может вызывать к жизни самые невообразимые, неконтролируемые, неосознанные результаты. К таким последствиям можно отнести различного рода девиации, рискованные социальные практики, в том числе суицид. Задача социолога в данном случае заключается в соединении событий, проистекающих из первоначального обстоятельства, в определении конечного результата, который можно объяснить и в раскрытии механизма воспроизводства любых социальных практик [2].

Трактовка суицида как социального явления, социального действия означает выделение более или менее сложного набора каузальных положений, ответственных за это явление, т.е. важно определить его социальные механизмы. В современной социологии существует ряд парадигм, объясняющих функционирование социальных механизмов общественных явлений. Как полагает Р. Будон, при объяснении социальных фактов в современное время успешно применяются две парадигмы: методологического индивидуализма, а также модель рационального выбора [3, с. 109]. Однако несмотря на то, что модель рационального выбора успешно объясняет многие социальные явления, она не может дать объяснения для многих других, в частности, являющихся парадоксальными. К таким можно отнести и суицидальный феномен. Эти неудачи возникают в результате того, что модель рационального выбора использует утилитарную концепцию рациональности [3, с. 129].

Следовательно, «рациональность не нужно понимать только в утилитарном смысле, как это делает модель рационального выбора. Р. Будон противопоставляет ей «когнитивистскую модель», которая не только способна давать конечные объяснения для социальных механизмов ряда социальных явлений, но также может объяснять «парадоксы», произведенные моделью рационального выбора. Например, согласно данной парадигме можно объяснить такое парадоксальное явление, как снижение уровня самоубийств во время таких сильных социальных катаклизмов, как войны. Как считают ряд авто-

ров, при объяснении механизмов социальных явлений важно сочетать оба постулата: парадигму методологического индивидуализма и рациональности. Кроме того, современные социологи, обосновывая модели рационального выбора, имеют в виду, что человеческие действия следует анализировать как действия, направляемые принципом максимизации разницы между пользой и издержками альтернативных действия, т.е. действия, направленные на выбор максимальной ожидаемой полезности [3, с. 112]. Успешность подобной утилитарной версии рациональности в том, что она удовлетворительно объясняет многие социальные явления. Однако данная теория становится более глубокой благодаря понятию «когнитивные рамки». Именно данным понятием, применительно к объяснению человеческого поведения, объясняют рациональность в парадоксальных, нетипичных социальных ситуациях. Например, согласно данной теории, люди в некоторых обстоятельствах не делают выбора в соответствии с принципом максимизации ожидаемой полезности, что очень актуально при объяснении социальных механизмов суицидального поведения.

В своей работе, также посвященной описанию социальных механизмов, С. Миллс выявляет парадокс «чрезмерной реакции», суть которого сводится к анализу иррациональной модели человеческого поведения [4, с. 168]. В ряде социальных ситуаций возникает нарушение пропорциональности между ущербом и реакцией на определенное событие. В этом случае когнитивные, аксиологические смыслы социального субъекта представляют то главное, что требует объяснения. Итак, кроме инструментальной, рациональность имеет и когнитивную часть. Когнитивная модель социальных механизмов основывается на следующих постулатах: в некоторых обстоятельствах цели какого-либо действия имеют в первую очередь «когнитивные» причины. Например, врач определяет депрессию на основе попытки суицида, так как он убежден, что депрессия является причиной самоубийства. Кроме когнитивных причин, в некоторых других обстоятельствах ядро действия составляют «аксиологические» аспекты. Признавая значимость, когнитивных, аксиологических аспектов при объяснении функционирования социального механизма любого социального явления, в частности суицидального феномена, необходимо учитывать структурные черты социального контекста [5; 6].

Релевантной целям современного исследования феномена суицида является также трактовка социального механизма по М. Веберу. Так, основные признаки-механизмы социального действия, согласно теории этого ученого, — это мотивированность и сознательная ориентированность на социальное окружение. Для социологии суицида, в част-

ности, важно не только поведение людей в его внешних проявлениях, но и содержание тех духовных ценностей, на которые оно ориентировано. Ценностям свойственно устремлять человеческое поведение в том или ином направлении. К ведущим типам социальных действий, в контексте суицидального поведения, по классификации Вебера можно отнести ценностно-рациональные действия, зависящие от ценностных ориентаций личности и предполагающие готовность субъекта пренебрегать успехом; аффективные действия, детерминируемые вспышками эмоций и зачастую оборачивающиеся нарушениями поведенческих стандартов, выходом за рамки моральной и правовой нормативности. Согласно М. Веберу, ролевое поведение обладает значительным регулятивным потенциалом и является одним из важнейших механизмов социального контроля за поведением индивидов [7, с. 118].

Дж. Мид в качестве социальных механизмов ввел понятие индивидуальной перспективы. Ее предпосылкой является социальная свобода, предполагающая, что реальность открывается индивиду как многообразия существующих перед ним социальных перспектив, каждая из которых — это возможность вступать в различные системы взаимодействий, выбирать среди них наиболее предпочтительные. Через эти понятия Дж. Мид по-своему определяет социальность, которая предстает у него как способность личности к одновременному участию в разных перспективах [8].

На наш взгляд, концепция, объясняющая социальные механизмы суицида как социального явления, должна лежать в плоскости пересечения макросоциологических и микросоциологических подходов. Первые утверждают детерминирующую роль социальной реальности, включают такие концепции, как структурный функционализм (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс), теория социальных систем (Н. Луман), структурализм (К. Леви-Стросс, М. Фуко). Социальный механизм суицидов может быть частично объяснен такими теориями, как теория социокультурной динамики (П. Сорокин), а также современной теорией бифуркации. Э. Гидденса, который разделяет идею многофакторности социальных механизмов, т.е. влияния на социальные процессы и явления экономики, культуры, и социальных институтов. Например, в различных эпизодах социально-исторического развития общества эти факторы оказывают разное влияние на формирование суицидальности населения [9; 10].

С другой стороны, важен микросоциологический подход, основывающийся на идеях М. Вебера о том, что социальную реальность необходимо объяснять, постигая внутренний смысл человеческих поступков. Таким образом, в объяснении суицидов важно разрешить существующую дилемму взаимоосуществления «человек — общество».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / пер. с фр. А. Н. Ильинского. СПб., 1998.
2. Гидденс Э. Новые правила социологического метода / пер. с англ. С. П. Баньковской // Теоретическая социология: антология : в 2 ч. М., 2002. Ч. 2.
3. Будон Р. Социальные механизмы без черных ящиков // Социология на пороге 21 века. Новые направления исследования. М., 1998.
4. Баразгова Е. С. Американская социология. Традиции и современность. Екатеринбург, 1997.
5. Максимова С. Г., Старчикова М. В. Методологические подходы к изучению социального механизма формирования адаптивных стратегий лиц старших возрастных групп в рамках становления новой геронтологической реальности // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 2.
6. Наркотизация в приграничном регионе России: вызовы, риски, угрозы : колл. монография. Барнаул, 2009.
7. Вебер А. В. Устойчивое развитие как социальная проблема (глобальный контекст и российская ситуация). М., 1999.
8. Мид Д. Г. Избранное : сб. переводов. М., 2009.
9. Гончарова Н. П. Кризисное состояние общества: содержание и структура понятия // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2/1 (66).
10. Ноянзина О. Е., Гончарова Н. П., Авдеева Г. С. Этнополитический экстремизм как угроза национальной безопасности России // Национальная безопасность. 2012. № 2 (19).

В. Р. Цылев, Е. Н. Шарова (Мурманск)

**ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ МУРМАНСКОЙ
ОБЛАСТИ К ЖИЗНИ НА СЕВЕРЕ
(по результатам онлайн-опроса)**

В условиях перехода к устойчивому инновационному социально-экономическому развитию российского общества перед регионами стоит задача поиска и освоения новых ресурсных возможностей, которые могли бы такое развитие обеспечить. Среди регионов, испытывающих большие сложности в решении поставленных задач, оказались северные территории нашей страны из-за низкой рентабельно-

сти на них экономического производства в условиях рыночной экономики. Как следствие, в северных районах наблюдается отток активного населения, что ведет к снижению в них человеческого потенциала. Так, в Мурманской области с 2009 по 2012 г. общая численность населения сократилась почти на 55 тыс. чел., причем в основном за счет группы молодых людей (16–29 лет). Опережающее сокращение численности молодежи происходит вследствие не только низких показателей рождаемости, но и ее высокой миграционной активности. Статистические данные в течение всего постперестроечного периода демонстрируют, что показатели миграционного оттока во много раз превышают показатели естественной убыли, достигая порой 90 % общей убыли населения [1].

В Стратегии социально-экономического развития Мурманской области до 2020 г. одна из основных задач направлена на обеспечение устойчивости населения, при этом отмечается важность и актуальность привлечения «талантов» и удержания перспективной молодежи. Без опоры на данную социально-демографическую группу построение инновационной экономики в регионе признается практически неразрешимой задачей [2, с. 34]. Также в Стратегии заявлена необходимость создания привлекательных условий для жизни и работы, модернизации городов и развитию «небазовых» (неиндустриальных) секторов экономики, расширяющих спектр возможностей самореализации для молодых поколений [2, с. 41]. Для выяснения того, в какой степени существующие условия социализации в Мурманской области удовлетворяют молодежь региона, в Научно-исследовательской лаборатории социологических исследований Мурманского государственного гуманитарного университета было проведено социологическое исследование, в котором удовлетворенность молодежи условиями социализации и самореализации рассматривалась в качестве комплексного показателя эффективности процесса социализации, отражающего его субъективно-личностное изменение. Объектом исследования являлась молодежь в возрасте от 14 до 30 лет, проживающая в Мурманской области. Объем выборочной совокупности составил 683 человека. В качестве метода сбора эмпирических данных использовался метод онлайн-опроса.

Применение электронного анкетирования для опроса молодых людей, по мнению авторов, является вполне уместным, так как молодежь является той социальной группой, которая в наибольшей степени использует в своей повседневной жизни современные информационные технологии, и этот метод позволяет охватить те группы молодежи, которые трудно охватить с помощью других методов опро-

са. В структуре выборочной совокупности представлены все основные социальные группы молодежи с примерно одинаковым распределением по возрасту при достаточно высоком уровне соответствия структуре генеральной совокупности по территориальному признаку (отличие не превышает 4%).

Для анализа удовлетворенности молодежи условиями социализации и самореализации было выбрано 7 социальных сфер, в наибольшей степени оказывающих влияние на развитие молодежи (культура и искусство, образование, физкультура и спорт, досуг, здравоохранение, занятость и жилищно-коммунальное хозяйство). В каждой из сфер выделено от 2 до 6 составляющих, удовлетворенность услугами которых фактически является индикатором удовлетворенности услугами сферы в целом (всего 26 переменных). При анализе данных были использованы многомерные статистические методы: факторный анализ для снижения размерности переменных (с последующим построением индексов по переменным, вошедшим в фактор) и кластерный — для выделения групп молодежи, различающейся по степени удовлетворенности условиями социализации и самореализации.

В отношении сфер социализации целом молодежь в большей степени устраивают услуги сферы культуры и искусства, образования, физкультуры и спорта (от 3,4 до 3,2 баллов при оценке по 5-балльной шкале), наиболее низкие значения имеет оценка услуг жилищно-коммунальной сферы и сферы занятости (соответственно 2,4 и 2,8 баллов).

По степени удовлетворенности условиями социализации было выделено три группы молодежи, заметно различающиеся по своей средней оценке (соответственно 2,3; 3,2 и 3,7 баллов). Интересно, что относительно низкий и высокий уровни оценки в выделенных группах молодежи относятся ко всем сферам социализации. Можно говорить о том, что у этих групп есть некие (обобщенные, латентные) установки по отношению к условиям социализации и самореализации в целом, которые, в свою очередь, определяют отношение к конкретным сферам.

В структуре получившихся кластеров доминирует группа со средним уровнем удовлетворенности, по численности примерно в полтора раза превышающая группу с относительно низким уровнем удовлетворенности (соответственно 267 и 170 чел.). Примерно каждый третий респондент (34,9%) условия социализации и самореализации оценивает относительно высоко. Следовательно, можно говорить о значительной поляризации групп молодежи по субъективным оценкам восприятия условий жизни.

Рассмотрим, какие факторы влияют на удовлетворенность молодежи условиями социализации и самореализации. Состав выделенных групп молодежи с разным уровнем удовлетворенности статистически различается по возрасту, образованию и месту жительства.

Так, в группе с относительно высоким уровнем удовлетворенности доминирует младшая возрастная группа от 14 до 19 лет (37%), а наименее представлена старшая молодежь в возрасте от 25 до 30 лет (28,4%). Среди наименее удовлетворенных условиями социализации в регионе лидируют молодые люди в возрасте 20–24 лет (40,6%). Именно данная подгруппа молодежи обладает особым социальным статусом, связанным с периодом самоопределения, в связи с чем она предъявляет достаточно высокие требования к условиям своего развития и самореализации. В целом, полученное распределение отражает тот факт, что по мере взросления молодежи (приобретения ею опыта обращения к различным социальным сферам) повышается уровень ее критичности в оценке условий социализации.

Аналогичная картина наблюдается и при анализе групп молодежи с разным уровнем образования: с повышением уровня образования снижается удовлетворенность условиями социализации. Об этом свидетельствуют особенности образовательной структуры выделенных кластеров. В группе молодежи с относительно низким уровнем удовлетворенности условиями социализации и самореализации чуть менее половины опрошенных имеют высшее образование (41,8%). Для сравнения в кластерах со средним и высоким уровнями удовлетворенности наблюдается небольшое снижение данной образовательной группы (соответственно 39,1 и 36,6%). Подобная тенденция характерна и для молодежи, имеющей начальное и среднее профессиональное образование: ее доля снижается от 11,2% в группе с низким уровнем удовлетворенности до 6% в группе с относительно высоким уровнем удовлетворенности. В то же время молодежь без профессионального образования относительно более представлена в группе с высоким уровнем удовлетворенности (34,5% против 23,5% в группе с низким уровнем удовлетворенности). Получается, что молодые люди, закончившие общеобразовательную школу и еще мало знакомые с услугами социальных сфер, более оптимистично оценивают условия социализации. Напротив, старшая группа молодежи, получив образование и опыт обращения за услугами в различные социальные сферы, в своих оценках становится более критичной.

Молодежь областного центра и крупных городов области более позитивно оценивает условия социализации по сравнению с молодыми людьми из ЗАТО (закрытые территориальные объединения — воен-

ные городки) и небольших городов и поселков в муниципальных районах. Так, в Мурманске и крупных городах области от 15,7 до 18,4% молодежи имеют низкий уровень удовлетворенности условиями социализации, а 39,7 до 41,1% — высокий, в то время как 30% молодых людей из небольших городов и поселков не удовлетворены услугами социальных сфер и только 14,3% вполне удовлетворены. Полученные оценки отражают провинциальность большинства территорий Мурманской области, которая связана с отсутствием или недостаточной сформированностью многих сфер и объектов, значимых с точки зрения развития молодежи как социальной группы.

Как показал анализ полученных данных, уровень удовлетворенности молодежи условиями социализации оказывает существенное влияние на ее миграционные настроения. В группе молодежи с относительно высокой оценкой условий социализации 38,0% молодых людей планируют остаться в Мурманске и 32,5% планируют уехать из области (остальные затруднились с выбором), а в группе с низким уровнем удовлетворенности условиями социализации только 24,1% собирается остаться, а свыше половины (57,1%) планируют уехать. Но даже в относительно благополучной группе одна треть желает уехать, что является показателем наличия системных проблем в условиях социализации и самореализации молодежи. Следует отметить, что в целом миграционные настроения широко распространены среди молодежи Мурманской области. Так, точно планирует остаться только одна треть молодых людей (33,4% от всех опрошенных), а намерены уехать из области 39,9% (остальные еще точно не определились).

Проведенное исследование удовлетворенности молодежи условиями социализации и самореализации в Мурманской области позволяет сделать некоторые выводы, представляющие практическую ценность для планирования развития региона. Общая удовлетворенность молодежи всеми сферами социализации и самореализации области находится на уровне несколько выше среднего (3,1 по 5-балльной шкале). Более всего молодежь не устраивают базовые с точки зрения жизнеобеспечения сферы, а именно жилищно-коммунальное хозяйство и занятость. Наиболее высокие оценки молодежь адресует сферам, имеющим отношение к социокультурному комплексу условий, — сферам культуры и искусства, а также образования.

В ходе анализа выяснилось, что с возрастом и, соответственно, с повышением уровня образования молодежь начинает более критично оценивать объективные условия своего существования. Также уровень удовлетворенности молодежи условиями социализации

и самореализации варьируется в зависимости от места жительства: наиболее депривированы в этом плане молодые люди из небольших городов и поселков Мурманской области.

Наличие объективных проблем в условиях социализации и самореализации молодежи региона, нашедшее отражение в субъективных показателях удовлетворенности этими условиями, оказывает непосредственное влияние на эмиграционные установки молодых северян. В целом, среди опрошенных лишь треть точно планирует остаться в регионе, остальные либо уже настроены на выезд из Мурманской области, либо находятся на этапе обдумывания. Сравнение миграционных установок подгрупп молодежи, имеющих различный уровень удовлетворенности, позволило обнаружить прямую связь между недовольством условиями и желанием покинуть территорию. А с учетом выявленной связи удовлетворенности условиями социализации с образованием и возрастом, на отъезд из области в большей степени ориентирована более образованная молодежь и уже испытывавшая трудности самореализации в регионе.

Таким образом, проведенное исследование подтвердило актуальность задачи, поставленной в стратегии развития области и направленной на создание условий для удержания молодежи в регионе, и показало, что пока данная проблема остается во многом нерешенной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Порцель А. К. Современная демографическая ситуация в Мурманской области // Православный вестник. 26.01.2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.murmanspas.ru/index.php?type=special&church=1&p=prayers&id=155>.
2. Стратегия социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года. Мурманск, 2011.

С. Г. Чудова (Барнаул)

ГЕЙТКИПИНГ, ИЛИ ОРГАНИЗАЦИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА

Согласно Федеральному закону «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», под индивидуальной профилактической работой понимается «деятельность по своевременному выявлению несовершеннолетних и семей,

находящихся в социально опасном положении, а также по их социально-педагогической реабилитации и (или) предупреждению совершения ими правонарушений и антиобщественных действий». Таким образом, деятельность различных органов, учреждений и организаций, направленная на поддержку семей и детей групп риска, является индивидуальной профилактической работой по предупреждению безнадзорности, беспризорности и правонарушений несовершеннолетних [1].

Однако на практике специалисты сталкиваются с большим количеством проблем, в частности: многие термины не имеют четких определений (например, «угроза жизни и здоровью», «ненадлежащее исполнение родительских прав и обязанностей»), вследствие чего многие важные для дальнейшей жизни ребенка решения могут приниматься субъективно; не существует однозначных критериев для отнесения ребенка или семьи к той или иной группе риска, а также не существует единого для всех служб и ведомств алгоритма и инструментов оценки ситуации в семье; устройство детей на государственное обеспечение или в замещающую семью не подчиняется строгим правилам и не всегда учитывает их потребности и интересы; профилактические работы, направленные на поддержку семьи, недостаточно скоординированы. Необходим единый алгоритм оказания помощи детям и семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации, который является практическим механизмом реализации индивидуальной профилактической работы, определенной рамками Закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». В данной статье представлены инструменты (формы) для объективной оценки потребностей ребенка в семье и наличия угрозы жизни и здоровью ребенка, которые могут быть использованы для составления комплексного плана социальной, психологической, педагогической, юридической и других форм помощи семье, а также оценки ресурсов.

В настоящее время из-за отсутствия целостной системы социальной защиты неаселения России важным представляется создание институциональной основы как на федеральном, так и региональном уровнях [1; 2]. Гейткипинг — это система принятия решений в интересах ребенка, направляющая социальные услуги на поддержку семьи и предотвращающая попадание ребенка под опеку государства. Прямой перевод термина «гейткипинг» — это «система фильтрации» или «система просеивания». Гейткипинг предполагает определение наилучших доступных мер социальной защиты, основанных на оценке жизненной ситуации и потребностей каждого ребенка.

Гейткипинг — это совокупность четырех взаимосвязанных компонентов:

- учреждение и конкретные лица, ответственные за проведение скоординированной оценки жизненной ситуации ребенка;
- социальные услуги по месту жительства детей и их семей, которые отвечают их потребностям;
- информационная система, позволяющая проводить мониторинг и прогнозировать потребность в создании новых социальных услуг и улучшения существующих;
- территориальный орган, в который входят представители различных ведомств и общественности: социальной защиты населения, здравоохранения, образования, прокуратуры, органов опеки и попечительства и общественных организаций.

Этот орган принимает решения о судьбе ребенка, основываясь на комплексной оценке жизненной ситуации ребенка и четком представлении того, какой тип жизнеустройства наилучшим образом отвечает его интересам. В целом гейткипинг является ключевым механизмом, который используется для достижения лучшего баланса между спросом и предложением и обеспечения более высокой эффективности и адресности услуг [3]. В последнее время аналитики называют гейткипинг ключевым моментом реформы системы защиты ребенка. Цель реализации данной формы, во-первых, сохранение ресурсов, во-вторых, сопоставление ресурсов и потребностей клиента или подбор подходящих услуг, отвечающих интересам ребенка. Гейткипинг гарантирует, что дети, нуждающиеся в поддержке государства, могут получить все необходимые им услуги, а существующие услуги нацелены на тех детей, которые в них нуждаются. Гейткипинг помогает создать систему сбора достоверных данных для планирования и создания необходимых и доступных услуг для детей и семей. Знание о том, в каких услугах нуждаются дети и семьи, является первым шагом к их созданию. Гейткипинг как система принятия решений, которая управляет эффективными услугами и обеспечивает их целевой характер, действует не только в момент направления, но и на всех стадиях процесса социальной помощи. Предпосылки эффективного гейткипинга: наличие организации, отвечающей за координацию оценки ситуации ребенка, набор служб по месту жительства, помогающий детям и их семьям, а также информационная система для мониторинга и рассмотрения результатов и получения обратной связи о функционировании системы в целом [3].

В основе системы лежат следующие принципы: самые важные интересы ребенка; надлежащие меры защиты прав клиентов; справед-

ливые и ясные критерии лиц, имеющих право воспользоваться услугами, для всех групп пользователей; прозрачное принятие решений, механизмы проверки и контроля; эффективное использование ограниченных ресурсов; мониторинг, оценка и рассмотрение процесса принятия решений, основанные на качестве результата для клиента; справедливое и последовательное распределение услуг; индивидуальный план социальной помощи, основанный на регулярном проведении процедуры пересмотра ситуации ребенка и семьи. Гейткипинг в основном сводится к вопросу целевого характера услуг. Можно определить совокупность моделей гейткипинга, которые, с одной стороны, должны гарантировать оказание услуг только тем, кто соответствует строгим критериям, в целях нормирования и эффективного использования скудных ресурсов, и, с другой стороны, таких моделей, фокусом которых являются потребности конкретного ребенка, оценка и приведение услуг в соответствие с индивидуальными потребностями. Несмотря на то, что гейткипинг воспринимается как элемент реформирования системы социальной защиты, возможно развитие системы гейткипинга отдельными исполнителями и системами в целом. Это комплекс мер по принятию решений на основе оценки и процедур; междисциплинарное ведение клиента; прозрачность и коллегиальность процесса принятия решений.

Сложности в реализации гейткипинга: слабая система управления информацией, отсутствие квалифицированных кадров, дублирующая ответственность между ведомствами. Успешное внедрение комплексной оценки потребностей ребенка и семьи в практику социальной работы возможно в условиях эффективного межведомственного и междисциплинарного взаимодействия. Прежде всего это возможно при едином понимании и интерпретации понятий потребности и ценностей ребенка и семьи, соответствующих интересам ребенка.

Традиционная для нашей страны модель оказания социальной помощи подразумевает самостоятельное обращение клиента к различным специалистам, каждый из которых оказывает ему помощь исходя из собственных профессиональных приоритетов. Такая модель не предусматривает активного поиска и привлечения клиентов («аутрич»), мотивирования клиентов на изменение поведения или командной работы специалистов. Иными словами, традиционная модель социальной помощи рассчитана на социально адаптированных клиентов, способных четко сформулировать собственные потребности и самостоятельно обратиться за определенным видом помощи. В этом случае дети часто просто выпадают из традиционной модели социальной защиты, так как часто не могут сами обратиться за по-

мощью [4]. Применение технологии междисциплинарного ведения случая позволяет создавать эффективные механизмы защиты детей, находящихся в социально опасном положении, и помощи их семьям [5]. Основная цель — оптимизация жизнедеятельности клиента путем предоставления ему помощи наиболее эффективным и адекватным способом. Применение технологии ведения случая направлено на преодоление разобщенности в системе социальной защиты и повышение качества помощи, предоставляемой клиенту. В свою очередь, междисциплинарное ведение случая — это комплекс мероприятий, проводимых в тесном взаимодействии единой командой специалистов различных дисциплин, органов, учреждений для достижения общих целей по улучшению качества жизни клиента, защиты его интересов и прав. К работе с конкретным клиентом могут привлекаться государственные и муниципальные органы и учреждения, общественные объединения и другие организации, предоставляющие помощь детям и семьям. Метод междисциплинарного ведения случая представляет собой современный подход к социальной работе. Отличительные черты междисциплинарного ведения случая: 1) приоритет интересов и потребностей клиента над интересами специалиста; 2) активное мотивирование клиента на изменение поведения и формирование запроса на получение помощи; 3) комплексный подход к случаю, когда все проблемы и потребности клиента рассматриваются исходя из его текущего состояния и особенностей социального окружения; 4) координация работы и сотрудничество различных органов, учреждений, организаций и специалистов, т.е. межведомственный подход к ведению случая.

Принципы междисциплинарного ведения случая:

1. Профессионализм и высокая квалификация членов междисциплинарной команды.
2. Приоритет интересов клиента и добровольность получения услуг.
3. Активное участие клиента в междисциплинарном ведении случая и развитие собственного потенциала клиента.
4. Эффективный обмен информацией по ведению случая.
5. Конфиденциальность информации о клиенте.
6. Последовательность и преемственность в соблюдении этапов оказания помощи.
7. Индивидуальная ответственность специалиста за случай.
8. Полноценное использование общественных ресурсов и минимизация затрат.
9. Постоянная оценка качества и эффективности междисциплинарной помощи.

10. Оптимизация распределения нагрузки между членами междисциплинарной команды.

Междисциплинарное ведение случая предполагает постепенное развитие взаимодействия между клиентом и командой специалистов, которое, будучи построенным на основе доверительных отношений и профессиональных знаний, позволяет поэтапно решать проблемы клиента [1]. Любая структура, будь то государственное учреждение или негосударственная некоммерческая организация, обладает ограниченными ресурсами. Специалисты, ведущие случай, ежедневно принимают решения о том, каким образом эти ресурсы будут распределены между клиентами. В принятии решений о распределении ресурсов эти специалисты должны руководствоваться двумя принципами: принципом приоритетности интересов клиента и принципом минимизации затрат.

Метод междисциплинарного ведения случая апробирован и признан действенным и экономически оправданным в работе с наиболее дезадаптированными клиентами. Сложности в реализации гейткипинга: слабая система управления информацией; отсутствие квалифицированных кадров; дублирующая ответственность между ведомствами. Также необходимо отметить, что гейткипингу, так же как системе социальной работы в целом, на современном этапе недостает системы научных доказательств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Колесникова О. Н., Чуканова Т. В. Социальная защищенность населения: особенности построения региональной системы // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2011.
2. Чуканова Т. В. Разработка концепции социальной защиты населения как условие социальной безопасности региона // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2011.
3. Гейткипинг. Механизмы контроля на вход в систему социальной защиты детей: практические аспекты и первые результаты : методическое пособие / под ред. Дж. Роджерса. СПб., 2019. Т. 2.
4. Защита детей от жестокого обращения / под ред. Е. Н. Волковой. СПб., 2007.
5. Быкова Е. В. Профилактика насилия в семье // Социальное обслуживание. 2006. № 4.

Е. Н. Дронова (Барнаул)

СОЦИАЛЬНАЯ ПРОФИЛАКТИКА СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В современной России продолжает оставаться тревожной ситуация в сфере суицидальной смертности несовершеннолетних. В 2012 г. самовольно из жизни ушли 730 детей и подростков, что на 19 человек больше, чем в 2011 г., а число незавершенных суицидов за 2011–2012 гг. составило 5 тысяч 312 фактов (в 2011 г. — 2639; в 2012 г. — 2673) [1; 2]. В этой связи вопросы социальной профилактики подросткового суицида приобретают особую социальную значимость.

Социальная профилактика представляет собой сознательную, целенаправленную, социально организованную деятельность по предотвращению возможных социальных, психолого-педагогических, правовых и других факторов риска и достижению желаемого результата [3–5]. Она нацелена на выявление причин и условий, способствующих возникновению проблемы; уменьшение вероятности или предупреждение возникновения недопустимых отклонений от системы социальных стандартов и норм в деятельности и поведении человека или группы; предотвращение возможных психологических, социокультурных и других коллизий у человека или группы; сохранение, поддержание и защита оптимального уровня и образа жизни людей; содействие человеку или группе в достижении поставленных целей, раскрытие их внутренних потенциалов и творческих способностей; обеспечение нравственного, трудового, правового, духовного воспитания различных категорий граждан, развитие их общественной активности.

Профилактика социальных отклонений имеет различные уровни вертикальной дифференциации: первичная профилактика предусматривает решение крупных социальных проблем жизнедеятельности общества, что находит свое выражение в соответствующих социально-экономических, культурно-духовных преобразованиях; вторичная профилактика предполагает предупредительно-профилактическое воздействие на конкретные социальные группы и слои населения; третичная профилактика непосредственно связана с индивидуально-профилактическим воздействием на конкретных лиц с устранением личностных деформаций и позитивным изменением системы ценностных ориентаций [6].

Социальная профилактика суицидального поведения предполагает систему общих и специальных мероприятий на различных уров-

нях социальной организации: общегосударственном, правовом, общественном, экономическом, медико-санитарном. В работе с развивающейся личностью Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) предлагает выделить следующие уровни профилактической работы: первичную, вторичную и третичную профилактику, которые в суицидологии называют превенцией, интервенцией и поственцией [7]. Превенция — это проявление общей заботы о психической гигиене: поиск стратегий элиминации любых условий, которые могут вызвать кризисные ситуации, угрозу самоубийства. Укрепление психического здоровья подрастающего поколения является основным направлением в общей профилактике формирования суицидального поведения детей и подростков. Вторичная профилактика — интервенция — традиционно направлена на раннее выявление и реабилитацию нервно-психических нарушений и работу с «группой риска», например, подростками, имеющими ярко выраженную склонность к формированию суицидального поведения без проявления такового в настоящее время. Поственция решает такие специальные задачи, как лечение нервно-психических расстройств, сопровождающихся нарушениями поведения, она ориентирована на предупреждение рецидивов у лиц с уже сформированным суицидальным поведением.

Рассматривая временной критерий реализации превентивных мер и их содержание, исследователи выделяют раннюю и позднюю социальную профилактику суицидального поведения [8]. Ранняя профилактика рассматривается как деятельность по созданию условий для успешной социализации, приобщению к социальным нормам, ценностям, культуре, сознательной активной деятельности, а также нейтральной или устранению причин девиаций у подростков, а поздняя профилактика заключается в реализации мер по коррекции и исправлению подростков, поведение которых уже не вписывается в общепринятые стандарты, что обеспечивает реализацию в системе предупредительной, защитной, воспитательной, контрольной и коррекционной функций социальной профилактики. В превентивной работе с несовершеннолетними первостепенное значение приобретает функция воспитания, эффективная реализация которой во многом определяет позитивную направленность социального развития личности ребенка. Воспитание (как в широком, так и в узком смысле), присутствуя практически в любом общественном институте и решая конкретные задачи по формированию социально активного члена общества, также направлено на усвоение личностью общественных ценностей, нравственных требований, норм и принципов, изначально предполагает упреждение отклонений в поведении личности.

В 1996 г. Организация Объединенных Наций выработала политику деятельности по предотвращению самоубийств. Всемирная организация здравоохранения признала важность решения проблемы самоубийств для общественного здоровья и в 1999 г. выступила с глобальной инициативой профилактики самоубийств под названием SUPRE (Предотвращение самоубийств) [7]. В результате практической деятельности по предотвращению самоубийств в мире разработано большое количество программ и методик, которые помогли добиться существенных результатов во многих странах Европы, где даже с низким уровнем самоубийств в настоящее время существуют государственные программы по профилактике суицидов. Программа «Coolness training» в Германии направлена на молодых людей, которые стали изгоями в своей социальной среде, имеют риск вовлечения в правонарушения с применением насилия и риск стать социальными маргиналами. Тренировки ориентированы на улучшение социальной компетенции (например, обучение способам урегулирования конфликтов), содействие деэскалации насилия и поощрение действий по предотвращению насилия другими лицами. Программа «Time Out! Getting Life Back on Track» разработана в Финляндии и является примером оказания всесторонней поддержки, она признана эффективной, целостной и перспективной. Для подростков программа предлагает личного советника, работающего в муниципальных учреждениях социальной и медицинской помощи, вместе с которым обсуждаются планы на будущее и текущая жизненная ситуация, возникшие проблемы с психическим здоровьем, злоупотреблением психоактивных веществ, общим благополучием. Советник поощряет использование других социальных и медицинских услуг, когда это необходимо. Участвующие в программе юноши получают превентивную и оперативную поддержку и помощь по принципу «здесь и сейчас». Программа «The Friends Programme» используется в школах и медицинских учреждениях Австралии, Новой Зеландии, Канады, Великобритании, Ирландии, Германии, Финляндии, Нидерландов, США, Мексики, Норвегии и Португалии, является одной из ведущих школьных программ профилактики тревоги, которая помогает подросткам справиться с чувством страха, беспокойством и депрессией путем повышения устойчивости и самоуважения, обучения когнитивным и эмоциональным навыкам. Мероприятия программы также направлены на улучшение жизненных или социальных навыков детей и подростков, их личных отношений с ближайшим окружением.

В России деятельность суицидологических служб традиционно ориентирована на работу с психически нездоровыми людьми. В си-

стеме здравоохранения оказывается консультативная и лечебно-диагностическая помощь лицам, находящимся в состоянии психологического кризиса в поликлиниках, работает кабинет социально-психологической помощи вне стен психиатрических лечебных учреждений; в кризисных стационарах наблюдаются суициденты, получающие стационарную лечебно-диагностическую, психотерапевтическую и социально-правовую помощь. Организация служб телефона доверия предназначена для профилактической консультативной помощи обращающимся лицам с целью предотвращения у них кризисных состояний.

Вместе с тем в отечественной системе социальной профилактики имеются ресурсы для реализации межведомственных превентивных мер в работе именно с несовершеннолетними, снижающие медицинскую направленность проводимых мероприятий. Правовой основой реализации межведомственного подхода в социальной профилактике, в том числе суицидального поведения несовершеннолетних, отчасти является Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 02.07.2013), закрепляющий компетенции органов и учреждений системы профилактики в работе с личностью и семьей. Так, например, образовательные организации обладают ресурсами для диагностики первичных признаков суицидального поведения несовершеннолетних, для организации сотрудничества с семьей каждого ребенка, поддержки родителей в вопросах воспитания и разрешения конфликтов в детско-родительских отношениях. В рамках первичной профилактики учреждения, занимающиеся проблемами молодежи, способны участвовать в разработке и реализации целевых программ по профилактике суицидального поведения несовершеннолетних, осуществлять организационно-методическое обеспечение и координировать деятельность подшефных клубов и организаций, организовывать отдых, досуг и социально-полезную занятость несовершеннолетних. Учреждения социального обслуживания обеспечивают адресность и доступность комплекса социальных услуг (социально-бытовых, социально-экономических, социально-правовых, социально-медицинских, социально-психологических, социально-педагогических) несовершеннолетним и семьям, находящимся в социально опасном положении, осуществляют их социальную реабилитацию в направлении развития организованного досуга, оздоровления и отдыха.

Невозможность решения проблемы превенции суицидального поведения несовершеннолетних только на ведомственном уровне отмечают и эксперты. Б. Положий, заведующий отделом социальных про-

блем психического здоровья Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского, указывая на то, что «... часто воспитание у детей, совершивших суициды, патологическое, приводящее к развитию нездоровой, деформированной личности» [1], актуализирует вопрос активного участия институтов воспитания в социальной профилактике детских и подростковых суицидов. А. Бастрыкин (Следственный комитет РФ) говорит о значимости в социальной профилактике суицидального поведения интеграции воспитательных и контрольных мероприятий с правотворческой деятельностью: «... во многом сложившаяся ситуация обусловлена отсутствием комплексной системы контроля за поведением ребенка... требует экстренной проработки вопрос о необходимости принятия мер к обеспечению всех общеобразовательных школ специалистами в области возрастной или педагогической психологии... вопрос об установлении уголовной ответственности за незаконное распространение продукции, содержащей информацию, побуждающую детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни или здоровью, в том числе к причинению вреда своему здоровью или самоубийству...» [2].

Таким образом, анализ подходов к социальной профилактике суицидального поведения несовершеннолетних дает основания для определения межведомственного подхода как базового для разработки превентивных мер и их реализации в процессе решения проблемы суицидальной смертности детей и подростков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Суициды — это просто статистика страны [Электронный ресурс] // Лента.ру. 2013. 3 июня. URL: <http://lenta.ru/articles/2013/06/03/suicide>.
2. В Следственном комитете России состоялось совместное заседание общественного совета и консультативного совета по вопросам оказания помощи детям-сиротам [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sledcom.ru/actual/300239/>.
3. Павленок П. Д., Руднева М. Я. Социальная работа с лицами и группами девиантного поведения. М., 2007.
4. Чудова С. Г. Инновационные модели профилактики социального сиротства: опыт Алтайского края // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Барнаул, 2012.
5. Черепанова М. И. Социальные условия и факторы суицидального поведения молодежи // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 1/2.

6. Технологии социальной работы с различными группами населения / под ред. П. Д. Павленка. М., 2009.
7. Предотвращение самоубийств (SUPRE) [Электронный ресурс]. URL: http://www.who.int/mental_health/prevention/suicide/suicideprevent/ru/.
8. Профилактика суицидальных проявлений среди несовершеннолетних / под ред. Н. П. Бадина. Курган, 2011.

А. В. Рыкова (Барнаул)

ИНФОРМАЦИОННАЯ ОТКРЫТОСТЬ КАК ПРИНЦИП УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В настоящее время большое количество времени уделяется вопросу развития некоммерческих организаций (НКО), а именно их сотрудничеству с различными государственными структурами. Также немаловажным вопросом является взаимодействие НКО с населением. Исследуя социально-политическую активность молодежи, можно сделать вывод, что одной из трудностей привлечения молодых людей в данную сферу деятельности является именно информационная доступность НКО. Так, например, в 2004 г. исследовательской группой ЦИРКОН было проведено исследование «Отношение населения к деятельности некоммерческих организаций в России» и выявлено, что только 5 % респондентов сталкивались с деятельностью подобных организаций, в то время как большинство (58%) населения в принципе не знают о таких организациях в своем регионе [1, с. 6]. Следовательно, проблема информирования населения сохраняется на протяжении долгих лет.

Таким образом, цель исследования заключается в изучении информационной открытости современных НКО России. Для достижения поставленной цели выдвигается ряд задач: выявление направлений, видов и услуг, предоставляемых организациями; определение потребителей услуг (клиентов) организаций; выявление трудностей развития НКО; исследование взаимодействия НКО со СМИ; определение результативности современных источников информации; оценка руководителей организаций эффективности работы НКО в области информационной открытости.

В научной литературе существует несколько подходов к определению понятия «информация». Рассмотрим антропоцентрический

подход. И. Г. Семакин, основываясь на точке зрения данного подхода, отмечает, что человек выступает исполнителем информационных процессов. Информационные процессы являются функцией человеческого сознания (мышления, интеллекта). Человек может осуществлять их самостоятельно, а также с помощью созданных им орудий информационной деятельности.

С. А. Бешенков и Е. А. Ракитина дают такую характеристику этой концепции: «антропоцентристы ограничивают сферу информации главным образом социальными системами и определяют информацию как содержание (смысл) сигнала, полученного системой из внешнего мира. Говорить о смысле сигнала, а, следовательно, об информации можно только по отношению к человеку и обществу».

На основе антропоцентрического подхода можно дать следующее определение информации: «Под информацией понимается отображение в человеческом сознании знаний и фактов (сведений, данных), используемых или встречающихся в различных областях человеческой деятельности» [2, с. 22].

Исходя из выделенного определения понятия «информация» можно говорить о том, что те сведения, которые человек получает, он реализует в своей человеческой деятельности, а это, в свою очередь, способствует социально-экономическому развитию общества. Следовательно, информация — это один из необходимых ресурсов социально-экономического развития общества. Его можно сравнить с другими не менее важными ресурсами: трудовым, энергетическим, материальным. Однако можно предположить, что информация как ресурс является базовым для всех остальных.

Рассмотрим данное предположение на конкретном примере. Социальная сфера — это одна из сфер жизни общества. С точки зрения социологии она включает в себя различные социальные общности и связи между ними. Человек, выполняя определенную роль, вписан в различные общности. Он может быть рабочим, городским жителем, добровольцем (волонтером) и т. д. Но выполняя ту или иную роль, человек первоначально использует информацию для приобретения и выполнения данной роли. Например, чтобы вступить в ряды добровольцев, человеку необходимо получить необходимые знания по той или иной деятельности: начиная от проблемы, которая существует в обществе и заканчивая определением действий, которые он может предпринять для решения этой проблемы.

Именно с этой позиции можно рассмотреть деятельность некоммерческих организаций, а именно соблюдение принципа информационной открытости данной управленческой структуры.

Под информационной открытостью НКО понимается стремление организации публиковать информацию о себе с целью проинформировать граждан о своей деятельности, привлечь волонтеров и вступить в коммуникацию с заинтересованными сторонами [3, с. 5]. Отсюда следует, что данный принцип предполагает обязательную публикацию всей необходимой информации об организации с помощью разнообразных источников. В целом принципы деятельности НКО были предложены в 2006 г. в процессе дискуссий, участниками которых выступили общественные организации. Эти дискуссии состоялись в Москве и 20 регионах РФ. Оператором и организатором их проведения выступило Агентство социальной информации (АСИ). В итоге длительных обсуждений был создан «Свод основных принципов деятельности НКО». Данный документ направлен именно на саморегулирование деятельности НКО в России. Это означает, что общественные организации добровольно будут следовать разработанным принципам, т.е. выдвинутые положения не прописаны и не закреплены в законах, а значит, не являются обязательными для исполнения [4, 5].

Именно в этом Своде прописан изучаемый нами принцип деятельности третьего сектора — информационная открытость. Сущность этого принципа, согласно данному документу, заключается в принятии НКО таких мер, чтобы все заинтересованные стороны:

- знали о ее деятельности и имели ее контактную информацию;
- могли получить по запросу краткую актуальную информацию о ее миссии, целях, задачах, структуре расходов и доходов и основной деятельности;
- имели возможность ознакомиться с ее регулярным (годовым) отчетом.

Однако НКО вправе ограничивать доступ к информации, использование которой может иметь негативные последствия, если это не запрещено законом [6].

В результате раскрытия сущности данного принципа можно отметить, что его соблюдение помогает НКО эффективно выполнять задачи своей деятельности и быть понятыми не только для граждан, но для государства и бизнес-сектора.

Для выполнения данного принципа существует большое разнообразие источников, которые предполагают непосредственное донесение необходимой информации до заинтересованных сторон. Однако можно предположить, что наиболее эффективным и популярным источником распространения информации в настоящее время является Интернет.

Таким образом, НКО, которые публикуют информацию о своей деятельности в виртуальном пространстве, снижают распространение слухов, а также становятся более прозрачными и подотчетными для граждан. Что касается иных средств распространения информации (СМИ), то они могут лишь представлять собственную интерпретацию деятельности некоммерческой организации, не всегда совпадающую с позицией первоисточника [7, с. 5]. Однако нельзя с уверенностью утверждать, что Интернет является идеальным способом информирования всего населения, потому что несмотря на развитое современное технологическое общество, все же не все граждане имеют доступ к данному ресурсу.

Теперь рассмотрим понятие информационной открытости НКО с другой стороны, а именно, как одно из важнейших и обязательных требований при участии организации в каком-либо конкурсе, особенно при попытке получения финансовой государственной помощи (гранта). Предоставляемая детальная информация о деятельности организации носит отчетный характер. А это, в свою очередь, способствует достижению «здоровой» и справедливой конкуренции между участниками конкурса. Именно данный аспект отражает социальный механизм взаимодействия государства и НКО.

Что касается третьего механизма взаимодействия по типу «бизнес-сектор НКО», то информационная открытость здесь также является одним из важнейших условий деятельности НКО. Соблюдение данного принципа управленческой деятельности позволяет организациям заинтересовать потенциального спонсора и предоставляет возможность получить от него некую материальную помощь для развития своей деятельности [8].

Таким образом, информационная открытость является важным принципом, соблюдение которого обеспечивает эффективную управленческую деятельность НКО. Что касается механизма взаимодействия НКО и граждан, то в случае низкой информированности населения о деятельности той или иной организации следует винить не только сами организации. Здесь необходимо учесть жизненную активность и позицию самого человека, т.е. его стремление познавать что-то новое и способствовать решению какой-либо проблемы [9]. Но все люди разные: кто-то более активный, кто-то менее. Следовательно, каждый человек имеет право на получение информации, которая может заставить его действовать не только на пользу себе, но и во благо общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Отношение населения к деятельности некоммерческих организаций в России: аналитический отчет по результатам всероссийского опроса общественного мнения. М., 2004 [Электронный ресурс]. URL: https://www.hse.ru/data/2010/04/19/1216827713/naselenie_ob_NKO_ZIRKON.pdf.
2. Фридланд А. Я. Информация: обзор современных представлений о сущности и подходов к определению // Всероссийский конкурсный отбор обзорно-аналитических статей по приоритетному направлению «Информационно-телекоммуникационные системы». М., 2008.
3. Исследование информационной открытости системы распределения государственной поддержки НКО: доклад / Центр антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл — Р». М., 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gosbook.ru/node/71031>.
4. Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Гончарова Н. П., Омельченко Д. А., Авдеева Г. С. Адаптивные стратегии населения Алтайского края в нестабильных социально-экономических условиях // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. Т. 86. 2011. № 12.
5. Пояснительная записка к своду основных принципов деятельности некоммерческих организаций // Индекс/Досье на цензуру. Соучастники. 2009. № 29 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.index.org.ru/journal/29/13-prinzip-nko1.html>.
6. Основные принципы деятельности некоммерческих организаций в РФ // Индекс/Досье на цензуру. Соучастники. 2009. № 29 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.index.org.ru/journal/29/14-prinzip-nko2.html>.
7. Павлов И. Ю. Методика мониторинга сайтов некоммерческих организаций. СПб., 2011.
8. Максимова С. Г., Гончарова Н. П., Ноянзина О. Е. Социально ориентированные некоммерческие организации в Российской Федерации: состояние и перспективы развития / под общ. ред. С. Г. Максимовой. Барнаул, 2013.
9. Гончарова Н. П. Кризисное состояние общества: содержание и структура понятия // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2/1 (66).

Т. А. Мазайлова (Барнаул)

ТРУДНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПАЛЛИАТИВНОЙ ПОМОЩИ В РОССИИ

В России, как и во многих странах, отмечается рост неизлечимых, смертельных заболеваний, которые требуют особого подхода при лечении клиента, а также оказании помощи родным и близким человека в течение всего периода болезни, которая не может быть преодолена.

Неуклонный рост количества онкологических заболеваний, увеличение числа больных с хроническими прогрессирующими заболеваниями, распространение ВИЧ-инфекции привело к появлению большой группы инкурабельных больных, нуждающихся в социально-медицинской помощи. Согласно данным Министерства здравоохранения РФ, в России на 2000 г. было взято на учет 427,5 тыс. больных с впервые в жизни установленным диагнозом злокачественного новообразования, на 2007 г. их количество увеличилось до 455,5 тыс. На 2011 г. их число составило уже 481,6 тыс. чел. Количество больных СПИДом на 2000 г. составляло 78,6 тыс., на 2007 г. их количество составило 267,5 тыс., а к 2011 г. увеличилось почти вдвое, составив 422,3 тыс. чел. [1]. Данные свидетельствуют о стремительном росте заболеваемости, а вместе с этим увеличении количества больных, нуждающихся в паллиативной помощи. В сборнике «Социология в современном мире: наука, образование, творчество» были рассмотрены проблемы социального благополучия населения, одним из факторов который указывает необходимость создания специализированных социальных служб, отвечающих за благополучие жителей региона [2, с. 367].

Паллиативная помощь — подход, реализуемый на разных уровнях медицинской и социальной помощи, целью которого является улучшение качества жизни больных и членов их семей, оказавшихся перед лицом угрожающего жизни заболевания. Эта цель достигается путем предупреждения и облегчения страданий благодаря раннему выявлению, тщательной оценке и купированию боли и других тягостных физических симптомов, а также оказанию психосоциальной и духовной поддержки. Паллиативная помощь носит интегративный характер, характеризуется многоаспектностью и находится в центре взаимодействия медицины, социальной работы и психологии.

Развитие паллиативной помощи стало актуальной проблемой мирового здравоохранения. Международные декларации призывают

все государства мира принять политические, законодательные и другие меры, необходимые для создания согласованной, последовательной национальной политики для развития системы паллиативной помощи, а также содействовать международному сотрудничеству между учреждениями, исследовательскими институтами и другими организациями, принимающими активное участие в развитии паллиативной помощи (Рекомендации Rec (2003) Комитета министров Совета Европы государствам-участникам по организации паллиативной помощи).

Опыт организации учреждений паллиативной помощи показывает, что существует множество факторов, которые необходимо учитывать в процессе ее введения в систему социально-медицинских услуг на уровне государства.

В Российской Федерации паллиативная помощь представляет собой новое направление в медико-социальной работе. Она развивается с учетом специфики российского законодательства, здравоохранения, национальных особенностей населения. Юридически паллиативная помощь была признана видом медицинской помощи в России только в 2011 г. Впервые определение данного понятия дается в принятом 21 ноября 2011 г. Федеральном законе РФ № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». В принятом законе паллиативная медицинская помощь характеризуется как комплекс мероприятий, направленных на избавление от боли и облегчение других тяжелых проявлений заболевания в целях улучшения качества жизни неизлечимо больных граждан [3]. В законе говорится о том, что паллиативная помощь «оказывается медицинскими работниками, прошедшими обучение по оказанию такой помощи» (ст. 36), а также что «паллиативная помощь в медицинских учреждениях оказывается в рамках программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи...» (ст. 80).

Паллиативная помощь — это не просто одно из составляющих звеньев системы здравоохранения. Это философия помощи, которая пригодна для реализации по всем специальностям в медицинских учреждениях, организации психологической поддержки пациента и его семьи. Эта помощь не должна ограничиваться лишь уходом и пассивным наблюдением.

В России даже среди специалистов имеются точки зрения, которые строятся на представлениях, сформированных под влиянием существовавшей в СССР системе ухода за одинокими стариками в учреждениях интернатного типа. А именно, когда за ними осуществлялся только медицинских уход, их кормили и поили, но при этом не было достаточного объема (а порой они отсутствовали вовсе) социальных

и психологических составляющих ухода. Необходимо отметить, что культурный фактор играет немаловажную роль в осознании значимости и ценности паллиативной помощи в России. Исторически в России уход за больными осуществлялся в семье, это была функция детей и родственников. Дети и родственники, которые избегали ухода за своими больными близкими, удостоивались осуждения. При этом четко просматривалась необходимость привлечения специализированной помощи и психологической поддержки для всех сторон, вовлеченных в уход.

С принятием нового закона открываются перспективы для развития паллиативной помощи в стране. Так, 21 декабря 2012 г. был издан приказ Минздравсоцразвития России № 1343 «Об утверждении Порядка оказания паллиативной медицинской помощи взрослому населению», регламентирующий деятельность учреждений, оказывающих паллиативную медицинскую помощь.

Паллиативная медицина — один из инструментов паллиативной помощи, область здравоохранения, призванная улучшить качество жизни пациентов с различными нозологическими формами хронических заболеваний преимущественно в терминальной стадии развития в ситуации, когда возможности лечения ограничены или исчерпаны. Поддержание максимально возможного качества жизни пациента является важным моментом в определении сущности паллиативной медицины, так как она ориентирована на лечение больного, а не его заболевания.

Одним из учреждений, с которыми связана система паллиативной помощи, является хоспис. Однако паллиативная помощь не тождественна хосписной помощи, предназначенной для людей, которым лечение уже не помогает и которым, скорее всего, жить осталось менее шести месяцев. Данный уход всегда обеспечивает и паллиативную помощь, но все же он сконцентрирован на неизлечимо больных пациентах. Другими словами, паллиативная помощь — это прежде всего комплексное лечение болезни, которая сопровождается сильнейшими болями и может привести к смерти биологического тела человека. Это также комплекс мер, направленный на уменьшение этих болей и психологического дискомфорта как самого пациента, так и членов его семьи. В то же время в учреждениях хосписного типа также предоставляется паллиативная помощь, но прогноз уже не такой обнадеживающий.

Хоспис является государственным учреждением, предназначенным для оказания (выполнения) симптоматического (паллиативно-го) лечения инкурабельных онкологических больных, подбора им не-

обходимой обезболивающей терапии, оказания медико-социальной помощи, ухода, психосоциальной реабилитации, психологической поддержки родственников на период болезни и утраты ими близкого [4, с. 10]. Хоспис обеспечивает амбулаторную и стационарную помощь больным, которая в зависимости от потребностей пациента и его семьи может оказываться в виде промежуточных форм — дневного стационара, выездной службы.

Существуют различные уровни паллиативной помощи. На практике должны быть реализованы три уровня: паллиативный подход, общая паллиативная помощь и специализированная паллиативная помощь.

Паллиативный подход — это применение принципов и методик паллиативной помощи в учреждениях, не специализирующихся на оказании паллиативной помощи. Это касается не только методов купирования симптомов, но также принципов общения с пациентом и его родственниками, а также и с медицинскими работниками, принятия решений и постановки целей в соответствии с принципами паллиативной помощи [5]. Паллиативный подход используют врачи общей практики и сотрудники больниц общего профиля, а также учреждений сестринского ухода и домов-интернатов. Общая паллиативная помощь оказывается медицинскими работниками и специалистами, которые занимаются лечением пациентов с угрожающими жизни заболеваниями и имеют хорошие навыки и знания оказания такой помощи.

Проблемы пациентов с угрожающими жизни заболеваниями и их близких могут быть комплексными и требовать для решения совместных усилий членов команды специализированной паллиативной помощи.

В рамках работы данной команды социальные работники выполняют роль представителя больного или семьи, передавая их пожелания на заседании группы и убеждаясь, что каждая семья получает помощь, адаптированную к их потребностям. После смерти пациента деятельность социального работника направлена на оказание психологической помощи членам семьи умершего с последующей корректировкой их личности.

Внедрение системы паллиативной помощи, несомненно, необходимо, но при этом возникает масса вопросов, связанных с поиском специалистов, обучением и созданием программ паллиативной помощи, которые бы качественно регламентировали и объединяли усилия специалистов разного направления. Так, в России пока не существует специальных документов, регламентирующих деятельность социальных работников. В зарубежных странах деятельность социальных ра-

ботников регламентируется стандартами практики социальной работы в учреждениях паллиативной и хосписной помощи, которые разработаны для повышения уровня квалификации социальных работников, их навыков, знаний, методов и особенностей, необходимых для работы с клиентами, семьями, медицинскими работниками и людьми, имеющими непосредственный контакт со смертью, и документом «Белая книга: стандарты и нормы хосписной и паллиативной помощи в Европе» (White Paper on standards and norms for hospice and palliative care in Europe), призванными повысить качество уже существующих и новых программ, а также поддерживать непрерывность оказания помощи в хосписах.

Итак, внедрение паллиативной помощи в России находится в настоящий момент только на стадии становления. Лишь в 2011 г. было законодательно закреплено определение паллиативной медицинской помощи, но при этом до сих пор нет документа и программ обучения для социальных работников, в то время как в психологии существует специальное направления помощи инкурабельным больным — терминальная психотерапия. Все это создает ряд трудностей и вопросов, которые требуют скорейшего разрешения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Заболеваемость населения социально-значимыми болезнями [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/healthcare/#.
2. Чуканова Т. В. Разработка концепции социальной защиты населения как условие социальной безопасности региона // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2011.
3. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: www.rg.ru/2011/11/23/zdorovie-dok.html.
4. Устав Государственного казенного учреждения здравоохранения города Москвы «Хоспис № 1 Департамента здравоохранения города Москвы» [Электронный ресурс] URL: <http://www.hospice.ru/?/nid=14>.
5. Белая книга: стандарты и нормы хосписной и паллиативной помощи в Европе [Электронный ресурс]. URL: pallcare.ru/File/WP_Part_1_2_Translation-RU.pdf.

Н. А. Стерляева (Барнаул)

РОЛЬ СЕМЬИ В ПРОФИЛАКТИКЕ НАРКОЗАВИСИМОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

Среди многообразных факторов, обуславливающих риск приобщения подростков к наркотическим веществам, ведущую роль играют особенности формирования и воспитания молодого человека, его личность, характер взаимоотношений с окружающими. Все эти факторы тесно взаимосвязаны между собой. При наличии отрицательных качеств они значительно повышают риск знакомства с психоактивными веществами.

По утверждению Е. Т. Соколовой, незрелость или разрушение эмоциональных отношений с ближайшим семейным окружением может рассматриваться в качестве механизмов развития личностных аномалий. Незрелость этих отношений лежит в основе психопатического варианта аномалии. Незрелость отношений привязанности между матерью и ребенком в дальнейшем преобразуется в стабильное отвержение ребенком собственного «Я», а это, в свою очередь, приводит к глобальному отвержению мира социальных отношений. Такому человеку недоступно чувство общности и единения с другими людьми. Дефицит позитивных эмоциональных связей в семье затрудняет идентификацию с родителями, а это вынуждает ребенка искать образцы для подражания вне семьи. Поскольку у ребенка отсутствует образ «хорошего», то нередко его друзьями становятся лица с антисоциальным поведением [1, с. 87].

Значительная часть подростков, употребляющих наркотики, воспитывается в неполных семьях, что неизбежно накладывает отпечаток на формирование личности ребенка. Действительно, первые образцы для подражания в ходе выработки норм поведения ребенок находит в своей семье. Но если он растет без отца, ему трудно усвоить такие чисто «мужские» качества, как решительность, твердость, волевая устойчивость. Отсутствие же матери обуславливает дефицит заботливости, чувства любви, ведет к эмоциональной недостаточности и эмоциональному угнетению.

В последнее время наблюдается тенденция к употреблению наркотиков среди подростков из благополучных семей. Некоторые родители слишком заняты или поглощены собственными заботами, чтобы слушать детей и пытаться понять конфликты и проблемы, с которыми те сталкиваются. В результате таким родителям часто не удается оказать подросткам необходимую поддержку и помощь, особен-

но в кризисной ситуации. Другие родители забывают, что подростку мир зачастую кажется иным. Дети часто оказываются в глубоко конфликтной, наполненной агрессией атмосфере. Нарушенная структура семьи представляет собой всеобъемлющий фактор риска, повышающий уязвимость индивида перед лицом разнообразных стрессоров.

Большая часть тех детей, которые воспитываются в полных семьях, тем не менее, существуют в неблагоприятных семейных обстоятельствах, когда в отношениях между родителями отсутствует взаимопонимание. Каждый живет личными интересами, не согласуя их с интересами семьи в целом, не желая ни поступаться своими привычками, ни изменить свое поведение так, чтобы оно не вызывало конфликтов с другими членами семьи. Озабоченность родителей своим социальным положением, напряженность, тревожность, конфликты, часто возникающие между супругами и детьми, создают неблагоприятную обстановку в семье, что не может не отразиться на психологическом благополучии ребенка. Такие взаимоотношения в семье являются важным фактором, повышающим риск приобщения подростка к наркотическим средствам.

Ребенок чаще всего воспитывается в условиях малой опеки со стороны родителей, нередко приближающейся к полной безнадзорности. Его времяпрепровождение никем не регламентируется. Родители не занимаются формированием интересов, наклонностей ребенка, мало интересуются его успехами в школе, не имеют постоянного контакта с классным руководителем. Такие родители, как правило, даже не знают, с кем дружит их ребенок. В семьях, в которых родители не устанавливают четких норм поведения, а дети предоставлены самим себе или дисциплинарная практика чрезмерно сурова и непоследовательна, подростки подвергаются большему риску употребления наркотиков. Зброшенность ребенка, жестокое обращение, авторитарное или небрежное воспитание, а также насилие — под воздействием психологического окружения, и могут столкнуться с трудностями в дальнейшем.

Разлад в семье, конфликты, могут стать инструментом развития расстройства поведения. Семейные разногласия и враждебность становятся первичными факторами, определяющими дисгармоничные отношения родителей и детей. В таких случаях семья воспитывает у ребенка асоциальное поведение, что, в свою очередь, часто ведет к связям с девиантными сверстниками и дальнейшим возможностям в обучении этому поведению.

В уличных компаниях подростки находят для себя «авторитеты». В такой компании и проходит формирование «ценностей», к которым

впоследствии стремится подросток, складывается стиль его поведения в соответствии с царящими в ней нормами, «наживается» опыт, который и определяет последующий образ жизни — бесцельное, пустое времяпрепровождение, выпивки, случайные беспорядочные сексуальные контакты, употребление наркотиков.

Именно в подростковый период происходит формирование характерологических свойств личности, развиваются познавательные способности, формируются потребности и ценностные ориентации личности, мотивация поведения. Однако наряду с этим развиваются и проявляют себя различные положительные и отрицательные привычки, которые впоследствии воспроизводятся в форме подражания, стиля поведения и т.д. Приобретение положительного и отрицательного в развитии личности целиком зависит от семьи, окружающего влияния микрогруппы, коллектива, среды.

Иногда, несмотря на то, что оба родителя достаточно много времени отдают воспитанию своего ребенка, однако теплые, доверительные отношения, основанные на взаимоуважении, так и не складываются. Несогласованность позиций обоих родителей в вопросах воспитания, отсутствие систематического контроля за выполнением своих требований быстро приводят к утрате контакта между родителями и детьми. В результате интересы ребенка постепенно перемещаются из сферы семьи в ту или иную неформальную компанию.

Подростку приходится полагаться прежде всего на свои внутренние ресурсы, сформированные убеждения и социальные умения. Если у подростка сформировано доверие к окружающему миру, самостоятельность, ответственность, коммуникативная культура, система нравственных убеждений, то он, скорее всего, не станет употреблять наркотики.

В некоторых семьях ребенок становится кумиром. Все его желания удовлетворяются по первому требованию. Ребенок растет в атмосфере постоянного восхваления его ума и способностей. Подобный тип семейного воспитания приводит к тому, что у ребенка растет и крепнет желание всегда и везде быть центром всеобщего внимания. Такой эгоцентризм приводит к игнорированию существующих морально-нравственных норм поведения, стремлению без особого труда добиться своего, достичь желанной цели. Дети, воспитанные в таких правилах, как и те, которым недостает внимания и заботы взрослых, с легкостью могут усвоить нормы поведения группы с асоциальной направленностью поведения.

Характерной чертой подросткового возраста является повышенная внушаемость, склонность к группированию и подражательным

действиям и реакции группирования со сверстниками. На фоне выраженной тенденции группирования подростков психоактивные вещества выступают в роли «пропуска» в подростковую субкультуру. При этом подростков объединяет возможность делать в своем кругу то, что не понимают, отвергают или прямо запрещают в семье [2]. Некритичность к своим поступкам при таких реакциях группирования может способствовать формированию вредных привычек, а также привести к знакомству с наркотиками.

В подростковом возрасте часто наблюдаются реакции подражания во всем своему кумиру, включая его взгляды, манеру поведения, привычки, образ жизни, а также реакции оппозиции, связанные с отрицанием принятых в семье и обществе норм поведения и ценностей. Подросток много слышит об эффекте наркотического вещества и стремится испытать его на себе, при этом исходит не из собственной в нем потребности, а из любопытства, подражания, стремления не отстать от приятелей, желания пережить нечто необычное и захватывающее, желания перемены настроения или изменения состояния сознания [3]. Подражание является наиболее частым мотивом начала наркотизации. Можно вести речь о формировании групповой психической зависимости у подростков, когда потребность в приеме наркотического вещества появляется, как только собирается «своя» компания.

Подростковый возраст известен как возраст увеличения протеста против существующих в обществе моральных норм и принципов. Поскольку в обществе взрослых существует однозначно негативное отношение к наркотикам и наркоманам, подростки одной из форм протеста выбирают употребление психоактивных веществ. Кроме того, переоценка ценностей в подростковом возрасте связана с увеличением потребностей в переживании риска как формы эмоционально насыщенного переживания.

Все эти разнообразные проявления, свойственные подростковому возрасту, являются общими как для здоровых подростков, так и для тех, кто в силу каких-либо причин и условий впоследствии приобщается к наркотикам.

Однако если у подростков, живущих в нормальных семьях с хорошими взаимоотношениями между членами семьи, эти реакции носят относительно нерезкий и непродолжительный характер, то у их сверстников из неблагополучных семей такие реакции выражены резко, продолжительны во времени и являются основой формирования различных форм отклоняющегося поведения.

Итак, на приобщение молодого человека к наркотическим веществам оказывают значительное воздействие следующие обстоятель-

ства: структура семьи, характер взаимоотношений в ней, ее педагогическое воздействие на подростка, психофизиологические особенности подросткового возраста, определяющие «особые» реакции во взаимоотношениях с семьей, окружающими, особенности формирующейся личности, характера подростка.

Семья как институт социализации призвана обеспечить адаптацию подростка в сложных внешних условиях и защитить от деструктивных стимулов развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Соколова Е. Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М., 1989.
2. Психологические основы профилактики наркозависимости. СПб., 2004.
3. Шереги Ф. Э., Арефьев А. Л. Наркоситуация в молодежной среде: структура, тенденции, профилактика. М., 2003.
4. Наркотизация в приграничном регионе России: вызовы, риски, угрозы : монография. Барнаул, 2009.

О. А. Гражданкина, С. В. Шапошникова (Барнаул)

ЖИЗНЬ В КРЕДИТ КАК ПРИЧИНА ЗАКРЕДИТОВАННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Кредиты в России для многих стали привычкой. Для кого-то огромной проблемой — люди на краю пропасти, потому что закон о банкротстве физических лиц так и не приняли.

Что стоит за ставкой по кредиту банка? Какую прибыль извлекают банкиры? Когда мы можем взять кредит, а когда мы сами должны остановить себя. Вопрос очень важный! Россияне взяли такое количество денег (кредитов) в долг, что это практически составляет годовой бюджет Российской Федерации. Центральный банк прогнозирует массовый дефолт граждан из-за кризиса перекредитованности населения. Неизвестно, рассчитаются ли россияне. У каждого шестого россиянина от двух до пяти займов. Одна из причин большая доступность в кредитах, рекламы «Бери сейчас, плати потом» распространяются везде.

По данным Национального бюро кредитных историй (НБКИ), объем кредитов населения за последние два года почти удвоился — 8,8 трлн руб. на июль 2013 г. Сейчас в портфелях российских банков,

по данным ЦБ, 426,6 млрд руб. проблемных розничных кредитов (ими считаются ссуды, платежи по которым просрочены на 90 дней и больше). За январь-май их объем вырос на 92 млрд руб. против 50 млрд руб. прироста за весь прошлый год. Всего с невыплаченными кредитами живут 34 млн чел. — это 45 % экономически активного населения страны. Людей, кто еще ни разу не сталкивался с банками, в стране осталось мало. По данным Центробанка, 66 млн россиян хотя бы один раз брали кредит, при этом кредитоспособная часть населения — около 80 млн чел. На 1 июня 2013 г. каждый десятый заемщик в России успел оформить на себя больше пяти кредитов, причем за год доля таких россиян выросла на 52 % (450 тыс. чел.). В некоторых регионах доля экономически активного населения, получившего кредиты, близка к 100 %. Это Челябинская, Свердловская области, Башкирия, Хабаровский край и Кемеровская область.

Соблазн жизни не по средствам настолько силен, что россияне не пугают высокие ставки по кредитам, в то время как европейцы отказываются покупать что-либо в рассрочку с доплатой в 5–6 %, считая их грабительскими. Не брать кредита, превышающего месячную зарплату мужа, или брать только тот кредит, ежемесечная выплата по которому не больше 30 % от основного дохода — такими правилами россияне пренебрегают.

Во всех округах России по состоянию на 1 июля 2013 г. значение индекса кредитного здоровья было ниже, чем в первом квартале 2013 г. и четвертом квартале 2012 г. Наибольшее падение индекса (на 9 пунктов) зафиксировано в Северо-Кавказском федеральном округе, наименьшее (на 4 пункта) — в Приволжском и Уральском. Самое высокое значение индекса наблюдается в Центральном федеральном округе.

Многие люди берут кредит, хотя заранее понимают, что выплатить его не смогут. По социологическому опросу, проводимому Фондом общественного мнения, 41 % россиян готовы будут вернуть все долги, 48 % — это потенциальные должники, которые допускают мысль о том, что с банками они не расплатятся.

Лидирующим кредитным продуктом остаются кредитные карты. В 2012 г. данный сегмент показал прирост в 75 %. В 2013 г. по прогнозам составляет не менее 60–65 %, что в среднем на 10 п. выше, чем у других видов розничного кредитования [1].

Превышение темпов роста сегмента кредитных карт по сравнению с остальными видами кредитования населения подтверждает статистика НБКИ. Однако, по данным НБКИ, тенденция опережающего развития карточного кредитования постепенно сходит

на нет. Если в первом полугодии 2012 г. карточное кредитование развивалось быстрее всех видов займов на 16,4 процентных пунктов, то в 2013 г. — на 6,9 процентных пунктов. При этом стремительный отрыв карточного кредитования в 2012 г. привел к некоторому ухудшению качества кредитного портфеля, и эти последствия мы наблюдаем в 2013 г.

По данным НБКИ, коэффициент просроченной задолженности (рассчитывается как соотношение остатка по займам, выплаты по которым просрочены более чем на 30 дней, к общему объему выданных потребительских кредитов) по кредитам, выданным с помощью кредитных карт, за первое полугодие 2013 г. вырос с 2,2 до 2,8%.

Важнейшие социально значимые законопроекты о взаимодействии финансовых организаций и населения (о регулировании коллекторской деятельности, потребительском кредитовании, банкротстве физических лиц, ростовщическом проценте), которые бы навели порядок на рынке кредитов и защитили семьи от финансовых трагедий в случае тупиковых жизненных ситуаций, так и не приняты. Зато расцветают новые виды «дикого» кредитования.

Банк под довольно высокую процент, в среднем 25–30%, открывает клиенту кредитную линию, ограниченную определенным лимитом. При этом не требуется никаких залогов и поручительств. Держатель пластиковой кредитки в пределах лимита может совершать разнообразные покупки, выплачивая минимальный платеж от общей задолженности. При этом имеет возможность выбирать: либо погашать всю сумму кредита по карте в конце месяца, либо только часть потраченных средств, перенося долг на следующий месяц.

Получается, что, таким образом, в месяц можно выплачивать хоть 5% долга. Но в этом случае к сумме долга вновь прибавляются проценты. 1000 рублей потратили, на 100 рублей оплатили долг. На 900 рублей вам снова начислили проценты. Кроме того, громадные комиссии (до 4%) за снятие наличных в банкоматах с этого вида карт.

«Этот особый вид кредитования, жестко регулируемый во многих странах, несет большие социальные риски, как для банков, так и для населения», — предупреждает аналитик рынка банковских услуг. При отсутствии графика платежей, окончания срока кредита люди на них подсаживаются. «Ты тратишь и ничего не чувствуешь. Но долги нарастают лавинообразно. И в один момент человек оказывается не в состоянии платить. А если лишился работы, заболел, то в отсутствие законодательного регулирования ситуация тупиковая», — замечает эксперт. Хотя для банков сегодня этот вид кредитов и стано-

вится важной статьей доходов (до 60% с карты), а многие даже уже «специализируются» только на этом виде кредитования, угроза лавинообразного нарастания «плохих» долгов для них также реальна, несмотря на высокие перестраховочные процентные ставки. В России этот сегмент развивается наиболее быстрыми темпами.

Росту закредитованности способствовали сами банки, выбрав наиболее легкий путь — давать кредиты тем, у кого есть положительная кредитная история. В результате получается, что у людей, которые никогда кредитов не брали, не имеют долговой нагрузки, меньше шансов получить кредит, чем те, у кого три кредита.

При этом рост просроченной задолженности сопровождается снижением эффективности взыскания долгов, как показал анализ Frank RG. Сейчас банкам удается вернуть 40% платежей, просроченных на 1–2 месяца, и 20% — просроченных свыше 2 месяцев (в начале 2011 г. возвращалось 60 и 40% соответственно) [2].

Дело не в том, что банковские службы взыскания стали работать хуже, а в том, что у должников нет доходов, чтобы возвращать такие объемы кредитов. Ближайшие полтора года банки посвятят борьбе за собираемость долгов: «Придется что-то изобретать, чтобы среди многочисленных кредиторов оказаться первым в очереди на возврат денег с дефолтвившего заемщика».

Таким образом, банки будут активно продолжать выдавать деньги до тех пор, пока закредитованность населения не приведет к такому высокому уровню невозвратов, когда вся эта деятельность станет убыточной. Но на практике коммерческие структуры готовы рисковать и дальше, штампуя новые предложения для покрытия потерь по другим программам.

В некоторых регионах уже наблюдается настоящая кабала, когда население просто не в состоянии выплачивать нужные суммы. В данных условиях проявляется неумение россиян планировать хотя бы свои ближайшие финансовые перспективы. Но разъяснительная и образовательная работа среди россиян практически не проводится, они вынуждены учиться на собственных ошибках, попадаясь в ловушки и попадая в зависимость.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кредитные карты [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nbki.ru/company/news/?id=1816> (дата обращения 13.10.2013)
2. Биянова Н., Воронова Т. Кредитный риск россиян // Ведомости. 2013. № 134 (3396).

В. Р. Цылев (Мурманск)

ПРАКТИКИ ВЫЖИВАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ОТДАЛЕННЫХ ПОСЕЛКОВ СЕВЕРА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ (на примере села Краснощелье Мурманской области)

В условиях происходящих в стране модернизационных процессов Европейский Север России оказался в числе тех регионов, которые испытывают серьезные трудности в своем развитии. Это связано с тем, что, несмотря на наличие богатых природных ресурсов, северные производства для своего существования требуют постоянных дополнительных капиталовложений. Жизнь на Севере более дорогая, чем в более южных регионах, и поэтому продукции, произведенной на северных территориях, сложно конкурировать с товарами, выпущенными в экономически более благоприятных условиях [1, с. 229]. В советское время развитие северных территорий было в числе приоритетных стратегических планов государства, и для их реализации осуществлялась значительная финансовая поддержка. Возвращенный в таких льготных условиях Север оказался во многом не готов к самодостаточной эффективной жизни в условиях рыночной экономики [2, с. 55]. Относительно низкая рентабельность жизни на Севере приводит к свертыванию производств, демилитаризации, и как следствие, к снижению численности населения. Конкуренцию выдерживают только те производства, которые связаны с использованием (разработкой) уникальных природных ресурсов (добыча редких полезных ископаемых, вылов семги и т.п.).

Возникает противоречие между высоким потенциалом Севера в отношении богатых природных ресурсов и невозможностью эффективной реализации этого потенциала на рыночных основаниях в условиях фактического отсутствия федеральной поддержки. Проблема усугубляется тем, что наблюдаемое кризисное развитие Севера приводит к упадку инфраструктуры, созданной с большим трудом в советское время. Очевидно, что недостаток внимания к Северу и его проблемам может привести к тому, что в дальнейшем, при появлении необходимости освоения Севера, многие инфраструктуры придется создавать заново, что потребует новых больших капиталовложений. Создавшаяся ситуация с очевидностью показывает, что необходима новая генеральная идея (парадигма) развития Севера России [3]. А пока о необходимости этой новой парадигмы идут теоретические дискуссии, северяне, ориентированные на дальнейшую жизнь на Севере, пытаются адаптироваться к новым социально-экономи-

ческим реалиям и ищут новые ориентиры в своей жизни и подходящие практики выживания.

Особенно остро отмеченные проблемы проявляются в жизни небольших северных поселков, среди которых в наибольшей степени выделяются отдаленные поселения, не связанные всесезонными дорогами с другими населенными пунктами. Такой поселок и был выбран для изучения проблем жизнедеятельности жителей отдаленных северных поселков в современных условиях методом case-study. Объектом изучения выступило село Краснощелье Мурманской области, в котором в июле-августе 2012 г. было проведено социологическое исследование. Основными методами сбора эмпирической информации являлись включенное наблюдение и свободное интервью (наблюдение проводилось в течение месяца, дополнительно было проведено 16 интервью).

Село Краснощелье расположено в центре Кольского полуострова среди обширных болот, и сообщение с ним в летнее время возможно только воздушным транспортом (рейсовый вертолет летает раз в неделю), зимой сообщение осуществляется по зимнику тракторами и снегоходами. Проживают в селе в настоящее время 420 человек (по итогам переписи 2010 г.), по национальному составу это в основном коми-ижемцы и саами, но можно встретить русских, украинцев, белорусов и др. Основным градообразующим предприятием в советское время являлся оленеводческий совхоз, при котором было открыто большинство остальных производственных объединений (рыболовная артель, молочная ферма, звероферма, строительная бригада, цех механизации, дизельстанция для выработки электричества, мастерская по пошиву меховой одежды из оленьего меха и др.). По воспоминаниям жителей, село своего расцвета достигло к 1980-м гг., когда население в нем превышало 1000 чел.

Все эти предприятия в полной мере обеспечивали жителей поселка рабочими местами. Не наблюдалось и большого оттока молодежи: многие выпускники местной школы, получив профессию, возвращались в поселок. С районным центром осуществлялась регулярная все-сезонная связь с помощью самолетов Ан-2: в день летало по 6–8 рейсов. В целом, в памяти жителей поселка советское время вспоминается как достаточно благополучное, в которое развитие поселка достигло своего расцвета. В противопоставлении с тем временем современная жизнь оценивается как тяжелая и полная различных проблем.

Основная проблема в поселке в настоящее время — это трудовая занятость. Большинство существовавших предприятий оказались закрытыми, оставшиеся существенно сократились. Оленеводческий

совхоз реорганизован в кооператив, все дополнительные производства при нем ликвидированы, и сам он испытывает большие проблемы. Численность кооперативного стада оленей значительно уменьшилась, как и число оленеводческих бригад, но несмотря на это кооператив испытывает потребность в оленеводах. Наверное, это единственный востребованный вид занятости в поселке. Это связано с тем, что работа оленевода тяжелая и связана с большими периодами жизни в тундре со стадом. В то же время оленеводческие базы находятся в полуразрушенном состоянии, они не ремонтировались и не благоустраивались с советского времени, поэтому молодежь и женщины (в качестве чум-работниц) отказываются от такой работы. Закрыты лесничество и комбинат ремонта бытовой техники, существенно сократился объем работы (и соответственно, число работающих) в школе, детском саду, отделения почты и сбербанка. Если раньше в отдельных классах школы наполняемость доходила до 15 человек, то сейчас в некоторых параллелях учатся по 2–3 ученика. Согласно высказываниям информантов, большая часть молодежи теперь стремится уехать из села, потому что в селе невозможно найти работу и устроить свою жизнь. В результате существенного снижения численности населения в селе растет число заброшенных домов.

В беседах с жителями села появляются мысли, что село испытывает крайне тяжелое время и фактически находится на грани своего вымирания. Но вместе с тем наряду с элементами развала и вымирания во внешнем облике села (много заброшенных и разрушающихся домов, оград) встречаются черты, свидетельствующие о его возрождении и даже некотором благополучии. В селе работают три магазина, в которых представлен достаточно широкий ассортимент продовольственных и промышленных товаров, есть мобильная связь и даже Интернет, который, правда, пока работает очень медленно. Лодка с мотором (село расположено на берегу реки Поной) и зимний вид транспорта — снегоход, имеются в большинстве семей.

Жители села стремятся приблизить условия своей жизни, насколько это возможно, к городским. На многих домах висят спутниковые телевизионные антенны для многоканального приема. В домах активно используется бытовая техника: холодильники, морозильные камеры, печи СВЧ, хлебопечки, современные газовые и электроплиты и даже стиральные машины-автоматы (что оказывается возможным в условиях отсутствия водопровода благодаря изобретательности жителей).

Само наличие двух тенденций в селе указывает на то, что жители находят какие-то жизненные практики, которые вполне успешно помогают им выживать в столь непростых условиях.

Село привлекает своей живописной дикой северной природой, экологической чистотой, природными ресурсами (ягоды, грибы, озерная и речная рыба), поэтому летом численность жителей возрастает: в село приезжают на отдых в качестве гостей дети, родственники и знакомые жителей, а также те краснощельцы, которые учатся и работают в других населенных пунктах. Наведываются в село и туристы, которые сплавляются по реке Поной или прилетают на вертолетах.

Если в экономике села наблюдается много проблем, то его культурная жизнь протекает достаточно активно. В селе с размахом празднуются дни саамской и коми культуры, праздник Севера, на которые по зимнику обычно приезжает много гостей из области.

Новые жизненные практики жителей села оказалась проблемой, сложной для обсуждения. Информанты неохотно разговаривали на эту тему и жаловались на то, что постоянной стабильной работы, приносящей доход, в селе не хватает. Поэтому, по их словам, значительная часть населения, оставшегося в поселке, вынуждена заниматься временными подработками и различной инициативной деятельностью, которая помогает выживать. Важное место в ней заняли традиционные виды занятости коренного населения Севера: оленеводство, рыболовство и сбор ягод.

Личные олени являются значимой составной частью дохода населения: во время забоя жители запасаются мясом на весь год и еще зарабатывают, сдавая его. Но все же самым распространенным видом занятости является рыбалка: из традиционных способов природопользования она оказывается единственным видом деятельности, которым можно заниматься практически круглый год. В то же время с выловом рыбы у местного населения связан ряд проблем, основная из которых заключается в том, что вылов ограничен выдаваемыми местным жителям квотами, которые, по их мнению, являются слишком маленькими и несправедливо распределяемыми. В результате, вылавливая рыбу для обеспечения своей жизни, местные жители фактически вынуждены становиться браконьерами. Кроме того, самые рыболовные участки реки заняты под рыболовные туристические базы, на которых вылов рыбы местному населению запрещен.

Еще одним сезонным видом дохода, связанным с традиционным природопользованием, является сбор ягод. Уже третий год в селе организован прием ягод, и жители активно собирают и сдают морошку и бруснику, которыми богаты окружающие село места. Эти ягоды долго сохраняются и поэтому в хорошем состоянии могут дожидаться рейса вертолета и быть доставлены в районный центр.

Кроме традиционных видов занятости, в селе появляются первые ростки предпринимательства. К ним можно отнести частные магазины, пилораму, гостевой дом для туристов, рыболовный лагерь, а также оказываемые населением трансферные туристические услуги.

Наверное, самыми прибыльными предпринимательскими инициативами являются частные магазины, число которых уже достигло трех, остальные услуги являются эпизодическими и не могут приносить постоянный доход. Нельзя считать постоянной работой и деятельностью, связанную с традиционными видами занятости коренного населения (содержание личных оленей, рыболовство и сбор ягод). Рассмотренные трудовые практики фактически являются способами зарабатывания денег и помогают населению выживать, но при этом не являются официальной работой, засчитываемой работнику в трудовой стаж и предоставляющей ему социальные гарантии и северные льготы. Поэтому эти практики не являются привлекательными для молодежи, и ими занимается преимущественно только та часть населения, которая осталась жить в Краснощелье и не имеет постоянного официального места работы.

Подводя итог анализу результатов исследования, можно отметить, что отдаленное кольское село переживает сложный этап своего развития, однако жизнь в селе не замирает благодаря инициативе той части населения, которая его еще не покинула и выработала жизненные практики, помогающие выживать в сложных современных условиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дороговцева А. А. Социально-экономический потенциал регионов Европейского Севера и проблемы его использования // Вестник МГТУ. 2005. Т. 8. № 2.
2. Шабаев Ю. П. Народы Европейского Севера России: специфика идентичности // Социологические исследования. 2011. № 2.
3. Лажнецов В. Н. Актуальные проблемы Севера (теория и рекомендации) // Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2008. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://koet.syktso.ru/vestnik/2008/2008-2/6/6.htm> (дата обращения 02.11.2013).

К. Г. Анисимов, Е. А. Анисимова, В. А. Турдыев (Рубцовск)

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНИКИ НА ОСНОВЕ ЗАКОНОВ РАЗВИТИЯ СИСТЕМ

Изучая развитие технических систем во времени, Генрих Альтшуллер сформулировал законы развития технических систем (ТС), знание которых помогает инженерам предсказывать пути возможных дальнейших улучшений продуктов. Это такие базисные законы, как закон полноты частей системы, системный оператор, закон повышения идеальности, закон S-образного развития системы. Рассмотрим применение закона S-образного развития систем для анализа развития компьютерной техники.

Формулировка закона очень простая: на протяжении жизненного цикла системы ее идеальность меняется в соответствии с S-образной кривой. Все системы, и не только технические, развиваются по так называемой «S-образной кривой». По оси «У» откладывается главный производственный параметр анализируемой системы: скорость самолета, оборот фирмы, быстродействие компьютера и так далее. По оси «Х» — время жизни семейства систем.

Условно можно разделить S-кривую на три характерных участка. Первый пологий участок — этап «вживания» родившейся системы в свое окружение; второй быстро растущий — этап бурного роста и использования имеющихся ресурсов; третий, снова пологий — этап истощения ресурсов системы. После этого система перестает развиваться либо вообще отмирает, и ей на смену приходит новая система. Таким образом, этот закон позволяет строить определенные прогнозы развития систем за счет рассмотрения на графике их развития трех характерных участков.

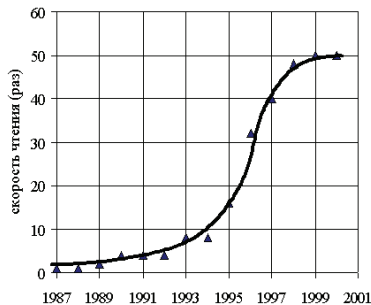

Рис. 1. Скорость чтения оптических приводов (1987–2000 гг.)

Например, типичный вид S-образной кривой имеет такая характеристика, как скорость чтения информации оптических приводов (CD, DVD «румов») (рис. 1). Нарастивание этой скорости со временем прекратилось, несмотря на желание считывать информацию с дисков еще быстрее. Связано это прежде всего с физическими ограничениями. Такая же участь ожидает любой другой параметр компьютерной техники.

Производительность современных суперкомпьютеров превышает 10 Пфлопс (петафлопс). Как видно из рисунка 2, наблюдается стремительный рост производительности суперкомпьютеров. Сложно оценить, когда этот рост начнет останавливаться, ведь по сути суперкомпьютер — это соединение нескольких компьютеров. Присоединяя к ним еще — и суммарная производительность будет увеличиваться. Во всяком случае, четко виден период, когда начался бурный рост развития системы. Это 2008–2010 гг.

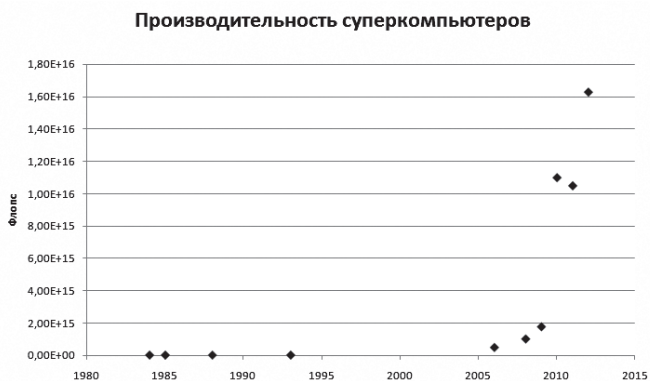

Рис. 2. Динамика развития производительности суперкомпьютеров (1984–2012 гг.)

На рисунке 3 представлен рост производительности персональных компьютеров. Виден бурный рост данной характеристики системы за последние 10 лет.

На рисунке 4 представлена еще одна характеристика компьютерной техники — это емкость жестких дисков. Понятно, что плотность записи информации на магнитные диски ограничена физическими параметрами. И когда они достигнут своих пределов, дальнейшее увеличение емкости дисков может быть достигнуто только за счет увеличения их размеров. Однако это идет вразрез с потребностью миниатюризации компьютерной техники.

Рис. 3. Динамика развития производительности ПК (1984–2012 гг.)

Рис. 4. Развитие емкости жестких дисков (1980–2010 гг.)

Так как использование компьютерной техники в нашей жизни все теснее связано с Интернетом, то дальнейший анализ был посвящен именно развитию Всемирной сети.

Интернет представляет собой наиболее динамично развивающуюся среду вещания в истории человечества. Зародившись в начале 1960-х гг., Интернет стал дружелюбен обычному пользователю лишь в 1992 г., когда была разработана концепция World Wide Web. Именно с этого времени начался стремительный приток в сеть все более широкого круга пользователей. За последние десять лет количество пользователей сети выросло в десятки раз и на сегодняшний момент превышает 2 млрд чел.

Динамика роста лиц, пользующихся интернетом, 1995-2011гг.

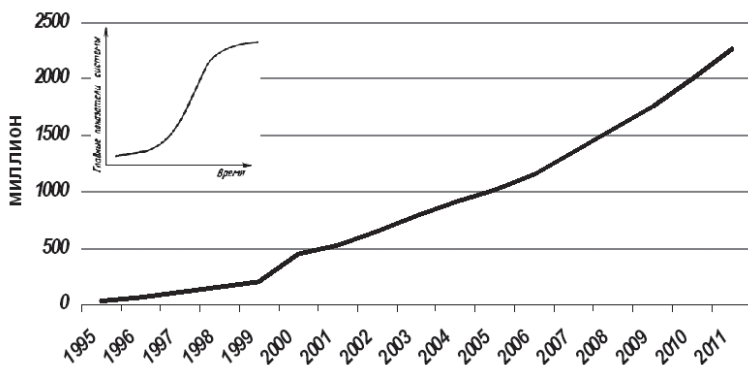

Рис. 5. Динамика роста лиц, пользующихся интернетом (1995–2011 гг.)

На рисунке показан темп роста числа пользователей. Как видно, с 1999 г. в течение десяти лет количество пользователей возросло постепенно, отсюда и график более растянут по горизонтали. Это и есть первый этап — вживание системы. Однако за последние 2–3 года линия резко начинает вытягиваться вверх. Это говорит о бурном росте.

Такую же картину представляет собой динамика роста хостов и сайтов. Следует заметить, что второй этап развития роста количества хостов прослеживается с 1999 г., т.е. рост количества пользователей немного отстает от роста количества хостов. Причем этап бурного роста количества web-сайтов начался всего несколько лет назад.

Таким образом, динамика развития Интернета в целом представляет собой пока еще бурный рост в соответствии с S-образным законом. Понятно, что его насыщение связано в первую очередь с количеством жителей на Земле.

Допустим, из 7 миллиардов человечества предельным количеством пользователей будет 5 миллиардов. Тогда с учетом того, что за прошедшие 5 лет число пользователей Интернета удвоилось, то это насыщение произойдет как раз через пять лет (сейчас пользователей 2,3 млрд) (рис. 6). Дальнейшее увеличение пользователей, т.е. примерно после 2018 г. будет происходить только за счет соответствующего роста численности жителей.

Хосты больше привязаны к количеству пользователей, поэтому от них следует ожидать насыщения примерно одновременно с ростом жителей планеты. А вот с вебсайтами ситуация неоднозначная. Ведь можно сказать, что несмотря на насыщение количества пользователей их количество может стремительно расти. Однако это не так, ведь пользователи просто физически не смогут «переваривать» все большее и большее количество сайтов. Поэтому определенное насыщение количества самих сайтов тоже должно произойти, другое дело с оценкой времени здесь очень сложно.

Рис. 6. Прогноз роста пользователей Интернетом до 2020 г.

Наблюдаемые пределы роста основных характеристик компьютерной техники говорят о близости насыщения этих систем. А это значит, что ее дальнейшее развитие возможно только за счет появления принципиально новых технологий, совершенно других подходов к созданию компьютеров. Это могут быть биокомпьютеры, квантовые компьютеры, а может быть, что-то еще. Это же касается и развития Интернета. Только за счет появления принципиально нового технического обеспечения, принципиально новых способов связи может появиться новая информационная сеть. А Интернет в том виде, как он существует сейчас, исчерпает свои возможности и перестанет развиваться.

Т. В. Сиротина, И. С. Тавлетчина (Барнаул)

СИНДРОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СГОРАНИЯ СРЕДИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Изучение стресса, способности преодолевать стрессовые ситуации занимает важное место в исследованиях социальных наук. Вопрос преодоления стрессовых событий жизни часто разрешается в контексте определения взаимоотношений стресса и болезни, причем почти все авторы соглашаются с утверждением о том, что стресс и болезнь взаимосвязаны.

Стресс определялся Г. Селье как «неспецифический ответ организма на любое предъявленное ему требование» [1, с. 106]. Данная точка зрения вызвала как множество возражений, так и столь большой интерес к этому явлению. Ф. Е. Василюк отмечает: «Означая сначала неспецифический ответ организма на воздействие вредных агентов, проявляющийся в симптомах общего адаптационного синдрома, это понятие относят теперь ко всему, что угодно, так что в критических работах по стрессу сложилась даже своеобразная жанровая традиция начинать обзор исследований с перечисления чудом уживающихся под шапкой этого понятия совершенно разнородных явлений...» [2, с. 33]. Так, Р. Люфт замечает, что «многие считают стрессом все, что происходит с человеком, если он не лежит в своей кровати», близкой точки зрения придерживаются А. МакЭлрой и П. Таунсенд, понимая под стрессом взаимоотношения человека и его окружающей среды [1].

В то же время Г. Селье писал, что даже в состоянии полного ослабления спящий человек испытывает некоторый стресс, приравнивая отсутствие стресса к смерти [3]. Более того, ученый отмечал, что человеку не нужно избегать стресса, напротив, каждый человек должен найти оптимальный для себя уровень стресса. Для стресса же, вызывающего дискомфорт, боль, тревогу, Г. Селье ввел понятие «дистресс». Именно данная отрицательная сторона стресса или дистресс, определяемая как дискомфорт, боль, тревога, вырастающие из эмоциональных, социальных или физических источников и выражающиеся в потребности отдохнуть, быть опекаемым, получить облегчение, интересует нас более всего.

Выделяют два вида дистресса, а именно: 1) острый дистресс — непродолжителен, имеет достаточно предсказуемые проявления и последствия, одним из которых может быть кризис; 2) «коварный», или

хронический дистресс — продолжителен (может длиться неделями, месяцами, годами), человек не осознает его, с более кумулятивным, но менее ясным эффектом, который может включать в себя синдром перегорания или болезнь.

Являясь необходимым явлением жизни, стресс может переродиться в состояние острого дистресса в результате действия различных причин, где в качестве основных можно выделить следующие: 1) наличие в жизни острого травмирующего события (например, сердечный приступ, смерть близкого человека, внезапная потеря работы и т.д.) и, как следствие, развитие невыносимого внутреннего психологического напряжения; 2) развитие болезни; 3) действие непреодолимых социокультурных факторов, техногенные катастрофы, террористические акции и т.д. Соответственно, к основным проявлениям острого дистресса можно отнести развитие эмоционального кризиса, действие синдрома общей адаптации, а также попытки изменить те социокультурные ценности, столкновение с которыми стало основой развития дистресса [4].

Концепция общего адаптационного синдрома была развита в работах Г. Селье. Синдром определялся ученым как ответ организма на действие стресса, состоящий из трех стадий. Первая стадия, стадия тревоги, или аларм-стадия, характеризуется мобилизацией адаптационных ресурсов организма. На второй стадии, стадии сопротивления, или резистентности, стрессогенный фактор продолжает действовать, человек вынужден сбалансированно расходовать адаптационные возможности, постараться приспособиться к изменяющимся обстоятельствам. Третья стадия, стадия истощения, наступает при одновременном продолжении действия стрессора и истощении энергии организма, сломе физиологической и психологической защиты. У человека нет более возможностей защищаться, он нуждается в посторонней помощи, направленной как на поддержку самого человека, так и на устранение стрессора.

Подобно любой стрессовой ситуации, состояние острого дистресса может быть преодолено позитивно и негативно, где среди позитивных ответов на ситуацию острого дистресса исследователями выделяется: работа с горем, адаптация, эмоциональное и социальное развитие посредством здорового преодоления сложных жизненных ситуаций; в случае болезни — это медицинское лечение и последующая реабилитация; в случае же катастроф как результата человеческих действий — различные политические акции и превентивные меры. К возможным негативным ответам на острый дистресс можно отнести: неспособность попросить и принять помощь, как следствие,

попытки самоубийства, насильственные действия, злоупотребление алкоголем, наркотическая зависимость, эмоциональные/душевные расстройства; отказ от лечения, развитие осложнений вплоть до преждевременной смерти и др. [5].

Как уже отмечалось, в отличие от острого дистресса состояние хронического дистресса характеризуется своей продолжительностью, накоплением отрицательного воздействия. Соответственно, в качестве основных источников развития хронического дистресса выделяются: длительное напряжение в социальных отношениях (например, в браке); социальный статус (например, принадлежность к национальным меньшинствам); хронические болезни; социально-экономические проблемы, а также стадии перехода. К наиболее типичным проявлениям хронического дистресса относятся психосоматические заболевания, которые, в свою очередь, могут приводить к развитию эмоциональных и душевных расстройств; а также синдром эмоционального сгорания [4].

Концепция синдрома эмоционального сгорания, часто сопровождающего состояние хронического дистресса, достаточно нова. Л. Спаниол и Г. Капуто понимают под синдромом «неспособность справляться со стрессорами работы или личной жизни» [6, с. 2]. Х. Фройденберг и Г. Ришелсон определяют данный синдром как «недуг... демон общества и времени, в котором мы живем, нашей борьбы за обретение смысла жизни» [7, с. 2]. Синдром эмоционального сгорания проявляется в физических симптомах, чувстве цинизма, злости, возмущения, отказе от выполнения своих социальных ролей как дома, так и на работе. Сгорание характеризуется своим хроническим, не острым (в отличие от кризиса) характером; а также тем, что очень часто люди, испытывающие данный синдром, не в состоянии связать свои чувства и поведение с хроническим дистрессом, под давлением которого они находятся. Следствием развития хронического дистресса может стать болезнь.

Профессиональная деятельность специалистов по социальной работе, независимо от разновидности выполняемой работы, относится к группе профессий с повышенной моральной ответственностью за здоровье и жизнь отдельных людей, групп населения и общества в целом. Постоянные стрессовые ситуации, в которые попадает специалист по социальной работе в процессе сложного социального взаимодействия с клиентом, проникновение в суть социальных проблем клиента, личная незащищенность и другие морально-психологические факторы оказывают негативное воздействие на здоровье специалистов по социальной работе [8].

Термин «эмоциональное сгорание» был введен американским психиатром Х. Фройденбергером в 1974 г. для характеристики психологического состояния здоровых людей, находящихся в интенсивном и тесном общении с клиентами, пациентами в эмоционально напряженной атмосфере при оказании профессиональной помощи [9, с. 246]. Синдром сгорания был определен Х. Фройденбергером так же, как «поражение, истощение или износ, происходящий в человеке вследствие резко завышенных требований к собственным ресурсам и силам» [10, с. 863].

В настоящее время существует несколько теоретических моделей, описывающих феномен эмоционального сгорания. Наиболее распространенной и разработанной на данный момент является теория К. Маслач и С. Джексона, рассматривающая эмоциональное сгорание как трехмерный конструкт: «эмоциональное сгорание» — состояние, включающее в себя эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию профессиональных достижений [11, с. 299].

Эмоциональное истощение рассматривается как основная составляющая синдрома «эмоционального сгорания» и проявляется в переживаниях сниженного эмоционального тонуса, эмоциональной опустошенности, усталости, утрате интереса к окружающему, равнодушии или эмоциональном перенасыщении, появлении агрессивных реакций, вспышках гнева, симптомов депрессии, вызванных собственной работой [12, с. 184].

Вторая составляющая — деперсонализация — проявляется в деформации отношений с другими людьми. В одних случаях это может быть повышение зависимости от окружающих, в других деперсонализация предполагает циничное отношение к труду и объектам своего труда. В частности, в области социальной работы — это бесчувственное, негуманное отношение к клиентам в процессе консультирования и оказания других социальных услуг. Клиенты воспринимаются не как живые люди, а как проблемы и беды, с которыми они приходят к специалисту по социальной работе [10, с. 864].

Редукция профессиональных достижений проявляется в тенденции к негативному оцениванию себя, возникновению у работника чувства некомпетентности в своей профессиональной сфере, уменьшению значимости собственных достижений и успехов, негативному отношению к служебным обязанностям, снижению самооценки и профессиональной мотивации, снятии с себя ответственности, ограничении своих возможностей, обязанностей по отношению к другим.

Постепенное появление симптомов определяет динамику развития синдрома «эмоционального сгорания», в котором выделяется ряд стадий. Дж. Гринберг предлагает рассматривать эмоциональное сгорание как пятиступенчатый прогрессирующий процесс.

Первая стадия эмоционального сгорания («медовый месяц»). Работник обычно доволен работой и заданиями, относится к ним с энтузиазмом. Однако по мере продолжения действия рабочих стрессов профессиональная деятельность начинает приносить все меньше удовольствия специалисту, работник становится менее энергичным.

Вторая стадия («недостаток топлива»). Появляются усталость, апатия, могут возникнуть проблемы со сном. При отсутствии дополнительной мотивации и стимулирования у работника теряется интерес к своему труду или исчезают привлекательность работы в данной организации и продуктивность его деятельности. Возможны нарушения трудовой дисциплины и отстраненность (дистанцирование) от профессиональных обязанностей. В случае высокой мотивации работник может продолжать «гореть», «подпитываясь» внутренними ресурсами, но в ущерб своему здоровью.

Третья стадия (хронические симптомы). Чрезмерная работа без отдыха, особенно «трудоголиков», приводит к таким физическим явлениям, как истощение и подверженность заболеваниям, а также к психологическим переживаниям — хронической раздражительности, обостренной злобе или чувству подавленности, «загнанности в угол». Постоянное переживание нехватки времени (синдром менеджера).

Четвертая стадия (кризис). Как правило, развиваются хронические заболевания, в результате чего человек частично или полностью теряет работоспособность. Усиливаются переживания неудовлетворенности собственной эффективностью и качеством жизни.

Пятая стадия эмоционального сгорания («пробивание стены»). Физические и психологические проблемы переходят в острую форму и могут спровоцировать развитие опасных заболеваний, угрожающих жизни человека. У работника появляется столько проблем, что его карьера находится под угрозой [13].

После того, как учеными были определены сущность, основные признаки синдрома «профессионального эмоционального сгорания», и этот феномен стал общепризнанным, закономерно встал вопрос о выявлении и классификации факторов, тормозящих развитие этой болезни или способствующих ей.

В результате исследований ученые пришли к выводу о том, что существенную роль в эмоциональном сгорании играют две основные группы факторов: индивидуальные и организационные [14, с. 57].

К индивидуальным факторам относятся социально-демографические характеристики и личностные особенности самого специалиста. Организационные факторы включают в себя условия работы, содержание труда и социально-психологические характеристики.

При изучении социально-демографических характеристик некоторые исследователи (П. Торнтон) принимали во внимание следующие показатели: возраст, пол, семейное положение, общий стаж, образовательный уровень, стаж на данном месте работы, социальное происхождение. Однако оказалось, что они не связаны с уровнем эмоционального сгорания. Тем не менее есть данные, что у женщин в большей степени развивается эмоциональное истощение, чем у мужчин; двадцатилетние имеют более выраженные симптомы эмоционального сгорания, чем лица старшего возраста [15, с. 301].

Другие исследователи (А. Пайнс) уделяли особое внимание связи мотивации и эмоционального сгорания. Изучали, в частности, такие мотивы трудовой деятельности, как удовлетворенность зарплатой, чувство собственной значимости на рабочем месте, профессиональное продвижение, самостоятельность и уровень контроля со стороны руководства и др.

Прямой связи синдрома «эмоционального сгорания» с уровнем зарплаты не было обнаружено. Вместе с тем неудовлетворенность профессиональным ростом и установкой на поддержку (благожелательность) оказались более связанными с развитием синдрома «эмоционального сгорания». Значимость работы как мотив деятельности ассоциируется с неузвимостью по отношению к эмоциональному сгоранию. Если работа оценивается как незначимая в собственных глазах, то синдром развивается быстрее. Выявилась и большая подверженность синдрому «эмоционального сгорания» у специалистов по социальной работе, испытывающих недостаток самостоятельности («сверхконтролируемые»).

Исследователь К. Кондо особо важное значение придает разрешению стрессовых ситуаций. Он считает наиболее уязвимыми тех, кто реагирует на стрессы агрессивно, несдержанно, подавляясь соперничеству. Стрессогенный фактор вызывает у таких людей, как правило, чувство подавленности, уныния из-за неосуществления того, чего хотелось достичь. К. Кондо относит к типу «сгорающих» также и «трудоголиков».

Х. Дж. Фройденбергер характеризует подверженных синдрому «эмоционального сгорания» как сочувствующих, гуманных, мягких, увлекающихся, идеалистов, ориентированных на помощь другим, и одновременно неустойчивых, интравертных, одержимых навязчивой идеей (фанатичных), пламенных и легко солидаризирующихся людей.

Е. Махер относит к этой категории также людей с низким уровнем эмпатии и склонных к авторитаризму. Тем самым в противоречие вступают данные о связи высоких уровней сочувствия и синдрома «эмоционального сгорания» с данными о связи низкого уровня эмпатии с высоким уровнем эмоционального сгорания [11, с. 300–301].

К условиям работы относят рабочие перегрузки, дефицит времени и продолжительность рабочего дня. Повышенные нагрузки в деятельности, сверхурочная работа стимулируют развитие эмоционального сгорания. Перерывы в работе оказывают положительный эффект и снижают уровень стресса.

Содержание труда включает в себя количественные и качественные аспекты работы с клиентом: количество клиентов, частоту их обслуживания и степень глубины контакта с ними. Продолжительный контакт с одним клиентом в течение рабочего периода, большое количество клиентов с их многообразием проблем способствуют развитию эмоционального сгорания. Работа с «немотивированными» клиентами, людьми, страдающими неизлечимыми заболеваниями, а также незначительные, трудно ощутимые результаты работы усиливают влияние данной группы факторов на развитие синдрома.

Одним из самых важных среди социально-психологических факторов является социально-психологические взаимоотношения в организации, социальная поддержка со стороны коллег, супервизоров и администрации учреждения. Работники, получающие поддержку, лучше справляются со стрессовым воздействием и менее подвержены сгоранию. Отмечается, что недостаточное вознаграждение или его отсутствие способствуют возникновению эмоционального сгорания.

Также важную роль в эмоциональном сгорании играет наличие ролевой конфликтности и ролевой неопределенности. Выявлено, что это особенно проявляется в тех профессиональных ситуациях, в которых общие действия слабо согласованы, нет интеграции усилий, присутствует конкуренция, тогда как результат труда зависит от слаженности и скоординированности действий.

Если не «смягчать» воздействие факторов риска синдрома «профессионального эмоционального сгорания», это может привести

не только к понижению эффективности работы с клиентами, оказать негативное влияние на личность самого специалиста по социальной работе, но и отрицательно повлиять на его профессиональный рост. Поэтому важным является профилактика синдрома «профессионального эмоционального сгорания».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Селье Г. Когда стресс не приносит горя. М., 1992.
2. Василюк Ф. Е. Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций. М., 1984.
3. Селье Г. Очерки об адапционном синдроме. М., 1960.
4. Hoff L. A. People in crisis: understanding and helping. San Francisco, 1995.
5. Корхonen Т. В. Социальная работа в кризисных ситуациях : учебно-методическое пособие. Барнаул, 2005.
6. Spaniol L., Caputo J. J. Professional burnout. Lexington, 1979.
7. Freudenberger H. J., Richelson G. Burnout. Toronto, 1980.
8. Добрыгина О. В., Чудова С. Г. Инновационное содержание деятельности специалиста по социальной работе при реализации технологии «межведомственное ведение случая» // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 3. Барнаул, 2013.
9. Российская энциклопедия социальной работы : в 2 т. / под ред. А. М. Панова, Е. И. Холостовой. М., 1997. Т. 2.
10. Малкина-Пух И. Г. Экстремальные ситуации. М., 2005.
11. Фирсов М. В., Студенова Е. Г. Теория социальной работы : учебное пособие. М., 2001.
12. Целуйко В. М. Психологические основы педагогического общения. М., 2007.
13. Синдром эмоционального выгорания [Электронный ресурс]. URL: <http://www.homekid.org/modules.php?name=News&life=article&sid=64>.
14. Лаврова О. С. Синдром эмоционального выгорания и методы его предотвращения // Социальная работа. 2006. № 4.
15. Словарь-справочник по социальной работе / под ред. Е. И. Холостовой. М., 1997.

Раздел III

**СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЫХ
ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**

О. Ю. Руденко (Иркутск)

СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИОЛОГ: КТО ОН?

В нашей стране, как известно, были времена, когда социология и ряд других гуманитарных наук находились под запретом. Лишь в конце 1980-х гг. произошла официальная реабилитация социологии. Социология вместе с другими социальными и философскими науками была признана полезной и необходимой для процессов перестройки и демократизации. Было объявлено о включении ранее запрещенных наук в перечень необходимых дисциплин, которые должны преподаваться в высших учебных заведениях, а стало быть, для них вводилась соответствующая государственная квалификация социологических специальностей и научных исследований.

Сегодня в российских вузах обучается довольно большое количество студентов-социологов. При этом стоит отметить, что наблюдается рост числа студентов на коммерческих социологических отделениях, что говорит о востребованности данной специальности. Но, несмотря на то, что наблюдается рост популярности социологии среди абитуриентов, вчерашние школьники часто оказываются в аудиториях социологических факультетов, не представляя, куда и зачем они пришли.

Попробуем ответить на вопрос: «Кто такой социолог?». В представлении общественности социолог, как правило, ассоциируется с человеком, который на улице неясно для чего раздает какие-то анкеты. Однако необходимо понимать, что опрос — всего лишь один из методов работы социолога. Сами по себе статистические данные (процентные распределения и даже коэффициенты корреляций) еще не являются социологией. В рамках определенного социологического подхода (или подходов) статистические данные должны получить социологическую интерпретацию. Для социолога полученные данные имеют смысл только в рамках более широких теоретических обобщений и служат пониманию того, какие ценности разделяет общество и каково положение тех или иных социальных институтов. Социолог — это врач, который лечит болезни общества: сначала ставит диагноз, а затем говорит о том, что нужно делать. Места, где социологи имеют возможность реализовать себя, различны: одни пробуют свои силы в сфере маркетинговых исследованиях, другие — в изучении электорального поведения граждан, третьи работают в аналитических центрах и консалтинговых компаниях. Также социологи могут найти себе применение в государственных и муниципаль-

ных органах власти, в Public Relations и рекламе, в СМИ и издательском бизнесе, в кадровых службах.

Социолог как специалист в совершенстве должен владеть глубокими и разносторонними научными знаниями и технологиями, обладать аналитическими способностями, которые могли бы помочь ему разобраться в сложнейших противоречиях, скрытых тенденциях развития социальной жизни. Социолог обязан постоянно проводить оценку происходящих социальных событий. Для этого необходимо читать газеты, смотреть программы телевидения, слушать радио, следить за новостями, т.е. быть в курсе различных социальных событий.

Социология формирует широкий кругозор и умение подходить к социальным объектам системно, на межведомственной и междисциплинарной основе, когда учитываются политические, экономические, социальные и культурные факторы, сложная диалектика объективного и субъективного, целенаправленного и стихийного. Профессиональный долг требует от социолога объективной строгости научных и жизненных позиций, четкости социальных ориентиров, немалого личного мужества в отстаивании выверенных теорией, способов совершенствования общественного жизнеустройства. Социологами не рождаются, ими становятся в процессе длительной и напряженной учебной и профессиональной деятельности, постоянно-го самосовершенствования своих профессиональных компетенций, навыков и умений.

Э. В. Намруева (Барнаул)

КОММУНИКАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ СОГЛАСИЯ

Интерес исследователей к коммуникации появился в начале XX в., тогда и возникает теория коммуникации как научная дисциплина. Отличительными чертами теории коммуникации являются ее междисциплинарный характер и ее ориентация на решение практических задач. Проблемами коммуникаций почти одновременно стали заниматься американские философы Ч. С. Пирс, Д. Дьюи, Дж. Г. Мид; социологи Ч. Кули, Г. Блумер, Т. Парсонс, Р. Мертон, П. Лазарсфельд; политологи Г. Лассуэлл, О. Тоффлер; социальные психологи Д. Б. Уотсон, Я. Л. Морено, К. Левин, К. Роджерс, Ф. Перлз и др. Благодаря этому коммуникативной проблематикой заинтересовались и европейские ученые М. Вебер, А. Шюц, Т. Лукман, К. Ясперс, Ю. Хабермас. Се-

годня социология коммуникации — это одно из самых актуальных направлений научного исследования, так как «научно обоснованное и эффективное управление социальным развитием через адекватным образом организуемое коммуникативное пространство-время выдвигается сегодня в число наиболее перспективных предметных областей фундаментальной социологии» [1, с. 44].

Сейчас существует более ста научных определений понятия «коммуникация». Мы ограничимся определением, данным в энциклопедическом словаре под редакцией Г. В. Осипова Коммуникация — это, во-первых, «...процесс передачи информации, включающий адресанта, каналы, кодирование, дешифровку, содержание, эффективность, контроль, ситуацию, намерение, адресата». Во-вторых, «...акт общения между людьми посредством передачи символов, целью которого является взаимопонимание». И, в-третьих, «...обмен информацией любого вида между различными системами связи» [2, с. 133]. Там же мы находим и определение массовой коммуникации. Под ней понимается «...процесс распространения систематической информации с помощью технических средств (печатать, радио, телевидение, кино-, звуко- и видеозапись и т.д.) на численно большие и рассредоточенные аудитории» [2, с. 134].

В научном мире понятие «коммуникация» появилось в 1909 г. благодаря Ч. Кули, который понимал ее как «механизм, посредством которого становится возможным существование и развитие человеческих отношений — все символы разума вместе со способами их передачи в пространстве и сохранения во времени. Она включает в себя мимику, жесты, общение, тон голоса, слова, письменность, печать, железные дороги, телеграф, телефон и самые последние достижения по завоеванию пространства и времени. Четкой границы между средствами коммуникации и остальным внешним миром не существует. Однако вместе с рождением внешнего мира появляется система стандартных символов, предназначенная только для передачи мыслей, с нее начинается традиционное развитие коммуникации» [3, с. 379].

По мнению Д. Маккуэйла, термин «массовая коммуникация» возник и получил распространение в 1930–1940-х гг. с появлением радио, а позднее и телевидения. Активное развитие средств массовой коммуникации (СМК) в XX в. явилось основанием пристального интереса ученых к всестороннему исследованию их деятельности. Особенно активно изучаются социальные функции массовой коммуникации, а также проблемы влияния СМК на массовое сознание. Э. Деннис отмечал, что «концепция «власти прессы» была аксиомой... что пресса

и другие средства информации могут влиять на мнения и управлять людьми, верили еще давно» [4, с. 137].

Особое внимание вопросу о роли и значении коммуникации в современном обществе уделили представители франкфуртской школы М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе, Ю. Хабермас. Более всего немецких ученых беспокоило исчезновение морали как основы межличностных отношений между людьми в жестко рационализованном западном обществе. Однако исследователи увидели возможность общественного обновления в развитии коммуникации. Наибольший интерес представляет теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, который понимал коммуникацию не только как процесс передачи и приема информации, но и как понятие, включающее в себя рациональность, этику и свободу. Ю. Хабермас представил широкомасштабную теорию общества, в которой все процессы в обществе рассматриваются через коммуникации. Под обществом ученый понимал социально-культурную систему, которая развивается в процессах производства (освоение внешней природы) и социализации (создание внутренних социальных структур). Инструментальные (трудовые) и социальные действия индивида определяют специфику человеческого общества. По мнению исследователя, специальное действие имеет коммуникативную природу. Коммуникативными Хабермас считает те отношения, «... в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий...» [5, с. 91]. Основным средством осуществления коммуникативного действия Хабермас считает дискурс. По его мнению, дискурс — это модель аргументации, целостная, социально обусловленная единица коммуникации, с помощью которой анализируются спорные утверждения и устанавливаются нормы социального действия. Ученый считает, что в дискурсе как в коммуникативном процессе наглядно представлено взаимодействие индивида и социума. Таким образом, дискурс является средством социализации и формой коммуникации, во время которой мнения сторон понимаются, различаются, критикуются, уточняются, принимаются или отвергаются. Дискурс создает критическое обсуждение мнений участников коммуникативного процесса, которые подвергаются проверке. В результате аргументации, дискутирования, обоснования и мотивирования конкретных действий дискурс способствует достижению компромисса. Хабермас считает консенсус следствием коммуникативного процесса, во время которого его участники признаются равноправными членами, высказывающими свою точку зрения и имеющими право на критику. Основная функция консенсуса — предупреждение принуждения и способствование интеграции об-

щества. Дискурс как феномен играет огромную роль в жизни современного общества, поскольку является формой коммуникации, вынуждает высказывать собственные мнения от первого лица, выступает средством социализации и способствует достижению консенсуса.

На современном этапе развития теории массовой коммуникации отечественными исследователями (Ю. Н. Емельянов, Ю. Н. Жуков, Н. Ю. Хрящева) разрабатывается теория коммуникативной компетентности, в основе которой лежат когнитивные аспекты компетентности. Основа коммуникативной компетентности — умение общаться. Эффективность обмена информацией зависит напрямую от коммуникативной компетентности. И. И. Серегина считает, что современный управленец «... является не только носителем статуса должностного лица, наделенного определенными правилами и полномочиями, но и обладающим необходимой эрудицией, широким кругом профессиональных знаний, навыков и умений, к числу которых непременно относится умение общаться с людьми» [6, с. 77]. Коммуникативная компетентность, по мнению ряда исследователей, является элементом социальной компетентности, которая, в свою очередь, показывает высший уровень социальной активности индивидуальности. Социальная коммуникативность показывает способность индивида взаимодействовать со своим окружением и эффективно и адекватно решать различные проблемные ситуации. «Коммуникативная компетентность личности раскрывается в отношении к людям, к самому себе, в особенностях взаимоотношений между людьми, умении контролировать и регулировать свое поведение, доказывать, грамотно аргументировать свою позицию. Она проявляется в умении моделировать личность собеседника, добиваться реализации коммуникативной интенции с помощью вербальных и невербальных средств и технологий, то есть продуктивно выходить из конфликтной ситуации» [7, с. 153].

Р. А. Захаркин, один из современных исследователей массовой коммуникации, отметил, что «современный этап изучения эффектов массовой коммуникации характеризуется большим разнообразием теорий и концепций, которые по большому счету мало чем друг на друга похожи. Основным фактором, который объединяет их в одну группу, является признание и мощного воздействия СМК на индивида и важной роли опосредующих факторов во время этого воздействия» [8, с. 11]. В последнее время исследователи пришли к выводу, что эффекты массовой коммуникации многосоставны. Воздействию подвергается не только аудитория, но и сами реципиенты (СМИ) за счет обратной связи. В настоящее время эффектам МК придается

еще большее значение, так как появление огромного количество новых коммуникационных каналов позволяет утверждать вслед за исследователями (Д. Белл, Э. Тофлер), что наступает эра «информационного общества».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дридзе Т. М. Социальная коммуникация в управлении с обратной связью // Социологические исследования. 1998. № 10.
2. Социологический энциклопедический словарь / под ред. Г. В. Осипова М., 2000.
3. Кули Ч. Общественная организация // Тексты по истории социологии XIX–XX вв. М., 1994.
4. Деннис Э., Мэррил Д. Беседы о масс-медиа. М., 1997.
5. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.
6. Серегина И. И. О социально значимых аспектах коммуникативной компетентности российских менеджеров (к постановке проблемы) // Мир психологии. 2000. № 2.
7. Шумилова Е. А. Социально-коммуникативная компетентность как предмет исследования // Вести Южно-Уральского государственного университета. Челябинск, 2006.
8. Захаркин Р. А. Этапы исследований эффектов массовой коммуникации // Труды Дальневосточного государственного университета. 2004. № 137.

Н. Г. Ахмедова (Барнаул)

РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В Конституции РФ 1993 г. провозглашено, что мужчины и женщины имеют равные права и равные возможности для их реализации. Это естественно предполагало повышение социального статуса женщины. Однако демократические преобразования и экономические реформы не привели к ожидаемым результатам и не способствовали прогрессу в защите прав и свобод женщин. Наоборот, произошло снижение социального статуса женщин, в том числе в экономической сфере. Ныне многие женщины заняты в мелком частном бизнесе, в котором условия труда далеки от оптимальных. Усилилась гендерная асимметрия в связи с женской безработицей, уве-

личением разрыва в оплате труда мужчин и женщин, разрушительными процессами в социальной сфере. По-прежнему острой является проблема двойной нагрузки женщин — работа по специальности и выполнение хозяйственно-бытовой функции в семье. Претерпел изменения статус женщин в семье, возросло количество социально дезорганизованных и распадающихся семей, одиноких женщин. И это на фоне того, что «статистика и социологические исследования говорят о высокой ценности семьи и семейных отношений у молодежи» [1, с. 219].

На современном этапе развития российского общества семья переживает глубокий кризис. В широком смысле причиной этого кризиса являются глобальные социальные изменения, происходящие в мире, рост мобильности населения, урбанизация, секуляризация и др. Как свидетельствуют данные государственной статистики, в обществе наблюдаются увеличение количества разводов и их низкая компенсация повторными браками, высокая бракоразводная активность женщин, рост доли разводящихся во второй и третий раз, увеличение доли женщин молодого и среднего возраста, никогда не вступавших в брак. По данным переписи населения 1979 г., в возрасте 40–49 лет никогда не состояли в браке только 2% мужчин и 4% женщин. По данным переписи 2002 г., доля никогда не состоявших в браке в том же возрасте составила 6,3% мужчин и 4,8% женщин. В последние десятилетия тенденцией стало распространение альтернативных форм семейно-брачных отношений, в первую очередь нерегистрируемых сожительств и материнских семей [2].

Статусно-ролевые позиции женщин по сравнению с мужчинами в сфере общественной и семейной жизни оцениваются всеми экспертами как низкие. Сохраняются традиционные представления о распределении обязанностей в семье, в профессиональной и публичной сферах, где продолжают доминировать мужчины.

За последние тридцать лет значительно увеличилось количество работающих женщин, помимо этого, они стали занимать более престижные должности, чем раньше. Женщины наравне с мужчинами активно вступили в конкурентную борьбу за власть и престиж [3–5].

Активное включение женщин в сферу оплачиваемой занятости привело к увеличению их доли в сфере индивидуального предпринимательства, а также на государственной и частной службе. Работающие женщины становились экономически независимыми, что способствовало росту их авторитета, а также явилось важным условием развития личности и духовного раскрепощения. Наиболее доступными профессиями для образованных женщин были преподаватель-

ская и медицинская деятельность. Однако немалая часть женщин продолжала заниматься только воспитанием детей и домашним бытом.

Эксперты ООН утверждают, что стабильность общества без участия женщин в политике невозможна. Устойчивое развитие достигается, а социальная сфера нормально функционирует там, где представительство женщин во властных структурах составляет не менее 30% [6].

Существуют многообразные формы участия женщин трудоспособного возраста в политической и общественной жизни российских регионов. В качестве приоритетных форм выступают вовлеченность в законодательные структуры, систему государственного и муниципального управления, судебную систему; участие женщин в избирательных компаниях, общественно-политических объединениях, правозащитной деятельности, что свидетельствует об активизации гендерного ресурса.

В государственном секторе экономики в 2009 г. работали 31,2% мужчин и 37,3% женщин трудоспособного возраста. Преобладание женщин объясняется их работой в бюджетных сферах: здравоохранении (84%), образовании (80%), социальном обеспечении (74%) и др. Высок удельный вес женщин в жилищно-коммунальной сфере (64%), оптовой и розничной торговле (63%), обрабатывающих производствах (43%). Наблюдается снижение доли женщин в следующих отраслях: финансы, кредитование, страхование и пенсионное обеспечение [7–8].

Женское начало в целом и в политике в частности играет связующую, объединяющую роль. Если оно блокируется, не реализуется, общество не получает необходимой устойчивости и стабильности.

В современном обществе женщина сама вправе выбирать себе вид деятельности. Она может успешно совмещать роль матери, жены и профессионального работника, лидера.

Однако для женщины потребность в детях — это «мотив-донор», который заставляет ее бороться за себя, детей, семью. Это внутренний, «подлинный мотиватор» ее поведения. Такие цели как лучшее будущее детей, их безопасность, благополучие, становятся доминирующими в женском поведении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сытых О. Л. Мир ценностей российской молодежи в контексте динамики современного социума // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2/2.
2. Березовская Г. В. Женщины на рынке труда г. Усть-Илимска: гендерное неравенство и пути его преодоления // Альманах современной науки и образования. № 4 (11). Тамбов, 2008. Ч. 2.

3. Поленина С. В. Гендерное равенство: проблема равных прав и равных возможностей мужчин и женщин. М., 2005.
4. Кочкина Е. В. Гендерные раскопки российской истории // В России что-то происходит. М., 2000.
5. Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности / под ред. Т. А. Мелешко. СПб., 2007.
6. Нагайцев В. В. Социальный капитал участников конфликта // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 4. Барнаул, 2012.
7. Канапьянова Р. М. Женщины в системе государственного управления // Социологические исследования. 2007. № 2.
8. Тюрина И. О. Гендерные аспекты занятости и управления // Социологические исследования. 2002. № 11.

Я. С. Кабакова (Барнаул)

СОЦИКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО МОЛОДЕЖНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА

Молодежь представляет собой объект национально-государственных интересов, один из главных факторов обеспечения развития государства и общества. Как и другие социальные группы, молодые люди неизбежно имеют отношение к политической сфере жизни общества. Однако вопрос о степени включенности молодежи в политический процесс как реальных субъектов политических отношений является дискуссионным. В частности, на эту проблему обращает внимание С. А. Воронина [1].

Явления политического участия и лидерства являются объектами изучения различных наук и исследовательских коллективов, что определяет дифференциацию подходов к их объяснению. Современные подходы к исследованию лидерства имеют не только различные истоки, но и различаются по своей дисциплинарной принадлежности. Изучением политического лидерства наряду с другими науками в равной мере заняты как политологи, так и психологи, а также социологи. Каждая из этих наук объясняет феномен лидерства, апеллируя к личным качествам лидера, к потребности общества в лидере, к особенностям группового сознания. Однако наибольший интерес в рамках данной работы представляет социокультурная детерминация молодежного политического лидерства. В соответствии с социологическим подходом к изучению политического лидерства именно

факторы социокультурной среды определяют ценности, убеждения, мотивы, профессиональные стратегии, цели человека. Использование социологического подхода позволит сформировать социокультурный портрет молодежного политического лидера, обобщить представления о феномене современного молодежного политического лидерства, особенностях категории молодежных лидеров. Социокультурный анализ современных проблем молодежи наиболее часто попадает в зону внимания социологов. Так, данный вопрос поднимает в своем исследовании, например, Е. А. Попов [2].

Политическое лидерство молодежи как социально-демографической группы можно считать феноменом современного общества. Как показывают данные статистики, доля молодых людей в возрасте от 18 до 30 в политических структурах, будь то партии, органы власти, молодежные политические движения, не превышает 2% [3]. При этом молодежное политическое лидерство можно классифицировать по формам политического участия — лидеры протестных политических движений, лидеры политических структур (молодежный парламент), партий, движений. Среди всех прочих групп в отдельную категорию можно выделить активных участников краевых программ, проектов, нацеленных на выявление лидеров из числа молодежи Алтайского края, примером которого является реализованный в 2011 г. проект реалити-шоу «Народный политик».

Таким образом, молодежь выбирает различные стратегии политического участия. Категории молодых людей, сознательно принимающих решение строить политическую карьеру или же принимать участие в политике, используя оппозиционную, протестную модель поведения, можно характеризовать, используя совокупность показателей их базового социального статуса, мотивов, интересов, ценностей, целей, которые в совокупности составляют социокультурный портрет среднестатистического молодежного политического лидера.

Подобный анализ портретов молодых лидеров представляет интерес по причине аполитичности подавляющего большинства молодых россиян, в том числе и жителей Алтайского края, не признающих на сегодняшний день авторитет действующих политиков. В данном контексте целесообразно исследовать социокультурный портрет тех молодых людей, которые сознательно участвуют в политической жизни города, края и добиваются успеха в этой сфере деятельности. Целесообразно провести анализ социокультурных основ молодежного политического лидерства по ряду показателей — профессиональный портрет, социальное самочувствие, ценностный и мотивационный компоненты. При этом большое значение имеет форми-

рование выборки исследования. Выборку исследования составят молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет, представляющие различные формы политического участия — лидеры протестных политических движений, представители молодежного парламента, партий, движений. Для апробации инструментария исследования было проведено пилотажное анкетирование среди членов молодежного парламента Алтайского края. Целью исследования было выявление мотивации, результативности политического участия, личной удовлетворенности результатами политического участия.

Большинство молодых парламентариев наиболее эффективными способами влияния молодежи на политику считают выдвижение своей кандидатуры на выборах, а также прямые контакты с представителями органов власти. 23 % опрошенных признают членство в политической партии как эффективный механизм политического участия. Напротив, такие организационно-правовые формы как участие в выборах, протестная активность и, как ни странно, членство в молодежном парламенте, не получили признания в среде парламентариев в качестве результативного механизма участия в политике. Опрошенные признают относительную сложность принятия самостоятельных решений молодежным парламентом города. Более 70 % респондентов в возрасте 21 года — 23 лет отмечают, что большинство решений определяются вышестоящими структурами, доля инициатив, исходящих от молодежи, находится на низком уровне. По факту реализуются, как правило, менее половины проектов молодых парламентариев.

Члены молодежного парламента указывают на пассивность большей части своих коллег, нежелание выступать инициаторами каких-либо проектов. По словам молодежи:

«...некоторые сами не понимали, зачем сюда шли»;

«...их в последнее время невозможно мотивировать на активность»;

«...многие пришли за компанию с друзьями, просто «потусоваться».

Что касается мотивации политического участия, то почти половина опрошенных членов молодежного парламента мотивированы к активности желанием построить политическую карьеру. 40 % опрошенных указывают на стремление участвовать в общественной жизни города и края, выступать в защиту интересов молодежи, а также отмечают возможность самореализации как один из ведущих мотивов политического участия.

Важно отметить низкий уровень показателя личной удовлетворенности результатами политического участия в опрошенной группе молодых парламентариев. Члены молодежного парламента чаще

всего отмечают в качестве результатов своей политической активности различные социальные акции, направленные на поддержку детей-сирот, повышение политической грамотности школьников, проведение бесед, викторин, иных образовательных мероприятий. При этом 40% опрошенных затруднились назвать реальные результаты своей политической деятельности. Часть опрошенных (20%) признали, что деятельность молодежного парламента достаточно слаба и практически не освещается, поэтому конкретные результаты назвать сложно.

Представителям молодежного парламента также был задан блок вопросов, касающихся протестного потенциала. Как следует из официальных источников, протестный потенциал молодежи Алтайского края, в сравнении со столичной молодежью, жителями мегаполисов, находится на достаточно низком уровне. По данным, предоставленным в официальном отчете Главного управления МВД по Алтайскому краю, бурный всплеск протестных настроений населения Алтайского края наблюдался в крае в 2011 г. Акции зачастую носили общественно-политический характер, причем велика в них доля протестных акций, основными участниками которых является молодежь. За 12 месяцев 2011 г. на территории края состоялось 990 общественно-политических акций, в том числе 141 протестная акция и 9 несанкционированных публичных мероприятий. Для сравнения, уже в 2012 г. общее число акций сократилось более чем в пять раз, количество протестных мероприятий уменьшилось больше чем в 3 раза. Несанкционированных акций, сопровождающихся беспорядками, нарушениями законодательства, органами внутренних дел за 2012 г. не зафиксировано [4].

Анкетирование членов молодежного парламента демонстрирует низкий уровень протестного потенциала. 94% никогда не принимали участия в массовых акциях протестного характера (как санкционированных, так и нелегальных). При этом 70% из них ни при каких обстоятельствах не приняли бы участия в митингах. Хотя в то же время отношение молодежи к протестному движению либо положительное, либо нейтральное. Больше половины опрошенных считают, что протестующие, в том числе и молодежь, отстаивали свои права, воспринимают протесты как борьбу за справедливость, за реализацию гражданами своих прав и свобод. Однако несмотря на протестный импульс в столичной политической жизни, а также оценивая участие в митингах как один из результативных способов политического участия, молодые представители молодежного парламента сами не готовы принимать в них участие.

Таким образом, результатом пилотажного исследования стало формирование общих представлений о ценностно-мотивационном компоненте молодежного политического лидерства. Проведенное анкетирование группы молодых парламентариев позволяет говорить в большей степени о профессиональной, карьерной мотивации молодых парламентариев. Дальнейший сбор и анализ данных по ряду показателей и индикаторов, компонентов социокультурного портрета позволит сделать выводы об особенностях профессионального и социального статуса молодых политических лидеров Алтайского края.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Воронина С. А. Феномен молодежной культуры в социокультурном аспекте: смысловые грани анализа // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сб. статей. Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2011.
2. Попов Е. А. Человек и его духовная деятельность в центре внимания социологии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сб. статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.
3. Сайт: www.gks.ru.
4. О деятельности органов и подразделений внутренних дел Алтайского края за 9 месяцев 2012 года : отчет начальника ГУ МВД России по Алтайскому краю Р. З. Тимерзянова [Электронный ресурс]. URL: <http://22.mvd.ru/document/767951>

Г. С. Бобина (Барнаул)

КОНСТИТУЦИЯ РОССИИ КАК ЦЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ДЕЙТЕЛЬНОСТИ

Каждая современная конституция представляет собой документ не только юридический, но и политический, ценностный, идеологический. Очевидно, что постоянные дискуссии о современном российском государстве и обществе, о векторе развития России и выборе адекватной системы ценностей, о нашем месте в мировом сообществе не могут продолжаться без концептуального и предметного обращения к духу и букве Конституции РФ.

Свежим взглядом на главный закон страны стал аксиологический подход, т.е. оценка правовых норм как ценностей. Аксиология базируется на идеях двух великих мыслителей. Так, философ И. Кант в своих

размышлениях о сущем и должном обозначил проблему нормативности. Социолог Э. Дюркгейм в ходе работы над теорией ценностей пришел к выводу, что общество самостоятельно создает те нормы, которые потом становятся обязательными для каждого отдельного гражданина.

Аксиология дает возможность сравнивать номиналистский подход к конституционным ценностям с социологическим, который подразумевает сопоставление ценностей. Дух Конституции заключен между ее строк, прочтение его с помощью социально-философского анализа, как нам представляется, поможет выявить глубинный смысл основного закона страны. Под «духом» мы подразумеваем совокупность базовых жизненных ценностей, имеющих долговременное культурно-историческое и социально-гуманитарное значение.

Упрочению значения Конституции как основного закона страны способствовали две основные тенденции — идея иерархичности законов и становление прав человека. Так, отмечает М. Петрова, «сливаясь, эти два процесса и породили конституционализм: с одной стороны, естественные принципы, воплотившись в законах, затем подразумевали возникновение вопроса об иерархии этих законов, с другой — повышение ценности неотъемлемых естественных прав человека, таких как жизнь, свобода, безопасность, на сегодняшний день признанных большинством государств, требовало их закрепления на самом высоком уровне. С этого момента конституция как акт высшей юридической силы, закрепляющий основные и неотъемлемые права человека, и вызревала как ценность» [1].

Считаем необходимым отметить, что каждая конституция пишется для народа, страны и государства. Конституция призвана, кроме всего прочего, устанавливать некий образ общества, а тем временем зафиксированные в конституции ценности и нормы нередко оказывают сильное влияние на дальнейшее развитие общества.

Рассмотрим, какие ценности, относящиеся к обществу, должны стать основополагающими в его конституции. Так, российский философ Н. С. Розов выделяет следующие моменты. «Народ на своей земле». По мнению автора необходимо обратить внимание на эту конструкцию. Общество не может считаться сохраненным, если народ изгнан со своей земли. Неважно, находится ли народ на новой земле или та же земля заселена новым народом — это всегда иные общества. Поэтому непреложными являются также ценности свободы народа и суверенности государства.

Влияние и авторитет страны на внешней арене всегда были, остаются и будут в дальнейшем важными составляющими успеха общества. Необходимо вычленить такой уровень влияния, который дол-

жен считается достаточным. Этот уровень зависит прежде всего от ответственности амбициям элиты, влиятельных групп и большинства населения, тогда как сами эти амбиции определяются как размерами страны, так и прежней геополитической и геокультурной историей. По мнению Н. С. Розова, «имперское и сверхдержавное прошлое России претендуют на «величие», поэтому любые предложения «смириться со скромной ролью региональной державы средней руки» никогда не получают широкой и устойчивой популярности» [2, с. 161].

Необходимым ценностным компонентом сохранения общества является культура. Именно культура как совокупность передающихся из поколения в поколение образцов поведения, сознания и материального окружения оказывается необходимым ценностным компонентом сохранения общества. Многонациональный народ в России есть некое субъектное единство, которое включает как минимум два культурных слоя: множество этнических культур, а также общую для всех культуру с общим языком.

Получаем некую формулу, включающую главные общенациональные и государственные ценности: народ со своей культурой, суверенным влиятельным государством, обеспеченной безопасностью и справедливым социальным порядком, способный самостоятельно существовать на своей обустроенной земле [2, с. 162].

Традиционные общепринятые определения в виде «основной закон», «главный политико-правовой документ» и некоторые другие говорят о том, что исторически и в настоящее время конституция — это всегда что-то большее, чем нормы права. Это одновременно и набор ориентиров, организующих жизнь человека, общества и государства, и содержательная система ценностно-смысловых координат взаимосвязи человека, власти и свободы. Одним словом, конституция — это всегда бережное обобщение опыта жизни страны с четко заданными целями, внятно оформленными смыслами, определяющими стратегию ее развития, моделирующими ее желанное и возможное будущее.

В результате проведенных рассуждений можно сделать вывод о том, что Конституция РФ как важнейший мировоззренческий концепт жизненного пространства, является неоспоримой ценностью современной российской действительности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. URL: <http://krasn.pravo.ru/urgent/view/37835/>.
2. Розов Н. С. Конституционные ценности, смысл истории и тройственное самоиспытание обществ // *Общественные науки и современность*. 2013. № 4.

О. А. Иванова (Барнаул)

СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК СОЦИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ С НАЧАЛА 2000-х гг.*

Под социальным положением сельской молодежи Алтайского края нами рассматривается, во-первых, совокупность социальных позиций представителей данной территориально-демографической группы населения региона в иерархии групп в социальной структуре общества, во-вторых, комплекс ресурсов, которыми располагают представители группы для удовлетворения своих территориальных интересов в пределах соответствующего сельского муниципального района как месте постоянного проживания.

Используя экономико-социологический подход к исследованию социальной структуры общества, разработанный коллективом ученых Новосибирской экономико-социологической школы под руководством Т. Заславской [1, 2], в качестве одного из теоретико-методологических оснований изучения социального положения сельской молодежи, мы полагаем, что его профессионально-трудовые характеристики «идентифицируют» представителей данной территориально-демографической группы населения в качестве элемента профессионально-должностной и социально-трудовой социальных структур. В состав указанных характеристик социального положения могут быть включены «статус» занятости (наемные работники, работодатели, лица, работающие на индивидуальной основе, неоплачиваемые работники семейных предприятий, члены коллективных предприятий и др.), вид экономической активности (экономически активное население, в том числе занятые в экономике и безработные, экономически неактивное население), отраслевая принадлежность основного занятия (промышленность, сельское хозяйство, образование и т.д.), уровень образования, продолжительность занятости наемных работников (постоянная, временная, разовая и т.д.) и др.

* Приведены оценочные данные, поскольку опубликованные результаты Всероссийской переписи населения 2002 г. содержат данные о возрастной группе 15–29 лет, в то время как в настоящем исследовании население в возрасте 15 лет в составе сельской молодежи не учитывается. Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект «Сельская бедность в России: современные тенденции, социальные механизмы формирования и преодоления», грант № 11-03-00667а, руководитель – А. М. Сергиенко).

Исследование экономической активности сельской молодежи Алтайского края (по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.) показало, что две трети ее представителей (66,7%, или 120,8 тыс. чел.) являются экономически активным населением (74,2% мужчин и 59,0% женщин), что соответствует среднему показателю по РФ и на 2,1 п.п. превосходит соответствующий показатель по Сибирскому федеральному округу (СФО) (для городской молодежи региона соответствующие показатели составили 65% (297 тыс. чел.), 72 и 59%). Несмотря на то, что доля занятой в экономике экономически активной сельской молодежи региона (82,7%) меньше городской молодежи и более старшего сельского населения трудоспособного возраста на 4,4 и 4,0 п.п. соответственно, она превышает соответствующие общеокружные и общероссийские показатели (79,4 и 79,6%). В свою очередь доля безработных представителей сельской молодежи в Алтайском крае составляет 17,3%, или почти 21 тыс. чел. (мужчины — 15,9%, женщины — 19,0%), что меньше, чем в среднем по округу и по стране (20,3 и 20,6% соответственно), однако существенно выше, чем среди городской молодежи региона (12,9%). Отметим, что с начала 2000-х гг. соотношение занятой в экономике и безработной сельской молодежи практически не изменилось, однако примерно на 10% увеличилась доля экономически активной сельской молодежи.

Несмотря на большую долю безработных в составе экономически активной сельской молодежи по сравнению с городской, доля безработной сельской молодежи во всем безработном экономически активном сельском населении составляет 30,3%, что существенно ниже (на 14,8 п.п.) по сравнению с соответствующим показателем среди городского населения. Отметим, что доля безработной сельской молодежи Алтайского края во всем безработном экономически активном сельском населении также меньше соответствующих показателей по СФО и РФ (36,8 и 39,9%).

Алтайский край также отличается наименьшим разрывом между показателями доли безработных среди сельской молодежи и сельского населения более старшего трудоспособного возраста почти 1,3 раза (17,2 и 13,2% соответственно), в то время как аналогичные показатели по СФО и РФ составили 1,5 и 1,7 раза соответственно. Отметим, что разрыв между показателями доли безработных среди городской молодежи региона и городского населения более старшего трудоспособного возраста составляет почти 2 раза.

Исследование статуса занятой в экономике сельской молодежи Алтайского края (по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.) показало, что доля работающих по найму, составляющих подавляю-

щее большинство занятых в экономике сельской молодежи региона (95,8%, или 96 тыс. чел.) — немногим меньше, чем в среднем по округу и по стране (96,6 и 96,3% соответственно) и больше по сравнению с городской молодежью (94,5%). Значительная часть работающей не по найму сельской молодежи региона (72,7%) не привлекают наемных работников и только четверть используют наемный труд. Отметим, что с начала 2000-х гг. соотношение работающей по найму и не по найму сельской молодежи региона практически не изменилось.

В свою очередь экономически неактивным населением является треть (33,2%, или 60 тыс. чел.) сельской молодежи Алтайского края (25,7% мужчин и 41,0% женщин), что практически соответствует общероссийскому показателю и на 2 п.п. меньше значений по федеральному округу и для городской молодежи. Треть экономически неактивной сельской молодежи в качестве источников средств к существованию использует стипендии, десятая часть — пенсии, четверть получают различные социальные пособия (кроме пособия по безработице), работают в личном подсобном хозяйстве, имеют сбережения, получают доходы от сдачи внаем или в аренду имущества, находятся на иждивении и др.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., послевузовское образование имеет незначительная часть сельской молодежи региона (0,5%), что совпадает с общероссийским показателем и на 0,2 п.п. ниже соответствующего показателя среди городской молодежи региона. Доля представителей сельской молодежи, имеющих высшее профессиональное образование (9,4%), меньше по сравнению с молодыми горожанами и с сельской молодежью в целом по стране в 2 и 1,2 раза соответственно, однако незначительно превышает соответствующий показатель по СФО. Отметим, что доли представителей сельской молодежи с послевузовским и высшим профессиональным образованием выше соответствующих общеокружных значений (на 0,1 и 0,8 п.п.). Неоконченное высшее профессиональное образование имеют менее 5% сельской молодежи региона, т.е. почти в 3 раза меньше по сравнению с городской молодежью, а также ниже соответствующих общероссийских и общеокружных показателей (6,3 и 4,6%). Около четверти (21,8%) сельской молодежи Алтайского края имеет среднее профессиональное образование — чуть ниже, чем в среднем по стране и среди городской молодежи (22,4 и 24,8% соответственно) и немного превышает соответствующий общеокружной показатель (на 0,8 п.п.).

Начиная с уровня начального профессионального образования отличия сельской молодежи от городской становятся более существенными. Так, начальное профессиональное образование имеет практи-

чески десятая часть (10,8%) молодых селян, что в 2 раза выше по сравнению с городом, а также незначительно превышает соответствующие общероссийские и общеокружные показатели (8,5 и 9,1%). Таким образом, чуть более половины (53,4%) представителей сельской молодежи региона не имеет профессионального образования, что в 1,4 раза меньше по сравнению с городской молодежью. Однако несмотря на то, что в сравнении со страной в целом сельская молодежь региона имеет более низкий уровень профессионального образования, он все же немного выше в сравнении с общеокружным (на 3 п.п.). Общее образование имеет почти половина (52,0%) сельской молодежи Алтайского края, что в 1,5 раза выше, чем городской, и на 2 п.п. выше, чем в среднем по стране, и в то же время на 2,9 п.п. ниже, чем в среднем по округу. Не имеют даже начального общего образования около 1,3%, или 2 тыс. представителей сельской молодежи региона, что существенно выше по сравнению с городской (0,3%, или 0,9 тыс. чел.) и практически совпадает с общеокружным показателем. Отметим, что значительная часть не имеющих начального общего образования представителей сельской молодежи региона (70,0%, или 1,7 тыс. чел.) являются неграмотными.

С начала 2000-х гг. сельская молодежь региона повысила уровень своего образования. В частности, значительно изменилась структура профессионального образования сельской молодежи: на 0,4% выросла доля лиц с послевузовским образованием, на 5% — с высшим образованием, на 2% — лиц с неполным высшим образованием, на 4% — со средним профессиональным образованием, в то же время на 8% снизилась доля лиц с начальным профессиональным образованием. Структура общего образования сельской молодежи также изменилась: на 4% снизилась доля лиц с основным образованием, на 1% — с начальным образованием, в то же время на 2% увеличилась доля лиц со средним образованием. На 0,3% снизилась доля лиц, не имеющих даже начального общего образования.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., молодые сельские женщины по сравнению с молодыми сельскими мужчинами отличаются меньшей долей (в 1,3 раза) экономически активного населения — 59,0%, а также более высокой долей (на 3,1 п.п.) безработных в его составе. В то же время уровень образования молодых сельских женщин выше, чем мужчин, например, доли лиц с высшим профессиональным образованием различаются почти в 1,8 раза (12,5 и 6,8% соответственно), с неполным высшим профессиональным образованием — в 1,7 раза (5,3 и 3,1% соответственно). В то же время молодые сельские женщины по сравнению с молодыми мужчинами

по состоянию профессионально-трудовых характеристик своего социального положения в большей степени уступают соответствующим территориально-демографическим группам городского населения.

Таким образом, по результатам анализа состояния и динамики профессионально-трудовых характеристик социального положения сельской молодежи Алтайского края с начала 2000-х гг. выделены их некоторые особенности.

Молодые сельские жители отличаются меньшей долей занятых в экономике в составе экономически активного населения, более низким уровнем образования по сравнению с городской молодежью и более старшим сельским населением трудоспособного возраста. Однако доля безработной сельской молодежи региона значительно ниже по сравнению с соответствующими территориально-демографическими группами населения на уровне Сибирского федерального округа и страны в целом. В то же время между сельской молодежью и более старшим сельским населением трудоспособного возраста выявлено значительно меньшее отставание профессионально-трудовых характеристик социального положения их представителей по сравнению с соответствующими группами населения в городах, что позволяет сделать вывод о большей однородности сельского трудоспособного населения региона по сравнению с городским по рассматриваемым характеристикам социального положения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Заславская Т. И. Трансформация социальной структуры // Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М., 2002.
2. Заславская Т. И., Рывкина Р. В. Социальная структура советского общества: экономико-социологический аспект // Социология экономической жизни: очерки теории. Новосибирск, 1991. Гл. 12.

Д. К. Щеглова (Барнаул)

СОЦИАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

В современных условиях развития науки возрождается интерес к изучению гражданского общества, к его трактовке, формам проявления, элементам, механизмам формирования. Несмотря на накопленные теоретические и практические знания в этой области, нет

даже единого определения понятия «гражданское общество». С позиции каждой сферы знание «гражданское общество» трактуется различно. Помимо всего прочего об актуальности данной темы свидетельствует распространенность демократических ценностей, принципов, институтов в России и, как следствие, возросшая необходимость в гражданском обществе.

Для начала необходимо определить, что же все-таки представляет собой понятие «гражданское общество. Некоторые исследователи рассматривают гражданское общество как систему самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений, которые ориентированы на создание условий для реализации интересов и потребностей, как индивидуальных, так и коллективных, а также на обеспечение жизнедеятельности, воспроизводства и трансляции социальной, социокультурной и духовной сфер общества [1, с. 60]. Также можно отметить еще одно определение, в котором гражданское общество есть область частной, неподконтрольной напрямую государству жизни людей. Сюда включают такие отношения, как отношения частной собственности, имущественные и наследственные, семейные и родственные [2, с. 8]. Более четким, на наш взгляд, является определение данного понятия приведенное в юридическом словаре: гражданское общество — совокупность отношений в экономике, культуре и других сферах, развивающихся в рамках демократического общества независимо, автономно от государства. Основными элементами гражданского общества являются разнообразие и равенство форм собственности, свобода труда и предпринимательства, идеологическое многообразие и свобода информации, незыблемость прав и свобод человека, развитое самоуправление, цивилизованная правовая власть [3].

Основополагающими признаками гражданского общества являются:

- 1) юридическая свобода человека, владение частной собственностью;
- 2) справедливое правовое государство;
- 3) свобода взаимоотношений индивидов, невмешательство государства в личную жизнь;
- 4) наличие независимых от государства субъектов, действующих самостоятельно в рамках закона: партии, общественные объединения и движения, предприниматели, НКО и др.;
- 5) рыночная экономика [4].

Говоря о гражданском обществе, необходимо отметить практики, реализация которых и способствует формированию гражданского общества. Так, И. В. Мерсиянова к практикам гражданского обще-

ства относит взаимопомощь и взаимную поддержку, частную филантропию и добровольческую деятельность, участие в деятельности негосударственных некоммерческих организаций, гражданских инициатив, добровольное участие в общественной работе, защита своих прав, участие в местном самоуправлении, ответственность и др.

Научным коллективом Высшей школы экономики проведено исследование, в ходе которого по обозначенным практикам были разделены регионы по предпосылкам развития гражданского общества от «очень неблагоприятных» до «очень благоприятных». Степень благоприятности определялась на основании сравнения регионов друг с другом, а не с искусственным эталоном. (В группу, где предпосылки развития гражданского общества определяются как очень благоприятные, входят лишь три субъекта РФ: Архангельская, Вологодская и Челябинская области) [5, с. 190]. Интересные результаты получены и алтайскими социологами (см.: [6]).

В результате исследования можно составить картину самого «идеального» российского региона, если собрать все самое лучшее со всех регионов: 35% населения полагают, что большинству людей можно доверять, и 84% доверяют больше людям, с которыми у них много общего, 74% относят себя к людям, готовым объединиться с другими людьми для каких-либо совместных действий, если их интересы и идеи совпадают, 71% полагают, что в их окружении больше согласия и сплоченности. В отношении добровольчества и частной филантропии были бы вовлечены 77% населения. Ощущали бы в полной мере ответственность за то, что происходит в доме, во дворе по месту жительства, 44% населения; в городе (селе, поселке) — 17% [5, с. 191].

На основании проведенных социологических исследований, Мерсиянова говорит о том, что основную роль в формировании гражданского общества играют те люди, которые участвуют в социальных практиках гражданского общества или, по крайней мере, ориентированы на это, что подразумевает наличие у них определенной системы ценностей, навыков выстраивания взаимоотношений с другими людьми, организациями и органами власти исходя из основных принципов гражданского общества, и в целом наличие определенных форм ориентаций на поддержание функционирования институтов гражданского общества (деятельностной, информационной, нормативно-ценностной) [5]. Мерсиянова опровергает в своих исследованиях существующее в быту мнение о том, что пенсионеры являются наиболее социально активными. Молодые люди, а также представители среднего возраста более активны, и их роль в формировании гражданского общества велика.

На основании всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что гражданское общество представляет собой систему самостоятельных институтов общества и отношений в различных сферах, развивающихся независимо от государства [7]. Направленность деятельности таких институтов и отношений ориентирована на создание условий для реализации интересов и потребностей как индивидуальных, так и общественных, помимо этого, на обеспечение жизнедеятельности, воспроизводства и трансляции социальной, социокультурной и духовной сфер общества. Для вовлечения населения в процессы формирования гражданского общества необходимо повышение информированности о деятельности НКО, гражданских инициатив и других общественных организаций, а также необходимо формирование положительных установок на участие в конкретных практиках гражданского общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Боярских А. В. Элементы гражданского общества в социально-политических теориях // Вестник БИСТ. 2009. № 4.
2. Дмитриев Ю. А., Кучерена А. Г. Гражданское общество в России. Проблемы становления и развития : учебное пособие. М., 2009.
3. Гражданское общество // Юридический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/14116>.
4. Кожевников С. Н. Гражданское общество: понятие, основные признаки, предпосылки формирования в России // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2002. № 1 (5).
5. Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством / под ред. Л. И. Якобсона. М., 2008.
6. Максимова С. Г. Социально-экономические и социально-политические угрозы безопасности в оценках населения приграничных регионов России // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2012. № 12 (98).
7. Максимова С. Г., Гончарова Н. П., Ноянзина О. Е. Социально ориентированные некоммерческие организации в Российской Федерации: состояние и перспективы развития / под общ. ред. С. Г. Максимовой. Барнаул, 2013.

С. А. Семьянов (Барнаул)

ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЗМА КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

В Российской Федерации с 2001 г. функционирует государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации». Она осуществляется по запланированным комплексам мероприятий на пять лет. Актуальная на сегодня программа была утверждена 5 октября 2010 г. постановлением Правительства Российской Федерации. В ней Правительство РФ под руководством председателя В. В. Путина сформировало комплекс правовых, нормативных, организационных, методических, исследовательских и информационных общероссийских и межрегиональных мероприятий по дальнейшему развитию и совершенствованию системы патриотического воспитания граждан, направленных на становление патриотизма в качестве нравственной основы формирования их активной жизненной позиции.

Для эффективности патриотического воспитания, на оказание которого направлены выше перечисленные мероприятия, необходима единая государственная политика, проводимая в условиях продуктивного взаимодействия органов государственной власти федерального, регионального и муниципального уровней и общественных организаций. В целях повышения качества патриотического воспитания принимаются меры по улучшению организации мероприятий, соответствующих тематике патриотизма. Для дальнейшей прогрессивной динамики системы воспитания патриотизма необходимо совершенствование российского законодательства в этой сфере, материальной и технической базы патриотического воспитания, подготовка профессиональных организаторов и высококвалифицированных специалистов в данной сфере деятельности. Привлечение средств массовой информации, культуры и Интернета для эффективного воспитания патриотизма у граждан РФ [1].

С 2012 г. Президент РФ В. В. Путин продолжил развивать идеи патриотизма уже на новом уровне, как национальной идеи государства. 12 сентября 2012 г. на встрече с представителями общественности он указал на необходимость создания определенного «фундамента». Необходимо основа развития социально значимых сфер жизнедеятельности нашего государства, в качестве такой основы был выделен па-

триотизм как социально-психологический феномен, способный стать национальной идеей России. 12 декабря 2012 г., в день Конституции Российской Федерации, Президент РФ выступил с ежегодным посланием Федеральному Собранию. Он отметил, что в современном мире на фоне новой расстановки сил Россия должна стать и остаться суверенной и влиятельной страной. Она должна не просто уверенно развиваться, но и вместе с тем сохранять свою национальную и духовную идентичность, т. е. не потерять себя как нация. Обращаясь к Конституции, президент отметил то, что общенародная ответственность за страну перед прошлыми и будущими поколениями есть важнейший принцип российской государственности, поэтому гражданская ответственность, патриотизм — это консолидирующая основа всей государственной политики [2].

Из сказанного выше можно сделать вывод о том, что воспитание патриотизма на государственном уровне становится одной из приоритетных задач внутренней политики. Для ее реализации применяется все больше материальных и интеллектуальных ресурсов, улучшается организация разных уровней, различной направленности, нацеленных на достижение поставленной задачи по воспитанию патриотизма.

Однако среди целей и задач по реализации политики патриотизма довольно слабо прослеживается сущность самого явления. Возникает ощущение размытости границ этого социально-психологического феномена. Отсутствие конкретизированного определенного представления о ключевом социально-психологическом явлении, на котором основывается складывающаяся государственная молодежная политика, может крайне неблагоприятно сказаться на ее практической реализации. Такая неопределенность связана с особенностями явления, его неоднозначностью и противоречивостью. Патриотизм как социально-психологическое явление, можно охарактеризовать как отношение субъекта к чему-либо. Это явление обладает крайней неоднозначностью, поэтому имеет различные акцентуации [3].

С одной стороны, патриотизм — это процесс, направленный на создание, укрепление и сохранение различных систематически структурированных связей и отношений между субъектами социума, с точки зрения эффективности и продуктивности взаимодействия между ними и окружающей их средой. Это определенное позитивное отношение субъекта к чему-либо, и такой взгляд наиболее точно отражает понятие «национализм» (в его положительном значении). Именно позитивное отношение к одному или нескольким объектам, кото-

рые можно идентифицировать по каким-либо признакам. Если сфокусировать взгляд с этой точки зрения, то положительное отношение к своей социальной общности, ее культуре, территории, социально-психологическим особенностям не вызывает противоречий.

С другой стороны, если рассмотреть данную точку зрения в мировом контексте разнообразия социальных общностей, культур, территорий, социально-психологических особенностей, то возникает вопрос относительно отношения к ним субъекта патриота, который любит свою определенную родину. Не имея представлений о сущности и особенностях других народов, велика вероятность их отрицания ввиду различий между ними. Восприятия других в негативном контексте, как чужих, инородных, дает почву для развития крайне опасных шовинистических, национал-социалистических, экстремистских и других социальных отношений. Потенциально возможный острый конфликт не может положительно сказаться ни на одной из участвующих в конфликте сторон, так как каждая сторона несет какие-либо потери и получает вред. Учитывая это обстоятельство, истинное положительное отношение не должно в результате приносить вред, иначе оно окажется ложным [4].

Противоположная акцентуация патриотизма, его другая сторона, будет заключаться во взаимоотношении различных социальных общностей. Такое взаимоотношение включает в себя социально-психологический феномен, как интернационализм — процесс формирования и развития идей толерантности и совместной инициативной деятельности субъектов, этнические и культурные характеристики которых различаются. Общие цели имеют приоритет над частными. Такой взгляд наиболее точно характеризует понятие «интернационализм». С этой точки зрения развитие идеи толерантности может трансформироваться в идеи о «социальном мире без этнических, культурных и социально-психологических различий». Однако устранение культурно-антропологического разнообразия угрожает прогрессивной динамике развития всего человечества, так как в результате утрачиваются культурные и духовные ценности, которые являются основой формирования человека [5].

Патриотизм должен включать в себя два социально-психологических явления — национализм и интернационализм — в рамках диалектического противоречия. Сочетание национализма и интернационализма, с одной стороны, сохраняет ценности и укрепляет связи и отношения в определенной социальной общности, с другой стороны, формирует толерантное отношение к ценностям других социальных общностей, создает основу для совместной эффективной дея-

тельности в решении глобальных вопросов. Главные критерии соотношения явлений — вред и польза. Результаты определенной деятельности, осуществляемой конкретной социальной общностью, являясь положительными для субъекта деятельности, не должны быть объективно негативными для других субъектов. Такой же принцип должен действовать в отношении нескольких субъектов.

Благодаря конкретизации термина «патриотизм» и определению его границ исключается возможность негативной деформации направления патриотического воспитания. Усиливаются систематичность, структурированность и ясность проводимой политики, что обеспечивает ее более высокую эффективность и результативность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы»: Постановление № 795 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fadm.gov.ru/docs/9/> (дата обращения 10.10.2013).
2. Послание Президента РФ Федеральному Собранию: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/17118> (дата обращения 10.10.2013).
3. Пронина Е. И., Тобенгауз П. М. Воспитание гражданственности и патриотизма в школе и вузе // Актуальные проблемы социологии молодежи / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург, 2010.
4. Бызов Л. Г. Современный русский национализм как социально-политический фактор // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2012. № 1 (107).
5. Максимова С. Г., Гончарова Н. П., Ноянзина О. Е., Авдеева Г. С., Омельченко Д. А. Патриотизм и национализм: ментальные репрезентации и поведенческие стратегии населения современной России : монография / под общ. ред. С. Г. Максимовой. — Барнаул, 2013.
6. Куц Л. Г. Интернационализм как социально-политический и педагогический феномен // Гуманистические идеи в отечественном историко-педагогическом опыте. Вып. 10–11 / под ред. Н. В. Семеновой. Хабаровск, 2009.

Н. Е. Щеголева (Барнаул)

СЕЛЬСКИЙ ТУРИЗМ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В последнее десятилетие во всем мире возрос интерес к сельскому туризму. Сельский туризм — это вид туризма, который предполагает временное пребывание туристов в сельской местности с целью отдыха и/или участия в сельскохозяйственных работах. От аренды сельского дома он отличается тем, что всю заботу о своих постояльцах — организацию проживания, питания, досуга, а также обслуживание — берет на себя принимающая семья [1, с. 23].

Хорошим примером развития сельского туризма могут служить такие страны, как Англия, Германия, Италия и Франция. Развивается сельский туризм и в России. Одной из причин быстрого развития сельского туризма является кризис в сельскохозяйственном секторе. Сельский туризм позволяет перевести избыток трудовых ресурсов в альтернативный сектор производства услуг и создать новые рабочие места в сельской местности. Более того, сельский туризм является комплексным стимулом развития как сельской местности, так и экономики региона в целом. Он позволяет решить следующие проблемы: сохранение и возрождение в сельских регионах культурного наследия (традиций, обрядов, ремесел, памятников природы, истории, религии и культуры), увеличение занятости сельского населения (в том числе расширение рынка сбыта сельскохозяйственной продукции), сокращение миграции сельской молодежи в город, помогает сельским жителям повысить свой образовательный и культурный уровень. Складываясь первоначально как форма хозяйственной активности и организации свободного времени, сельский туризм начинает занимать определенное место в обществе и, постепенно интегрируясь в общественные отношения, выступать как социальный институт, выполняя экономические, социальные, культурные и иные функции в обществе. Сельский туризм привлекает внимание исследователей из различных отраслей наук. Чаще всего его изучением занимаются экономисты, географы и социологи. Экономисты рассматривают сельский туризм с точки зрения формирования спроса и предложения, его влияния на занятость, экономическое развитие и другие экономические факторы. Внимание географов направлено на проведение экспертизы проектов туристского освоения территорий; составление кадастра рекреационных ресурсов сельского туризма; создание атласов туристского потенциала регионов и т.д. Приори-

тетным направлением социологических исследований сельского туризма является взаимодействие субъектов сельского туризма (туристов, предпринимателей и органов государственной власти) и влияния сельского туризма на общество [2].

При изучении сельского туризма нередко возникает проблема неоднозначной трактовки термина «сельский туризм». Сельский туризм является одним из видов туризма. Как и в случае с определением «туризм», у исследователей нет единого мнения о том, что считать сельским туризмом.

ЕС определяет сельский туризм следующим образом: вся туристская деятельность в сельской местности, за исключением крупномасштабных комплексов, располагающихся в сельской местности и предназначенных для массового отдыха [3, с. 10]. В ООН было дано следующее определение сельского туризма: «Любая форма туризма, демонстрирующая аспекты сельской жизни, искусства, культуры и наследия в сельской местности, которая работает на пользу местным экономическим и социальным сообществам, а также позволяет взаимодействовать туристам и местным жителям с культурно-познавательными целями» [3, с. 10]. С. Лаурен считает, что сельский туризм — это вид туризма, использующий ресурсы сельской местности для удовлетворения потребностей туристов в целях устойчивого развития руральных территорий [3, с. 10]. Отечественные исследователи Л. В. Дубиничева, П. М. Советов полагают правомерным считать синонимами понятия «агротуризм» и «сельский, деревенский, фермерский туризм» и считают, что агротуризм — это вид туристской деятельности по использованию природных, культурно-исторических и иных ресурсов сельской местности для создания комплексного продукта, когда размещение туристов берет на себя принимающая сторона [4, с. 3]. А. Б. Здоров полагает, что при характеристике сельского туризма в качестве синонимов используются термины «агротуризм», «зеленый туризм», «туризм фермы», «деревенский туризм» [5, с. 51].

Н. А. Мозгунов подробно проанализировал различные определения понятия «сельский туризм», выделив подходы к их трактовке в зависимости от условий развития сельского туризма [3, с. 11]. Первый подход преобладает в странах, где развитие сельского туризма было инициировано производителями туристских услуг. В рамках данного подхода понятие «сельский туризм» экстраполируется на все мероприятия, связанные с производством услуг для туристов и отдыхающих. Структуры, занимающиеся оказанием данных услуг, также включены в сельский туризм. Это и различные формы сдачи жилья внаем; производства продукции сельского хозяйства, продук-

тов питания в целом, организации досуга, отдыха, спортивных мероприятий и даже медицинских услуг и реабилитации — сельскохозяйственной терапии.

Второй подход характерен для стран, где развитие сельского туризма началось в рамках государственной поддержки сельского населения и сельских территорий (большинство стран ЕС). В рамках этого подхода при определении понятия «сельский туризм» акцент делается на оказание услуг предоставления ночлега и питания в сельской местности. Этот подход распространен в основном в странах, где долгое время сельский туризм отождествлялся с агротуризмом. Различием в агротуризме и сельском туризме, по мнению Н. А. Мозгунова, является то, что сельский туризм включает в себя не только участие в производстве, переработке и потреблении сельскохозяйственной продукции, но и удовлетворяет потребности рекреантов в познании — туристы посещают объекты культуры, религии, знакомятся с этнографическими особенностями места пребывания [3, с. 11]. В странах Западной Европы, где сельская местность выполняет целый ряд несельскохозяйственных функций, наиболее явно проявляются различия между агротуризмом и сельским туризмом: в районах, практически не производящих сельскохозяйственную продукцию, но сохранивших сильные сельские общины, наиболее распространенным является сельский туризм, в остальных случаях превалирует агротуризм.

Третий подход к определению сельского туризма сформировался в развитых странах Нового Света. Здесь сельские сообщества, в европейском смысле этого слова, практически не существуют, и понятия «агротуризм» и «сельский туризм» практически эквивалентны. Главное внимание в организации пребывания агротуристов уделяется специфике средств размещения в сельской местности. При определении агротуризма во главу угла ставится специфика размещения туристов: «(агротуризм) включает в себя туристские поездки на фермы и ранчо, которые состоят из ряда мероприятий в сельской местности и выращивания сельскохозяйственных культур».

Четвертый подход характерен для развивающихся стран. Во многом его выделение условно, а сформулированные в его рамках определения сильно варьируются от страны к стране. Однако их объединяет то, что имея богатую культуру и традиции в сельской местности, эти страны в большей степени стремятся развивать тот вид туризма, который может максимально выгодно использовать эти ресурсы при создании турпродукта [3, с. 12].

Очевидно, что в данных определениях делается акцент либо на производство туристских услуг, либо на деятельность самих ту-

ристов. Следовательно, в исследованиях сельского туризма либо появляется перекоп в сторону экономического влияния сельского туризма на общество, либо исследуется только досуговый аспект, хотя существует много вопросов, которые могли бы затронуть социологи при изучении сельского туризма. Так, актуальным может быть определение социальной базы сельского туризма, классификация туристских мотивов, социокультурные аспекты сельского туризма, изучение механизмов институализации сельского туризма и т.д.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кундиус В. А. и др. Агротуризм: проблемы и перспективы развития : колл. монография. Барнаул, 2011.
2. Официальный сайт администрации Алтайского края [Электронный ресурс]. URL: <http://www.selo22.ru/>.
3. Мозгунов Н. А. Географические факторы развития сельского туризма в центральной России : дис. ... канд. геогр. наук. М., 2010.
4. Дубиничева Л. В., Советов П. М. Агротуризм в развитии сельских территорий [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vssc.ac.ru/small.php?module=Articles&action=view&aid=427>.
5. Здоров А. Б. Агротуристский комплекс: формирование и развитие. М., 2011.

Е. Г. Мякиш (Барнаул)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНЧЕСТВА О ХАРАКТЕРЕ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (на примере Барнаула)

Во всем мире в последние годы наблюдается увеличение числа межэтнических и межрелигиозных конфликтов. Данный факт непосредственно связан с демократическими основами большинства крупных государств, а также с глобальными миграционными процессами. Под ударом находятся не только межгосударственные, но и международные и межконфессиональные отношения, в том числе внутри страны.

Как известно, Россия в конфессиональном отношении является неоднородной страной, хотя, безусловно, исторически закрепила приверженность к православию. К тому же, как закреплено в Конституции Российской Федерации, наша страна является светским госу-

дарством, Православная церковь не пользуется в данном случае конституционными привилегиями, как в некоторых других странах. Такое положение создает не только нейтральную обстановку и позволяет реализоваться межконфессиональному диалогу, но и делает его напряженным в связи с различными особенностями каждой из религий и менталитетами наций. Современные миграционные процессы в нашей стране способствуют развитию конфликтов на религиозной почве, прежде всего это связано с низким уровнем развития культуры толерантности и уважения представителей разных религий друг к другу. Понятие «религиозные войны» вновь становится актуальным и носит крайне разрушительный характер с точки зрения сохранения стабильности в обществе. «Естественное стремление к равенству объединяет людей, а их субъективное представление о сущности отношений в обществе ... приводит к невозможности равноправного существования» [1, с. 395].

Исходя из существующих в современном обществе проблем, социологи все больше интересуются разрешением межконфессиональных конфликтов.

При рассмотрении проблем толерантности в области религии ключевое значение приобретает межконфессиональный диалог, рассматриваемый в качестве наиболее адекватной формы отношений между приверженцами различных вероисповеданий, служащей достижению согласия между ними. При этом следует иметь в виду различные уровни и аспекты отношений в религиозной сфере, где межконфессиональный диалог приобретает специфический характер: между институционализированными вероисповедными сообществами (принадлежащими к разным религиям либо внутри одной религии); между представителями разных вероисповеданий; между культурно-конфессиональными общностями, сложившимися на базе различных религиозных традиций.

Межконфессиональный диалог может рассматриваться как в узком, так и в широком смысле. В узком смысле под таким диалогом понимается взаимодействие двух религиозных систем на доктринальном уровне, требующее сознательной установки, концептуальной разработки и институционального оформления [2, с. 54].

Разжигание межэтнических и межконфессиональных конфликтов, согласно З. Л. Когану, может также явиться «средством в борьбе за передел мира, возможно, одним из важнейших. Гипотеза о грядущих глобальных столкновениях замкнутых цивилизаций основана в значительной степени на этноконфессиональных факторах». Несомненно, этнический и религиозно-конфессиональный факто-

ры тесно взаимосвязаны. В этой связи наиболее остро встает проблемный «вопрос формирования правовых механизмов преодоления этноконфессиональных факторов, противоречащих глобальным тенденциям» [3].

С целью охарактеризовать представления студенчества о проблеме межконфессиональных отношений, выявить их заинтересованность и информированность по данной проблематике, в марте-апреле 2013 г. было проведено исследование, в котором приняли участие 70 студентов вузов города Барнаула.

Проведенное исследование позволяет сделать выводы о представлениях студенчества о сфере межконфессиональных отношений. Несмотря на низкую информированность студентов о нормативно-правовых актах в сфере религиозных отношений, они четко выделяют проблемы, сложившиеся в современном обществе, и видят, что многие причины этих проблем кроются именно в религиозных взглядах людей. По мнению большинства опрошенных студентов, государству необходимо контролировать межконфессиональную ситуацию в стране для того, чтобы предотвратить негативные последствия. Несомненным является тот факт, что необходимо именно нравственное, толерантное отношение к представителям всех религиозных конфессий, так как это является залогом мирных отношений. Реализация данной функции должна находиться под строгим контролем государства и беспрекословно выполняться.

Причины конфликтов между представителями различных конфессий, по мнению студентов, заключаются в неуважении к законам и традициям той страны, в которой находятся представители ислама. Данной точки зрения придерживаются 47% всех опрошенных студентов.

Также необходимо отметить, что большое внимание респонденты уделяют вопросам правового регулирования, а именно совершенствования нормативной базы, как на государственном, так и на федеральном уровнях в области межрелигиозных отношений. Речь идет о функционировании гражданского общества и его институтов, деятельность которых должна контролироваться и координироваться государством. Требуется активная включенность граждан в институты гражданского общества, их интерес к проводимой политике для осуществления диалога между государственным аппаратом и гражданами. Необходимо следовать основным законам страны, которые устанавливают свободу личности, равенство всех граждан и признание ценности культуры толерантности и нравственности.

В силу большой протяженности нашей страны необходима консолидация граждан, имеющих общей целью сплочение и мирное существование друг с другом. В связи с этим не менее важным представляется также налаживание отношений между соседними странами, так как наблюдается большой приток иностранного населения в нашу страну, который может привести к определенным трудностям и порой конфликтам. Речь идет не столько о каких-либо политических интересах или противоборствах, а больше о сохранении нравственности взаимоотношений именно среди населения соседствующих стран.

За вопросами правового регулирования следуют вопросы, касающиеся уровня культурного развития населения. Неоспорим тот факт, что конфликты в религиозной среде в большинстве случаев являются следствием деградации общества в целом, характерными чертами которого становятся жестокость, насилие, отсутствие моральных принципов. Самым ярким примером является терроризм во всех его проявлениях. Современное общество характеризуется снижением уровня диалогичности культур, хотя данный фактор является ключевым в вопросах регулирования и предотвращения конфликтов. Отсюда следует, что существует необходимость повышения культурного уровня граждан в целом, и прежде всего это включает в себя проявление толерантности по отношению друг к другу, в том числе в религиозных отношениях. Для реализации данной задачи прежде всего необходимо выполнение определенных условий:

- Каждый человек должен четко сознавать свою вероисповедную принадлежность. С точки зрения православных россиян, это, естественно, принадлежность к восточному христианству и понимание России как православной державы;
- Должны быть определены границы диалога: он должен базироваться на основных религиозных догматах, совпадающих в различных конфессиях;
- Должна быть понята цель диалога: взаимное ознакомление с неизвестными сторонами того или иного исповедания и культуры, чтобы прежде всего облегчить совместную работу в культурной и социально-общественной сфере, например, в практической помощи тем, кто в ней нуждается.

Выполнение данных задач в полной мере способствует установлению межконфессионального диалога и воспитанию толерантности граждан.

Исходя из результатов исследования можно сделать вывод о том, что преемственность поколений также является основой формирова-

ния межконфессиональной культуры. Речь идет как о воспитании ребенка в семье согласно моральным установкам общества, так и следовании таким азам в школьных и высших учебных заведениях. Следует отметить, что данные мероприятия на уровне общеобразовательных учреждений не должны навязывать детям определенные представления о плюсах какой-либо определенной религии. Их целью прежде всего является общее развитие школьников, совершенствование их знаний в сфере межконфессиональных отношений, чем одна религия отличается от другой, какие ее отличительные особенности, основные правила и догмы. Все это необходимо для того, чтобы в дальнейшем при взаимодействии в школе, в вузе или даже в компании друзей, человек мог адекватно относиться к представителям другой национальности и, соответственно, конфессии, уважал их традиции, взгляды. Как показывает исследование, по мнению большинства опрошенных респондентов, воспитание толерантности должно начинаться с детских лет.

Столь небольшой перечень задач, которые возникают перед современным обществом в решении межконфессиональных проблем, способен в той или иной степени повлиять на дальнейшее повышение уровня культуры как граждан нашей страны, так и взаимоотношений между соседними государствами. Существуют негативные предпосылки, доказывающие необходимость решительных действий по предотвращению ожесточенности и многочисленных конфликтов на религиозной почве, которые не всегда носят примитивный характер, а в большей степени направлены на уничтожение социального равновесия, толерантности и преемственности различных культур.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Пустовалова Е. В. Междисциплинарный характер конфликтологического знания // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2011.
2. Бромлей Ю. К вопросу о сущности этноса // Природа. 1970. № 2.
3. Коган З. Л. Право на свободу совести в условиях глобализации // Национальные интересы [Электронный ресурс]. URL: http://www.ni-journal.ru/archive/2007/n_1_2007/ed771304/35305d96/.

А. И. Рожкова (Барнаул)

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Одной из актуальнейших проблем современного российского общества является нежелание жителей, и молодежи в первую очередь, участвовать в политической и социальной жизни. Особую озабоченность вызывают тенденции к пассивной позиции среди молодежи, нежелание встраиваться в современное общество, в том числе нежелание участвовать в выборном процессе. Многие молодые люди не ходят на выборы, позволяя политической жизни течь в русле, диктуемом другими возрастными группами. Само по себе это плохо, так как современные тенденции не воспринимаются поколениями прошлых эпох в силу их новизны.

Очень незначительное количество из людей, недавно достигших возраста, дающего активное избирательное право, используют его. Еще меньше тех, кто участвует в выборах в роли кандидатов, используя свое пассивное избирательное право.

В последние годы возросло количество исследований, посвященных правовой культуре, что указывает на значительный интерес к изучению данного феномена. Большинство исследований правовой культуры проводится в рамках юриспруденции. Это работы Р. С. Байниязова [1, с. 51], В. С. Грачева [2], В. А. Медведева [3], Р. М. Овчиева [4] и ряда других авторов.

Правовая культура рассматривается и изучается в рамках политической социологии И. Ю. Новичковой [5], социальной философии Ю. Ю. Бугаенко [6, с. 24], социологии социальных структур, социальных институтов и процессов А. В. Куликовой [7], что, несомненно, представляет свою научную новизну и ценность.

Наиболее значимым исследованием последних лет, посвященном изучению правовой культуры в целом как элементу социокультурного пространства, является работа М. Б. Смоленского «Правовая культура как элемент социокультурного пространства: перспективы становления в современной России» [8]. В социуме в результате социальных взаимоотношений право «рождается» и «существует», так появляются принципы, нормы, правила, регулирующие взаимодействие социальных субъектов.

При изучении культуры наиболее продуктивными являются социокультурный, средовой и философско-антропологический подходы, сформулированные П. Сорокиным, Л. Н. Коганом и И. А. Ильиным.

Применение данных подходов к анализу культуры позволило утверждать, во-первых, что культура как внутренне упорядоченная, автономно саморегулирующаяся система имеет внутреннюю и внешнюю стороны. Внутренняя сторона как сфера ценностей определяет логику развития культуры в целом и предопределяет изменения всех ее составляющих. Во-вторых, внутренняя сторона состоит из когнитивного, поведенческого блоков, образующих «тело» культуры, и праксеологического, «культуроорганизующего» блока, регулирующего культурную деятельность людей в определенной социально-культурной среде. В-третьих, основу, сущность социально-культурной среды как «зоны ближайшего обитания» человека составляют духовно-нравственные идеалы, оказывающие непосредственное влияние на формирование духовно-активной личности.

Наилучшим теоретическим обоснованием и эмпирическим подтверждением взаимосвязи культуры, права, правовой культуры являются культурно-антропологическая концепция Б. Малиновского и культурно-нормативная концепция права Т. Парсонса. Согласно этим концепциям, в ходе «культурной легитимации нормативной системы» происходит становление права, которое хотя и приобрело дополнительные качества, сохранило культурную основу. В результате выделения права как объективно складывающегося явления культуры в рамках определенной культурной системы формируется, функционирует и развивается правовая культура. Правовая культура — это та часть культуры, которая связана с пониманием права как объективного социально-культурного явления, обеспечивающего культурно-нормативную устойчивость общества в конкретно-исторических условиях.

Правовая культура нации, общности, общества в целом находит отражение в правовой культуре одной отдельно взятой личности. Это означает, что правовую культуру молодежи оптимально исследовать через личностный контекст, непосредственно связанный с самореализацией личности в сфере права. Самореализация личности молодого человека проходит на обыденном уровне правовой культуры, для которого характерны доминирование размытых представлений о праве и правовой сфере, преобладание эмоциональных установок. Все это дает основания для возможного нарушения молодежью формальных норм права [9].

Правовая культура российского общества характеризуется ярко выраженным духовным началом и не имеет нормативной жесткости писаного права западного общества. Для нее характерно одновременное сочетание различных образцов нормативности, а именно единство правового и нравственного, правового и политическо-

го, правового и религиозного начал. Из этого следует, что российская правовая культура обладает сверхправовыми чертами, к которым прежде всего можно отнести духовность как сращивание с моралью и в некоторой степени с религией; свободолюбие, которое приобретает политическое содержание; юридический нигилизм, проявляющийся в пренебрежительном отношении к юридическому акту.

В современной России развился и закрепился мозаичный, не системный тип культуры, составленной из разнородных, плохо согласующихся между собой дисгармоничных фрагментов. Правовая культура молодежи отражает общий мозаичный характер культуры, включает в себя локальные фрагменты деформированного правосознания, неправовых ориентаций и мотиваций. Важной ее характеристикой является обесценивание правомерного поведения как универсальной модели, нарастание социальной резигнации по отношению к распространному противоправному поведению.

Практическое значение исследования состоит в том, что сформулированные в нем выводы и предложения могут быть использованы в ходе дальнейшего совершенствования правовой культуры, конкретизации ее структурных элементов, при разработке и совершенствовании текущего законодательства, а также государственно-правовых форм и методов обеспечения и защиты прав и свобод граждан, в подготовке профессиональных специалистов в учебных заведениях.

Право само является явлением культуры. А так как культура любого общества обладает вариативностью, что отличает ее от культуры другого общества, то и право имеет специфические свойства, отличающие его от правовой системы иного общества. В основе формирования правовой культуры русского общества лежит обычное право, которое обусловило его специфику. Такой вывод был сделан в результате применения к анализу культуры культурно-антропологической концепции Б. Малиновского и культурно-нормативной концепции права Т. Парсонса. Согласно этим концепциям, культура есть органическое целое, в ходе развития которого вырабатывается некоторая нормативно-правовая система устойчивого «равновесия», где право есть объективно складывающийся феномен культуры, который нельзя отождествлять с результатом государственной законодательной деятельности.

Правовая культура в данном контексте есть та часть культуры, которая воплощается в знании и понимании права как объективного социокультурного явления и обеспечивает нормативно-регулятивную устойчивость общества в конкретно-исторических условиях. Правовая культура российской молодежи на примере Барнаула характери-

зается ярко выраженным духовным началом и не имеет нормативной жесткости, которая свойственна писаному праву западного общества. Для русской правовой культуры характерно одновременное сочетание различных образцов нормативности, а именно единство правового и нравственного, правового и политического, правового и религиозного начал.

Правовая культура молодежи несет на себе печать утраты различения между саморазрушением и самоутверждением. Возрастает убеждение в социальной приемлемости и даже естественности девиации. Это означает, что в целом правовая культура современной российской молодежи носит характер девиации. В то же время следует отметить, что не произошло обвала морали в российском обществе, а молодежь в своей повседневной жизни нередко руководствуется нравственно-правовыми ценностями. Тем самым в современных условиях развития российского государства и общества существуют условия для формирования нового культурно-правового феномена — правовой личности. Правовая личность — это человек, который прежде всего наделен определенными свойствами и качествами. Во-первых, осознанность человеком своих личных, социально-групповых и общих (общенародных) интересов, что становится стимулом социально-полезного поведения личности. Во-вторых, осознанность человеком его обязанностей перед другими людьми, социальными группами и обществом в целом. В-третьих, социально-политическая и правовая активность личности, которая выражается в ее позитивном поведении.

Именно правовая личность может воплотить в себе всю палитру тех многообразных связей, которые возникают в процессе взаимодействия государства и человека. Эта особого рода взаимосвязь в современном обществе основывается на утверждении правовых начал во взаимоотношениях государства и личности и выступает существенным моментом демократизации политической системы общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Байниязов Р. С. Право сознание и правовой менталитет в России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006.
2. Грачев В. С. Правовая культура как субъективный фактор реализации права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
3. Медведев В. А. Правовая культура российского общества: особенности и тенденции развития : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

4. Овчиев Р. М. Правовая культура и российский правовой менталитет : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на/Д., 2007.
5. Новичкова И. Ю. Правовая культура в гражданском обществе : дис. ... канд. соц. наук. М., 2005.
6. Бугаенко Ю. Ю. Правовая культура в современной России (социально-философский анализ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007.
7. Куликова А. В. Проблемы формирования правовой культуры населения России : дис. ... канд. соц. наук. М., 2005.
8. Смоленский М. Б. Правовая культура как элемент социокультурного пространства: перспективы становления в современной России : дис. ... д-ра соц. наук. М., 2007.
9. Стерлядева Н. А. Роль социальных служб в системе профилактики преступности несовершеннолетних // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2013.

Т. С. Кушакова (Барнаул)

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МНОГОУРОВНЕВОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Наибольшее количество дискуссий сегодня вызывает по-прежнему переход высшего образования на двухуровневую систему «бакалавриат — магистратура».

Одним из достоинств новой системы считается то, что она расширит возможности студентов. Ведь отныне они смогут получать углубленное образование (и степень магистра) не только в своем вузе, но и в любом другом. По крайней мере, теоретически. Однако на практике эта система, к сожалению, выглядит иначе. К тому же переход на двухступенчатую систему высшего образования, скорее всего, оставит за бортом аспирантуру и докторантуру.

Задача бакалавриата состоит в формировании базового знания, профессиональных навыков, основ профессиональной деятельности. Магистратура, в свою очередь, готовит более узких специалистов, которые способны решать более сложные профессиональные задачи, организовывать новые области деятельности, исследовать и создавать новое, что обеспечит общественное и экономическое развитие страны.

После вступления в силу законодательства об уровнях высшего образования магистратура должна быть сосредоточена в университетах, активно ведущих реальную исследовательскую или проектную деятельность и обеспечивающих высокое качество подготовки.

Таких университетов в России, по оценке экспертов, не более 25 % от общего числа вузов. Вместе с тем сегодня магистратура открывается практически во всех вузах без учета наличия кадров и научных школ [1, с. 4].

Переход высшего образования на двухуровневую систему обучения имеет целый ряд особенностей и ограничений. «Требования к специалисту-выпускнику меняются в соответствии с социально-экономическими изменениями в обществе» [2, с. 49]. Они связаны в первую очередь с уникальностью российского рынка труда, потребности которого определяют социальный заказ к системе профессионального образования. Специфика российского рынка труда проявляется в его региональном характере и существующей неопределенности перспектив развития отдельных отраслей и территорий. В данных условиях снижаются возможности территориальной мобильности лиц с высшим образованием, в то время как повышается их профессиональная мобильность, которую обеспечивают дополнительные образовательные формы. С другой стороны, экономическая нестабильность российского общества может превратить Россию в поставщика интеллектуальных ресурсов на запад.

В меняющемся мире в условиях глобализации социальная реальность порождает новые параметры притязаний общества и отдельного государства к системе образования, на основе которых формируются новые социокультурные практики. Этот аспект проблемы затрагивается нередко в области современной социологии образования, в частности, например, в работах Е. А. Попова [3], О. Н. Колесниковой [4], О. Т. Коростелевой [5].

Реализация двухуровневой подготовки с точки зрения социокультурных особенностей может быть охарактеризовано как «вызовы перехода». Эти вызовы имеют под собой определенные риски: недостаточная (неадекватная) ресурсообеспеченность (информационные, учебно-методические, кадровые, материально-финансовые); социальная напряженность при осуществлении изменений; неготовность руководящих и педагогических кадров к реализации изменений; осуществление реформирования в отрыве от перспектив социально-экономического развития региона и мира в целом; отсутствие или несовершенство нормативно-правовой базы, сложность ее реализации.

Хотелось бы отметить, что переход на двухуровневое образование, как считает В. Колесов, содержит много следующих положительных моментов:

1) удовлетворение потребности общества в формировании элиты (слоя лучших по профессии, новаторов) с помощью введения магистерского образования, нацеленного на овладение конкретных профессий с углубленной подготовкой;

2) гармоничное сближение процессов обучения и работы, повышение мобильности, гибких подходов к определению продолжительности времени обучения и его оптимального соотношения с рабочим временем, к выбору форм обучения и занятости (возможное возвращение выпускников бакалаврского цикла через 2–3 года на магистерский цикл);

3) возможность корректировки направленности последующей ступени образования в соответствии с изменяющимися с течением времени потребностями общества;

4) дифференциация методик обучения по ступеням (бакалавр, магистр).

5) возможность прервать обучение на ступени бакалавриата с квалификацией специалиста;

6) градация вузов по их потенциалу — одни могут и должны готовить бакалавров, т.е. дипломников стандартного уровня по массовым профессиям, другие ориентируются преимущественно на соответствующий их потенциалу уровень магистерской подготовки;

7) развитие междисциплинарности — появление у студентов возможности комбинирования знаний из различных отраслей;

8) упорядочение структуры подготовки кадров;

9) прирост квалификации профессорско-преподавательского состава (участие в обучении по магистерским программам требует значительно более высокого уровня профессиональной подготовки самих преподавателей);

10) расширение кругозора и сферы компетенции специалистов;

11) узнаваемость дипломов и степеней при их международном сопоставлении;

12) распространение функции воспитания и социализации на институт высшей школы [6].

Существует и противоположная точка зрения. Некоторые вузы высказываются против идеи перехода российского образования на новую модель, объясняя это несвоевременностью данного нововведения и неподготовленностью России к реформе. По их мнению, Болонский процесс вводится, по крайней мере, на десять лет раньше того момента, когда он сможет принести пользу.

Главным отрицательным моментом Болонской концепции реформ является то, что основополагающий принцип российской системы высшего образования — фундаментальность знаний — может быть утрачен. Положения Болонской конвенции направлены на искоренение традиции узкопрофильной подготовки специалистов.

По мнению Ю. М. Перегудовой, можно выделить следующие проблемы вхождения России в Болонский процесс [7]:

1. Особенности функционирования многоступенчатой системы в европейских странах и России. Многоступенчатая система высшего образования в рамках Болонского процесса состоит в следующем. Первая ступень ведет к освоению общих и профессиональных компетенций до уровня, позволяющего применять их в стандартных ситуациях. Вторая ступень после успешного освоения первой должна доводить компетенцию до уровня, позволяющего заниматься творческой деятельностью в избранной профессии. Третья ступень высшего образования должна вести к формированию компетенции научного работника и заканчивается квалификацией, соответствующей нашему кандидату наук.

2. Влияние международного сотрудничества российских университетов на модернизацию российского образования, изменение моделей обучения и контроля качества образования в российских университетах. Поддержание открытости, автономии, демократичности и светского характера университетов является основой модернизации высшего образования. Позволить вузам самим решать вопрос о возможности передачи дисциплин при переходе студента из одного вуза в другой.

3. Опыт взаимного признания профессиональной квалификации и академической мобильности в российских и европейских университетах, особенности образовательных стандартов и системы зачетных единиц. Процесс интеграции российского образования в мировое образовательное пространство содействует поддержанию высокого статуса отечественного образования и науки, повышения конкурентоспособности и соответствия современным мировым стандартам. При разработке государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования нового поколения необходимо учитывать положительный опыт по выработке государственных требований к качеству специалистов в европейских вузах.

Из сказанного выше видятся следующие проблемы развития российского высшего образования в условиях Болонского процесса: происходит частичное разрушение традиций. Сокращение срока обучения, т.е. введения степени бакалавра, не позволит студентам полу-

чить полный объем знаний, соответственно снизится качество высшего российского образования. Хотя оно зависит от глубины освоения материала, а сроки усвоения не так и важны. Еще одна проблема, которая является одной из важных. — невостребованность на рынке труда бакалавров. Работодатели чаще всего не воспринимают бакалавров как людей с высшим профессиональным образованием. Для того чтобы документ о высшем образовании признавался, в приложении к диплому необходимо наиболее полное разъяснение об уровне подготовленности его обладателя. Также важной проблемой является обеспечение и контроль качества на уровне как страны, так и каждого вуза. Что касается обеспечения и контроля качества в каждом учебном заведении, то в этом процессе должны участвовать все субъекты образовательного сообщества, в том числе и работодатели.

Таким образом, это явление имеет как положительные, так отрицательные стороны. Хотелось бы подчеркнуть, что все реформы в системе образования будут эффективны лишь в том случае, если они будут проводиться с учетом традиций, сложившихся в отечественном образовании.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Долженко О. Закон о двухуровневой системе высшего образования принят // Альма матер. Вестник высшей школы. 2007. № 8.
2. Пустовалова Е. В. Конфликтологическая компетентность в профессиональной подготовке студента // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 2 / под ред. Е. А. Попова. Барнаул, 2010.
3. Попов Е. А. Современная социология и проблемы образования // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.
4. Колесникова О. Н. Некоторые аспекты формирования имиджа высшего учебного заведения (по результатам социологического исследования) // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2013.
5. Коростелева О. Т. Актуальные проблемы социологического образования в свете идей отечественных мыслителей начала XX в. // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.

6. Колесов В. Двухступенчатое высшее образование: 15 аргументов «за» // Высшее образование в России. 2006. № 3.
7. Перегудова Ю. М. Проблемы развития российского высшего образования в условиях Болонского процесса // Педагогическая наука и практика: проблемы и перспективы : сб. статей. 2004. Вып. 1.

Ю. А. Лопина (Барнаул)

РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ МОЛОДОГО НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

В настоящее время проблема рождаемости является предметом серьезного обсуждения представителями науки и широкой общественности. Показатели рождаемости во многом зависят от репродуктивного поведения семьи, в том числе и молодой, поэтому особенно актуальным является исследование закономерностей репродуктивного поведения, выяснение путей и методов управления этим процессом [1].

Среди многих составляющих проблем репродуктивного поведения молодежи проблема бездетности занимает особое место. Она основательно вошла в современную жизнь и если раньше касалась лишь отдельных случаев (причина заключалась в основном в состоянии здоровья), то сейчас наступил качественно новый этап — молодые люди сознательно отказываются иметь детей. Социальная острота проблемы связана, с одной стороны, с потребностью государства в повышении уровня рождаемости, а с другой — с прогрессирующим в сознании молодежи и семей стремлением отложить деторождение на неопределенный срок либо вообще жить без детей.

Молодость — это не только важный период созревания и развития человека, этап между детством и взрослостью. Это самая динамичная и восприимчивая к переменам общность. Молодежи в обществе принадлежало и принадлежит ключевое место в механизме эволюционной изменчивости.

В Алтайском крае по данным Алтайкрайстата на 2013 г. прогнозируется естественная убыль населения [2].

Происходящий процесс депопуляции населения напрямую связан с социально-демографическими проблемами молодежи: снижением рождаемости, детности, ростом разводов, числа людей, никогда не состоящих в браке.

Родившиеся, умершие и естественный прирост населения Алтайского края

Годы	Всего, человек			На 1000 человек населения		
	родившихся	умерших	естественный прирост	родившихся	умерших	естественный прирост
Средний вариант прогноза						
2013	28040	33300	-5260	11,7	13,9	-2,2
2014	26844	33206	-6362	11,3	14	-2,7
2015	25915	33188	-7273	11	14	-3
2016	24981	33133	-8152	10,6	14,1	-3,5

Репродуктивное поведение — система действий и отношений, опосредующих рождение или отказ от рождения ребенка в браке или вне брака [3].

Репродуктивные установки — психические состояния личности, обуславливающие взаимную согласованность разного рода действий, характеризующихся положительным или отрицательным отношением к рождению определенного числа детей [4–6].

Современный анализ репродуктивных установок молодежи был проведен в Алтайском крае в 2012–2013 гг. В ходе реализации проекта «Демографическая безопасность приграничных регионов современной России: проблемы старения и миграции» было опрошено 602 респондента, из них более 45 % мужчин и чуть более 54 % женщин в возрасте от 15 до 87 лет. Из этой группы опрошенных были выбраны респонденты в возрасте от 15 до 35 лет — 229 чел. [7; 8].

Задавались различные вопросы о репродуктивных установках населения в Алтайском крае. Из данного исследования можно сделать следующие выводы.

Для опрошенных респондентов семья — это возможность иметь близких людей, которые всегда рядом, не быть одному в старости, а также семья — это возможность быть рядом с любимым человеком. Для большинства опрошенных семья — это возможность иметь детей. Так ответили 167 чел. Можно сделать вывод о том, что у населения Алтайского края в приоритете установка на то, что дети должны рождаться только в семье, а не у родителей-одиночек. Совершенно не согласны респонденты с высказываниями о том, что семья — это возможность укрепить социальное положение с помощью удачного замужества/женитьбы, семья — это возможность приобрести независимость от родителей.

На вопрос о том, что же на самом деле важно при принятии решения о рождении ребенка, большинство респондентов ответили, что для них важным является любовь к детям, личное желание иметь детей и материальная обеспеченность семьи. Это говорит о том, что несмотря на кризисную ситуацию рождаемости, молодое население Алтайского края имеет позитивные репродуктивные установки на рождение детей, имеет желание заводить детей, при этом заботится об обеспеченности своего ребенка.

При опросе респондентов было выявлено идеальное количество детей в семье — 2 ребенка. Так ответило большинство респондентов.

Результаты нашего опроса показали, что 90,3 % респондентов, не имеющих семей, в будущем планируют создать семью и иметь детей. Несмотря на то, что в современном обществе прослеживается тенденция на однодетную семью, данные исследования свидетельствуют о том, что большинство опрошенных хотели бы иметь в браке двоих и более детей.

Основными же препятствиями к тому, чтобы иметь столько детей, сколько хотят, респонденты отметили жилищные условия и материальные затруднения. Меньший процент ответили, что это работа/учеба, состояние здоровья и немолодой возраст. Следовательно, у современной молодежи присутствует чувство ответственности перед своим партнером, перед собой и будущими детьми.

Респондентам также задавали вопросы о доступности и развитости программ «Родовые сертификаты» и «Материнский капитал». По шкале от 1 до 10 на оба этих вопроса респонденты отметили середину — 5.

Анализ полученных данных позволяет сделать вывод о том, что современная молодежь все-таки настроена на рождение детей и имеет позитивные репродуктивные установки, но экономический фактор является сдерживающим в процессе формирования репродуктивных установок молодежи. Среди доминирующих факторов выявлены материальное положение и жилищная проблема. Также одним из важных факторов является неразвитость и частичная доступность помощи от государства в виде различных программ по оптимизации репродуктивного поведения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гончарова Н. П. Кризисное состояние общества: содержание и структура понятия // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2/1 (66).
2. Родившиеся, умершие и естественный прирост населения [Электронный ресурс]. URL: <http://akstat.gks.ru/wps/wcm/>

- connect/rosstat_ts/akstat/resources/f97cf7004ef7bfa8aff8bf22524f7e0f/prognoz6.htm (дата обращения 21.03.2013).
3. Демографический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://demography.academic.ru/2375/>
 4. Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Гончарова Н. П., Омельченко Д. А., Авдеева Г. С. Адаптивные стратегии населения Алтайского края в нестабильных социально-экономических условиях // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2011. Т. 86, № 12.
 5. Гончарова Н. П. Риск социальной эксклюзии на региональном рынке труда: методология исследования и результаты апробации // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: экономическая. 2013. № 4 (46).
 6. Корсак А. А. Репродуктивные установки молодежи [Электронный ресурс] URL: http://academicon.ru/publ/pedagogika_socialnaja/korsak_a_a_reproduktivnye_ustanovki_molodezhi/8-1-0-201
 7. Максимова С. Г. Социально-экономические и социально-политические угрозы безопасности в оценках населения приграничных регионов России // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2012. № 12.
 8. Гончарова Н. П., Поликарпова Д. А. Современные угрозы безопасности регионального социума: воспроизводство рисков на рынке труда // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2011.

Я. А. Чирченко (Барнаул)

МЕСТО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В СИСТЕМЕ ОКАЗАНИЯ ПАЛЛИАТИВНОЙ ПОМОЩИ ИНКУРАБЕЛЬНЫМ БОЛЬНЫМ

Ежегодно в России выявляется более 480 тыс. случаев злокачественных новообразований [1, с. 4]. Несмотря на возросшие возможности современной медицины, более половины больных злокачественными опухолями умирают от прогрессирования заболевания. Высокий уровень заболеваемости, запущенности и смертности от злокачественных новообразований с тенденцией к росту, тяжесть течения болезни, выраженность и высокая распространенность симпто-

мов требуют не только срочных мероприятий в области профилактики и лечения онкологических больных, но и организации службы паллиативной помощи.

Согласно определению ВОЗ, паллиативная помощь представляет собой направление медико-социальной деятельности, целью которого является улучшение качества жизни больных и их семей, оказавшихся перед лицом смертельного (уносящего жизнь) заболевания. Эта цель достигается благодаря предупреждению и облегчению страданий путем раннего выявления, тщательной оценки и купирования боли и других симптомов — физических, психологических и духовных. В рамках паллиативной помощи смерть рассматривается как естественный и закономерный процесс, главная цель паллиативной помощи не продлить или сократить продолжительность жизни больного, а повысить ее качество путем удовлетворения всех потребностей больного и его семьи. Паллиативная помощь предлагает помощь семье пациента во время его болезни, а также в период тяжелой утраты.

Паллиативная помощь не допускает эвтаназию и самоубийство при посредничестве врача. Просьбы об эвтаназии или о содействии в самоубийстве обычно свидетельствуют о необходимости улучшения ухода и лечения больного. При развитой современной междисциплинарной паллиативной помощи пациенты не должны испытывать непереносимых физических страданий и психосоциальных проблем, на фоне которых чаще всего возникают подобные просьбы.

Основным инструментом паллиативной помощи является паллиативная медицина, представляющая собой раздел медицины, задачами которого является использование методов и достижений современной медицинской науки для проведения лечебных процедур и манипуляций, призванных облегчить состояние больного, когда возможности радикального лечения уже исчерпаны [2, с. 7]. В первую очередь проведение обезболивания, а также купирование других тягостных симптомов: тошноты, рвоты, слабости, одышки и т.д.

Выделяют две основные организационные формы оказания паллиативной помощи: на дому и в стационаре. В нашей стране стационарными учреждениями являются хосписы и отделения паллиативной помощи, созданные на базе отдельных участковых, многопрофильных или специализированных (психиатрических, противотуберкулезных, онкологических и т.д.) больниц. Помощь на дому осуществляется специалистами выездной службы, которая может быть, как самостоятельной структурой, так и подразделением стационарного учреждения.

Хоспис — это медико-социальное учреждение, отделение, где оказывают комплексную помощь больному, который нуждается в облегчении страданий — физического, психологического и духовного характера, связанного с заболеванием, излечить которое невозможно, и оно неминуемо должно привести к смерти в обозримом будущем (3–6 мес.). В стенах хосписа помощь и поддержку могут найти близкие умирающего как в период его болезни, так и после утраты. Важность оказания помощи родственникам доказывается впечатляющей статистикой о том, что после смерти больного резко возрастает заболеваемость и смертность среди его близких (на 40% и выше). Хоспис — учреждение абсолютно нового типа. В современной практике работы хосписов условия пребывания в нем максимально приближаются к домашним. Пациентам разрешено держать домашних животных, смотреть телевизор, говорить по телефону, привозить с собой любимые вещи (фотографии, цветы, пледы, диски с любимой музыкой и проч.), круглосуточно принимать родных и близких и многое другое. Персонал учреждения служит своим пациентам, чтобы они не погружались в тоску и одиночество, обеспечивая индивидуальный подход к каждому.

Обычно в структуру хосписа как самостоятельного учреждения входит стационар, поликлиническое отделение (выездная служба и дневной стационар) и организационно-методический отдел [3, с. 141]. Общение выездной бригады с пациентом и его семьей обычно начинается на дому (хоспис на дому). В состав выездной службы входят врачи, медицинские сестры, социальный работник, психолог и священнослужитель. Другие специалисты приглашаются при необходимости. В дневном стационаре пациенты получают правовую, социальную, психологическую или реабилитационную помощь, лечебные и физиотерапевтические процедуры.

На сегодняшний день в регионах РФ организовано или находятся в стадии организации около двухсот структурных подразделений системы паллиативной помощи [2, с. 9]. В то же время существуют территории (Чукотский автономный округ, Республика Тыва, Республика Саха (Якутия), в Еврейская автономная область, Калужская область) с высоким удельным весом выявляемости больных с опухолевым процессом в IV стадии и/или высоким уровнем смертности от них, в которых хосписов или отделений паллиативной помощи нет. Во многих регионах, где хосписы или отделения паллиативной помощи существуют, европейский норматив оказания хосписной и паллиативной помощи — 0,5 коек на 10 тыс. населения не выполняется [4]. Таким образом, потребность населения в паллиатив-

ной помощи не удовлетворяется в нужном объеме. Ежегодно сотни тысяч людей умирают в страшных мучениях, так и не получив надлежащего ухода хотя бы в последние дни своей жизни.

Рассмотрев понятия паллиативная и хосписная помощь, можно прийти к однозначному выводу, что в их организации должен принимать участие междисциплинарный коллектив специалистов, в числе которых находятся социальные работники, комплексный характер образования которых позволяет отводить им ведущие роли в данном виде деятельности. Социальная работа в хосписе носит многоаспектный характер, который предполагает не только разностороннее образование социального работника, осведомленность в законодательстве, медицинская и религиозно-культурная осведомленность, но и наличие соответствующих личностных особенностей, позволяющих пациентам и их родственникам доверительно относиться к этой категории работников.

Представляется возможным выделить следующие основные направления деятельности специалиста по социальной работе в системе паллиативной и хосписной помощи: работа с клиентами и его родными; работа с сотрудниками учреждения, оказывающего паллиативную помощь; научно-исследовательская деятельность; информационно-пропагандистская деятельность.

Социальная работа с умирающим больным и его семьей начинается с произведения комплексной оценки, учитывающей социально-экономические, культурные и духовные аспекты жизни семьи. Цель подобной оценки — выявление имеющихся ресурсов и барьеров, определение потребностей. Социальные работники должны включать результаты оценки клиента и его семьи разработку и осуществление планов вмешательства. Вмешательство в учреждениях паллиативной и хосписной помощи включает в себя консультирование по семейным вопросам, кризисное консультирование, предоставление необходимой информации и организация обучения навыкам ухода за тяжелобольными, привлечение дополнительных материальных ресурсов (различные выплаты, гарантированные государством), организация групп взаимопомощи и др.

Помимо работы с пациентами, важную роль приобретает работа с сотрудниками хосписа, которая предполагает организацию инструктажа и обучения новых сотрудников и добровольцев; планирование и проведение занятий по вопросам социальной, медицинской и психологической помощи больным и членам их семей; организация (совместно с психологом) мероприятий по профилактике синдрома эмоционального выгорания сотрудников.

Наряду с практической деятельностью специалисты по социальной работе проводят изучение, обобщение и анализ отечественной и зарубежной литературы, научных публикаций и монографий по вопросам организации работы хосписов, помощи больным и членам их семей с целью внедрения в практику работы новых методов социальной и медицинской помощи.

Информационно-пропагандистская деятельность специалистов по социальной работе направлена на повышение интереса со стороны общества к проблемам хосписов и умирающих больных. Данное направление работы позволяет повысить интерес к специальности, а также привлекать спонсорские средства, необходимые учреждению для проведения различных мероприятий или для закупки дорогостоящего оборудования.

Резюмируя вышесказанное, стоит отметить, что введение в штат паллиативной медицины социального работника позволит реально повысить эффективность работы хосписа, качественно улучшить жизнь инкурабельных больных и их семей и скоординировать деятельность персонала на выполнение своих непосредственных обязанностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Состояние онкологической помощи населению России в 2010 году / под ред. В. И. Чиссова, В. В. Старинского, Г. В. Петровой. М., 2011.
2. Новиков Г. А. и др. Современное состояние и перспективы развития паллиативной помощи в Российской Федерации // Паллиативная медицина и реабилитация. 2008. № 3.
3. Хосписы : сборник материалов / В. В. Миллионщикова, С. А. Полишкис, Е. Кадетова и др. М., 2011.
4. Усенко О. И. Организационные проблемы оказания паллиативной помощи в России [Электронный ресурс] / Всемирный День хосписной и паллиативной помощи в России. URL: <http://hospiceday.ru/index18.php>.
5. Мазайлова Т. А. Технологии ухода за инкурабельными больными в социальной работе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2011.

А. С. Качур (Барнаул)

ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ И ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ КАК ФАКТОР ИХ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

По данным Федеральной службы государственной статистики на 2011 г. в Российской Федерации насчитывалось 71237 впервые признанных инвалидами детей в возрасте до 18 лет. Из общего числа нозологий наибольшее распространение имеют врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения (15658 — 22%) психические расстройства и расстройства поведения (14208 — 20%), болезни нервной системы (13241 — 18,6%) и др. [1].

Региональная статистика имеет тенденцию к росту детской инвалидности, в частности, в Алтайском крае на 1 января 2011 г. численность детей-инвалидов составила 8802 человека (1,9% от общего количества детей) [2].

Существование детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями, подтвержденное статистическими данными, актуализирует значимость решения проблем данной категории лиц, порожденных наличием недуга.

В современном обществе дети-инвалиды и дети с ограниченными возможностями сталкиваются с множеством препятствующих их полноценной социальной адаптации проблем, среди которых можно отметить социальную изолированность, сложность установления социальных связей и контактов, трудность включения в образовательный процесс, непринятие работодателями и окружением, неприспособленность окружающей среды для беспрепятственного доступа в нее лиц с инвалидностью и многие другие.

Первостепенные проблемы, возникающие в связи с наличием инвалидности, порождают второстепенные, являющиеся более сложными и психологически обусловленными. Основной из таковых является проблема одиночества инвалидов.

Согласно определению из философского словаря одиночество — состояние и ощущение человека, находящегося в условиях реальной или мнимой коммуникативной депривации (изоляции от других людей, разрыва социальных связей, отсутствия значимого для него общения, недостаточности общения и др.) [3].

Образование — один из основных социальных лифтов современного общества, позволяющего человеку быть полноправным членом социума и выполнять свои роли, устанавливая социальные связи [4].

Будучи включенным в образовательный процесс ребенок-инвалид или ребенок с ограниченными возможностями реже сталкивается с такими социально обусловленными явлениями, как отсутствие круга общения и близких друзей, социальное отторжение (непринятие группой сверстников), невладение навыками коммуникации, которые могут стать источником ощущения одиночества. Одним из факторов, способствующих одиночеству, является нежелание человека оказаться в такой ситуации межличностного общения, при которой он подвергается риску получить отказ в установлении нужных для него взаимоотношений, почувствовать смущение и разочарование. Враждебность и пассивность как возможные причины и одновременно следствия одиночества часто сопровождают его. Из-за боязни отрицательных результатов проявления инициативы в установлении межличностных контактов человеку становится все труднее преодолеть одиночество, и страх, порожденный прежним неудачным опытом, способствует созданию обстановки, которая еще более усиливает данное чувство.

Следует также отметить, что влияние одиночества на ребенка зависит и от длительности переживания. Наиболее тяжелые последствия имеет хроническое одиночество, именно оно может привести к эмоциональным и поведенческим отклонениям.

Длительный опыт одиночества может также отрицательно влиять на самооценку, делая ее более уязвимой. Последствие одиночества для самооценки личности еще больше усугубляются, если оно связывается с личностными характеристиками и недостатками, например, наличие физического или психического недостатка. Социальные проблемы взрослого человека — это не что иное, как последствия проблем в детстве и подростковом возрасте.

Инклюзивное образование, по нашему мнению, может стать технологией, позволяющей включать детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями в социокультурное пространство с последующим уменьшением риска развития отчужденности, социальной изолированности и чувства одиночества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Официальная статистика. Здравоохранение. Инвалидность [Электронный ресурс]: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: www.gks.ru
2. Меры социальной поддержки семей с детьми-инвалидами [Электронный ресурс]: Официальный сайт Главного управления Алтайского края по социальной защите населения и пре-

- одолению последствий ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне. URL: www.aksp.ru.
3. Антонович И. В. Вектор молодежного добровольчества в России на современном этапе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 5. Барнаул, 2013.
 4. Одиночество [Электронный ресурс] : крупнейший сборник онлайн-словарей. URL: www.onlinedics.ru.
 5. Дронова Е. Н. Развитие социальных компетенций подростков в условиях временного детского коллектива // Вестник Алтайской государственной педагогической академии. 2011. № 9.

А. А. Цапенко (Барнаул)

МОЛОДЕЖЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ЦЕННОСТИ И ДЕСТРУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ

В условиях социально-экономических и политических изменений, происходящих в обществе, особенно трудно приходится молодежи с ее еще не устоявшимся мировоззрением, подвижной системой ценностей. Бездуховность, потребительское и эгоистическое отношение к жизни порождают у многих молодых апатию, безразличие к себе и другим, что грозит потерей нравственного и духовного здоровья нации. Молодое поколение — это особая социальная общность, находящаяся в стадии становления, формирования структуры ценностной системы, выбора профессионального и жизненного пути, не имеющая реального положения на социальной лестнице, поскольку либо «наследует» социальный статус семьи, либо характеризуется «будущим» социальным статусом. Ценности — это относительно устойчивое, социально обусловленное избирательное отношение человека к совокупности материальных и духовных общественных благ. «Ценности, — писал В. П. Тугаринов, — это то, что нужно людям для удовлетворения потребностей и интересов, а также идеи и их побуждения в качестве нормы, цели и идеала» [1, с. 271]. Ценностями в нашем понимании являются любые материальные или идеальные явления, ради которых индивид, социальная группа, общество предпринимают усилия, чтобы их получить, сохранить и обладать ими. «Перенимая от окружающих людей взгляд на нечто как на ценность, достойную того, чтобы на нее ориентироваться в своем поведении и деятельности, человек может тем самым закладывать в себе основы по-

требности, которой раньше у него не было» [2, с. 132]. Таким образом, ценности представляют собой базовые представления о том, что определенные идеи, цели, формы поведения или институты являются индивидуально или социально предпочтительнее иных идей, целей, форм поведения и т.д.

Ценностная сфера индивида чрезвычайно тесно связана с его установками, представляющими собой оценочные суждения относительно объектов, людей и событий. Установки отражают те чувства, которые индивид испытывает по отношению к чему-либо. Установки — более динамичное и изменчивое явление, чем ценности, и, как правило, имеют специализированную, конкретную направленность. Кроме того, в них отсутствует ярко выраженный этический аспект правды или желательности.

Исследования социальной установки сами по себе являются одной из актуальных проблем в современном мире. Человеческая деятельность во многом регулируется социальными установками, которые отражают жизненные принципы, ценности и определяют поведение личности. Значительное влияние на деструктивную деятельность человека оказывают социокультурные основания. Как показывают исследования, деструктивные тенденции усиливаются в условиях ценностно-нормативного кризиса в обществе. Именно отсутствие общепринятой системы ценностей, единой идеологии приводит к росту изолированности и отчужденности отдельных членов общества и, как следствие, — к деструкции.

Наиболее известно распространение случаев деструктивного поведения среди молодежи, что во многом связано с характерным для нынешнего периода «экзистенциальным вакуумом» — отсутствием у людей смыслообразующих ценностей бытия, потерей нравственной и социальной ориентации [3, с. 81]. Из-за психологического надлома, отсутствия ценностных ориентиров, уверенности в том, как правильно поступить, часть молодых людей пытается обрести себя в разных формах девиантного поведения деструктивной направленности [4].

Данная проблема имеет особую актуальность в современном обществе с множеством его противоречий, ведь от того, насколько изучены ценности современной молодежи, ее установки, жизненные планы, во многом зависит эффективность разрабатываемых мероприятий в различных сферах жизни общества [5, 6].

При проведении социологического опроса решались следующие исследовательские задачи: выявление наиболее и наименее значимых ценностей современной молодежи; определение существующих у молодежи деструктивных установок; выявление взаимосвязи ценно-

стей и деструктивных установок современной молодежи Алтайского края. Выборку социологического исследования составили молодые люди, жители Алтайского края в возрасте от 18 до 25 лет. В качестве метода сбора первичной информации использовалось анкетирование с применением следующих опросников: Экспресс-диагностика социальных ценностей личности (авторы Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов), Определение деструктивных установок в межличностных отношениях (В. В. Бойко) [7, с. 276].

Проведенное исследование показало, что для современной молодежи характерно преобладание прагматичного настроения, поскольку для значительной части респондентов в приоритете оказалась материальная сторона жизни. Молодежь в большинстве своем придерживается таких ценностей, как материальное благополучие, интересная и высокооплачиваемая работа. Результаты исследования свидетельствуют, что в своих представлениях о престижности работы молодежи отталкивается не только от того, насколько она высокооплачиваема, но и от того, насколько данная работа интересна и увлекательна. Заинтересованность в высоком уровне материального благосостояния объясняется высокими потребностями этого возраста и низкой социальной защищенностью молодежи, особенно студентов, которые стараются быть материально независимыми от родителей, тем самым отодвигая духовные ценности на задний план [8].

Однако ценности современных молодых людей не сводятся исключительно к материальным благам. В то же время молодежь отмечает как важные для себя некоторые духовные, а также социально-нравственные ценности (саморазвитие, дружба, семья).

Бесспорной ценностью для большинства молодых россиян является семья. Но задача создания прочной семьи для молодежи в силу возраста — это скорее еще цель, которую они планируют достичь в будущем.

Семья, материальное благополучие, интересная работа часто служат своеобразными объектами самореализации. Для многих респондентов материальное благополучие лишь условие счастливой семейной и личной жизни и успеха как такового.

Наименее значимыми ценностями являются общественная деятельность, волонтерство, работа на добровольных началах. В данный момент своей жизни молодые люди, особенно студенты, не рассматривают в качестве важнейших ценностей разные аспекты взаимоотношений с другими людьми. Кроме того, можно сказать, что для молодежи характерна больше ориентация не на коллективизм, а на индивидуализм, индивидуальные достижения [9].

Таким образом, современная молодежь в целом стремится к различным жизненным достижениям преимущественно материально-го плана, но духовные и социальные ценности также важны для нее в определенной степени.

В ходе исследования было также выявлено наличие следующих деструктивных установок у современной молодежи:

1. Жестокость в отношении к людям: молодежь в большинстве своем не скрывает и не смягчает свои негативные оценки по поводу окружающих: выводы о них резкие, зачастую однозначные.
2. Обоснованный негативизм в суждениях о них выражается в объективно обусловленных отрицательных выводах о некоторых типах людей и отдельных сторонах взаимодействия. Эти выводы могут быть сделаны в результате несовпадения взглядов на жизнь, ценностей и ценностных ориентаций в поведении.
3. Брюзжание — молодые люди имеют склонность делать необоснованные обобщения негативных фактов в области взаимоотношения с партнерами и в наблюдении за социальной действительностью.
4. Негативный личный опыт общения с окружающими. Данный компонент установки показывает, в какой мере молодым людям повезло в жизни на ближайший круг знакомых и партнеров по совместной деятельности.

На основании данных результатов по поводу наличия деструктивных установок можно сказать, что различные предубеждения как установка препятствуют адекватному восприятию информации или действий других людей, а также усиливают деструктивное взаимодействие. Молодые люди не понимают или не желают понимать, что предвзято относятся к другим людям, и рассматривают свое отношение к ним как следствие объективной оценки определенных фактов или прошлых поступков.

В заключение следует отметить, что установки и ценности тесно взаимосвязаны, любая установка ассоциирована с той или иной совокупностью ценностей. В свою очередь ценности людей могут объяснить их установки и во многих случаях то поведение, которому они следуют. Таким образом, когда мы говорим об установках молодежи и их влиянии на поведение, мы имеем дело с наиболее или наименее значимыми ценностями, а также позитивными или негативными оценками, которые молодые люди дают своей окружающей среде.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Тугаринов В. П. Избранные философские труды. Л., 1998.
2. Занковский А. Н. Психология деловых отношений : учебно-методический комплекс. М., 2008.
3. Пронин И. Г. Психологические аспекты влияния деструктивных культов на личность // Вопросы психологии. 2003. № 6.
4. Стерляева Н. А. Профилактика социально-негативных явлений в молодежной среде как функция учебной дисциплины «Психология девиантного поведения» // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей / под ред. Е. А. Попова. Барнаул, 2009.
5. Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Гончарова Н. П., Омельченко Д. А., Авдеева Г. С. Адаптивные стратегии населения Алтайского края в нестабильных социально-экономических условиях // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2011. Т. 86, № 12.
6. Максимова С. Г. и др. Наркотизация в приграничном регионе России: вызовы, риски, угрозы: монография. Барнаул, 2009.
7. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002.
8. Ноянзина О. Е., Гончарова Н. П., Авдеева Г. С. Этнополитический экстремизм как угроза национальной безопасности России // Национальная безопасность. 2012. № 2 (19).
9. Profeta Barbara, Goncharova Natalia P., Kolyado Igor B., Robertus Yuryj V., McKee Martin. Danger from above? A quantitative study of perceptions of hazards from falling rockets in the Altai region of Siberia // Health, Risk & Society Vol. 12, № 3, June 2010.

Ю. И. Чеховских (Барнаул)

**ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА СЕЛЕ**

Одним из основных условий устойчивого функционирования социально-экономической сферы России является наличие в ней малого бизнеса. Малое предпринимательство — важная составляющая часть рыночной экономики, без которой не может быть гармоничного общественного развития.

Фактором, обуславливающим высокую социальную значимость малого предпринимательства, является то, что по своему характеру

оно основывается на учете местных потребностей, в значительной степени способствует формированию конкурентной среды, а также установлению рыночного равновесия. Малые предприятия создают новые рабочие места и снимают социальную напряженность в обществе.

Вместе с тем потенциал малого предпринимательства используется недостаточно полно в силу наличия ряда проблем, требующих скорейшего решения. К таким проблемам относятся: несовершенство нормативно-правовой базы, потребность в более существенных налоговых льготах и преференциях для вновь созданных малых предприятий, сложности в доступе к использованию ранее сложившейся производственной и социальной инфраструктуры, отсутствие постоянных каналов сбыта продукции, слабое развитие рыночной инфраструктуры [1, с. 330]. Недооценка малого предпринимательства, игнорирование его экономических и социальных возможностей в течение почти всего периода реформ могут быть расценены как крупный, стратегический просчет, чреватый дальнейшим углублением кризиса российской экономики в целом.

В большинстве российских регионов значительный удельный вес занимают сельские территории. На сегодняшний день, по данным Министерства сельского хозяйства, сельская местность (обитаемая территория вне городских поселений) занимает две трети площади страны, на которой проживает 39,2 млн человек, что составляет 27% от общей численности населения [2]. Этот факт позволяет утверждать, что уровень жизни в сельской местности является целевым индикатором развития экономики страны, показателем социального благополучия общества.

В то же время на селе сегодня сложилась более чем критическая ситуация. Экономика сельской местности продолжает деградировать после форсированной приватизации предприятий и хозяйств на селе, растет уровень безработицы, идет активный отток молодого населения в города из-за низкого уровня жизни на селе. Решение проблемы видится в создании благоприятных условий развития малого предпринимательства в сельской местности, в принятии своевременных мер для поддержки предпринимательской инициативы. Отсутствие на сегодняшний день четких методологических подходов к проблеме развития малого предпринимательства на селе определили выбор темы исследования и обусловили его актуальность.

Теоретико-методологические основы возникновения, развития и функционирования малого бизнеса рассмотрены в работах зарубежных и отечественных ученых: П. Друкера, А. Маршалла, Ф. Най-

та, И. Тюнена, Ф. Хайека, И. Шумпетера, Г. К. Гинса, А. В. Бусыгина, В. Я. Горфинкеля. О предпринимательстве в условиях сельской местности писали А. С. Бойцов, В. А. Гражданкин, Г. М. Грищенко, А. К. Крутик, Д. А. Торопов, С. В. Шишин.

Сельское предпринимательство представляет собой специфическую экономическую деятельность, осуществляемую предпринимателем благодаря своим организаторским способностям, направленную на эффективное использование природных ресурсов с учетом природно-климатических и хозяйственных рисков, с целью получения наивысших социально-экономических результатов [3, с. 40]. Данное определение характеризует сельскохозяйственные виды предпринимательской деятельности. Действительно, на начальном этапе развития малого предпринимательства на селе (1990-е гг. — 2007 г.) этот вид деятельности был единственно возможным, поскольку все нормативные документы были ориентированы на малый сельскохозяйственный бизнес.

Однако сложные социально-экономические процессы на селе привели к пониманию необходимости развития и несельскохозяйственной сферы малого предпринимательства.

В ряде регионов рост производительности сельскохозяйственного труда благодаря освоению новых технологий и введению в эксплуатацию крупных животноводческих комплексов влечет высвобождение рабочей силы, занятость которой в традиционных отраслях сельского хозяйства является весьма проблематичной. Наряду с этим существуют сельские территории, где в силу последствий кризисов 90-х гг. и 2007–2008 гг. сельскохозяйственные организации прекратили свое существование, а рабочее население остается без работы и источников дохода. Одним из вариантов решения проблемы трудовой занятости является развитие малого бизнеса в сфере сельскохозяйственных видов деятельности. Однако малые предпринимательские структуры в аграрной и животноводческой сфере наряду с общими сложностями, характерными для малого предпринимательства в российской экономике, испытывают влияние дополнительных рисков, обусловленных спецификой их деятельности. К их числу можно отнести природно-климатическую нестабильность, зависимость от промышленности и цен на горюче-смазочные материалы [4, с. 41]. Следует учесть и такие факторы, как недостаточность земельных ресурсов и несовершенство механизмов доступа к ним, сезонность и необходимость быстрой реализации продукции, высокая стоимость кормов, сельскохозяйственной техники, ее быстрый износ и, как следствие, тяжелый ручной труд [4, с. 41]. Более того, в Российской Фе-

дерации, в отличие от большинства развитых стран, не соблюдается приоритет сельскохозяйственной сферы, что в сочетании с диспаритетом цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию делает малый бизнес в этой сфере без дополнительной поддержки со стороны государства, муниципальной власти и без больших финансовых вложений рискованным и малопривлекательным [4, с. 42].

Решить проблему занятости на селе, остановить отток молодежи в город, повысить уровень жизни на сельских территориях способно развитие малого предпринимательства в сфере несельскохозяйственных видов деятельности, которое постановлением Правительства от 31 декабря 2008 г. отнесено к категории экономически значимых. Несельскохозяйственные виды деятельности, которые в соответствии с данным постановлением будут поддерживаться из федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации, включают в себя туризм, развитие народных промыслов, бытовое и социально-культурное обслуживание, заготовку и переработку дикорастущих плодов, ягод, лекарственных растений, иных пищевых и недревесных лесных ресурсов [5].

Наиболее перспективными для развития сельских территорий являются следующие виды несельскохозяйственной предпринимательской деятельности [6, с. 44]:

- 1) производства, ориентированные на широкое использование биологических и минерально-сырьевых ресурсов сельских территорий;
- 2) производства, развивающие традиционные для той или иной местности народные промыслы;
- 3) услуги, оказываемые местному населению;
- 4) услуги, оказываемые прибывающим в сельские муниципальные образования из других территорий.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что малое предпринимательство в сельской местности при создании благоприятных условий способно охватывать практически все сферы хозяйственной деятельности, наряду с традиционным сельскохозяйственным производством интенсивно развивать несельскохозяйственные виды деятельности (торговля, бытовое обслуживание населения, ремонтные мастерские, туризм), выполняя тем самым интегрирующую роль в повышении взаимосвязей внутри экономики региона, обеспечивая трудовую занятость населения, способствуя сохранению жизнеспособности сельских территорий. Нет сомнений, что «этап социальной-этической ответственности должен наступить и для российского бизнеса. Задачи, стоящие перед обществом, требуют от него следование

не только узким корпоративным интересам, но и интересам развития российского общества в целом» [7, с. 356–357].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шишин С. В. Предпринимательство в условиях глобализации: основные черты и противоречия. М., 2010.
2. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: gks.ru.
3. Рошко Г. М. Развитие сельского предпринимательства с учетом природно-климатических и хозяйственных рисков : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Челябинск, 2012.
4. Торопов Д. А., Кичигина И. С. Малое предпринимательство: сельский аспект // АПК: экономика управление. 2010. № 2.
5. Постановление правительства Российской Федерации от 31 декабря 2008 г. № 1096 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.government.ru>.
6. Бойцов А. С. Альтернативные (несельскохозяйственные) виды деятельности на селе: проблемы и перспективы развития // Аграрный вестник Урала. 2009. № 7 (61)
7. Сытых О. Л. Этика и бизнес: поиски гармонии или путь к конфликту? // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сб. ст. Вып. 3. Барнаул, 2011.

Е. С. Ильиных (Барнаул)

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В АСПЕКТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

На сегодняшний день неотъемлемой чертой человеческой цивилизации является высокий уровень миграционных процессов. От того, как будут развиваться миграционные процессы, какой они примут вектор движения, зависит не только политическая стабильность и территориальная целостность страны, но также социальное и экономическое развитие, уровень жизни населения, участие в мировом разделении труда и в конечном итоге рациональная интеграция страны в мировую экономику [1; 2]. При прослеживающихся в настоящее время тенденциях старения трудовых ресурсов и снижения демографического роста продуманная и хорошо сформулированная миграционная политика необходима. Российская Федерация занимает одно

из первых мест в мире по количеству прибывающих мигрантов. Следовательно, для России потребность в миграционном труде стала постоянной структурной составляющей экономики. В связи с этим главным вызовом для России является разработка политики, способной увеличить число легализованных трудовых отношений с иностранными работниками, обеспечив при этом поддержание социального единства и безопасности в стране [3].

Значительным событием в усилении борьбы с незаконной миграцией стало принятие Государственной Думой 21 июня 2002 г. и одобрение Советом Федерации 10 июля 2002 г. Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Федеральным законом определены основы правового положения иностранных граждан в Российской Федерации как временно, так и постоянно пребывающих в Российской Федерации. Согласно принятому документу законно находящимся в Российской Федерации иностранным гражданином является лицо, имеющее действительные вид на жительство, либо разрешение на временное проживание, либо визу, либо иные предусмотренные федеральным законом или международным договором Российской Федерации документы, подтверждающие право иностранного гражданина на пребывание (проживание) в Российской Федерации [4]. Закон определяет правовое положение иностранных граждан в Российской Федерации, а также регулирует отношения между иностранными гражданами, с одной стороны, и органами государственной власти, органами местного самоуправления, должностными лицами указанных органов, с другой стороны, возникающие в связи с пребыванием (проживанием) иностранных граждан в Российской Федерации и осуществлением ими на территории Российской Федерации трудовой, предпринимательской и иной деятельности.

В последние годы в Российской Федерации наметилась тенденция к применению различных мер воздействия, в первую очередь законодательных, направленных на борьбу с незаконной трудовой миграцией, на формирование правовых отношений между работодателями и иностранными работниками, легализацию в России иностранной рабочей силы.

Так, с 15 января 2007 г. вступили в силу федеральные законы, установившие новые правила в сфере миграции: Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 110-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Россий-

ской Федерации» и о признании утратившими силу отдельных положений Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». Так же вступил в силу Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 320-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Согласно новой редакции этого закона разрешительные документы на привлечение и использование иностранных работников могут оформляться и направляться иностранными гражданами и лицами без гражданства, а также работодателями и заказчиками работ (услуг) в Федеральную миграционную службу и ее территориальные органы в форме электронных документов. Кроме того, закон предоставляет право работодателям и заказчикам работ (услуг) привлекать и использовать для осуществления трудовой деятельности иностранных работников, временно проживающих в Российской Федерации, без наличия разрешения на привлечение и использование иностранных работников. Одновременно указанной категории иностранных граждан предоставляется право осуществлять трудовую деятельность без разрешения на работу [5].

Новое российское миграционное законодательство имело своей целью упрощение процедуры миграционного учета, порядка привлечения и использования труда иностранных работников, в том числе выдачи разрешений на работу для иностранцев, въезжающих в Российскую Федерацию в безвизовом порядке.

Кроме того, Президент подписал Федеральный закон от 11.07.2011 № 178-ФЗ «О ратификации Соглашения о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств». Данное соглашение направлено на создание правовой основы для противодействия нелегальной трудовой миграции граждан третьих государств на территориях Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации и предусматривает основные направления сотрудничества сторон, к которым относятся обмен статистической, научно-методической и иной информацией по вопросам противодействия нелегальной трудовой миграции, обмен опытом в указанной сфере, организация и проведение стажировок, семинаров и учебных курсов [6].

Одновременно с такой либерализацией миграционного законодательства были ужесточены меры административной ответственности в сфере трудовой миграции. Федеральным законом от 5 ноября 2006 г. № 189-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (в части усиления ответственности за нарушение порядка привлечения к трудовой деятель-

ности в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства)». В КоАП РФ были введены статьи, санкции которых предусматривают административную ответственность за незаконное привлечение к трудовой деятельности в РФ иностранного гражданина или лица без гражданства, нарушение правил привлечения иностранных граждан к трудовой деятельности, осуществляемой на торговых объектах, несоблюдение установленных федеральным законом в отношении иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных организаций ограничений на осуществление отдельных видов деятельности.

В российском законодательстве незаконное привлечение к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства проявляется как:

- 1) привлечение к труду иностранцев при отсутствии у них разрешения на работу, если такое разрешение требуется в соответствии с федеральным законом;
- 2) привлечение и использование иностранных работников без получения в установленном порядке разрешения на это, если такое разрешение требуется в соответствии с федеральным законом;
- 3) уведомление территориального органа Федеральной миграционной службы, центра занятости населения в соответствующем субъекте Федерации или налогового органа о привлечении к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранных граждан или лиц без гражданства, если такое уведомление требуется в соответствии с федеральным законом [7].

На данный момент, как известно, разрабатывается законопроект № 255180–6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (по поводу усиления ответственности работодателей за привлечение нелегальных трудовых мигрантов)» как дополнительная мера ужесточения ответственности в сфере трудовой миграции. Если законопроект будет принят, то наряду с административной ответственностью работодатель будет нести уголовную ответственность за неоднократное нарушение правил привлечения, а равно за незаконное привлечение к трудовой деятельности в РФ иностранного гражданина.

Предполагалось, что меры, направленные на усиление административной ответственности за данный вид правонарушений, значительно помогут в борьбе с незаконной трудовой миграцией. Но, несмотря на наметившуюся тенденцию уменьшения масштабов нелегальной миграции в Российскую Федерацию, данные масштабы остаются относительно большими, соразмерными с легальной миграцией. Связывается это в первую очередь с тем, что новая процедура офи-

циальной регистрации иностранных работников, несмотря на либерализацию миграционного законодательства, проще не стала. Она по-прежнему отнимает у работодателей массу времени, требует дополнительного оформления документов и финансовых затрат [8; 9].

Следовательно, для борьбы с незаконным привлечением к труду иностранных граждан недостаточно лишь либерализации миграционного законодательства и ужесточения административной ответственности за нарушения его положений. В первую очередь необходима борьба с теми условиями, при которых эта нелегальная трудовая миграция возникает.

Миграционное законодательство Российской Федерации представляет собой сложную, многоплановую, бурно развивающуюся юридическую конструкцию. В настоящее время государственное регулирование процессами миграции (в том числе нелегальной) осуществляется на основе: международных договоров, участником которых является Россия; международных договоров, соглашений и других видов обязательств РФ в рамках СНГ; Федеральных законов и иных нормативных правовых актов. Параллельно с законами разработано несколько правовых положений: «О миграционной карте», «О миграционной квоте», «О трудовой миграционной пошлине»; Указом Президента РФ утверждено Положение о Федеральной миграционной службе; продуктивно работает МВД РФ, издавая приказы в области противодействия нелегальной миграции. Сейчас наступил этап мониторинга правоприменительной практики и точечного совершенствования тех или иных законодательных недоработок. В будущем неизбежно станет актуальным вопрос о систематизации всего имеющегося массива законодательных и подзаконных актов в сфере миграции. Это сложная и кропотливая работа, которая должна проводиться в определенной последовательности в соответствии с требованиями законодательной техники и опираться на широкий круг научных данных с использованием результатов не только юридических, но и социологических, психологических и других научных исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гончарова Н. П. Риск социальной эксклюзии на региональном рынке труда: методология исследования и результаты апробации // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: экономическая. 2013. № 4 (46).
2. Ноянзина О. Е., Гончарова Н. П., Авдеева Г. С. Этнополитический экстремизм как угроза национальной безопасности России // Национальная безопасность. 2012. № 2 (19).

3. Гончарова Н. П., Поликарпова Д. А. Современные угрозы безопасности регионального социума: воспроизводство рисков на рынке труда // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2011.
4. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ // Российская газета 2002. № 3008. 31 июля.
5. О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»: Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 320-ФЗ // Российская газета. 2013. № 5979. 11 янв.
6. О ратификации Соглашения о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств: Федеральный закон от 11 июля 2011 г. № 178-ФЗ // Российская газета. 2011. № 5529. 15 июля.
7. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (в части усиления ответственности за нарушение порядка привлечения к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства): Федеральный закон от 5 ноября 2006 г. № 189-ФЗ // Российская газета. 2006. № 4217. 9 нояб.
8. Максимова С. Г. и др. Наркотизация в приграничном регионе России: вызовы, риски, угрозы : монография. Барнаул, 2009.
9. Максимова С. Г. Социально-экономические и социально-политические угрозы безопасности в оценках населения приграничных регионов России // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2012. № 12 (98).

С. В. Шепелева (Барнаул)

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

Самочувствие в самом широком смысле слова можно понимать как состояние физических и духовных сил человека. Социальное самочувствие является результатом процесса осознания субъектом самого себя в системе общественных отношений. Иначе говоря, социальное самочувствие можно определить как форму реального функционирования общественного сознания и поведения, в котором про-

является эмоционально-комфортная оценка индивидом, социальной группой и населением, различными организациями и институтами уровня удовлетворения социальных потребностей, а также своего положения в сравнении с другими индивидами, социальными группами, организациями и институтами [1, с. 56].

Социальное самочувствие, проявляя себя как функциональная единица социального, психосоциального и психосознательного освоения действительности, в интегрированном виде является воплощением основных форм восприятия действительности отдельным человеком либо социальной группой с позиций определенных ценностных установок. Являясь проявлением массовых настроений, ожиданий, а также проявлением чувств отдельных индивидов, различных социальных групп, слоев населения, социальное самочувствие выражает отношение людей к разным сторонам жизни, через устойчивые мнения, оценки социальных явлений, проявляется в социальных ожиданиях и притязаниях, в степени удовлетворенности своей жизнью. Учет подобных субъективных оценок важен при исследовании многих явлений и процессов в сфере развития социальных отношений современного российского региона. Так, удовлетворенность жизнью — важный показатель уровня социальной напряженности и протестных настроений населения [2].

Анализ социального самочувствия различных слоев населения позволяет правильно судить о состоянии, этапах, направлениях и темпах развития общественной жизни как в России в целом, так и в отдельных ее регионах, в частности в Алтайском крае.

Интерес исследователей к анализу социального самочувствия тех или иных слоев населения в разные периоды развития общества вызван в первую очередь необходимостью изучения его влияния на процессы адаптации различных социальных групп к изменяющимся условиям жизни. Уровень социального самочувствия населения выступает одним из значимых показателей эффективности социальной политики, проводимой в обществе.

Одним из структурообразующих элементов социальной политики является социальная защита. Формирование системы социальной защиты населения Алтайского края нацелено на решение главной задачи — обеспечение каждому человеку доступной помощи в преодолении кризисных ситуаций, решении сложных проблем путем предоставления медицинской, психологической, юридической и других форм помощи [3]. Отсутствие целостной системы социальной защиты населения России как суверенного государства влияет на формирование системы социальной защиты в регионе. Региональная система

социальной защиты сталкивается на современном этапе с нерешенностью многих правовых, организационных и финансовых механизмов как на уровне законодательства, так и непосредственно на уровне реализации [4]. Данные обстоятельства имеют огромное влияние на социальное самочувствие и уровень социальной защищенности населения. В случае если у большинства населения будет наблюдаться плохое социальное самочувствие, возникает повод сомневаться в эффективности и даже целесообразности проводимых преобразований.

Вместе с тем изучение социального самочувствия сталкивается с большими затруднениями, так как оно сложно поддается измерению социологическими методами, поскольку данный феномен в первую очередь носит эмоциональный, а не рациональный характер. Это приводит к появлению как различных научных интерпретаций процессов формирования социального самочувствия, так и к возникновению двойственности его определения в научных исследованиях, посвященных изучению данного социального явления.

Социальное самочувствие обладает высокой степенью динамики, возникающей в результате накопления разнородных характеристик и показателей социального и социально-психологического состояния. Как у отдельных индивидов, так и в различных социальных структурах социальное самочувствие сложно свести к единому показателю, но, тем не менее, оно образует в совокупности устойчивое социальное явление. Поэтому изучение социального самочувствия необходимо проводить в тесной взаимосвязи с объективными условиями и социальной практикой, в процессе которой реализуются или не реализуются социальные цели, установки и интересы людей, а также с учетом социально-психологического состояния индивидов, социальных групп, институтов и организаций [5, с. 79–80].

Социальное самочувствие относится к классу научных категорий, которые требуют комплексного исследования. Непосредственная разработка проблематики социального самочувствия в отечественной науке активно ведется с конца 1960-х гг. и носит междисциплинарный характер: от философских поисков до общетеоретических и прикладных психологических и социологических изысканий. Популярность понятия, его кажущаяся простота привлекли внимание многих ученых, что способствовало активизации исследований по этой теме. Несмотря на имеющиеся работы, научных исследований в рассматриваемой предметной области недостаточно. Возникла своеобразная ситуация, при которой явление обозначено, однако последовательно не изучается. Большинство публикаций отмечены эмпиризмом, недооценкой комплексного характера социального самочув-

ствия. Данный феномен не получил конкретного выражения в форме системы показателей и индикаторов. Исследователи часто ограничиваются либо описательным подходом, либо эмпирическим изучением косвенных, но легко операционализируемых фактов. По данной проблеме нет глубоких, обстоятельных региональных исследований, раскрывающих как сходство с общероссийскими, так и отличие от них основных параметров социального самочувствия [6, с. 3].

Понятие «социальное самочувствие» представляет исследовательский интерес для автора с позиции системного подхода и рассмотрения его как комплекса различных составляющих его компонентов, их взаимосвязи, влияния друг на друга и общую картину самочувствия индивида, социальной группы, организации. Изучение формирования системы социального самочувствия населения в регионе можно проследить по результатам эмпирических исследований. Так, исследование, проведенное по гранту РГНФ в 2013 г. на факультете социологии, показывает общую картину социального настроения, самочувствия населения, раскрывает оценки степени личной защищенности от существующих угроз и опасностей. В рейтинге опасностей, волнующих разные группы населения Алтайского края, социально-экономические проблемы занимают лидирующие позиции: во-первых, для 60 % опрошенных это проблемы бедности, от которых население чувствует себя наиболее незащищенным, и которые осознаются ими как проблемы особой важности, порождающие клубок новых проблем. Во-вторых, это рост цен (58%); на третьей позиции — коррупция, бюрократизм, авторитаризм власти (39,5%). Результаты данного экспертного опроса включены в мониторинговое исследование, осуществляемое на факультете социологии Алтайского государственного университета, и будут использованы при сопоставлении с другими данными по проблемам социального самочувствия населения Алтайского края [7].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бурко А. А. Интерпретация показателя «Социальное самочувствие» // Социология и общество: тезисы докл. I Всерос. социол. конгр. «Общество и социология: новые реалии и новые идеи». СПб., 2000.
2. Артюхина В. А. Протестное поведение населения Алтайского края в постсоветский период : автореф. дис. ... канд. соц. наук. Барнаул, 2012.
3. Колесникова О. Н., Чуканова Т. В. Социальная защищенность населения: особенности построения региональной системы //

- Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сб. статей. Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2011.
4. Чуканова Т. В. Разработка концепции социальной защиты населения как условие социальной безопасности региона // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сб. статей. Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2011.
 5. Толубаева Л. Т. Социальное самочувствие населения Пензенской области в условиях трансформации российского общества // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2009. № 3 (11).
 6. Лепешкин Н. Я. Социальное самочувствие населения на современном этапе трансформации российского общества (региональный аспект) : автореф. дис. ... канд. соц. наук. Хабаровск, 2004.
 7. Колесникова О. Н., Артюхина В. А. Безопасность и социальное самочувствие населения: региональный аспект // Вестник алтайской науки. 2013. № 3.

А.А. Копейкина (Барнаул)

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В эпоху глобализации и информационных технологий Интернет широко распространен на всей территории Российской Федерации, таким образом, сеть становится объективным условием реализации жизнедеятельности индивида. Важное место в этом процессе занимают социальные сети, которые в последнее время приобрели колоссальную популярность. Сегодня существует немало точек зрения на перспективы развития социальных сетей, и эти перспективы зависят от целевой аудитории, на которую они ориентированы. Без сомнения, наиболее активной частью в плане использования виртуальных сетей является молодежь (составляющая еще и значительную часть пользователей Интернета), которая рассматривается как активная социальная сила, всегда и везде несущая с собой инновации: информационные, коммуникативные и другие, а сайты социальных сетей становятся своего рода их проводниками в постоянно трансформирующемся обществе [1].

Уже сегодня благодаря сети Интернет политические процессы и управление приобрели новое содержание, которое обусловило появление новых субъектов гражданского общества — сетевых сообществ. Сетевые сообщества — это относительно неустойчивая совокупность людей, взаимодействующих посредством системы коммуникаций, обеспечиваемых службами сети Интернет, обладающих общностью интересов и осуществляющих совместную деятельность в виртуальном пространстве [2, с. 39–40]. Они способствуют формированию «сетевого гражданского общества», цель которого — общение в режиме онлайн для решения реально существующих социальных проблем. Перевод общественных структур в виртуальное пространство способствует более продуктивному взаимодействию органов власти и граждан. Здесь важно упомянуть концепцию «цифровой демократии», которая представляет собой сетевое взаимодействие граждан и политических акторов в принятии решений, т.е. сетевая общественность получает возможность влиять на формирование и реализацию публичной политики. Практическое выражение «цифровой демократии» — технология «GOV 2.0» или «правительство 2.0», которая основывается на принципе открытости власти и участия граждан в принятии решений на всех уровнях. Данная технология реализуется через приход чиновников в социальные сети и блогосферу, образование сообществ, где ведется дискуссия с гражданами, имеется доступ к действующим и находящимся в работе законам в режиме онлайн и другие сетевые практики [3].

На сегодняшний день одним из наиболее распространенных средств получения, а также распространения политической информации, стали так называемые социальные сети («ВКонтакте», «Facebook», «Twitter»), а также ведение своеобразных политических интернет-журналов (политических блогов), в которых люди могут публиковать информацию о той или иной политической личности либо ситуации, а также высказывать свое мнение об этом. Преимуществом данных информационных каналов является наличие более эффективной по сравнению с другими СМИ обратной связи, т.е. возможности получения скорейшего отклика на заданные вопросы или описанные проблемы, либо от непосредственно власти имущих лиц, либо их доверенных лиц. Известно, что популярность социальных сетей среди политиков растет с каждым днем (В.В. Путин, В.В. Жириновский, Д.А. Медведев, Г.А. Зюганов и многие другие политики имеют своих представителей в социальных сетях и активно ведут блоги).

Также огромным плюсом интернет-ресурсов является возможность получения альтернативной и независимой от государства точ-

ки зрения (в значительной мере имеющей ярко выраженную оппозиционную окраску), с одновременным снижением уровня интереса (а в последствии с высокой степенью вероятности и уровня доверия) к контролируемым властью средствам массовой информации. Также данные интернет-каналы дают возможность распространения информации о месте и времени проведения различных акций и мероприятий оппозиции, этот способ распространения информации является более эффективным, чем, например, оппозиционные газеты. В чем мы с вами смогли убедиться: после выборов 4 декабря 2012 г. прошла серия митингов по всем регионам России с лозунгом «За честные выборы». Информация о проведении митингов активно распространялась по интернет-сообществу, основные организационные вопросы решались также в социальных сетях, были созданы специальные группы для обсуждения (например, в социальных сетях «ВКонтакте»), появлялись многочисленные «POSTы» (статьи) в блогах, однако, самое горячее обсуждение шло в микроблоге под названием «Twitter». Одним из инициаторов митингов «За честные выборы» является известный политический деятель Алексей Навальный, который одним из первых создал блог с ярко-выраженной политической направленностью, в котором он высказывал свое мнение о российской власти, политических лидерах, чиновниках, коррупции и т.д., чем вызвал в интернет-сообществе небывалый ранее ажиотаж.

Несомненным достоинством социальных сетей, блогов и является заметный рост заинтересованности молодежи в политической жизни нашей страны, сегодня практически каждый молодой человек свободно может выразить, и с удовольствием выражает, свою гражданскую позицию в своем блоге или twitter.

В преддверии президентских выборов (4 марта 2012 г.) популярность интернет-ресурсов среди кандидатов возросла. Кандидаты в президенты и их предвыборная команда активно используют их для своей агитационной кампании: создавались группы и сообщества в социальных сетях в поддержку того или иного кандидата, выкладывались ролики с участием кандидатов, кандидаты и их доверенные лица писали множество «постов» в своих блогах, публиковали фотографии и новости о себе. В сети Интернет активно велся диалог между избирателями и кандидатами.

Из всего сказанного можно сделать следующий вывод: информация на сегодняшний день является одним из важнейших ресурсов для развития и функционирования государства и общества. Также следует иметь в виду что адекватное использование информации и ин-

формационных потоков в современном обществе может сказаться на состоянии социальной и информационной безопасности; на это, в частности, обращают внимание некоторые исследователи (см., например: [4]). Информационный обмен между различными институтами власти и общества становится критичным с точки зрения эффективного функционирования государства. На данный момент времени говорить о наличии в России эффективного и полноценного взаимодействия общества и государственной власти в информационном аспекте весьма затруднительно. Однако уже сегодня можно говорить о наличии тенденции налаживания в нашей стране диалога между властью и обществом посредством современных интернет-технологий, таких как социальные сети и прочие подобные интернет-ресурсы, дающие возможность простым людям задавать вопросы, рассказывать о набравших проблемах и даже высказывать свои предложения напрямую властям и получать ответы от них, т.е. выполнять контролирующую функцию.

Хотелось бы верить, что появившаяся обратная связь от общества к государству поможет властям лучше разобраться в нуждах и требованиях народа, однако на данный момент интернет-сообщество в большей степени противопоставляет себя действующей власти и является несистемной оппозицией нового типа, так как не имеет ярко выраженного лидера, четкой структуры и ведет свою деятельность «по зову сердца». Примечательно, что в последнее время деятельность интернет-сообщества вышла за рамки простых споров между пользователями и стала носить более организованный характер: теперь предвыборным технологиям, используемым государством, противопоставляются такие же технологии со стороны интернет-сообщества, т.е. граждане агитируют против действующей власти среди граждан, но уже за пределами сети. Стали появляться новые лица на политической арене, преимущественно из блогеров-тысячников (блогеров, имеющих большое количество подписчиков).

Таким образом, можно сказать, что политическая жизнь Рунета выходит в реальную жизнь и становится неотъемлемой частью российской политики и является зачатком формирования в России настоящего гражданского общества в классическом его понимании.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баткаева Е. Роль социальных сетей в социализации молодежи [Электронный ресурс]. URL: www.pareto-center.ru/smi-59.html.
2. Ивахненко Е. И. Аутопойезис информационных объектов // Информационное общество. 2009. № 1.

3. Кожемякина К. Н. Сетевое гражданское общество как фактор консолидации в условиях чрезвычайной ситуации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/001Кожемыкина.pdf> (дата обращения 04.10.13).
4. Попов Е. А. Опасность и безопасность: соотношение понятий в системе ценностно-смысловых координат // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сб. статей. Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2013.

М. Жмакина (Барнаул)

СОЦИАЛЬНОЕ ИЖДИВЕНЧЕСТВО КАК РЕЗУЛЬТАТ ПОЛИТИКИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российская Федерация на протяжении вот уже 20 лет выстраивает свою политику согласно принципу, закреплённому в Конституции РФ, который провозглашает наше государство социальным. В самом широком смысле социальное государство представляет собой политическую систему, перераспределяющую материальные блага в соответствии с принципом социальной справедливости ради достижения каждым гражданином достойного уровня жизни, сглаживания социальных различий и помощи нуждающимся [1, с. 5]. Основными направлениями деятельности государства в данном контексте провозглашаются создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека; охрана труда и здоровья людей; установление гарантированного минимального размера оплаты труда, государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты; обеспечение государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан; развитие системы социальных служб. Эти и иные конституционные гарантии подтверждают, что правовой статус гражданина современной России содержит помимо прочих составляющих социальные права. Основное их содержание — это притязание человека на часть социальных благ, производимых обществом, для поддержания нормального уровня жизни в случае неспособности самостоятельно обеспечить себя ими: в силу возраста, здоровья и других причин нетрудоспособности.

Практика показывает, что социальное обеспечение граждан РФ сегодня находится на качественно низком уровне, и в основном это

связано с недостаточно эффективной экономикой, неспособной удовлетворить запросы общества, с одной стороны, и чрезмерно высоким процентом граждан, относящихся к категории нуждающихся, или социальных иждивенцев, с другой. При этом факт существования социального иждивенчества в основном считается негативным последствием социальной политики государства, как правило, ассоциируется с бедностью и сводится к одностороннему предоставлению государством социальных благ.

Феномен социального иждивенчества не является однородным: он объединяет различно детерминированные ситуации как вынужденной, так и сознательной зависимости. Одной из задач государства является поддержка нетрудоспособных или граждан, не имеющих по каким-либо причинам возможности трудиться (дети, больные, инвалиды, пенсионеры, безработные). Эти категории населения как раз таки обретают статус вынужденных иждивенцев и должны иметь возможность поддерживать обычный жизненный стандарт за счет перераспределения государством средств, накопленных субъектами, участвующими в экономической жизни страны. Сознательная же иждивенческая позиция заключается в стремлении во всем рассчитывать не на свои силы, а на помощь других, вообще жить за чужой счет и представляет собой сформированный по различным причинам отказ от индивидуального развития и достижения социально значимых целей [2, с. 65].

Проблема социального иждивенчества имеет давнюю историю. Долгое время человечество мечтало о счастье на земле, о справедливой благополучной жизни. Философы размышляли об идеальном государстве, посвящали ему специальные трактаты. «Утопия» Томаса Мора положила начало направлению социально-утопической мысли. Идеальный общественный и государственный строй представлялся Томасу Мору таким: отсутствие частной собственности, денежного обращения, полное социальное равенство, коллективизм, основой общества должны выступать семейный и трудовой коллективы. Государство всеобщего благосостояния (*welfare state*) — попытка реального воплощения мечты о таком общественном идеале. Оно представляет собой общество, где существует государственная ответственность за благосостояние граждан, которая не может быть возложена ни на самого индивида, ни на частную корпорацию или местную власть.

В социологии социальное иждивенчество обычно рассматривается в рамках теорий социального действия и патернализма.

Понятие «социальное действие», впервые введенное Максом Вебером, производно от действия вообще, под которым понимается

такое человеческое поведение, в процессе которого действующий индивид вкладывает в него субъективный смысл. Стало быть, действие — это осмысление человеком его собственного поведения. Социальным М. Вебер называет такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него. Ориентацию на других Вебер называет «ожиданием», без которого действие не может считаться социальным. Свою концепцию Вебер называл «понимающей социологией». Социология анализирует социальное действие и пытается объяснить его причину. Стало быть, иждивенчество в контексте теории социального действия — это сознательная, ожидаемая зависимость от кого-либо (в частности от государства), ориентация на покровительство со стороны государства или какого-либо человека.

Патернализм (лат. *pater* — отец) — форма регулирования отношений между государствами, проявляющаяся в покровительственном отношении государства к зависимым от него субъектам. Патернализм на государственном уровне означает, что все общество представляется как семья, главой которой является государство. Подразумевается опека со стороны государства по отношению к гражданину, у которого, в свою очередь, формируется соответствующее мировоззрение: ожидание от государства помощи и покровительства. Патернализм, в значении описания формы государственного устройства, имеет следующие особенности:

- подчиненный находится в ресурсной зависимости от патерналиста, возможно, добровольной;
- патерналист обычно является отдельным лицом, в то время как его подчиненные рассматриваются как коллектив. Возможно также возникновение иерархических структур, при котором патерналист делегирует часть своих полномочий;
- идеологический аспект патернализма связан с оправданием подчинения, подчеркивающим заботливую роль патерналиста. Подчиненные не обладают достаточной самостоятельностью, чтобы оценить возможные последствия своих поступков и решений. Таким образом, они могут нанести себе необратимый вред, и за ними необходим контроль для их же блага. Вместе с этим, с подчиненных снимается часть ответственности за это.

Патернализм обычно является распространенным отношением, охватывающим все аспекты жизни подчиненных и затрагивающим личность в целом, не ограничиваясь отдельными видами деятельности индивида.

Проблема социального иждивенчества не может быть рассмотрена лишь в негативном ключе, ведь человек, работавший и плативший налоги, вправе получать пенсию за счет налогов с ныне работающих. Иными словами, человек в течение трудоспособной жизни вносящий свой вклад в общественное достояние, имеет право на получение различных социальных благ как непосредственно в этот период, так и после него (при снижении уровня трудоспособности) [3, с. 170]. Утверждать, что все действия государства, связанные с социальной помощью гражданам, создают социальное иждивенчество, абсурдно. Данный феномен можно рассматривать всего лишь как один из результатов применения неграмотной политики по социальной поддержке населения. Поэтому необходимость социальной поддержки граждан государством выступает как крайне противоречивая сущность социального строя: с одной стороны, это обязанность государственных структур, с другой — созидание массового иждивенчества в обществе.

Следует отметить, что наряду с активной критикой самого факта социального иждивенчества как негативного последствия политики всеобщего благосостояния в последнее время авторы не столько критикуют, сколько защищают, стараются оправдать иждивенцев. Исследователи отмечают, что слово «иждивенец» не вполне корректно, употребление именно этого слова формирует негативное отношение общества к классу зависимых от государственной поддержки людей. Эти люди находятся в ловушке политических программ и ценностей, которые государство постулирует. Система в значительной степени подавляет людей, третирует их. Это не всегда вызывает протест и борьбу, т.е. желание вырваться из состояния зависимости, но даже напротив — усугубляет зависимость [2, с. 125].

Таким образом, зависимость — не столько моральная проблема индивида, сколько социально-политическая проблема, проблема государства. Исследователи высказывают предположение, что ее нельзя решить, ограничиваясь только лишь предоставлением благ. Необходимо воспитание в обществе ценностей, которые бы способствовали стремлению людей к независимости. Нужно не столько помогать материально, сколько создавать условия, чтобы население могло зарабатывать самостоятельно. Люди должны чувствовать, что они нужны, что они могут принести пользу, могут быть комфортно встроены в систему и эффективно работать в ней, будь то возможность создания частного бизнеса, работа в государственных организациях и участие в государственных проектах, волонтерство и т.д. [4, с. 125].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мамут Л. С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. 2001. № 7.
2. Шаровская А. В. Социальное иждивенчество как проявление проблемы самоактуализации личности общества потребления // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 10. Тамбов, 2012. Ч. 1.
3. Хатагов Т. А. О социальном иждивенчестве // Бюллетень Владикавказского института управления. 2005. № 16.
4. Сидорина Т. Ю., Тимченко О. Социальное иждивенчество — обратная сторона благоденствия // Отечественные записки. 2012. № 5.

Е. П. Баранова (Барнаул)

ОРГАНИЗАЦИЯ ДОСУГА КАК ФОРМА ПРОФИЛАКТИКИ ПРОТЕСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

Современное человечество переживает сложное время. В целом ряде государств происходят революции, гражданские войны, бунты, восстания, массовые беспорядки. Социальные протесты характерны и для современной России — многотысячные митинги, произошедшие в крупных городах РФ в конце 2011 г. под лозунгом «За честные выборы!», — тому подтверждение.

Одним из основных активных субъектов социальных протестов является молодежь. Участие в акциях протеста стали принимать и подростки. Протестное поведение подростков в социологии мало изучено, об этом говорит отсутствие серьезных, фундаментальных трудов, не говоря уже о формах профилактики подросткового протеста.

Основную методологическую платформу составляют исследования в области социальной напряженности и протестного поведения населения в целом. В постсоветской России проблематика протестного поведения населения стала предметом многих социологических, политологических, социально-психологических, юридически-правовых, а с недавних пор — и конфликтологических исследований. Свою лепту в изучение этой проблематики внесли практически все авторитетные социологи современной России, как эмпирики, так и теоретики. Особо значимые идеи высказаны З. Т. Голенко-

вой, А. В. Дмитриевым, А. К. Зайцевым, А. Г. и Е. А. Здравомысловыми, И. М. Козиной, В. В. Нагайцевым и другими исследователями, большая часть которых активно использует концепции зарубежных исследователей социального протеста (Дж. Бертон, Г. Зиммеля, Э. Гидденса, Л. Козера, Р. и др.) [1].

Социологи Алтайского госуниверситета в течение двадцати последних лет проводят мониторинг социальной напряженности в крае (научным руководителем являлся Ю. Е. Растов) [2].

Что касается исследования протестного поведения подростков, то такой термин не встречается в исследованиях. В основном в обиходе понятие «девиантное поведение». Эта проблема поднималась в основном в педагогических и психологических науках. В западных педагогических исследованиях профилактики девиантного поведения особое значение имеет теория демократизации образования и воспитания, нашедшая отражение в педагогических воззрениях А. Дистервега, П. Натропа, Г. Кершенштейнера, В. Лайема, Дж. Дьюи.

Интересен подход таких ученых, как Г. Рот, И. Дерболов, Е. Финк, которые поставили вопрос о необходимости построения процесса воспитания с позиции сознательного усвоения подростком таких феноменов человеческого существования, как зрелость, любовь, жизнь, смерть, работа, игра и т. п. Особую роль в исследовании негативных явлений внесли социологи Г. Тард и Э. Дюркгейм, А. Кетле, А. Коэн, Г. Зиммель, П. Сорокин. Их концепции легли в основу специальной социологической теории — социологии девиантного поведения и социального контроля [3].

Активное внимание к вопросам профилактики девиантного поведения было направлено в XIX столетии в педагогических теориях В. Г. Белинского, А. И. Герцена, В. Н. Шелгунова, П. Ф. Лесгафта, П. Ф. Каптерева, Н. И. Пирогова и др.

Определенный интерес для нашего исследования имели работы ученых, изучающих проблемы организации досуга и социально-культурной деятельности. Среди них: Е. И. Григорьева, М. И. Долженкова, Т. Г. Киселева, Ю. Д. Красильников, В. С. Садовская, В. В. Туев, и др. [4]. Таким образом, можно говорить о том, что в совокупности протестное поведение подростков и организацию досуга как формы профилактики протестного поведения подробным образом не изучали.

Существуют определенные особенности этого возраста. Подростковый период — это стадия развития личности, которая обычно начинается с 11–12 и продолжается до 16–17 лет — периода, когда человек входит во «взрослую жизнь». Этот возраст представляет собой период взросления, характеризующийся интенсивными психологи-

ческими и физическими изменениями, бурной физиологической перестройкой организма.

В это время происходит жизненное самоопределение подростка, формируются планы на будущее. Идет активный поиск своего «Я» и экспериментирование в разных социальных ролях. «Значительную роль в установлении контакта играет самопрезентация» [5 с. 103]. Подросток изменяется сам, пытается понять самого себя и свои возможности. Изменяются требования и ожидания, предъявляемые к нему другими людьми. Он вынужден постоянно подстраиваться, приспосабливаться к новым условиям и ситуациям, но не всегда это происходит успешно. Возникают многие психологические проблемы: неуверенность в себе, нестабильность, неадекватная самооценка, чаще всего заниженная. В определенных случаях проявляются такие признаки как депрессия, неусидчивость и плохая концентрация внимания, раздражительность. У подростка могут появиться тревога, агрессия и проблемное поведение [6]. Это выражается в конфликтных отношениях со взрослыми.

Именно в «переломный» период становления личности важно указать ему правильный путь и сформировать активную жизненную и гражданскую позицию. Важно предпринять меры для предотвращения возможных неконструктивных проявлений протестного поведения [7].

Организация досуга — это оптимальный выход для подростка из этого сложного для него периода. Находясь в коллективе, который он выбрал сам, он будет реализовывать большинство потребностей. Поэтому проблема организации досуга подростков как формы профилактики протестного поведения актуальна для современного российского общества.

В этом, на наш взгляд, состоит научная ценность и актуальность проведения исследования организации досуга как формы профилактики протестного поведения подростков.

В данном исследовании мы определили для себя цель: выявление способов организации досуга подростков Барнаула как формы профилактики протестного поведения.

Сейчас организация досуга в Барнауле не обеспечивает профилактику протестного поведения подростков. Сами дома творчества, спортивные секции сталкиваются с множеством проблем, что существенно затрудняет их деятельность и не дает возможность еще большому количеству подростков приобщаться к культурной, общественной и спортивной жизни города.

Для реализации цели выдвинуты следующие предположения. Занятия в творческих объединениях и спортивных секциях явля-

ются наиболее распространенными способами организации досуга подростков Барнаула. Мотивация подростков в занятии в секциях, кружках и другого не зависит от желания родителей и педагогов. Основным мотивом для посещения творческих объединений, секций, кружков у подростков является желание самореализации. Чем выше занятость подростков в организациях дополнительного образования, тем меньше вероятность их протестного поведения. У подростков Барнаула, занимающихся в досуговых объединениях, не возникает проблем в общении со сверстниками. Подростки, занимающиеся в досуговых объединениях, имеют высокие показатели успеваемости в школе. Существующих форм организации досуговой деятельности в Барнауле недостаточно для самореализации подростков. Для эффективной профилактики протестного поведения подростков необходимо внедрение новых форм и способов организации досуговой деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Артюхина В. А. Некоторые аспекты социологических исследований протестного поведения населения // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2013.
2. Артюхина В. А. Протестное поведение населения Алтайского края в постсоветский период : автореф. дис. ... канд. соц. наук. Барнаул, 2012.
3. Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют. СПб., 2005.
4. Воронин А. С. Словарь терминов по общей и социальной педагогике. Екатеринбург, 2006.
5. Пустовалова Е. В. Коммуникативные отношения в социальных сетях человека // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.
6. Стерляева Н. А., Особенности агрессии как формы протестного поведения подростков // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.
7. Гусейнов А. Ш. Протестное Поведение как интегральный показатель кризиса личности в подростковом возрасте // Успехи современного естествознания. 2008. № 9.

Ю. Н. Антипенко (Барнаул)

НОВЫЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТАНДАРТ В ОЦЕНКАХ УЧАСТНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА (на примере Баевского района Алтайского края)

Сфера образования в последние годы стала полем самого настоящего сражения между сторонниками его реформирования и их противниками. Противники — профессионалы, родители, общественность; сторонники — главным образом чиновники и обслуживающие их интересы «исследовательские структуры» — продавливают «реформу» несмотря на широкие протесты.

Реформирование происходило постоянно с конца 50-х гг. XX в., а интерес к социологическому анализу проблем образования возрос уже в 60–70-е гг. в связи с активизацией процесса реформирования школы. В 80-е гг. повсеместно изучались социально-профессиональные ориентации молодежи, студенчества, влияние высшей школы на развитие социальной структуры общества [1].

Вступающий в силу новый общеобразовательный государственный стандарт 2013 г. вызвал широкое обсуждение в обществе и прессе. С этого года начинается масштабная реформа старшей школы, в рамках которой будет уменьшено количество образовательных предметов в пользу нравственного воспитания детей. Горячие споры возникли вокруг внесения изменений в Федеральный закон «Об образовании», а также проекта Федеральных стандартов среднего (полного) общего образования.

Государственные школы получают законное право на проведение платных уроков. Власти будут оплачивать только небольшое количество предметов, которые входят в госзаказ. За такие предметы, как рисование, музыка, информатика, физика, химия, биология и другие родителям придется заплатить. По предварительным данным, стоимость обучения в месяц составит порядка 6–7 тыс. руб. Это 54–70 тыс. руб. в год и около 630 тысяч за все 11 лет обучения. Таким образом, можно сказать, что данная реформа образования окончательно положила конец бесплатному среднему образованию. При этом следует учесть, что детям нужно еще оплатить спортивные и развлекательные секции, снабдить учебниками, купить школьную форму и многое другое. В итоге получается, что в среднем родитель должен будет тратить на одного ребенка в месяц порядка 20–25 тыс. руб.

А о том, что сельские школы, которые еще не «добила» оптимизация, добьет новый закон, и вообще лучше не говорить. Ведь на селе школа, которая вдобавок переведена на подушевое финансирование, прибыльной, самоокупаемой быть просто не сможет [2].

Школа превращается в учреждение, которое вынуждено зарабатывать на своих учащихся. От изучения некоторых предметов предполагается отказаться «в пользу воспитания патриотизма». По мнению законодателей, благодаря урокам патриотизма в школах молодежь перестанет устраивать несанкционированные акции с погромами, подобно акции на Манежной площади 11 декабря. «Последние годы в школе мы давали только знания, но не воспитывали. Результатом этого стало побоище на Манежной площади», — сообщил автор проекта, гендиректор издательства «Просвещение» Александр Кондаков [3].

Теперь законодатели решили сделать крутой поворот. Главной целью старших классов станет воспитание нравственного и ответственного патриота. В результате нововведений никакого увеличения нагрузки на школьников не будет — произойдет лишь ее перераспределение. В старших классах школьники будут сами выбирать, какие предметы и в каком объеме им изучать. Обязательными реформа образования оставляет только три дисциплины: ОБЖ, «Россия в мире» и физкультура. Еще шесть можно будет выбирать из таких предметов, как математика, информатика, русский язык и литература, иностранный язык, родной язык и литература, общественные и естественные науки, искусство. Уменьшение числа учебных часов по таким предметам, как математика и физика, не просто сужает и обедняет картину мира учащегося, но непосредственно ведет к дерационализации сознания. Если учитывать катастрофическое состояние языковой и культурной среды в российской системе образования, нужно бы вдвое увеличить количество часов на его изучение, но никак не иначе. Необходимо остановить снижение уровня образования, вернуть профилирующим дисциплинам ведущее место и соответственное их значению количество отводимых часов.

Следует отметить, что при принятии этого решения мнения граждан Российской Федерации не учитывалось, их просто поставили перед фактом, что со следующего года им придется оплачивать обучение своих детей. Портал «Завуч.инфо» объявил о намерении провести Всероссийское родительское собрание «Гражданская инициатива по обсуждению проблем в российском образовании», во время которого родителям расскажут о всех новшествах, планируемых Министерством образования и науки России, но, к сожалению, данное обещание не было исполнено.

Классическое образование или упор на высокие технологии? Единообразии ради национального сплочения — или царство цветущей сложности? Бесплатное образование хорошего уровня — или родителям придется платить почти за все, кроме физкультуры и ОБЖ? Обо всем этом в российском обществе нет не только консенсуса, но и ясности: даже эксперты при высказываниях «на публику» предпочитают говорить длинными малозначащими фразами.

В этом, на наш взгляд, состоит научная ценность и актуальность проведения исследования, цель которого выявить готовность участников образовательного процесса к внедрению нового образовательного государственного стандарта [1].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Концепция профильного обучения на старшей ступени общего образования // Вестник образования. 2002. № 12.
2. [Электронный ресурс]. URL: [www. http://ria.ru](http://ria.ru).
3. Шевчук Д. Реформа системы образования в России: конечная цель — свободный рынок. СПб., 2010.

Е. В. Вольшмидт (Барнаул)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ

Миграционные процессы обрели со второй половины XX столетия поистине глобальные масштабы, охватив все континенты планеты, социальные слои и группы общества, различные сферы общественной жизнедеятельности. Миграция стала одним из главных факторов социального преобразования и развития во всех регионах мира. Ее непосредственное влияние сказывается на состоянии народного хозяйства, на социальных отношениях, культуре, национальной политике и международных отношениях. Миграция неизбежно ведет к культурно-этническому разнообразию населения внутри отдельных государств и размыванию традиционных границ [1].

Миграционные процессы в современном российском обществе концентрируют особенности социально-экономического развития страны и ее регионов. В общей структуре массовых передвижений, вызванных экономическими, социальными, международными противоречиями переходного периода, проблемы социально-экономи-

ческой адаптации мигрантов относятся к ключевым вопросам стабилизации общества. Чем выше уровень адаптации мигрантов к новым условиям жизни, тем значительнее экономическая и интеллектуальная отдача человеческих ресурсов для развития регионов, и наоборот, усиление конфликтогенного потенциала миграционных потоков на территориях въезда снижает уровень адаптации вынужденных мигрантов, деструктурирует региональный рынок труда и усиливает социальную напряженность. Социально-экономическая адаптация мигрантов оказывается во многом перспективным объектом исследования современной социологической теории. Будучи по своему содержанию и функциям общественной наукой, социология включает в предметную область анализа все сферы жизни общества на широкой междисциплинарной основе. Вместе с тем в центре внимания человека и его деятельности, социология в системном и органичном единстве рассматривает объективные и субъективные стороны человеческой деятельности. Именно такой подход способствует более полному и глубокому раскрытию закономерностей и механизмов миграционных процессов в обществе, предельно сближая предметные поля философии, психологии, культурологии и социологии.

Актуальность изучения проблем социально-экономической адаптации мигрантов в сельской местности обусловлена тем, что село представляет собой для некоторой части населения, место сезонного трудоустройства преимущественно в аграрной сфере. Для большинства людей, не имеющих возможности постоянно проживать в городе, села являются некими «спальнями». Еще одним важным аспектом актуальности темы является то, что сельский социум отличается очень тесными отношениями между ее членами, что позволяет наиболее полно и подробно изучить адаптации мигрантов, а также использовать полученные результаты для совершенствования рынков труда и миграционной политики в селе.

В эволюции теоретических представлений о содержании миграционных процессов научная значимость проблемы адаптации мигрантов приобрела актуальность в начале XX в., когда впервые к исследованию миграционных процессов был применен социологический подход. Р. Парк, рассматривая составные элементы человеческого общества, выделил факторы-признаки человеческого общества: население, артефакты (технологическая культура), обычаи и верования (нематериальная культура), составляющие социальный комплекс. К ним он добавляет четвертый фактор — природные ресурсы среды обитания. «Взаимодействие этих факторов поддерживает одновременно и биотический баланс и социальное равновесие всегда

и везде, где они существуют». По мнению Р. Парка, человек и среда его обитания образуют основу миграционных перемещений. Свойства адаптации человека к социальной среде выявляются в борьбе за выживание в природной среде и в конкуренции между людьми. Социальная адаптация, по его мнению, выступает одним из средств разрешения противоречий между стремлением человека к индивидуализму и необходимостью достижения согласия с другими. Нарушение равновесия приводит к миграционным перемещениям. Функционально социальная адаптация является сложной формой коллективного поведения, которая способствует возникновению новых форм конкуренции и новых форм общественной жизни. В теории социологии Р. Парк был одним из первых, кто обратил внимание на связь адаптации и миграционных процессов.

Раскрытие процесса социальной адаптации через усвоение личностью социального опыта отражено в работе «Польский крестьянин в Европе и в Америке» (1918–1920), опубликованной Уильямом Айзеком Томасом и Флорианом Витольдом Знанецким. Авторы рассматривают адаптацию через взаимодействие социальных ценностей (как характеристики общества) и социальной установки (как характеристики личности). В этой работе на основе строгого качественного и количественного анализа личных документов (писем, дневников, автобиографий поляков, как переехавших в США, так и оставшихся в Польше) были изучены процессы миграции и социальной адаптации эмигрантов к новой среде, социальной ситуации. У. Томас сформулировал концепцию социальной ситуации, которую он делил на три важнейшие составляющие: 1) объективные условия, заложенные в существующих социальных теориях и ценностях; 2) установки индивида и социальной группы; 3) формулирование существа ситуации действующим индивидом [2, с. 112]. У. Томас и Ф. Знанецкий детально исследовали систему социальных установок и показали в своем труде, что конфликты и социальная дезинтеграция возникают в случаях, когда индивидуальные определения ситуации личностью не совпадают с групповыми ценностями. Будучи представителем психологического направления в социологии, У. Томас выделял четыре группы побудительных желаний человека, играющих ведущую роль в определении потребности к миграциям: необходимость нового опыта, обеспечение безопасности, стабильности своего образа жизни, потребность в признании себя со стороны окружения и жажда господства над своим окружением. Индивидуальную конфигурацию этих желаний он связывал с врожденными особенностями человека, прежде всего с его темпераментом.

На сегодняшний день не существует единой теории адаптации, хотя отдельные элементы ее разрабатывались как зарубежными, так и отечественными исследователями. В социологии понятие «адаптация» трактовалось по-разному в зависимости от методологического подхода. Практически в русле каждой социологической парадигмы имелось свое представление об этом явлении и его роли в обществе. В то же время необходимо отметить появление таких фундаментальных работ по теории социальной адаптации, как «Социология адаптации» Л. В. Корель. Она, согласно М. Веберу, который определял такие виды социального действия: целерациональное, ценностно-рациональное, аффективное, традиционное, представляет соответствующие виды адаптаций: 1) целерациональные; 2) ценностно-ориентированные; 3) аффективные; 4) традиционные. Целерациональные адаптации, по мнению Л. В. Корель, должны включать в себя в качестве обязательных элементов:

- а) рационально направленные и регулируемые адаптивные цели;
- б) ожидание определенного поведения «внешнего мира» при использовании этого ожидания «как условия» или «как средства» достижения цели [3, с. 535].

Ценностно-рациональные адаптации имеют ограничение для достижения адаптивного успеха-ценности и нормы, которые всегда ограничивают арсенал допустимых средств и способов достижения адаптивной цели, а кроме того, способны корректировать и саму адаптивную цель. Аффективные адаптации осуществляются под действием разного рода аффектов и чувств. Аффективность может касаться формирования самой адаптивной цели, а также проявляться при выборе средств адаптации.

Традиционные адаптации объединяют такие, в которых адаптивный процесс происходит традиционно, «через привычку».

Кроме видов адаптации, Л. В. Корель предприняла попытку создать интегральную теорию социальной адаптации; исследования по изучению взаимосвязи самоидентификации и адаптации личности, изменению ценностных ориентации в процессе адаптации.

Во всем многообразии концепций адаптивной деятельности в социологии можно выделить два контекста — «нормативный» и «интерпретативный». В рамках структурно-функциональной парадигмы в социологии преобладает нормативный контекст. Суть его состоит в том, что процесс адаптации описывается как процесс установления соответствия между характеристиками индивида (или группы) и «объективными» нормами среды, в которую они попадают, причем нормы среды представляются в виде относительно постоянной вели-

чины, и они же являются мерилем оценки успешности/неуспешности адаптации. При таком понимании личность — всего лишь пассивный объект адаптирующего воздействия социальной среды.

Основы интерпретативного анализа процесса адаптации заложены в «понимающей социологии» М. Вебера и «философии жизни» В. Дильтея, развиты далее в «символическом интеракционизме» Дж. Г. Мида и Г. Блумера и обретают законченный вид в трудах таких социологов и философов феноменологической и герменевтической ориентации, как Э. Гуссерль и Г. Г. Гадамер, И. Гофман и А. Шюц, П. Бергер и Т. Лукман, Л. Витгенштейн и П. Рикер. В интерпретативном контексте субъект адаптации (адаптант) прежде всего фиксирует собственную идентичность, т.е. ту определенность, ради которой собственно и предпринимается включение в новую среду. Далее в соответствии с внутренними диспозициями происходит интерпретация этой новой среды и, наконец, на основе этой интерпретации вырабатываются стратегии или сценарии адаптации к новой среде, позволяющие поддерживать идентичность, т.е. тождественность самому себе.

С научной точки зрения понятие «адаптация» традиционно является одним из основных компонентов категориальной системы современной социологической науки [4, с. 160]. Специалисты, разрабатывающие теоретико-методологические и прикладные аспекты адаптационных процессов, отмечают многозначность проблемы социально-экономической адаптации, важность выбора действий самого индивида и его связь с социальной практикой. Ведущим аспектом исследования социально-экономической адаптации, позволяющим комплексно подойти к ее изучению, является социологический. В современной социологии «социальная адаптация» рассматривается как процесс и результат активного приспособления индивида к условиям новой социальной среды. Чем меньше выражено в индивиде личностное начало, тем более социальная адаптация носит характер приспособления к условиям социальной среды и разворачивается как гибко организованная в новых условиях поисковая активность, выход индивида за пределы готовой конечной формы. В социологическом анализе социальной адаптации особенно выделяются работы по теории и практике профессиональной адаптации мигрантов к российскому рынку труда.

Проблемы адаптации населения исследовались в различных странах, по этим проблемам имеется большой объем накопленных знаний. Социально-экономическая адаптация характеризуется способностью индивидов, различных социально-экономических слоев и групп населения рационально и эффективно использовать имеющиеся про-

фессионально-квалификационные ресурсы, личностный потенциал для встраивания в сложившуюся хозяйственную ситуацию с целью реализации своих потребностей и интересов.

Социально-экономическая адаптации характеризуется как деятельность, направленная на решение проблемы обеспеченности материальными средствами, создание условий для поддержания или повышения приемлемого уровня жизни, а также механизмы решения этих проблем. Адаптационный потенциал мигрантов в данном случае определяется целым рядом объективных и субъективных факторов. В качестве таковых рассматриваются уровень образования, социальный и профессионально-квалификационный статусы, уровень материальной обеспеченности и др. Быстрый успех должен быть прийти к наиболее трудоспособным, деятельным и просвещенным мигрантам. Однако изучая реальную ситуацию, исследователи приходят к выводу о том, что высокий уровень образования и квалификации не ведет автоматически к более успешной адаптации. Напротив, как показывают исследования, стратегия адаптации, основанная на реализации профессионально-квалификационного потенциала, в большом числе случаев не оправдывала себя. Напротив, успех приходил к тем, кто «с нуля» начинал действовать в эффективных, с точки зрения сиюминутной конъюнктуры, сферах науки [5, с. 300].

Таким образом, на сегодняшний день не существует единой теории адаптации, хотя отдельные элементы ее разрабатывались как зарубежными, так и отечественными исследователями. Под социально-экономической адаптацией понимается способность индивидов, различных социально-экономических слоев и групп населения рационально и эффективно использовать имеющиеся профессионально-квалификационные ресурсы, личностный потенциал для встраивания в сложившуюся хозяйственную ситуацию с целью реализации своих потребностей и интересов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ноянзина О. Е., Гончарова Н. П., Авдеева Г. С. Этнополитический экстремизм как угроза национальной безопасности России // Национальная безопасность. 2012. № 2 (19).
2. Ганжа А. О., Зотов А. А. Гуманистическая социология Флориа-на Знанецкого // Социологические исследования. 2002. № 3.
3. Вебер М. Избранные произведения : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко ; коммент. А. Ф. Филиппова. М., 1990.

4. Корель Л. В. Социология адаптации: этюды аналогии. Новосибирск, 1997.
5. Юдина Т. Н. Миграция: словарь основных терминов : учеб. пособие. М., 2007.

К. С. Панченко (Барнаул)

РАЗВИТИЕ МАЛОГО БИЗНЕСА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ БАРНАУЛА

В условиях современной рыночной экономики большая надежда возлагается на малый бизнес. Сегодня мировая экономика переживает так называемый бум малого предпринимательства. Особенностью малого бизнеса можно назвать то, что он является доступной сферой деятельности для широкого круга людей. Эта сфера не предполагает крупных финансовых вложений и не требует больших материальных и трудовых ресурсов.

Малое предпринимательство — это многогранное социально-экономическое явление, затрагивающее большинство сторон экономической жизни страны и помогающее решению многих его проблем. Малые предприятия обеспечивают национальное использование и материальных ресурсов, в том числе и широкое применение местных источников сырья и отходов крупного производства. Надо упомянуть и включение в производство финансовых ресурсов части населения путем перевода их из состояния накопления в состояние инвестиций.

Таким образом, малое предпринимательство выступает как неотъемлемый, объективно необходимый, выполняющий важные функции сектор рыночной экономики. Однако оно не лишено недостатков и требует поддержки со стороны государственных структур.

В Российской Федерации неоднократно принимались законы, которые были направлены на поддержание малого бизнеса. Законотворческая деятельность в этой сфере экономики направлена на создание благоприятного климата для активизации предпринимательской деятельности в стране, предоставление равных условий всем хозяйствующим субъектам для входа на рынок, устранение административных барьеров, регламентацию контролирующих функций государства, усиление государственной поддержки предпринимательства.

Нормативное правовое обеспечение государственной поддержки малого предпринимательства в Российской Федерации обеспечива-

ется правовыми актами, включая Конституцию Российской Федерации, федеральные законы, указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации.

Правовой основой оказания мер государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации является Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ. В соответствии со статьей 3 указанного Федерального закона под поддержкой субъектов малого и среднего предпринимательства понимается деятельность органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и функционирование инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства. Эта деятельность направлена на реализацию мероприятий, предусмотренных федеральными программами развития субъектов малого и среднего предпринимательства, региональными программами развития субъектов малого и среднего предпринимательства и муниципальными программами развития субъектов малого и среднего предпринимательства [1]. Но встает вопрос: насколько бизнес имеет реальную поддержку и насколько она активизирует малый бизнес?

Лучше всего оценить развитие малого бизнеса способны предприниматели. Они могут дать оценку реальной поддержки малого бизнеса государством. Но иногда данную поддержку предприниматели не чувствуют, потому что не знают о законах и не обращаются за поддержкой в соответствующие органы.

В проведенном исследовании участвовали 20 респондентов, из них 12 женщин и 8 мужчин, 70% из которых состоят в браке и 30% не замужем или холосты. Также 70% опрошенных предпринимателей имеют высшее образование, а 30% — средне специальное. Мы убедились, что 90% предпринимателей в курсе о вступлении в силу Федерального закона о развитии предпринимательства. 80% респондентов знают о вступлении в силу Регионального закона о поддержке малого бизнеса. При этом на оценку поддержки малого и среднего бизнеса мы делаем скидку, потому что не все предприниматели знают о данной возможности. Из проведенного исследования следует, что 80% предпринимателей знают о данной возможности, но лишь 30% из опрошенных респондентов применяли возможность государственной поддержки на практике.

В Алтайском крае делается многое для успешного развития малого бизнеса, в первую очередь это открытие бизнес-инкубатора. Его цель — формирование предпринимательской среды, обеспечение условий для создания и развития малых предприятий в приоритетных для Алтайского бизнес-инкубатора направлениях деятельности. В крае проводятся различные семинары с полезной информацией для предпринимателей, но 90% опрошенных не имеют доступа к такой информации, потому что не состоят в Союзе предпринимателей и не знают о такой возможности.

С точки зрения сегодняшних предпринимателей, край взял правильное направление на развития бизнеса, но государством не решены все трудности, связанные с этой сферой. Главной трудностью бизнеса можно считать финансовую проблему и проблему капитализации сбережений индивидуальной ликвидности, так считает 55% опрошенных. Существенными проблемами можно назвать материально-техническое обеспечение и кредитную необеспеченность населения. Эти причины препятствуют успешному развитию бизнеса в крае.

Есть еще одна важная проблема в развитии малого бизнеса, которая должна решаться несмотря на все сложности его современного существования. Это проблема формирования социальной ответственности бизнеса. Помощь государства и программы развития бизнеса — это только одна сторона. Но есть еще и другая — это формирование положительного отношения населения к бизнесу. А это возможно только при социальной ответственности бизнеса. О.Л. Сытых указывает на ряд негативных последствий, которые возникают при отсутствии этой ответственности. Это и «создание напряженности, и формирование отрицательного отношения к бизнесу со стороны общества, особенно, если на все призывы правительства «бизнес отвечает молчанием» [2, с. 156].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс.
2. Сытых О.Л. Этика и бизнес: поиски гармонии или путь к конфликту? // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сб. ст. Вып. 3. Барнаул, 2011.

К. А. Бандурина (Барнаул)

РОССИЙСКИЙ ПОТРЕБИТЕЛЬ ГЛАЗАМИ СОЦИОЛОГА (на примере социологического исследования в Барнауле)

В течение десятилетий в СССР доминировала государственная собственность, а потому — система тотального государственного управления и контроля за производством и потреблением. Однако с возникновением новых экономических отношений, связанных с введением института частной собственности и развитием предпринимательства, появляется много новых проблем, имеющих этический и правовой характер, связанных с производством товаров и оказанием услуг. Для новых экономических отношений характерна и новая деловая этика с ее новыми ценностями. И, как справедливо отмечает О. Л. Сытых, «... всегда возникает вопрос о приоритетности этих норм, их согласования с существующими в обществе ценностями» [1, с. 356]. И для бизнеса, как известно, главной ценностью является — получение прибыли, а качество товаров и услуг отходит на второй план. С возникновением в России рыночной экономики, появлением частных компаний незащищенность потребителя увеличивается. Большая часть товаров и услуг производится на частных предприятиях. Товары низкого качества заполняют рынок. По проведенному исследованию, в котором участвовали 80 жителей Барнаула, 28% опрошенных не удовлетворены, 68% в целом удовлетворены, но считают, что могло быть и лучше, и только 4% устраивает качество товаров и услуг, представленных на рынке Барнаула. На вопрос, приходилось ли вам приобретать некачественные товары или услуги, 70% отвечают: «Редко но приходилось», а 30% сталкиваются с этим явлением постоянно. 90% опрошенных приходилось возвращать товар продавцу. Таким образом, можно говорить о том, что качество товаров и услуг в Барнауле находится на низком уровне. Наиболее проблемными сферами являются: купля-продажа любых товаров, услуги ЖКХ, услуги связи и медицинские услуги.

Когда права потребителей нарушаются, большинство из них (60%) обращаются в фирму или магазин, 5% — к руководителям данной компании, 5% — в общественные организации по защите прав потребителей и 30% никуда не обращаются, так как не видят в этом смысла и не хотят тратить время. Данные цифры говорят о высокой активности потребителей, которые готовы отстаивать свои права.

Основные проблемы потребителей в том, что они в большинстве случаев не знают законов. Только 8 % опрошенных хорошо знают закон о защите прав потребителей, 60 % знают некоторые положения, 32 % вообще не знают.

Российское законодательство о защите прав потребителей включает в себя нормативные акты, законы и постановления Правительства РФ, которые регулируют потребительские правоотношения и охватывают все отрасли права. Основным и наиболее важным документом, закрепляющим основные права граждан и устанавливающим гарантии осуществления этих прав, является Конституция Российской Федерации, но основную работу по урегулированию отношений с участием потребителей осуществляет Гражданский кодекс РФ. Законодательство о защите прав потребителей состоит из Законов РФ «О стандартизации продукции и услуг», «О защите прав потребителей», «О лицензировании отдельных видов деятельности», «Об общественных объединениях», «О сертификации», «О естественных монополиях» и других нормативных актов.

Закон «О защите прав потребителей», принятый 7 февраля 1992 г., определяет следующие основные права потребителей: на просвещение в области защиты прав потребителей; на качество товара (работы, услуги); безопасность товара (работы, услуги); информацию об изготовителе (исполнителе, продавце), товаре (работе, услуге); право на личную, общественную, государственную и судебную защиту и др. [2]. Чтобы повысить качество товаров и услуг, нужно повышать правовую грамотность населения так как его будет тяжелее обмануть.

По мнению населения, для производителя (продавца) качество производимой услуги или товара важно, но финансовые интересы имеют большее значение (80 % опрошенных).

Когда потребитель предъявляет претензию, 42 % разбираются на месте и удовлетворяют желание потребителя, 40 % разрешают в пользу потребителя, если обратиться в главный офис компании, и 18 % разрешается не в пользу потребителя.

Потребитель нуждается в государственной и общественной защите, так как между продавцом (изготовителем, исполнителем), с одной стороны, и потребителем товаров — с другой, всегда существует неравенство, состоящее в том, что продавец функционирует на рынке, как правило, в достаточно узкой сфере и владеет знанием законов, правил, обычаев делового оборота, регулирующих эту сферу рынка профессионально. Потребитель же, в отличие от продавца, удовлетворяет свои потребности в достаточно широкой сфере рынка, как пра-

вило, не обладая специальными знаниями о товарах, работах, услугах, правилах их приобретения.

Цивилизованный рынок отличается активным, влиятельным спросом, который невозможно обеспечить, не просвещая и не защищая потребителя. Но, к сожалению, наше общество только стремится к такому рынку и нужна большая и совместная работа государственных органов, общественных организаций и населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сытых О. Л. Этика и бизнес: поиски гармонии или путь к конфликту? // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сб. ст. Вып. 3. Барнаул, 2011.
2. О защите прав потребителей: Федеральный закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс.

Т. В. Артемьева (Барнаул)

ВЗГЛЯД СОЦИОЛОГИИ НА ДИФФЕРЕНЦИАЦИЮ НАЕМНЫХ РАБОТНИКОВ

В российском социуме наемные работники становятся самым многочисленным классом, составляя 95 % от общего числа занятых. Для сравнения, в Великобритании данный класс составляет 88 %, в Германии — 87 %, в Норвегии — 89 %, в Швейцарии — 84 % [1, с. 41–42]. От качественных характеристик этого структурного компонента во многом зависит, какой период потребуется России для перехода к постиндустриальному обществу. В сфере труда особое значение приобретают такие понятия, как интерес к труду, общественное признание, содержательность труда.

В этих условиях изучение процесса дифференциации наемных работников на основе их отношения к труду и его содержания приобретает особую актуальность. Необходимо найти ответ на вопрос: «Готова ли данная движущая сила российской экономики к осуществляемому переходу, соответствует ли она новому этапу развития общества?». Целью данной статьи является анализ структуры наемных работников на основе ценностно-мотивационного отношения к трудовой деятельности.

Можно выделить несколько подходов к определению дифференциации наемных работников. А. Л. Темницкий выделяет инструментальный и терминальный подходы в социологии наемного труда [2,

с. 58]. Согласно инструментальному подходу труд играет вспомогательную роль по отношению к ценностям заработка и потребительским благам. Выполняемая работа рассматривается в данном случае как средство удовлетворения потребностей, лежащих за пределами сферы труда, как самоценный смысл жизни, способ самореализации личности без «привязки» к уровню материального вознаграждения, труд — как цель в жизни людей. Индикаторами терминальности в отношении к выполняемой работе является преобладание установок работников на содержательные стороны работы (интересную работу, ее общественную полезность) по отношению к установкам на заработок. Как отмечает А. Л. Темницкий, «погоня за содержательностью, творческими элементами, возможностями самореализации в труде могут стать в современном обществе не менее действенными факторами трудовой мобильности, чем более высокий заработок» [2, с. 59].

Интересной является концепция, предложенная в начале реформирования российской экономики, С. А. Наумовой, основанная на идее побудительной силы труда: осознание его содержания, процесса как самоценности или средства получения других благ. Социолог выделяет 16 типов наемных работников: гармоничные, энтузиасты, прагматики, гедонисты, деловые, ударники, снобы, романтики, работяги, игроки, потребители, шабашники, сибариты, роботы [3, с. 62]. По итогам исследования в 1990-х гг. самыми многочисленными среди наемных работников были типы «шабашников» (сильные мотивы труда-средства и материального вознаграждения), «роботов» (сильные мотивы труда не развиты), «снобов» (значимы мотивы процесса труда и материальное вознаграждение). «Гармоничный» тип насчитывал только 6% наемных работников.

Для того, чтобы понять, какая ситуация складывается среди наемных работников сейчас, мы провели собственное социологическое исследование (2012 г.). Были опрошены 1050 наемных работников пяти предприятий Ульяновской области — автомобилестроения, самолетостроения, приборостроения, строительного производства, легкой промышленности — с целью выявления их отношения к труду и рабочему процессу. В выборку опрошенных вошли разные категории наемных работников: рабочие, служащие, руководители среднего и высшего звеньев. Поскольку нас интересовали «постиндустриальные» характеристики труда, кроме отношения к заработной плате, обратили внимание на стремление к творческому характеру труда, новизне в работе, разнообразию в трудовой деятельности, самостоятельность в принятии решений, а также удовлетворенность содержательностью труда наемных работников.

Самым популярным ответом на вопрос «Что для вас является самым важным в работе?» стал ответ «хорошая заработная плата» (79%). Самый высокий уровень здесь демонстрируют молодые наемные работники в возрасте 18–29 лет (87%), а также респонденты с начальным профессиональным образованием (93%). Следующими по значимости опрошенные назвали «признание результатов работы» (39%), «уважение сотрудников» (29%). Одни из последних мест в иерархии предпочтений занимают «разнообразии деятельности» (22%), «возможность самому принимать решения» (18%), «творческий характер труда» (17%).

Показатели заметно снижаются у наемных работников с начальным профессиональным образованием — 13, 6 и 8% соответственно, и заметно повышаются у представителей руководящих категорий. Почти треть руководителей среднего звена указали на творческий характер труда как важную составляющую профессиональной деятельности и разнообразии деятельности; 28% нацелены на новизну. Стремление к новизне возрастает с уровнем образованности: 39% среди респондентов с высшим образованием и только 20% — с начальным профессиональным; половина наемных работников с начальным профессиональным образованием нацелена на привычное, среди работников с высшим образованием — только 16%.

На вопрос о том, что значит для работника заработная плата, 38% респондентов с начальным профессиональным образованием ответили, что это «гарантированный способ удовлетворения личных потребностей»; работники со средним специальным образованием назвали заработок «платой за время и усилия, потраченные на выполнение работ». Такое же мнение характерно для рабочих. Респонденты с высшим образованием и руководители низшего, среднего звеньев отметили, что заработок — это «оплата за результаты и вклад в деятельность организации». Удовлетворенность содержанием труда находится на среднем уровне среди всех групп рабочих: 24% ответили, что «полностью удовлетворены», еще 51% — «скорее удовлетворены». Неудовлетворенность высказали 21% опрошенных. Данный показатель несколько выше у респондентов с начальным профессиональным образованием (29%).

Исследование также выявило коренное изменение в структуре типов наемных работников в соответствии с классификацией С. А. Наумовой. По сравнению с 1990-ми гг., самыми многочисленными стали пять типов: «прагматики» (19% — все группы мотивов присутствуют, кроме мотива «труд как процесс»); «потребители» (18%, важны только мотивы материального и морального вознаграждения); «ша-

башники» (14%; имеет значение только материальное вознаграждение); «деловые» (13%; значимы материальное вознаграждение и результаты трудовой деятельности); «мастеровые» (11%; есть все мотивы, кроме морального вознаграждения).

Высокая занятость наемных работников России физическим трудом приводит к тому, что характеристики данного типа наемных работников являются доминирующими в общей картине существующего класса. Распространение инженерных специальностей свидетельствует о «заточенности» российского общества под индустриальное развитие. Труд воспринимается большинством наемных работников как результат, средство, но не как процесс.

Распространенный тип занятости и уровень образования — два показателя, наиболее ярко характеризующие уровень развития общества. В современной России сохраняется высокий процент наемных работников, занятых физическим трудом, — 56% [4]. В Великобритании он составляет 32, в Германии — 36, в Норвегии — 29, в Швейцарии — 28% [5, с. 22]. Работников нефизического труда в этих странах заметно больше: если в России этот процент составляет 46, то в Великобритании — 63, в Германии — 59, в Норвегии — 64, в Швейцарии — 64. В России 36% наемных работников не имеют никакой профессиональной подготовки; в Великобритании и Германии — 16%, в Швейцарии — 19%. Это влечет за собой крайне медленный процесс развития высокотехнологичных производств.

Вышеназванные явления позволяют сделать вывод, что характеристики класса наемных работников более соответствуют индустриальному типу общества, а ценностно-мотивационное отношение является инструментальным. Необходимо отметить, что «готовность» работников к интеграции в постиндустриальное общество прямо пропорциональная занимаемой ими должности, а также уровню образования. Парадоксальным в данной ситуации является высокая удовлетворенность содержанием труда, но здесь можно сделать два предположения: во-первых, работники не до конца понимают смысл этого понятия, и трактуют его как характер и место работы вообще; во-вторых, в силу структуры их ценностей и мотивов они не задумываются о важности данного понятия. Чтобы более точно определить тенденции дифференциации наемных работников на основе их ценностно-мотивационного отношения к труду, необходим ряд уточняющих исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Беляева Л. А. Россия и Европа: структура населения и социальное неравенство // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 4.

2. Темницкий А. Л. Отношение к труду рабочих России и Германии: терминальное и инструментальное // Социологические исследования. 2005. № 7.
3. Наумова С. А. Типология работников: вопросы управления // Социологические исследования. 1991. № 2.
4. Сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour.
5. Беляева Л. А. Россия и Европа: структура населения и социальное неравенство // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 3.

О. П. Брысина (Барнаул)

ПОДРОСТКОВЫЙ СУИЦИД В ОЦЕНКАХ СПЕЦИАЛИСТОВ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ

Современная сфера профилактики подросткового суицида представляет собой комплексную дисциплину, объектом изучения которой является суицидальное поведение во всем диапазоне его проявлений: от антивитаальных переживаний до акта самоубийства. Комплексный подход подразумевает вовлечение в работу специалистов разного профиля: социологов, социальных работников, психологов, специалистов системы образования и др. [1–3].

Эффективность превенции в первую очередь зависит от полноты и своевременности выявления потенциальных суицидентов. Однако определение детей группы риска возможного суицида — задача сложная. Вопросы о том, кого следует считать потенциальным суицидентом, с какого момента и при каких условиях подросток может быть включен в группу риска, не имеют однозначного решения [4]. В связи с этим актуализируется вопрос об уровне осведомленности специалистов системы профилактики, работающих в данной сфере, об их представлениях относительно причин, признаков и источников саморазрушающего поведения в подростковой среде.

Нами было проведено исследование, направленное на выявление представлений о суицидальной ситуации в подростковой среде, среди специалистов, работающих либо имеющих отношение к сфере профилактики подросткового суицида. В исследовании приняли участие 20 специалистов системы профилактики из Республики Алтай. Среди них 14 специалистов, работающих в сфере социального обслуживания (социальные педагоги, специалисты по социальной работе,

социальный работник); 3 — в образовательных учреждениях (заместитель директора по воспитательной работе, куратор, педагог-психолог); 2 — представители органов опеки и попечительства (юрист, специалист по социальной работе с семьей и детьми); один респондент являлся специалистом поселковой администрации.

Анализ проводился по следующим критериям:

- 1) осведомленность о факторах риска и факторов защиты;
- 2) осведомленность относительно того, с какими детьми следует работать, кого следует отнести к группе риска;
- 3) осведомленность об источниках помощи подростку в кризисном состоянии;
- 4) наличие опыта работы с данной проблемой.

1. Осведомленность о факторах риска и факторах защиты.

В данном случае респондентам было предложено выбрать из списка социально-психологических факторов риска суицидального поведения подростков 5, на их взгляд, наиболее значимых.

Тройку факторов-лидеров, по мнению специалистов, составляют следующие: «несчастливая любовь» (70 %), «нарушение детско-родительских отношений» — 60 %, «наличие трудной жизненной ситуации в семье ребенка» — 55 %. В 50 % случаев к негативным факторам специалисты отнесли «пагубное влияние интернет-источников, СМИ», «суицид в окружении подростка»; отчужденность, нарушение коммуникативных связей с окружающими выбрали в 45 %. На фактор «одиночество» пришлось 40 % выборов. Данное распределение в принципе совпадает с мнением экспертов и исследователей, которые к ведущим факторам риска суицидального поведения относят проблемы и конфликты в семье ребенка, взаимоотношения между полами и наличие личных проблем.

Наиболее эффективными антисуицидальными факторами (открытый вопрос) респонденты назвали ресурсы ближайшего окружения (семья, родители, друзья, родственники): «поддержка со стороны родителей, друзей», «ресурсы семьи, ближайшего окружения». Также была названа смена привычной деятельности, обстановки: «по мере возможности сменить обстановку и дать задание по душе», «вовлечение в общественную жизнь».

2. Осведомленность относительно того, с какими детьми следует работать, кого следует отнести к группе риска.

Для анализа этого критерия респондентам был задан следующий вопрос: «Основную массу подростков, склонных к суициду, либо задумывающихся о суициде, по Вашему мнению, составляют...» 60 % специалистов к таким подросткам отнесли тех, кто страдает депрес-

сивным расстройством, 25 % — несовершеннолетних с расстройством личности. Остальные варианты, предлагаемые в анкетном опросе, не были признаны в качестве значимых.

Кроме этого, мы попытались выяснить, проявлением чего в представлениях специалистов системы профилактики является подростковый суицид. Большая часть опрошенных ответили, что подростковый суицид — это прежде всего «крик о помощи» — 30 %, «проявление психического» — 25 % и «социального неблагополучия» — 20 %.

3. Осведомленность об источниках помощи подростку в кризисном состоянии. Формально специалисты разделились на две группы: первая из них считает ведущими специализированные, ведомственные источники помощи (телефон доверия, психологи школ, социальных служб, кризисные службы), другая — неформальные (семья, друзья, референтные лица). Таким образом, источником помощи подростку в кризисной ситуации большая часть специалистов считает службу телефона доверия (6 респондентов), доверительные отношения с родителями (4 респондента) и консультацию, помощь психолога, школьного психолога (3 респондента). Некоторые специалисты отметили, что в кризисной ситуации важны и индивидуальные беседы с несовершеннолетним: «...уделить внимание и выслушать его, найти общие точки соприкосновения, установить негласный контроль за ребенком».

На заданный специалистам вопрос «А знают ли, по Вашему мнению, несовершеннолетние о доступных им источниках помощи в кризисной ситуации?» абсолютную уверенность высказала лишь пятая часть респондентов (20 %), что свидетельствует о недостаточном количестве информации в общественной среде, сложности в ее получении целевой группой — подростками.

4. Наличие опыта работы с данной проблемой.

Из 20 опрошенных респондентов в своей профессиональной практике сталкивались со случаями незавершенного суицида шестеро, двое — более двух раз. Опыт работы с завершенным случаем подросткового самоубийства имеют также 6 специалистов, дважды такое наблюдалось в практике 4 специалистов.

Таким образом, со слов специалистов системы профилактики, можно предположить, что среднестатистическим подростком, который задумывается о суициде, является тот, кто в какой-то мере имел неудачный опыт во взаимоотношении с человеком противоположного пола, испытал «любовный конфликт», либо в чьей семье имеется ряд проблем: нарушение детско-родительских отношений, жилищно-бытовые проблемы. В связи с этим несовершеннолетний находится в депрессивном состоянии или же имеет некоторые симпто-

мы расстройства личности (в данном случае — заниженная самооценка). При этом попытка самоубийства — это лишь способ привлечь к себе внимание, своеобразный «крик о помощи». В подобной кризисной ситуации наиболее действенными источниками помощи являются телефон доверия и поддержка родных и близких. Но скорее всего, о таких официальных источниках помощи, как телефон доверия, консультация школьного психолога, специалиста кризисного центра, такие подростки недостаточно осведомлены.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дронова Е. Н., Растов Ю. Е. Синтагма исследований суицидального поведения // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2/1.
2. Стерляева Н. А. Профилактика социально-негативных явлений в молодежной среде как функция учебной дисциплины «Психология девиантного поведения» // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей / под ред. Е. А. Попова. Барнаул, 2009.
3. Черепанова М. И., Эбелинг Э. О. Основные тенденции суицидального поведения молодежи Алтайского края // Социальные исследования социальных проблем. 2011. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://sips.nkras.ru/issues/2011/4/04.html>.
4. Банщикова Т. Н. Психолого-педагогические, медицинские и организационно-управленческие условия выявления детей группы риска // Психологические аспекты детского суицида: технологии профилактики : материалы международной научно-практической конференции [Электронный ресурс]. URL: http://cipv.ru/images/all1/pdf_2012/Sbornik_materialov.pdf.

М. А. Цыбизова (Барнаул)

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

Проблема обеспечения доступности получения высшего образования лицами с ограниченными возможностями здоровья является актуальной в настоящий момент. Значимость данной проблемы обусловлена необходимостью создания условий для социальной адаптации и интеграции инвалидов в общество, а также важностью реали-

зации принципа непрерывности в системе образования. Кроме того, включение лиц с ограниченными возможностями здоровья в систему профессионального образования позволяет реализовать их право на получение образования и способствовать росту конкурентоспособности этих лиц на рынке труда.

В условиях социально-экономических трансформаций в России углубляются процессы поляризации групп населения в социальной структуре общества по уровню доходов, а также по ориентациям на различные стратегии жизнеобеспечения, в том числе на выбор высшего образования как необходимого условия развития и социальной мобильности граждан. Среди таких социальных групп особое место занимают люди с ограниченными возможностями здоровья.

Интегрированный подход в обучении на современном этапе имеет важное значение при построении всего учебного процесса в РФ. В системе образования интеграция означает возможность минимально ограничивающей альтернативы (т.е. выбора) для лиц с особыми образовательными потребностями: получение образования в специальном (коррекционном) образовательном учреждении или с равными возможностями в образовательном учреждении общего назначения (дошкольное образовательное учреждение, школа и пр.) [1, с. 79].

В России интеграционные процессы приобрели признаки устойчивой тенденции в начале 1990-х гг. Это связано с начавшимися в стране реформами политических институтов, с демократическими преобразованиями в обществе. Прямое знакомство с зарубежными версиями интеграции в 80-е гг. прошлого века позволило увидеть ряд внешне притягательных черт такого подхода к образованию детей с психофизическими нарушениями. Интеграция привлекла прежде всего родителей проблемных детей. Именно родители инициировали первые опыты обучения своих детей в массовых детских садах и школах. Несмотря на некоторый благоприятный фон для зарождения интеграционных процессов в образовании, в целом очевидно, что в России интеграции предстоит стать полномасштабным явлением и обрести характер устойчивой тенденции в условиях, принципиально отличающихся от западноевропейских.

Европа вошла в интегративный период на этапе развития уже установившихся, юридически закрепленных норм демократии и экономического подъема, Россия — в ситуации становления демократических норм, их первого законодательного оформления и глубокого экономического кризиса. Обсуждение проблем интегративного обучения ведется на Западе в рамках жестких законодательных положений, регулирующих процесс интеграции; в России же такого рода обсужде-

ния не имеют под собой законодательной базы. На Западе существуют многолетние и широко развитые традиции благотворительности, широкая сеть негосударственных специальных учреждений, финансовые льготы для филантропов. В России традиция благотворительности была прервана в 1917 г., а в настоящее время это еще слабое общественное движение, не стимулируемое финансовым законодательством. В странах Запада, благодаря проводимой государством через СМИ политике, в общественном сознании укоренилась идея равенства человека с ограниченными возможностями с остальными членами социума. В России, где для СМИ существовало негласное табу на проблемы людей с инвалидностью, в общественном сознании надолго закрепилось отношение к таким людям как к маргиналам, и только сейчас намечается перелом в общественном сознании. Особенно важно, что на западе идеи образовательной интеграции возникают в контексте противостояния дискриминации по расовому, половому, национальному, политическому, религиозному, этническому и другим признакам. В России же интеграция декларируется как необходимость гуманного отношения к людям с инвалидностью в ситуации резкого ухудшения жизни разных слоев и социальных групп населения, в обстановке перманентных национальных конфликтов [2, с. 176].

Анализ работ современных российских ученых и практиков, в частности, исследований академика Н. Н. Малофеева, позволяют говорить о двух возможных путях развития интеграции. Автор выделяет революционный и эволюционный пути развития интеграции. Анализируя революционный путь интеграции, который представляет собой разрушение дифференцированной системы обучения как традиционной формы специального образования и искусственное внедрение западных моделей интегрированного обучения, автор предупреждает, что этот путь ошибочный и опасный, поскольку предполагает совмещение различных временных стадий развития западной и российской систем образования. Этот путь копирует западные модели без учета российских условий. Эволюционный путь становления процессов интеграции оправдывает себя в большей степени, так как предполагает постепенное развитие интеграционных процессов внутри системы специального образования. Эволюционная интеграция является более прагматичной и действенной, но и к ней надо относиться очень осторожно и взвешенно [3, с. 8].

Реализация прав инвалидов на образование сопряжена с целым рядом проблем, связанных с реформированием системы образования и социальной политики в отношении к инвалидам. С принятием Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Россий-

ской Федерации» в 1995 г. впервые целью государственной политики объявляется не помощь инвалиду, а обеспечение инвалидам равных с другими гражданами возможностей в реализации гражданских, экономических, политических и других прав и свобод, предусмотренных Конституцией РФ. Реализуется целый ряд федеральных целевых программ, посредством которых несколько вузов получили целевое финансирование на укрепление материально-технической базы высшего образования инвалидов, это позволяет увеличить прием инвалидов в вузы, расширить количество и вариативность образовательных программ, в том числе гуманитарного профиля [4, с. 138].

Д. Л. Константиновский в своей работе отмечает, что постепенно растет число вузов, в которых реализуются целевые программы подготовки студентов-инвалидов. В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации продолжается создание и оснащение этих и ряда других модельных центров среднего и высшего профессионального образования, осуществляются другие меры по профессиональной реабилитации инвалидов. Появились высшие учебные заведения, которые по собственной инициативе и при грантовой поддержке реализуют разные модели образования инвалидов. Несмотря на некоторые достижения в решении образовательных проблем инвалидов, получению ими качественного высшего образования до сих пор препятствуют множественные структурные ограничения, характерные для обществ со сложной стратификационной структурой. В частности, редкость интегрированных программ в средних школах и целый комплекс других факторов сужают выбор в послешкольном и высшем образовании для молодых людей с инвалидностью [5, с. 28].

Трудности перехода к интеграции связаны с финансово-экономическими проблемами в стране, несоответствием государственных стандартов высшего образования требованиям современной специальной (коррекционной) школы и интегрированному обучению детей с проблемами в развитии; отсутствием необходимой нормативно-правовой базы. Важной предпосылкой реализации интегрированного обучения в масштабах страны является благоприятная для него социально-психологическая атмосфера, одобрение со стороны широкой общественности. Причем особо важно отношение со стороны непосредственных участников образовательного процесса — преподавателей образовательных учреждений, учащихся и их родителей.

Исследования показали, что при решении вопроса об интеграции ребенка с отклонением в развитии в образовательную среду нормально развивающихся детей следует учитывать ряд показателей, которые условно можно разделить на внутренние и внешние. К внешним

показателям относится система условий, в которых должно происходить обучение и развитие ребенка, к внутренним — уровень его психологического и речевого развития [6, с. 54].

В заключение необходимо сказать, что Конституция РФ и законы нашей страны содержат достаточно хорошо разработанную правовую базу для реализации инвалидами своего права на образование. Отношения к инвалидам следует понимать не как раз и навсегда принятую данность, но как социальный порядок, который можно реконструировать и изменять. Между тем независимая жизнь и свободный выбор жизненных стратегий инвалидами сегодня обсуждаются лишь наиболее вовлеченными в данную проблематику кругами — отдельными общественными организациями инвалидов, некоторыми университетскими преподавателями и исследователями. Дети-инвалиды должны иметь равные права со здоровыми детьми, ведь среди них так же есть способные в учебе, талантливые, одаренные, но не способные «влииться» в общественную жизнь самостоятельно дети.

Жизнь показывает, что человеку необходимо уметь отстаивать свои права и интересы. Знание законов помогает в этой борьбе, которое направленно на помощь детям-инвалидам адаптироваться в современных условиях жизни, кроме того, введение данной формы образования должно изменить общественное мнение восприятия инвалидов как опасных, ограниченных, «лишних» людей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бойченко А. А. Процессы региональной интеграции в мировой экономике // Вестник Московского университета. Серия: Экономика, 2007. № 2.
2. Соловьева С. В. Профессионально-трудовая реабилитация умственно отсталых обучающихся в специальных (коррекционных) общеобразовательных учреждениях Свердловской области // Современные подходы и новые технологии в обучении, оздоровлении, профилактике и реабилитации лиц с отклонениями в состоянии здоровья: тезисы Всеросс. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2008.
3. Малофеев Н. Н. Перспективы развития в России учебных заведений для детей с особыми образовательными потребностями // Дефектология. 2001. № 5.
4. Константиновский Д. Л. Молодежь и образование. М., 1999.
5. Шишков Ю. В. Отечественная теория региональной интеграции: опыт прошлого и взгляд в будущее // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 4.

6. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Политика инвалидности: социальное гражданство инвалидов в современной России. М., 2006.
7. Колесникова О. Н. Мониторинг качества образования в вузе: грани проблемы // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Барнаул, 2012.

Д. Н. Грошева (Барнаул)

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ПРОЕКТОВ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Одним из основополагающих принципов любого демократического общества является возможность каждого гражданина участвовать в управлении его социальным развитием, влиять на процессы разработки, принятия и реализации управленческих решений. Россия движется по пути создания демократического общества, сегодня в законодательстве проводятся соответствующие изменения, которые предоставят гражданам права непосредственно включаться в реализацию проектов и программ социально значимой деятельности на территориях их проживания [1, с. 52–54]. Эти изменения способствовали осознанию гражданами своего права быть связанными с институтами гражданского общества посредством написания социальных проектов и участия в конкурсах на получение финансирования по грантам для осуществления социально значимой деятельности.

В рамках институционального подхода общественные институты отличаются относительной стабильностью [2]. Эффект зависимости от траектории предшествующего развития, отмеченный многими исследователями, определяет институциональную устойчивость общества. Относительно сетевой теории связи между индивидами следует анализировать с учетом структуры более крупных сетей. Структурирование социальных связей ведет к появлению устойчивых сетей различного рода. Следовательно, выявятся сетевые скопления, у которых намечаются четкие границы, отделяющие один кластер от другого. Между кластерами, как и между индивидами, может быть образована перекрестная связь. Тем самым между элементами системы существуют асимметричные линии связи, что приводит к неодинаковому распределению редких ресурсов, сотрудничеству или конкуренции между сетевыми скоплениями [3, 4]. Следовательно, со-

временное общество можно представить в виде 3-х секторов: первый сектор — государственный: органы государственной власти на всех уровнях, а также все виды государственных организаций; второй сектор — коммерческие организации; третий сектор — некоммерческие организации (далее НКО).

Некоммерческая организация — это организация, не имеющая в качестве основной цели своей деятельности извлечение прибыли и не распределяющая полученную прибыль между участниками. Некоммерческие организации могут создаваться для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, политических, научных и управленческих целей, в сферах охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ.

За рубежом начиная с 1960-х гг. участие граждан в реализации проектов и программ — это вполне обычная практика, но для нашей страны такого рода деятельность — достаточно новое явление. Однако полные и систематизированные знания о технологиях участия граждан в реализации социально значимых проектов и программ пока отсутствуют. Не определен их статус в системах социального управления в теоретико-методологическом и научно-практическом отношениях [5, 6].

Для реализации социально значимой деятельности руководители НКО, как правило, узнают о конкурсах на финансирование их социальных проектов в постановлениях органов государственной власти. Главным показателем, характеризующим вклад общественно полезной деятельности НКО перед органами государственной власти, является оценка эффективности социально значимых проектов, реализуемых за счет средств федерального, регионального или местного бюджетов путем осуществления грантовой поддержки на конкурсной основе.

Оценка эффективности осуществляется непосредственно через определенные критерии в положениях, созданных органами государственной власти. В настоящее время в России существует целый ряд нормативно-правовых документов в сфере социально значимой деятельности. Так, например, департамент администрации края по связям с институтами гражданского общества осуществляет оказание информационной поддержки общественным объединениям, реализующим на территории Алтайского края социально

значимые проекты. Для наиболее достоверной оценки эффективности необходим комплекс методов, позволяющих раскрыть в обзоре различные аспекты оценки эффективности. Так, на основе анализа нормативно-правовых актов можно воссоздать картину соответствия того или иного проекта, предписанным нормам. На основе анализа документов — отчетов по реализованным проектам устанавливаются календарный план проекта и сроки его выполнения. Создать комплексное представление с качественной стороны позволяет экспертный опрос, проводящийся посредством интервью с координатором проекта.

Проблемой исследования оценки эффективности социально значимых проектов становится противоречие, в котором реальные показатели выполнения планов проекта существенно отличаются от заявленных. Проводимые исследования по данной теме могут раскрыть причины несоответствия критериям эффективности, а разработанные рекомендации позволят внести полезный вклад в оптимизацию управленческого процесса оценки эффективности социально значимых проектов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Европейская хартия о местном самоуправлении // Муниципальная власть. 1997. № 1.
2. Институциональный подход к изучению социально-региональной структуры российского общества [Электронный ресурс]. URL: http://www.kirdina.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=213.
3. Максимова С. Г. Социально-экономические и социально-политические угрозы безопасности в оценках населения приграничных регионов России // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2012. № 12 (98).
4. Максимова С. Г., Гончарова Н. П., Ноянзина О. Е. Социально ориентированные некоммерческие организации в Российской Федерации: состояние и перспективы развития / под общ. ред. С. Г. Максимовой. Барнаул, 2013.
5. Profeta Barbara, Goncharova Natalia P., Kolyado Igor B., Robertus Yuryj V., McKee Martin. Danger from above? A quantitative study of perceptions of hazards from falling rockets in the Altai region of Siberia // Health, Risk & Society Vol. 12. № 3. June 2010.
6. Mizruchi M. Social Network Analysis: Recent Achievements and Current Controversies. M. Mizruchi // Acta Sociologica. 1994. № 37.

М. П. Белоус (Барнаул)

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА МОЛОДОЙ СЕМЬИ (из опыта проектной деятельности)

Семейное неблагополучие, следствием которого является деформация процесса социализации и развития личности детей, приводит к росту социально-средовой дезадаптации детей и подростков [1, с. 22; 2]. В результате страдает не только семья, но и вступающий в жизнь человек, все общество в целом, т.е. первоначально личностная или внутрисемейная проблема трансформируется в проблему социальную. Поэтому очень важно формировать ценностные ориентиры семьи с самого начала ее создания. При раннем вмешательстве можно предотвратить попадание семьи в сложные ситуации. Для профилактики безнадзорности и беспризорности важно ориентировать молодую семью на ценность «дети», а главное — укрепить имидж семьи в обществе.

Одним из направлений укрепления имиджа семьи, ее социального потенциала является, на наш взгляд, формирование системы нравственных и семейных ценностей. Данное направление было реализовано нами в рамках социально значимого проекта «Социально-исторический марафон, посвященный 75-летию Алтайского края, «Сильна семья корнями», получившего грантовую поддержку губернатора Алтайского края. Цель проекта: содействие сохранению и развитию в молодых студенческих семьях традиционных для края семейных ценностей и традиций. Профилактика беспризорности. Задачи проекта: набор и подготовка 15 волонтеров для организации социально-исторического марафона «Сильна семья корнями»; набор и мотивация 15 молодых семей для участия в марафоне и формирования у них ценностей семейной жизни; отбор 15 семей — участников «Эстафеты родительского подвига», проживающих в крае не менее 30 лет, для трансляции семейных традиций и ценностей семье; подготовка их семейных портфолио; разработка и проведение программы мероприятий социально-исторического марафона «Сильна семья корнями», направленного на укрепление детско-родительских и супружеских отношений, взаимосвязь поколений, трансляцию и принятие семейных традиций; подготовка и издание 100 интерактивных дневников семейных ценностей «Счастлив тот, кто счастлив дома»; подготовка и издание 100 альбомов семейных историй участников «Эстафеты родительского подвига». Проект включает в себя три этапа: на первом этапе реализации проекта проведен отбор волонтеров.

Отбор проводился на основании конкурса эссе, тема которого «Моя будущая семья». *Второй этап* проекта включает в себя распределение поручений между волонтерами с учетом их заинтересованности и интересов. *Третий этап* реализации проекта — проведение тренинговых занятий для молодых студенческих семей: «Основы крепкой семьи»; «Наши традиции»; «Моя проблема в общении»; «Равные права»; «Дети как ценность»; «Взаимосвязь поколений»; «Генеалогическое древо своей семьи»; «Экономика семейных отношений».

Остановимся подробнее на втором этапе. Основным достижением данного этапа стал выпуск интерактивного дневника. Предлагаемый интерактивный дневник знакомит с функциями современной семьи и раскрывает некоторые способы укрепления семейных связей, традиций и ценностей в области супружеских и детско-родительских отношений. Особенно полезно издание молодым семьям, находящимся у истоков семейной жизни.

Первые страницы дневника раскрывают понятие «семья», ее сущность и секреты успешных отношений. Дневник подчеркивает, что *«хорошая семья — это успех и счастье сами по себе, вне всяких достижений на службе. Это богатство и слава, которые даются все тем же умом и огромными волевыми усилиями. Построить и сохранить семью — это великий труд, это наука и искусство»* [3, с. 2]. В дневнике актуализируются различные темы. Так, например, в разделе «Какие отношения без конфликтов» даны рекомендации о том, как избежать конфликта, как решить конфликт (*«Ведь лучше обсудить ошибки, просчеты, проступки, а не личные недостатки друг друга. Нельзя втягивать в конфликт детей, родителей, знакомых, соседей, друзей. Третье лицо обязательно, вольно или невольно, примет какую-нибудь сторону, вряд ли посторонние люди будут справедливы в оценке ситуации»*), *«Неприемлемо участие в конфликте ребенка, так как именно он страдает больше всего от ссор родителей»*).

Пособие также раскрывает тему распределения супружеских обязанностей. Авторами разработана таблица и технология распределения обязанностей, ведь для каждой отдельной семьи изначально все семейные обязанности — общие (*«Обязанность становится обязанностью, когда в результате обсуждения каждый супруг согласен с тем, что ему выполнять»*).

Дневник позволяет молодым семьям оценить свою готовность к рождению детей, очень много его страниц посвящены данной ценности «Дети». Как отмечают многие исследователи, рождение ребенка — это очень важный шаг в жизни любой семьи. К этому шагу нужно быть готовыми — готовыми вместе, понимать всю ответственность друг пе-

ред другом и перед маленьким человечком. Если семья живет в любви и гармонии, если присутствует взаимопонимание и уважение, рождение ребенка сделает эту семью еще более крепкой. Именно этой концепции и придерживались составители дневника «Счастлив тот, кто счастлив дома». Пропаганда ценности «Дети» молодым семьям являлась одной из задач авторов проекта. Авторами разработан блок полезных фраз, которые способны значительно помочь ребенку наладить коммуникацию как со взрослыми, так и с детьми («Пожалуйста» и «Спасибо», «Я попробую», «Я подумаю» и др.), рекомендации по определению типа восприятия ребенка молодым родителям.

В содержании дневника есть место и традициям. Актуальность темы обоснована тем, что семейные традиции — это духовная атмосфера дома, которую составляют распорядок дня, обычаи и уклад жизни и привычки его обитателей. На страницах молодым парам предлагается задуматься о своих традициях, о традициях, которые есть у многих других семей. Особое значение семейные традиции принимают в контексте воспитания детей, являясь, по сути, его основанием. Наличие семейных традиций помогает ощутить каждому ребенку атмосферу своего дома, которая складывается из обычаев, ежедневных ритуалов, уклада жизни и привычек членов семьи. Примерами таких традиций могут быть, например, совместный ужин, за которым каждый из членов семьи рассказывает о том, как прошел его день, чтение сказок на ночь, совместная утренняя зарядка и так далее. Собственно, таким образом, через традиции, принятые в семье, и формируются мировоззренческие позиции. Следовательно, традиции — это один из основных методов воспитания, поэтому именно это определение и выступило основным аргументом включения блока «Традиции» в дневник.

От традиций составители дневника плавно переходят к понятию родства. Молодым парам предложено ознакомиться с терминологией родства и составлением генеалогического древа. Даны ссылки на интернет-ресурсы, где можно самостоятельно, легко и просто схематично создать генеалогическое древо своей семьи. Есть мудрое выражение: «Где одному не справиться, там род поддержит». В самые тяжелые минуты жизни именно близкие, родные люди становятся надежной опорой и защитой. Действительно, человек — лишь звено в цепочке поколений. Ведь передать своим детям и внукам можно не только какие-либо материальные ценности, но и бесценный опыт. Учитывая ошибки прошлого, легче познать себя, определить свое предназначение и место в жизни, понять собственную ответственность перед семьей [4].

Одной из проблем в молодой семье является распределение семейного бюджета. В интерактивном дневнике выделены этапы, способы и принципы распределения бюджета. Планирование финансов включает управление всеми ресурсами и средствами для достижения целей и стремлений. Семейное время, таланты, деньги — это и есть семейные ресурсы. Научившись планировать финансы, семья получает возможность обеспечить как свои потребности, так и свои желания. Интерактивный дневник «Счастлив тот, кто счастлив дома» является пособием не только для супружеской пары, но и для любого человека.

Технология формирования семейных ценностей и профилактики беспризорности основана на трансляции опыта успешной семейной жизни добровольцами по принципу «равный — равному» и тренинговой работе по формированию семейных ценностей. В процессе ее реализации происходят изменения в структуре ценностей в направлении укрепления духовных и нравственных начал семейной жизни. Разработанная технология социально-исторического марфона «Сильна семья корнями» для семей может быть использована специалистами социальных служб в работе с семьей с целью укрепления семенных ценностей и профилактики безнадзорности и беспризорности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дронова Е. Н., Баргатина В. В. Профессиональная помощь несовершеннолетним с девиантным поведением в условиях социально-реабилитационного центра // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 5 (21).
2. Чудова С. Г. Показатели оценки эффективности работы по профилактике социального сиротства: подходы в субъектах Российской Федерации // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Барнаул, 2013.
3. Счастлив тот, кто счастлив дома — интерактивный дневник / сост. А. С. Качур, М. В. Мигачева, Ю. Б. Панарина, Н. Н. Пашенко. Барнаул, 2013.
4. Семейная летопись [Электронный ресурс]. URL: <http://www.the-family-chronicle.com/information.html>.

А. А. Москвичева (Барнаул)

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА СЕМЬИ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ: ФОРМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ (анализ интернет-ресурсов)

Семья как основной элемент общества была и остается хранительницей человеческих ценностей, культуры и исторической преемственности поколений, фактором стабильности и развития. Благодаря семье крепнет и развивается государство, растет благосостояние народа. Поддержка усилий семьи в воспитании детей — важнейшая задача государства, которая обуславливает реализацию инновационных подходов в работе с семьей [1]. Главным объектом социальной политики Алтайского края были и остаются семья и дети. По данным, представленным на сайте Алтайглавсоцзащиты, на территории Алтайского края ведут активно свою деятельность 112 социальных учреждений. Благодаря контент-анализу Web-сайта www.aksp.ru были выделены следующие направления.

Первое направление: консультация. Существует единая краевая «прямая линия» среди населения Алтайского края по оказанию мер социальной поддержки семьей, материнства и детства. Главная цель мероприятия — информирование широких слоев населения и общественности о мерах государственной поддержки семьи и детей, осуществляемых в крае. Анализ звонков позволил выявить часто задаваемые вопросы, которые непосредственно касались предоставления мер социальной поддержки, льгот, выплаты пособий и т.п.

Следующее отмеченное нами направление: реализация целевых программ. «Растем и развиваемся вместе» — программа предназначена для оказания ранней помощи семьям, воспитывающим детей с нарушениями развития. Меры по профилактике отказов от новорожденных детей предусмотрены целевой программой «Я не могу без тебя». Комплекс мероприятий, объединенных названием «Свет в родном окне», рассчитан на раннее выявление социального неблагополучия и работу с семьями «группы риска». Это лишь часть программ, которые были рассчитаны на 2009–2011 гг. и были успешно реализованы. Для воплощения в жизнь этих программ существенное материальное содействие оказывает Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, но основное финансирование ведется за счет средств краевого бюджета.

Современное развитие и преобразование общества требует взаимодействия государственных структур с общественными объедине-

ниями и представителями бизнеса. Это и является следующим направлением: сотрудничество. На данный момент 14 организаций подписали Соглашение о социальном партнерстве с комитетом администрации края по социальной защите (АРОО «Мать и дитя», АКОО «Молодые журналисты Алтая», АКОО «Незабудка» и др.). Соглашения о социальном партнерстве направлены на развитие сотрудничества между сторонами и определяют согласованные позиции по основным принципам регулирования в области социальной защиты семьи и детей, защиты прав инвалидов на краевом уровне и совместные действия по их осуществлению. Система социального партнерства основана на совместно принятых нормативно-правовых актах (договорах, соглашениях, решениях), принимаемых сторонами на основе взаимных консультаций, переговоров и договоренностей.

Основными целями работы системы социальной защиты населения Алтайского края являются неуклонное повышение качества жизни людей и снижение социальной напряженности [2, 3]. Социальная поддержка направлена на укрепление семьи как социального института. Работа системы социальной защиты населения, как никакой другой, должна быть максимально открыта для населения. Многого уже сделано и многое еще предстоит. Общество меняется, меняются подходы к социальным проблемам и путям их решения. Развивается и сама социальная система, результаты которой мы проследили на примере социальной поддержки семьи в Алтайском крае.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антонович И. В. и др. Инновационные подходы в профилактике социального сиротства в Алтайском крае: институциональные и дискурсивные аспекты // Вестник алтайской науки. 2013. № 1.
2. Колесникова О. Н., Чуканова Т. В. Социальная защищенность населения: особенности построения региональной системы // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2011.
3. Чуканова Т. В. Разработка концепции социальной защиты населения как условие социальной безопасности региона // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2011.

А. А. Милюшина (Иркутск)

ФУНКЦИИ СОЦИОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Из курса социологии знаем, что еще в 30-е гг. XIX в. Огюст Конт ввел термин «социология». Он обосновал необходимость проверки социологической теории об обществе как целом совокупностью эмпирических данных, получаемых с помощью общенаучных методов: наблюдение; эксперимент; сравнение; исторический подход [1, с. 25].

Социология изучает общество, точнее, как изменяется общество, его развитие и функционирование в современном мире.

Э. Гидденс раскрывает термин «социология» как изучение общественной жизни человека, изучение групп и обществ. Это ослепительное и захватывающее предприятие, чьим предметом является поведение людей как социальных существ. Поле деятельности социологии чрезвычайно широко: от анализа случайных столкновений индивидов на улице до исследований глобальных социальных процессов. Несколько примеров дадут нам первое представление о ее природе и целях [2, с. 25].

В своих исследованиях и теоретических поисках социологи стараются быть беспристрастными, пытаясь изучать мир без предубеждения. Хороший социолог пользуется любой возможностью отбросить предрассудки, которые могут помешать непредвзятой оценке идей или фактов. Но никто не может быть совершенно беспристрастным во всех отношениях, а развить беспристрастность взгляда на спорные предметы весьма сложно. Однако объективность не зависит исключительно и даже прежде всего от мировоззрения определенного исследователя. Она основана на методах наблюдения и аргументации. Главное значение имеет здесь публичный характер данной дисциплины. Поскольку выводы и отчеты исследователей доступны для ознакомления, будучи опубликованными в виде статей, монографий и книг, то те или иные заключения могут быть проверены. Утверждения, сделанные на основе результатов исследования, могут быть критически оценены, а личные склонности исследователя игнорируются остальными.

Таким образом, объективность в социологии достигается посредством взаимной критики членов социологического сообщества. Многие темы, изучаемые в социологии, весьма противоречивы, поскольку они прямо затрагивают споры и конфликты, возникающие в самом обществе. Но путем публичных обсуждений, при тщательной проверке свидетельств и логической структуры аргументов такие проблемы могут изучаться эффективно и плодотворно [3, с. 37].

Также нужно отметить, что социология имеет связь с другими общественными науками, такими как социальная антропология и история. Но социология включает в себя методы, такие как дедукция, индукция, синтез, системный подход, анализ и т.д. Таких подходов будет недостаточно, поэтому были выработаны собственные методы исследования, к которым относится опрос, эксперимент, изучение источников, а также наблюдение. Социология имеет объект и предмет исследования, методы исследования, функции и структуру. Исходя из вышеперечисленного социология является наукой, с помощью которой можно изучить структуру общества — это непосредственно образ жизни человека, какую роль имеет в какой-либо группе, взаимодействие с другими людьми; также исследовать процессы в экономической жизни — проблему трудовых коллективов, труд и его условия, стимулирование труда, демографию и экологию; исследовать сущность политических процессов и явлений, связанных, например, с деятельностью общественных организаций; изучить духовную жизнь общества (культура, проблема образования, литература, искусства, права). Поэтому мы можем сказать, что социология не ограничивается изучением узкосоциальной сферы, она обращена к решению множества проблем, связанных с социальными группами, слоями и общностями и т.д.

В современном обществе роль социологии можно определить по функциям, которые она выполняет. В самом общем виде функции социологии можно разделить на теоретико-познавательную, практическую (прикладную) и мировоззренческую.

Теоретико-познавательная функция — изучение структурных элементов и процессов в обществе. Значение функции будет расти в связи с ускорением развития человеческого общества. Только на основе объективных знаний о происходящих в нашем обществе изменениях, их характере и направленности, которые может дать социология, мы сможем преодолеть кризисы и обеспечить устойчивое развитие страны. Практическая функция-изучение общества как целостной системы. При этом социология способна выработать научно обоснованные прогнозы развития тех или иных социальных явлений, а также социальных процессов. Информативная функция проявляется в том, что социология базируется на эмпирических исследованиях, систематизации и накоплении информации. Прикладная функция имеет прикладное приложение, сюда относятся научно обоснованные виды деятельности (социальное обслуживание населения, социальная консультация). Также проявляется в социальных исследованиях (опросы населения, маркетинговые исследования и т.д.). Ми-

ровоззренческая функция реализуется в том, что социология, изучая общество, формирует у людей систему взглядов на мир вокруг нас, а также отношение к социальной действительности. Гуманистическая функция социологии состоит в том, что данная отрасль знания показывает человеку, как реализовать себя и какие для этого нужны социальные условия. Важно отметить, что социология не является исторически стабильной, потому что находится в постоянном движении, изменении и развитии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лапин. Н. И. Эмпирическая социология в Западной Европе : учебное пособие. М., 2004.
2. Гидденс Э. Социология. М., 2007.

И. В. Медведева (Барнаул)

ФИЛОСОФИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В ПРАКТИКЕ ПАЛЛИАТИВНОГО УХОДА

Тематика паллиативного ухода имеет круг проблем, связанный с философией социальной работы в данном направлении. В этот проблемный круг входит: понимание паллиативного ухода; дезинформированность людей; сущность страдания; феномен смерти — табу; неприятие двух «компонентов» бытия (жизни и смерти); предубеждения о хосписной помощи.

Паллиативный уход направлен на улучшение качества жизни пациентов и членов их семей в случае смертельного заболевания, обеспечивая профилактику, оценку и устранение боли и других физических, психосоциальных и духовных состояний. Одной из проблем, касающихся паллиативной помощи, является дезинформированность людей. Большинство больных не знают, как вести себя, куда звонить, к кому обращаться, куда идти. Решающим фактором для развития паллиативной помощи является создание условий, необходимых для признания важности самой идеи такой помощи инкурабельным больным. Совершенно необходимо, чтобы общество, в том числе и сами пациенты и их семьи, осознавали важность паллиативной помощи и знали о ее возможностях.

Паллиативная помощь — это всестороннее и своевременное выявление и решение проблем, которые несет с собой неизлечимое заболевание — облегчение боли и других проявлений болезни, оказа-

ние психологической, социальной и духовной поддержки. Главной целью является улучшение качества жизни больного и его близких. Вот она суть — качество жизни! Это означает, что в центре внимания стоит человек со всеми своими потребностями. И для того, чтобы обеспечить качественную жизнь, у человека должен быть доступ к различным видам помощи: медицинской, социальной, психологической, юридической и духовной. А улучшение качества жизни умирающего больного напрямую зависит от избавления от страдания. Страдание в этом ракурсе может быть связано с ощущением боли, другими физическими страданиями (тошнота, рвота, одышка и др.), невозможностью двигаться, ограничением жизнедеятельности, невозможностью себя обслуживать, ощущением беспомощности и обузы для окружающих, чувством вины, страхом и беспомощностью в связи с ожиданием приближающейся смерти, чувством горечи из-за незавершенных дел и невыполненных обязательств. Очень трудно дать определение человеческому страданию. Это ощущение очень индивидуально. Страдание определяется как сильное трагическое переживание, связанное с событиями, которые угрожают стабильному состоянию и целостности личности.

Страдание — самостоятельный феномен, который необходимо отличать от боли или других симптомов, с которыми оно может сочетаться в силу ряда причин. Во-первых, человек переживает страдание как целостная личность, страдают не тело или разум отдельно друг от друга. Во-вторых, страдание может быть результатом нарушения баланса или благополучия любого составляющего компонента личности — физического, психологического, социального, культурного или духовного, а не только результатом боли или других симптомов. В-третьих, существуют огромные индивидуальные различия в степени страдания, вызванного конкретной болью или угрозой. И, наконец, если во время острой болезни человек и испытывает страдание как результат боли или другого физического дискомфорта, то оно присутствует в незначительной степени и легко преодолимо. Однако в паллиативной помощи, когда проблемы больных почти всегда хронические, прогрессирующие и чрезвычайно серьезные для больного, страдание почти всегда носит универсальный характер.

Следующая проблема: отношение к смерти. Согласно логике Биша (французского мыслителя второй половины XX в.), жизнь понимается как совокупность явлений, сопротивляющихся смерти. Аналогично описывает этот феномен его оппонент, материалист-диалектик Ф. Энгельс, согласно которому «жить — значит умирать». Так или иначе, но жизнь в понятии современной науки ассоциируется с промежутком

времени между рождением и смертью биологического организма. Социальная работа не является исключением из «правил» и ограничена в своей деятельности понятиями — «рождение», «жизнь» и «смерть», которые являются ключевыми в очерчивании ее компетенции в вопросах психологической помощи умирающим. На сегодняшний день ситуация в этом направлении складывается таким образом, что человек, нуждающийся в услугах социального работника, может ими воспользоваться лишь в пределах того промежутка времени, который принято называть — жизнь, представленную в категориях данной дисциплины отрезком времени от «рождения» до «смерти». Но если наука научилась встречать человека у «дверей жизни», подготавливая его еще в утробе к существованию в этом мире, то она абсолютно не умеет, а точнее, забыла, как правильно подготовить человека к уходу из жизни. Социальная работа и паллиативная помощь немыслимы без учета объективного отношения к смерти. Подготовка квалифицированных специалистов данной сферы невозможна без всестороннего изучения феномена. Технологии такой работы, а также профилактика суицидального поведения не могут разрабатываться без всестороннего изучения опыта прошлых поколений и современных открытий, раскрывающих феномен жизни и смерти.

Однако, несмотря на это, в нашей социальной реальности в целом и в теории социальной работы не уделяется достойного внимания этому самому определенному и трепетному событию нашей жизни. И единственная причина такого невнимания к смерти — страх, как полагают психологи и представители религиозных институтов. Страх не столько перед самим опытом смерти, сколько перед чем-то неизвестным, неведомым, хотя сегодня в свете тех фактов, которыми располагает человечество относительно этого вопроса, о смерти биологического тела необходимо говорить не с позиции «верю», а с позиции «знаю». В программе образования социальных работников сама смерть как финал биологического существования — табу в стенах образовательных учреждений. Следует добавить, что если эта проблема проскальзывает вскользь в каких-то учениях, то все это предлагается к самостоятельному изучению, никаких лекций на тему «смерть». Даже говоря о старости, всячески стремятся избежать данного вопроса, отдавая предпочтение социальным проблемам пожилых людей и их взаимоотношениям с социальной средой. Наложение табу на тему смерти обуславливает отношение к ней как к ужасному, нежелательному событию, а отсюда — страх. Страх, пронизывающий все наше существо и мешающий нам свободно дышать и наслаждаться жизнью.

Еще один проблемный момент — это предубеждения к слову «хоспис». Место, где осуществляется паллиативная помощь, называется хоспис и определяется как учреждение здравоохранения для оказания медицинской, социальной и психологической помощи преимущественно онкологическим больным в последней стадии болезни и психологической поддержки их родственников. Данный уход всегда обеспечивает паллиативную помощь, но все же он сконцентрирован на неизлечимо больных пациентах, и при этом не торопит и не откладывает смерть. Как правило, хоспис — это место, куда приходят те, кто уже знает: чуда не будет. Суть предубеждения: сюда приходят умирать. Это последний приют безнадежно больных. Одних приводят родственники, перекладывая уход за ними на плечи медсестер, других, одиноких, привозят сюда из больниц, с улиц, вокзалов, третьи приезжают сами, потому что не хотят умирать среди здоровых людей. Несмотря на это, следует понимать, что хосписы: не «дома для умирания», что выражено процентуально достаточно убедительно: здесь умирает 60–70 % пациентов. Остальные возвращаются под домашний присмотр. Потом, если ситуация этого потребует, повторно принимаются в хоспис. Случается, что жизнь их заканчивается намного позже и при других обстоятельствах, чем вначале болезни предполагалось.

В рамках нашего исследования был проведен опрос, тематика которого звучала так: «Где бы вы хотели умереть?». В опросе участвовала непосредственно молодежь. Всего приняло участие 78 человек, из которых 62 человека старше 18 лет, также 49 человек женского пола, остальное — мужской пол. 46,2% опрошенных еще не задумывались об этом. 17,9% считают это интимной темой. Если суммировать эти два показателя, то можно сделать вывод: это только доказывает, что смерть — тема табуированная (т.е. если даже у нас есть подобные мысли, мы стараемся их отогнать). Также прослеживается, что между домом (26,9%) и хосписом (9%), люди выбрали дом. Это связано со стереотипами общества, воспитанием, семейными традициями, да и в целом с русским менталитетом (люди зачастую, даже если у них возникает проблема, не решаются обратиться к специалисту).

Итак, когда мы говорим о философии социальной работы в практике паллиативного ухода, мы сталкиваемся с большим количеством проблем, начиная с «черных дыр» в системе образования и заканчивая собственной психологической неподготовленностью. Все эти проблемы необходимо учитывать при работе с умирающими больными и их семьями. Отсутствие знаний о смерти ограничивает возможности социальной работы и оказания паллиативной помощи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мазайлова Т. А. Технологии ухода за инкурабельными больными в социальной работе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2011.

В. В. Митькина (Ульяновск)

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В ИЗУЧЕНИИ ЗДОРОВЬЯ НАЕМНЫХ РАБОТНИКОВ

Исследование проблем здоровья наемных работников, рассмотрение его показателей невозможно без выявления сути этого феномена, как социального явления. На современном этапе развития науки сформировалось несколько подходов к изучению данного феномена. Медицинская модель содержит биологические и медицинские признаки здоровья: здоровье наемных работников рассматривается как отсутствие болезней и профессиональных заболеваний, сопротивляемость организма в условиях вредного производства, нормальное его функционирование на всех уровнях, выражающееся трудоспособности.

Социологический подход к феномену «здоровье» способствовал формированию новых моделей, в рамках которых биологические и социальные признаки стали рассматриваться в их целостности. Интегративные показатели здоровья призваны минимизировать недостатки медицинской статистической информации, включать максимальное количество субъективных данных, получаемых при оценке здоровья его носителем в ходе опроса, интервью и с помощью других социологических методов. Оценивая собственное здоровье, человек учитывает не только существующие или диагностированные заболевания, но и психоэмоциональное состояние, а также имеющиеся в данный момент недомогания, которые могут служить симптомами еще не выявленных болезней. Кроме того, жизнь и здоровье в качестве предметов оценки являются элементами самопознания субъекта. Самооценка, в свою очередь, «требует определенной культуры, осмысления своих возможностей и социальной ответственности, понимания целей и ценностей бытия» [1, с. 111]. Индивид «оценивает свое здоровье в соответствии с устоявшимися традициями и культурными ценностями» [2, с. 4], что служит проявлением как биологической, так и социальной природы здоровья и жизни человека.

Современное социологическое понимание феномена здоровья не сводится к отождествлению его только с физическим состоянием организма, оно предполагает наличие психического и социального здоровья. Все перечисленные компоненты здоровья могут быть представлены через открытую систему компонентов и показателей, первый уровень которой — это соматическое здоровье, второй — психическое, третий — социальное или духовное здоровье.

С целью выявления состояния здоровья наемных работников в контексте модернизации российской экономики нами было проведено социологическое исследование методом опроса и глубинного интервью среди работников промышленных предприятий Ульяновской области. Выборка анкетного опроса составила 780 чел.; в интервью приняло участие 50 чел.

Более половины (52%) опрошенных нами наемных работников имеют нестабильное состояние здоровья — не здоровы и не больны; треть (30%) работников дали высокую оценку собственному здоровью и указали на то, что «практически здоровы»; оставшаяся почти пятая часть (18%) отметила серьезные отклонения в состоянии здоровья — хронические и частые заболевания, инвалидность.

Полученные результаты позволили выявить некоторые тенденции. Во-первых, с повышением социально-профессионального статуса уровень здоровья наемных работников промышленных предприятий снижается. Среди руководителей всего 15% высоко оценили состояние своего здоровья, среди технических специалистов — 19%. Уровень здоровья рабочих, зафиксированный в показателях самооценки, значительно выше: более трети (35%) полагают, что «практически здоровы».

Во-вторых, профессиональная деятельность на промышленных предприятиях не способствует сохранению потенциала здоровья наемных работников. Об этом свидетельствует негативная динамика здоровья, связанная с увеличением стажа работы; быстрые темпы снижения здоровья работников в молодом возрасте. Если в группе работников со стажем до 3-х лет «практически здоровыми» оказалась почти половина респондентов (46%), то в следующей группе (от 3-х до 10-и лет) только треть (32%) отметила отсутствие заболеваний.

Согласно данным официальной статистики, к ведущим причинам смертности населения относят болезни органов дыхания, сердечно-сосудистой системы, органов пищеварения. Наличие перечисленных болезней подтверждает каждый третий опрошенный нами работник.

Современные условия трудовой деятельности снижают не только физическое здоровье наемных работников, но также психическое и социальное благополучие.

Психическое самочувствие большинства опрошенных нами респондентов можно охарактеризовать как «спокойное состояние, которое иногда нарушается волнениями и переживаниями» (74%), что свидетельствует о нормальном функционировании нервной системы и стабильном эмоциональном состоянии. Однако между группами наемных работников, выделенных по профессиональной принадлежности, существуют различия. Более высоким уровнем психического здоровья обладают представители рабочих профессий: 75% респондентов отметили, что в основном пребывают в спокойном расположении духа. Рабочие обладают большим уровнем стрессоустойчивости. Работники преимущественно умственного труда дали сравнительно низкую оценку собственному психическому здоровью: в общей сложности треть служащих, инженерно-технических работников (33%) и руководителей (29%) испытывают частые перепады настроения, депрессии.

Профессиональная среда является тем полем, где возможно раскрытие потенциала наемных работников; в трудовой деятельности индивид получает шанс проявить себя, свои физические, творческие, интеллектуальные способности, добиться успеха, уважения, признания; улучшить свое социальное благополучие.

Результаты проведенного опроса показали: уровень удовлетворенности профессиональной деятельностью и жизнью в целом зависит от роли наемных работников в производственном процессе. Доля «счастливых и здоровых оптимистов» среди служащих несколько выше, чем среди других наемных работников. В целом различия между руководителями, служащими и рабочими в оценках жизненного благополучия несущественны.

Использование метода свободного интервью позволило определить: на уровень удовлетворенности работой и жизнью большое влияние оказывает неформальный статус работника в коллективе и профессиональной среде. Общественное признание профессионализма, высокая оценка навыков и знаний руководителями и другими членами коллектива формируют более оптимистичное отношение к жизни. *«Служу делу. Моя работа мне нравится, я хороший специалист и шла к этому всю жизнь. Как ни странно, но чувствую свою незаменимость на работе. Думаю, что меня оценивают, и мои подчиненные, и мой руководитель, и не раз это подтверждалось»* (интервью № 17). Роль руководителя в формировании позитивных взглядов работников на жизнь значительна.

Специалисты и персонал, обладающий высоким уровнем профессиональных знаний, чаще получают удовольствие от жизни

и работы. *«Есть два высказывания, противоположные по значению, но, тем не менее, высказанные одним человеком и очень точные: «Незаменимых нет» и «Кадры решают все». Я специалист. Я нужный человек. Уверенность в жизни чувствую. Нужно работать и все»* (интервью № 20). Большую удовлетворенность жизнью испытывают те работники, которые могут в процессе профессиональной деятельности реализовать свой интеллектуальный и творческий потенциал.

Более высокий уровень самореализации имеют работники с высоким профессиональным статусом — руководители. Меньшим уровнем самореализации обладают работники с небольшим стажем профессиональной деятельности. Молодые работники демонстрируют стремление к интенсификации своего труда с целью карьерного роста, получения большего заработка, признания в профессиональной деятельности. Ответы на вопрос интервью *«В чем преимущества профессиональной деятельности рабочего?»* звучали от них следующим образом: *«Рабочему есть куда стремиться. Он может повышать квалификацию, учиться и быть нужным. Самые хорошие директора получают из работников, которые начинали с низов»* (интервью № 4). Однако результаты проведенного исследования показывают, что на крупных промышленных предприятиях отсутствует эффективная система повышения профессиональной квалификации и мотивирования производственных результатов.

Итак, результаты проведенного нами исследования позволили зафиксировать негативные тенденции в изменении состояния здоровья наемных работников. Неконтролируемое, свободное использование потенциала промышленного персонала не всегда сопровождается созданием условий по его восполнению. Решение проблем в области сохранения здоровья наемных работников невозможно без государственного контроля и поддержки, без тесного взаимодействия власти, бизнеса и профсоюзных организаций — основных представителей интересов работающих граждан.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ларионова И. С. Философия здоровья. М., 2007.
2. Ефименко С. А. Потребители медицинских услуг в бюджетных организациях и их самооценка здоровья // Социологические исследования. 2007. № 9.

А. А. Цапенко (Барнаул)

ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЕЖНОГО РЫНКА ТРУДА В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

В последнее десятилетие развития Алтайского края наблюдается кризис практически во всех сферах функционирования общества: падение производства, возрастание безработицы, имущественное расслоение общества и усиление неравенства, углубление и распространение бедности, интенсивные миграционные процессы, дефицит бюджета. Ситуация, сложившаяся в Алтайском крае, в целом отражает особенности социально-экономического развития России и является той социальной, экономической и политической средой, в которой развивается, формируется и живет молодежь [1; 2].

Определим основные теоретические аспекты явлений «занятость» и «трудоустройство». Занятость — это деятельность граждан, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, приносящая заработок.

К занятым гражданам в составе экономически активного населения относят лиц обоих полов в возрасте от 16 лет и старше, а также лиц моложе 16 лет, которые в рассматриваемый период:

- выполняли работу по найму за вознаграждение на условиях полного или неполного рабочего дня, а также иную приносящую доход работу;
- временно отсутствовали на работе из-за болезни, отпуска, выходных дней, забастовки или других подобных причин;
- выполняли работу без оплаты на семейном предприятии.

Трудоустройство — это система организационных, экономических и правовых мероприятий, направленных на обеспечение трудовой занятости населения. Возможности трудоустройства современной молодежи являются в значительной мере суженными, кроме того, молодые люди, будучи новичками на рынке труда, чаще остальных заняты на рабочих местах, не требующих специальной подготовки и квалификации, и размещаются на нижних ступенях социально-профессиональной лестницы.

В ходе работы были поставлены следующие исследовательские задачи:

- проанализировать социально-экономическую ситуацию на рынке труда в Алтайском крае и особенности положения безработной молодежи;

- определить пути решения проблемы обеспечения занятости и трудоустройства безработной молодежи и предоставления ей возможностей самореализации в сфере экономики и предпринимательства;
- предложить рекомендации, направленные на стимулирование социально-экономической активности, поддержку безработной молодежи в Алтайском крае.

Информационной базой для данной работы послужило исследование «Молодежь Алтая: оценка современного положения, общественной и социально-экономической активности» (авторы С. Г. Максимова, Н. П. Гончарова, Д. А. Омельченко, О. Е. Ноянзина, Г. С. Авдеева, Н. Ю. Кайзер).

По данным Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю, в ходе экономических реформ 1990-х гг. на четверть сократилась занятость населения в экономике Алтайского края, одновременно значительно изменилась сама структура занятости. В то же время практически не изменился спрос на рабочую силу в отраслях лесного хозяйства, транспорта и связи. Увеличилась численность работников в торговле и общественном питании, электроэнергетике, материально-техническом снабжении, сбыте, заготовках. Сократилось число занятых в промышленности (в 2 раза), строительстве (в 3 раза), сельском хозяйстве (на 21 %).

Изучение динамики численности безработных граждан, состоящих на учете в органах государственной службы занятости, по возрастным группам (по данным Управления Алтайского края по труду и занятости населения), позволило сделать следующий вывод: в 2004–2008 гг. самая высокая доля безработных граждан, состоящих на учете в органах государственной службы занятости отмечается в возрастной группе 20–29 лет, а самая низкая — в возрастной группе 60–72 лет. Причем по сравнению с 2004 г. в 2008 г. понизилась доля безработных в возрастной группе 60–72 лет, а в возрастной группе 20–29 лет также наметилась тенденция к снижению начиная с 2006 г. [3].

Рассматривая структуру занятости современной молодежи, обратимся к изучению результатов полезного для этой цели исследования «Молодежь Алтая: оценка современного положения, социально-экономической и политической активности» [4, с. 13].

Готовность молодежи ориентироваться на требования рынка труда отражается и в ее представлении по отношению к различным секторам экономики. Согласно данному исследованию, сегодня основная часть молодежи ориентирована на работу в частном секторе эко-

номики. При этом приоритет отдается работе по найму в коммерческой организации, а не занятию индивидуальным предпринимательством. В государственном секторе экономики работает лишь каждый шестой респондент.

Наиболее распространенные отрасли занятости среди молодежи в настоящее время:

- торговля и общественное питание;
- образование и наука;
- строительство.

Следует отметить, что представители городской и сельской работающей молодежи по-разному заняты в отраслях экономики. Так, горожане трудятся преимущественно в сфере торговли и общественного питания, образовании и науке, промышленности, строительстве, государственном и муниципальном управлении, финансовой и банковской сферах, здравоохранении, строительстве и силовых структурах.

Рассмотрим возможные пути решения проблемы обеспечения занятости и трудоустройства безработной молодежи и предоставления ей возможностей самореализации в сфере экономики и предпринимательства.

1. Содействие занятости и трудоустройству молодежи.

Занятость является одной из наиболее острых социальных проблем молодежи края. В ее решении участвуют различные организации и службы, в первую очередь управление Алтайского края по труду и занятости населения, а также органы по делам молодежи городов и районов края.

По данным управления Алтайского края по труду и занятости населения, служба занятости Алтайского края предложила в 2011 г. безработным 11,5 тыс. вакансий: в сравнении с предыдущим годом их число выросло в 1,6 раза. Как сообщает краевое управление по труду и занятости населения, уровень безработицы в регионе устойчиво снижается.

Эффективные способы содействия трудоустройству выпускников — специализированные ярмарки вакансий, презентации с участием работодателей, дни открытых дверей. Среди них ежегодная краевая ярмарка вакансий «Молодежь. Карьера. Успех». В период работы ярмарки информационные и профессиональные консультации получили более 4 тысяч выпускников.

2. Поддержка предпринимательской деятельности молодежи.

Важное значение придается также развитию предпринимательской инициативы молодежи как способу стимулирования социаль-

но-экономической активности, поддержки безработной молодежи в Алтайском крае.

Служба занятости предлагает молодежи, в том числе выпускникам, признанным в установленном порядке безработными и желающим начать собственное дело, поддержку в рамках программы самозанятости.

Также развитию предпринимательской инициативы молодежи способствует деятельность таких служб и учреждений, как Центр поддержки предпринимательства, Алтайский бизнес-инкубатор. Организация Центра поддержки предпринимательства (ЦПП) позволяет реализовать концепцию государственной политики поддержки и развития малого и среднего предпринимательства в Алтайском крае, создает условия, стимулирующие развитие предпринимательства, в том числе и молодежного, способствует обеспечению благоприятных условий для такого развития [5]. Основные задачи Алтайского бизнес-инкубатора — создание условий для устойчивого развития предприятий на начальном этапе их деятельности; предоставление предпринимателям, прошедшим конкурсный отбор, материально-технических, информационных, консультационных и других необходимых услуг.

Решению проблем молодежной занятости и трудоустройства, повышению конкурентоспособности и социально-экономической активности молодежи на рынке труда могут способствовать следующие направления деятельности:

1. Совершенствование форм и методов работы по трудоустройству молодежи, в том числе содействие ее трудоустройству и оперативное комплектование кадрами организаций Алтайского края при проведении ярмарок вакансий и учебных рабочих мест.
2. Временное трудоустройство безработной молодежи, особо нуждающейся в социальной защите, путем частичной компенсации расходов работодателям на организацию их труда (к примеру, организация занятости выпускников образовательных учреждений начального, среднего и высшего профессионального образования в возрасте от 16 до 26 лет, одиноких родителей, инвалидов).
3. Создание и поддержка специализированных организаций и программ содействия занятости, профессиональной ориентации, подготовки и переподготовки молодежи.
4. Создание условий для адаптации молодежи в трудовых коллективах, в том числе разработка и принятие мер по квотиро-

ванию рабочих мест для молодежи через включение соответствующих разделов в коллективные договоры, организация молодежных практик, развитие института наставничества.

В рамках проведенного анализа социально-экономической ситуации на рынке труда и особенностей положения безработной молодежи в Алтайском крае были определены основные пути решения проблемы обеспечения занятости и трудоустройства безработной молодежи и предоставления ей возможностей самореализации в сфере экономики и предпринимательства. Также были предложены рекомендации, направленные на стимулирование социально-экономической активности, поддержку безработной молодежи в Алтайском крае.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гончарова Н. П. Риск социальной эксклюзии на региональном рынке труда: методология исследования и результаты апробации // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: экономическая. 2013. № 4 (46).
2. Гончарова Н. П., Поликарпова Д. А. Современные угрозы безопасности регионального социума: воспроизводство рисков на рынке труда // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып.3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2011.
3. Управление Алтайского края по труду и занятости населения. 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://trud22.ru/>.
4. Максимова С. Г., Гончарова Н. П., Омельченко Д. А., Ноянзина О. Е., Авдеева Г. С., Кайзер Н. Ю. Молодежь Алтая: оценка современного положения, общественной и социально-экономической активности. Барнаул, 2012.
5. Центр поддержки предпринимательства Алтайского края. 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.altaicpp.ru/>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абашина Анна Дмитриевна, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, доцент, кандидат педагогических наук.

Анисимов Константин Геннадьевич, Рубцовский институт (филиал) Алтайского государственного университета, директор, кандидат физико-математических наук.

Анисимова Елена Александровна, Рубцовский институт (филиал) Алтайского государственного университета, кандидат технических наук.

Антипенко Юлия Николаевна, Алтайский государственный университет, студентка.

Антонович Ирина Владимировна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры социальной работы, кандидат социологических наук.

Артемьева Татьяна Владимировна, Ульяновский государственный технический университет, аспирант.

Артюхина Валентина Андреевна, Алтайский государственный университет, старший преподаватель кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, кандидат социологических наук.

Ахмедова Нателла Гурбан кызы, Алтайский государственный университет, аспирант.

Бандурина Кристина Александровна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Баранова Евгения Павловна, Алтайский государственный университет, студентка.

Белоус Мария Павловна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Бобина Галина Сергеевна, Алтайский государственный университет, аспирант.

Брысина Ольга Павловна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Вараксина Наталья Владимировна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры социальных технологий, рекламы и управления, кандидат социологических наук.

Вольшмидт Елена Владимировна, Алтайский государственный университет, студентка.

Воронина Светлана Алексеевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры общей социологии, кандидат социологических наук.

Гиенко Любовь Николаевна, Алтайская государственная педагогическая академия, доцент кафедры педагогики, кандидат педагогических наук.

Гончарова Наталья Петровна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, кандидат социологических наук.

Гражданкина Ольга Анатольевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры налогов и налогообложения, кандидат экономических наук.

Грошева Дарья Николаевна, Алтайский государственный университет, студентка.

Дирин Денис Александрович, Алтайский государственный университет, доцент кафедры экономической географии и картографии, кандидат географических наук.

Добрыдnev Сергей Иванович, Алтайский государственный университет, доцент кафедры социальных технологий, рекламы и управления, кандидат экономических наук.

Дронова Елена Николаевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры социальной работы, кандидат педагогических наук.

Ермилова Елена Евгеньевна, Алтайский краевой информационно-аналитический центр, главный специалист отдела мониторинга и анализа системы образования.

Жмакина Марина Олеговна, Алтайский государственный университет, студентка.

Замятина Ольга Николаевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры социальных технологий, рекламы и управления, кандидат социологических наук.

Зилинских Ирина Андреевна, Выборгский филиал Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, студентка.

Иванова Оксана Андреевна, Алтайский государственный университет, аспирант.

Ильиных Елена Сергеевна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Кабакова Яна Сергеевна, Алтайский государственный университет, студентка.

Кайгородов Евгений Викторович, Алтайский краевой информационно-аналитический центр, директор.

Калинина Юлия Александровна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры социальной работы, кандидат социологических наук.

Калуцкий Александр Александрович, Алтайский государственный университет, доцент кафедры общей социологии, кандидат культурологии.

Каргин Андрей Дмитриевич, Мурманский государственный гуманитарный университет, студент.

Качур Анна Степановна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Кинелев Сергей Викторович, Алтайский государственный университет, доцент кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, кандидат философских наук.

Колесникова Ольга Николаевна, Алтайский государственный университет, декан факультета социологии, профессор, заведующая кафедрой социальных технологий, рекламы и управления, кандидат социологических наук.

Копейкина Анастасия Алексеевна, Алтайский государственный университет, студентка.

Коростелева Ольга Тимофеевна, Алтайский государственный университет, профессор кафедры общей социологии, доктор социологических наук.

Кушакова Татьяна Сергеевна, Алтайский государственный университет, студентка.

Лопина Юлия Александровна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Лыкасова Дарья Андреевна, Алтайский государственный университет, студентка.

Лысикова Ольга Валерьевна, Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина, профессор кафедры «Менеджмент туристического бизнеса», доктор социологических наук.

Мазайлова Татьяна Александровна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры социальной работы, кандидат социологических наук.

Максимова Светлана Геннадьевна, Алтайский государственный университет, профессор, заведующая кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий, доктор социологических наук.

Махныткина Олеся Владимировна, Алтайский государственный университет, преподаватель кафедры математических методов в социальных науках.

Медведева Ирина Вадимовна, Алтайский государственный университет, студентка.

Меженин Ян Эдуардович, Алтайский государственный университет, преподаватель кафедры общей социологии.

Милошина Анна Андреевна, Иркутский государственный университет, студентка.

Миронова Светлана Викторовна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры общей социологии, кандидат социологических наук.

Митькина Валерия Владимировна, Ульяновский государственный технический университет, аспирант.

Михайлова Виктория Леонидовна, Одесская национальная академия пищевых производств, аспирант.

Мишина Валентина Леонидовна, Алтайский краевой информационно-аналитический центр, ведущий специалист отдела мониторинга и анализа системы образования.

Москвичева Алена Александровна, Алтайский государственный университет, студентка.

Мякиш Екатерина Геннадьевна, Алтайский государственный университет, студентка.

Нагайцев Виктор Валентинович, Алтайский государственный университет, доцент, заведующий кафедрой эмпирической социологии и конфликтологии, кандидат социологических наук.

Намруева Эльвира Викторовна, Академия управления МВД России, адъюнкт.

Ноянзина Оксана Евгеньевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, кандидат социологических наук.

Оболянский Геннадий Васильевич, Алтайский государственный университет, профессор кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, кандидат исторических наук.

Омельченко Дарья Алексеевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, кандидат социологических наук.

Панченко Владислав Юрьевич, Сибирский федеральный университет, доцент кафедры теории государства и права, кандидат юридических наук.

Панченко Кристина Сергеевна, Алтайский государственный университет, студентка.

Петунина Елена Владимировна, Алтайский краевой информационно-аналитический центр, начальник отдела мониторинга и анализа системы образования, кандидат социологических наук.

Попов Евгений Александрович, Алтайский государственный университет, профессор, заведующий кафедрой общей социологии, доктор философских наук.

Пустовалова Елена Валерьевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, кандидат философских наук.

Рожкова Аяна Ильинична, Алтайский государственный университет, студентка.

Руденко Ольга Юрьевна, Иркутский государственный университет, студентка.

Рыкова Анастасия Викторовна, Алтайский государственный университетка.

Сагитова Лилия Варисовна, Институт истории АН РТ, старший научный сотрудник отдела этнологии, кандидат исторических наук.

Семьянов Святослав Алексеевич, Алтайский государственный университет, студент.

Сергиенко Алие Мустафаевна, Алтайский государственный университет, профессор кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, доктор социологических наук.

Сиротина Татьяна Викторовна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры социальной работы, кандидат социологических наук.

Стерляева Наталья Анатольевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, кандидат социологических наук.

Сытых Ольга Леонидовна, Алтайский государственный университет, профессор кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, доктор философских наук.

Тавлетчина Ирина Сергеевна, Алтайский государственный университет, специалист по учебно-методической работе кафедры математических методов в социальных науках.

Турдыев Валишер Алишерович, Рубцовский институт (филиал) Алтайского государственного университета, студент.

Цапенко Анна Анатольевна, Алтайский государственный университет, студентка.

Циркунова Юлия Павловна, Иркутский государственный университет, социологическая лаборатория региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ, ведущий инженер.

Цыбизова Маргарита Андреевна, Алтайский государственный университет, студентка.

Цылев Виктор Рюрикович, Мурманский государственный гуманитарный университет, руководитель научно-исследовательской лаборатории социологических исследований, кандидат философских наук.

Чередниченко Алена Александровна, Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг Алтайского края, специалист по социальной работе.

Черепанова Мария Ивановна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, кандидат педагогических наук.

Чеховских Юлия Ивановна, Алтайский государственный университет, студентка.

Чирченко Яна Александровна, Алтайский государственный университет, студентка.

Чугуенко Виталий Михайлович, Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, профессор кафедры теории и методологии социологии, доктор философских наук.

Чудова Светлана Георгиевна, Алтайский государственный университет, доцент, заведующий кафедрой социальной работы, кандидат социологических наук.

Чуканова Татьяна Викторовна, Алтайский государственный университет, заместитель декана факультета социологии, доцент кафедры социальной работы, кандидат социологических наук.

Шапошникова Светлана Владимировна, Алтайский государственный университет, студентка.

Шарова Екатерина Николаевна, Мурманский государственный гуманитарный университет, старший преподаватель кафедры социальных наук, кандидат социологических наук.

Шепелева Светлана Владимировна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Шихова Ольга Николаевна, Уральский государственный педагогический университет, ассистент кафедры теоретической и прикладной социологии.

Щеглова Дарья Константиновна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Щеголева Наталья Евстафьевна, Алтайский государственный университет, аспирант.

Юрлова Кристина Николаевна, Выборгский филиал Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, студентка.

Научное издание

**СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, ТВОРЧЕСТВО**

СБОРНИК СТАТЕЙ

Выпуск 6

Редактор Л. И. Базина
Подготовка оригинал-макета
О. В. Майер, З. К. Васильева

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997 г.
Подписано в печать 22.04.2014
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Усл.-печ. л. 27. Тираж 100 экз. Заказ 143.

Типография Алтайского государственного университета
656049 Барнаул, ул. Димитрова, 66